

Автор бестселлеров по версии "New York Times"

ДАРИНДА ДЖОНС

Проклятие
десятой
могилы

С горем пополам совмещая работу частного детектива с круглосуточными обязанностями ангела смерти, за всю жизнь Чарли Дэвидсон сумела найти ответы на множество вопросов. Например, почему она видит мертвых людей? Что за сверхъестественное существо постоянно ее преследует? Как вытащить жвачку из волос сестры, пока та не проснулась? Однако никогда прежде перед Чарли не стоял вопрос о том, как заманить в ловушку не одного злобного бога, а сразу трех. А поскольку эти боги пришли на землю, чтобы убить ее дочь, у Чарли нет выбора. Она обязана выследить их, поймать в ловушку и вышвырнуть из нашего мира.

Беда в том, что один из них давным-давно украл ее сердце. Сможет ли Рейзер, бог смерти и разрушения, отказаться от своих целей или все-таки останется верен братьям?

Это лишь некоторые из вопросов, на которые Чарли должна как можно скорее найти ответы. Добавьте сюда бездомную девочку, которая пытается спасти свою жизнь, невинного человека, ошибочно обвиненного в убийстве, и медальон из божественного стекла, из-за которого в сверхъестественном мире воцарился полнейший хаос, и станет ясно, что у Чарли опять дел по горло. Если ей удастся разобраться с богами, грозящими уничтожить наш мир, мы спасены. А если нет...

Даринда Джонс
Проклятие десятой могилы

Перевод — Eurhony

Редактирование — RuSa

Благодарности

Первым делом, я благодарю каждого поклонника Чарли по отдельности и всех-всех ненасытных читателей, которым вечно мало написанного. Благодаря вам мечты многих писателей воплощаются в жизнь. Нам остается лишь надеяться, что мы не обманем ваших ожиданий.

Спасибо моему поразительному агенту — Александре Макинист, замечательному редактору Дженнифер Эндерлин и всем из «ICM», «St. Martin's Press» и «Macmillan», в том числе и бешено талантливой Лорелее Кинг, многим известной как голос Чарли Дэвидсон. Моя благодарность всем вам не знает границ.

Спасибо нашим издателям по ту сторону озера — «Piatkus/Little», «Brown», «Milady/Bragelonne», «Círculo de Leitores» и всем остальным за то, что знакомите с Чарли читателей по всему миру. Она обожает путешествовать.

Спасибо народу из сети и Дане, которые вовремя дают мне пинка и не позволяют сойти с ума.

Спасибо Дане, Терезе, Джованне и Трейси, благодаря которым эта книга стала намного лучше, чем могла бы быть. Клянусь, иногда то, что я малюю на страницах, может удобрить почву для цветка в горшке. А эти фантастические женщины сходу распознают, что есть что, и превращают удобрения в кекс с изюмом. (А это точно лучшее, на что можно рассчитывать с Чарли.)

Еще спасибо новичку в нашей команде — Бет: за всю твою дико нелегкую работу.

Спасибо сестричкам из «Общества красных туфелек» за дружбу и поддержку.

Спасибо моим родным и друзьям за то, что несмотря на все, что вы знаете, вы все равно меня любите.

Спасибо Лини с «Зимнего фестиваля RSS» за фразу с лосьоном. До сих пор ухихатываюсь!

А теперь я обращусь ко всем начинающим писателям на свете и нагло слямзю цитату из лучшего в мире фильма «В поисках галактики». Призываю каждого из вас: никогда не отступать! Никогда не сдаваться!

Продолжайте читать.

Продолжайте писать.

Продолжайте идти вперед.

И никогда не прекращайте учиться. Нам, писателям, лучше держаться вместе. (В основном потому, что все остальные считают нас «странными»).

*Посвящается Дженнифер,
супергерою на полставки,
круглосуточному воплощению потрясности и крутости
и единственному в своем роде редактору.*

Спасибо!

Большое-пребольшое!

*Чарли Дэвидсон...
Или она такой родилась,*

или все дело в кофеине.

Не обращая внимания на стоявшую рядом мертвую девочку, я сложила босые ноги на прохладный подоконник, отпила обжигающе горячего кофе и через окно квартиры на третьем этаже стала наблюдать за зарождающимся рассветом. Горизонт уже подзолотился мягким желтым свечением, которое распространялось во все стороны тоненькими лучиками, как расплзается в воде пищевой краситель. Вслед за золотом потянулись розовые, оранжевые и пурпурные ленты в симфонии неторопливого, грациозного соблазна для всех чувств. Ну или могло бы так быть, если бы рядом не стояла мертвая девочка.

Подбоченившись, она издала в мой адрес долгий раздраженный вздох, но я никак не отреагировала. Не так уж много на свете вещей, которые бесят больше, чем чужие дети. Разве что ад. Плавали — знаем. Однако сейчас теоретически безмятежное утро капитально омрачалось присутствием маленького блондинистого и голубоглазого звереныша в пижамке с сахарными сливами.

— Ты мне считаешь, или как? — спросил звереныш, имея в виду наше недавнее путешествие в мир Гарри Поттера.

Наконец я прекратила свое занятие — то бишь перестала переживать, что напущу в чашку слюней. Как бывалый бармен я испытывала нужду время от времени экспериментировать со своим утренним эликсиром, чтобы добавить ему, так сказать, новых красок. Создать коктейль стопроцентного великолепия, к которому другим суждено лишь стремиться. Сегодня же мои эксперименты свелись к тому, что я нажала правильную кнопку на мистере Кофе. То есть я надеялась, что нажала правильную кнопку. С тем же успехом я могла развязать ядерную войну.

— Я читала тебе эту книгу уже семь тысяч восемьсот сорок три раза.

Девочка поджала красивые губки, отчего на щечках появились ямочки. Только ничего общего ни с весельем, ни с радостью эти ямочки не имели. Говорили они о глубоком разочаровании, раздражении и ярости.

Я пристыженно опустила голову.

Шучу, конечно!

Снова уставившись в окно, я вернулась к полнейшему игнору.

— Неправда, всего два.

— И это, по-моему, в два раза больше, чем достаточно, — сказала я, зачарованно наблюдая за восхитительным действием, разворачивавшимся перед глазами.

Внезапно до меня дошло, что стороннему наблюдателю подобная апатия в адрес маленькой девочки может показаться если не жестокостью, то хладнокровным безразличием. Но я только что пришла домой после слезки длиной в ночь. Некая женщина, она же моя клиентка, божилась, что ее муж тайком выбирается из дома по ночам и бегает к собственной личной помощнице, чтобы та оказала ему, разумеется, сугубо личную помощь.

И клиентка требовала доказательств.

После душа мне хотелось только испить живительной влаги, понаблюдать за буйством красок в небе и понять, как сказать моей клиентке, что ни с какой помощницей муж ей не изменяет. Он действительно бегаёт, если можно так сказать, на сторону, но не к любовнице, а к студентам колледжа, которые арендуют у них квартиру над гаражом. Там он играет в видеоигры и снимает напряжение «растительным лекарственным средством». Честно говоря, после знакомства с его женой я этого человека прекрасно понимаю. У нее запросов столько, что мало не покажется.

Теперь я пыталась придумать, как рассказать ей, чем занимается ее муж. Ничего сексуального в его ночных вылазках не было, но такая женщина, как моя клиентка, все равно решит, будто ее предали. Может быть, если подобрать правильные слова, мне удастся смягчить удар, когда я преподнесу ей новости. Вряд ли можно добиться этой цели, если сказать то, что я изначально планировала. Нечто вроде «Ваш муж сбегает по ночам, чтобы от вас отдохнуть, потому что вы вконец помешались на себе любимой, а ему хоть изредка нужна передышка». К текущему моменту я придумала кое-что получше. Например, «Ваш муж сбегает по ночам, чтобы помогать нерадивым студентам, которые снимают у вас квартиру. Он учит их, как важно держать себя в руках и не расклеиваться, несмотря ни на что (или несмотря ни на кого). Советует им, как пережить неудачные дни (или неудачный брак) и как двигаться дальше к намеченной цели. А еще предупреждает о том, как опасно употреблять запрещенные наркотики».

Ну точно! Я даже кивнула, раздуваясь от гордости за саму себя. После такой речи клиентка увидит в собственном муже рыцаря, выполняющего высокую миссию. Защитника угнетенных. Спасителя страждущих. Да что там! Она увидит в нем героя!

Глотнув еще кофе и проигнорировав очередной вздох наглой девчушки, я на самую капельку соскользнула на другую сторону. Нет ничего более захватывающего, чем восход солнца в смертном, материальном мире, если смотреть на него из мира сверхъестественного. Казалось, две реальности влияют друг на друга. Ревущие могучие штормы в потустороннем мире стали более яркими и блестящими, словно туда проникал наш солнечный свет.

Что, в принципе, логично. В наш ведь мир просачиваются от случая к случаю обитатели сверхъестественного.

Я все еще поражалась этому чуду — способности перемещаться из одного измерения в другое. Целый месяц я прожила на границе двух миров, понятия не имея, что могу сама выбирать, в каком из них находиться в каждую отдельную секунду.

В свою защиту скажу, что тогда у меня была амнезия. Я не знала, кто я такая. Того, что я бог из другого измерения, который лично вызвался прийти на землю и стать здесь ангелом смерти, или жнецом, я и вообразить не могла. А даже с амнезией мое воображение было более чем богатое.

Теперь, когда воспоминания вернулись (и хорошие, и плохие), моя миссия виделась мне чем-то похожей на неземной Корпус мира. Добровольный труд на благо других людей, а впоследствии — на благо всех сразу.

Это случилось неделю назад. Неделю назад я вернулась в Альбукерке сразу после того, как все вспомнила. Прошла целая неделя, а я все еще была дезориентирована, словно никак не могла найти точку опоры. Как неваляшка, которая качается из стороны в сторону, но не падает. Не может упасть. Для этого у меня слишком много дел и забот.

Моя лучшая подруга и, по совместительству, секретарша и помощница Куки ужасно переживает. Улыбается, конечно, каждый раз, когда я захожу в ее кабинет или без предупреждения вваливаюсь к ней домой, что никоим образом не радует моего дядюшку Боба. Они только недавно поженились. В том, чтобы быть сверхъестественным существом, есть свои плюсы. Или минусы, в зависимости от того, с чьей стороны посмотреть. Я чувствую чужие эмоции. Поэтому точно знаю, что тревога поедает Куки живьем, стоит ей меня увидеть.

И она права. После возвращения я немного изменилась. Но у меня есть на то причины. Три, если точнее. То есть даже больше, но три — самые главные.

Во-первых, у меня забрали дочь, когда ей не было и двух дней от роду. Разумеется, это решение принималось в ее интересах. Чтобы уберечь малышку, нам пришлось отослать ее как можно дальше. Выбора не было. Но легче от этого не становится. Скорее всего потому, что вина лежит исключительно на мне.

Я, видите ли, создана из дурацкого яркого света, который приманивает не перешедших сразу после смерти на ту сторону призраков. Вроде бы все круто, правда? Мне всегда казалось, что свет — клевый бонус к тому, что в народе называется «мрачным жнецом». Но так было до того, как у меня появился ребенок, которому суждено сокрушить Сатану и спасти мир. Теперь все тот же свет может привести толпы наших могущественных врагов прямиком ко мне. А значит, и к моей дочери.

Получается, что ради безопасности Пип нам пришлось не просто ее отослать, а отослать подальше от меня. От ее родной матери. От женщины, которая ее родила. Между прочим, на дне колодца. Долго рассказывать. Так что горькие муки, которые постоянно давят мне на грудь, влияют, к сожалению, и на настроение.

Во-вторых, чтобы вернуть мне память, моему погибшему отцу, который остался с нами призраком, пришлось перейти. Когда люди переходят, у меня в голове проносится вся их жизнь. Так случилось и с папой. Я увидела себя его глазами. Увидела любовь, которая переполняла его всякий раз, когда он смотрел на нас с сестрой. Почувствовала гордость за нас, от которой раздувалось его сердце. Но как бы замечательно, сюрреалистично и жизнеутверждающе все это ни было, папу я потеряла. Теперь он навеки по ту сторону нашего измерения. В мире, куда у меня доступа нет. По крайней мере лазейки туда я не знаю.

Однако переход папы стал лишь предвестником второй причины моей, мягко говоря, меланхолии. Когда у меня перед глазами мелькала папина жизнь, он сделал все, чтобы передать мне информацию, которую успел собрать после смерти. В одно мгновение я узнала такие секреты преисподней, о которых даже не догадывалась. Шпионы и предатели. Анархисты и еретики. Разорванные союзы и побежденные нации. И войны. Тысячи войн, растянувшихся на миллионы лет. Но самое главное, что хотел мне показать папа, — это Рейес. Мой муж, моя родственная душа и отец Пип. Оказалось, что Рейес тоже бог.

Бог!

И не какой-нибудь там бог, а один из трех богов Узана. Эти трое братьев не знали пощады и несли лишь смерть и разрушение. Они уничтожали миллионы живых существ. Пожирали миры, как другие едят кукурузные палочки. Но что еще хуже — Рейеса считали самым опасным, самым кровожадным из трех богов Узана. Сатана обвел его вокруг пальца, заключил в ловушку и использовал божественную силу, чтобы создать себе сына Рейеязиэля, которого на земле знают как Рейеса Александра Фэрроу.

Выходит, что мой муж — злой бог, который уничтожал миры и топтал жизни, когда ему вздумается. В тысячах измерений его называли Рейзером, или Разящим. И я за ним замужем.

Но многое еще остается непонятным. До недавнего времени я и не подозревала, что я бог. Пока не узнала свое настоящее, неземное имя. Когда это произошло, все воспоминания с тех времен, когда я действительно была богом, вернулись ко мне одной мощной волной. Я не должна была узнать своего имени, пока мое материальное, земное тело не умрет. Пока я не приму на себя обязанности ангела смерти в полной мере. Но цепь не самых приятных обстоятельств вынудила друга прошептать мне на ухо мое же имя. И теперь в моих руках сила, которая может созидать, но что делать с ней или как ее контролировать, я могу только догадываться. И от этого Иегова, истинный Бог этого мира, слегка нервничает. Это если верить Его же архангелу, Михаилу.

Мы с Михаилом, мягко говоря, не поладили. Он пытался меня убить. А я не дружу с теми, кто пытается меня убить.

Беда в том, что Рейес слышал свое неземное имя. Встречался со своими братьями. Отец послал его сражаться с ними плечом к плечу во время одной особенно скверной войны между двумя реальностями. Знает ли Рейес, что он бог? Догадывается ли, что в смеси, которую использовал Люцифер для создания собственного сына, одним из ингредиентов был бог? И именно этот ингредиент сделал Рейеса таким сильным, таким могущественным? А даже если Рейес ни о чем таком не знает, то насколько бог Рейзер контролирует его действия?

Короче говоря, добрый Рейес или злой?

Все свидетельства указывают на последний вариант. Но это вряд ли целиком и полностью его вина. В конце концов, его выковали в пламени греха и проклятия. Сильно ли это на него повлияло? Сколько зла, вечно горящего в его родном мире, смогло просочиться в Рейеса, пока он рос под присмотром Люцифера? Пока преодолевал жестокости, которыми усеивал его путь озлобленный падший ангел? Одно за другим Рейес зарабатывал звания и наконец стал генералом армии отца, командовал легионами демонов, вел их на войну и смерть, заставляя жертвовать жизнью.

Прошло столько времени, мы преодолели столько препятствий! Я думала, что знаю своего мужа, а теперь уверенность пошатнулась.

Уверена я только в одном: мне необходимо узнать божественное имя Рейеса. Вряд ли это Рейзер, что на человеческий язык переводится как Разящий. Наверняка это только интерпретация его настоящего имени. Ну или прозвище. Если я узнаю божественное имя Рейеса, то смогу сделать то же, что сделал в свое время Сатана. Если придется, я смогу поймать Рейеса в божественное стекло, которое всегда держу при себе.

Вернувшись в материальный мир, я погладила в кармане штанов медальон и покосилась на мертвую девочку, которая явно и не думала уходить.

— Почему ты Рокета не попросила тебе почитать? — спросила я, изобразив самую широкую липовую улыбку из моего арсенала, которая так и сочилась раздражением и ацетоном.

Рокет — наш общий друг, который в пятидесятых умер в психлечебнице. А еще он гений, который знает имена всех людей, когда-либо живших и умерших на земле. Вообще всех, без исключения. Дневала и ночевала Слива с Рокетом и Незабудкой, его младшей сестрой. Хотя сильно сомневаюсь, что ночевки у призраков подразумевают сон. Заскочить к Рокету было одним из первых пунктов в моем списке дел на сегодня, раз уж с делом

клиентки я практически разобралась.

Слива сложила на груди руки.

— Он не может.

— Почему?

В ответ я ожидала услышать что-то вроде «Потому что он мертвый и не может переворачивать страницы», а услышала нечто неожиданное:

— Потому что не умеет читать.

В конце концов я посмотрела на Сливу наполовину заинтересованным взглядом:

— Что значит «не умеет читать»? Он все стены исписал именами покойников.

Это и было основной задачей Рокета. Он выцарапывал тысячи и тысячи имен на стенах заброшенного дурдома. Каждый божий день. Днем и ночью. Зрелище по-настоящему завораживающее. Минут на пять. Потом подключается мой СДВ, и мне резко надо куда-то поехать и с кем-то увидеться.

— Ну ясное дело! — закатила глаза Слива. — Писать имена — его работа. Но это не значит, что он может их прочесть.

В этих словах было столько же логики, сколько и в любом реалити-шоу.

— И не для себя он их пишет, — добавила Слива, потянув меня за рукав футболки с надписью «В моем мозгу открыто слишком много вкладок», — а для нее.

По идее, я должна была быть суперски заинтригована. Вот только в шесть утра интрига почему-то не кажется такой уж интригующей. А особенно после бессонной ночи.

Я глотнула еще кофе. Влюбленно посмотрела на пар, поднимающийся над чашкой. Задумалась о том, как в ближайшие двадцать четыре часа потратить свои силы — на добро или зло. На зло, наверное, повеселее будет.

Потом, демонстрируя терпение святого на ксанаксе, я уточнила:

— Для кого, солнышко?

На меня уставились огромные детские глаза.

— Для кого — что?

Я повернулась к ней:

— Чего?

— Что — чего?

— Что ты сказала?

— Для кого — что?

Я еле сдержалась, чтобы не стереть собственные зубы в пыль.

— Если не для Рокета, то для кого они написаны?

Слива поджала губки и опять стала накручивать на маленькие пальчики мои волосы.

— Что написано и для кого?

Ну все, я ее потеряла. И вдруг воспылала жгучим желанием продать ее на черном рынке. Правда, прибыли ждать не приходится. В девять лет бедняжка утонула, так что теперь ее мало кто способен увидеть. Повезет, если смогу ее забрать обратно и возместить покупателю моральный ущерб. А потом придется пометить душу козла, который готов купить ребенка на черном рынке, билетиком в ад. Не спускать же с рук такое извращение, черт возьми!

Глотнув еще для храбрости, я объяснила так просто, как только смогла:

— Имена, которые Рокет пишет на стенах дурдома. Если он сам не может их прочесть, то для кого он их пишет?

— А-а! Имена! — Ни с того, ни с сего взбудоражившись, Слива распутала свои пальцы,

содрав с меня полскальпа, и принялась нарезать круги по квартире, расставив руки в стороны. Знать бы еще на кой. — Они для Пип.

Я как раз чесала макушку, да так и застыла.

— Для Пип? — По коже побежали мурашки. — Для моей Пип?

Слива остановилась, наградила меня взбешенным взглядом и полетела дальше. Не буквально полетела, само собой.

— А многих ты Пип знаешь?

Не меньше минуты я смотрела на нее с открытым ртом. Из уголка даже слюна чуточку потекла, а мне все никак не удавалось уложить в голове то, что сказала Слива. Эх, было бы у меня в шесть утра побольше извилин! Мои-то прямые не начнут извиваться до двенадцати минут восьмого как минимум. А из-за ночной слежки все совсем плохо.

Я так и сидела, пытаюсь осмыслить слова Сливы, как вдруг в спальню вошел не выспавшийся на вид сын Сатаны в одних серых пижамных штанах, низко сидящих на узких бедрах. От выражения его лица щетина казалась еще темнее. Черные волосы очаровательно торчали во все стороны. Под густыми длинными ресницами мерцали карие глаза. Клянусь, этот мужчина просто олицетворял собой расхожую фразочку «ходячий секс».

Но я не имела права забывать, кто он такой. Хватило бы и того, что его папаша — враг номер один всего человечества. А быть злющим богом из другого измерения? По-моему, многовато зла для одного тела, каким бы манящим оно ни было.

Давно надо было понять, что в нем кроется больше, чем кажется на первый взгляд. Даже спросонок походка у Рейеса источает силу. Движения гладкие и текучие, как у большущего кота. Я соскользнула на границу сверхъестественного мира и увидела тьму, плащом окутывающую его плечи. Она стекала по мощной спине и собиралась лужей у ног.

К коже слоem греха льнули желтые, оранжевые и голубые языки пламени. И пламя это тускнело во впадинах между крепкими мышцами, перемещалось от каждого движения, словно было таким же живым, как и сам Рейес.

Ничего этого Слива не видела. Ее неокрепший маленький, как и тело, ум не осознавал, что она только что швырнула в меня бомбу. С чего вдруг эти имена предназначены для Пип? Это же какой-то бред!

— К чему ты ведешь, солнце? — спросила я у Сливы, еле сдержавшись, чтобы не рассмеяться над Рейесом, когда он увидел, как звереныш приземлился у горшка с каучуковым деревом.

Слива уж точно не могла перевернуть горшок.

Но вместо нормального ответа я услышала:

— Люблю сахарную вату. Я бы на ней женилась, если бы было можно. — Посидев пару секунд, Слива «полетела» снова. — Иногда я чувствую, как она пахнет. Однажды дом горел, а я не почувствовала запаха. Не чувствую ничего: ни духи, ни макаронки, ни апельсины. А сахарную вату иногда чувствую. Розовую такую, пушистую. А ты любишь сахарную вату?

Я слегка отвлеклась — смотрела, как мой муж идет в кухню, и пыталась устоять перед ласковой улыбкой, не дать ей усыпить мои тревоги.

— Разве что дайкири со вкусом сахарной ваты, — промямлила я, не в силах отвести от Рейеса глаз.

Мы с ним погрязли в болоте коротких разговоров и неловкой тишины. И я понятия не имела почему. Не знала, что такого сделала. Неделю назад он с трудом держал при себе руки, а сейчас... Это какая-то новая попытка из оперы «хуже не придумаешь».

Знает ли он, что он бог? А что еще важнее — в курсе ли он, что я знаю, что он бог?

От таких новостей вполне можно слететь с катушек. А с другой стороны, с чего вдруг? Я же бог, почему бы и Рейесу не быть богом? Может, все сложнее, чем мне кажется. А может, нынешнее отсутствие интереса к моей персоне продиктовано чем-то другим...

Может быть, все дело в том, что получилось именно так, как и предсказывал Рейес. Я его забыла. Узнала свое неземное имя и забыла Рейеса. Он говорил, что так и будет. Хотя нет, не так. Он сказал, что я его брошу и забуду. Два попадания из двух. Но ведь амнезия — неплохое оправдание, чтобы кого-то забыть. И я точно не делала этого намеренно.

Ситуация стократно усугублялась тем, что Рейес до смерти, просто невероятно притягательный. Пижамные штаны ни капельки не скрывали того, что у него самая умопомрачительная задница из всех, что я в жизни видела. Сплошные твердокаменные мышцы с двумя впадинками над ними. Ни одна женщина с гетеросексуальной ориентацией не устоит. Черт бы его побрал!

Я вытянула шею, чтобы посмотреть, как Рейес вытаскивает из кофеварки графин с живительным эликсиром.

— Только что сварился, — сказала я, имея в виду кофе.

— А что, по-твоему, привело меня сюда?

Несмотря на тьму, голос Рейеса звучал мягко и весело. Приятно и успокаивающе, словно пытался усыпить мою бдительность.

— Иногда я ем ее на завтрак, — сказала Слива, остановившись между журнальным столиком и диваном цвета сливок, и ткнула пальцем в сторону Рейеса: — А он хоть иногда ест на завтрак сахарную вату?

Рейес вышел из-за стойки, повернулся к нам и глотнул из черной чашки, которую держал в руках.

— Нет, — ответила я. — Он как страшный серый волк. На завтрак ест только маленьких девочек.

— Неправда, — сказал Рейес, не опуская чашку. Голос его был глубоким и сладким, как ириски. — На завтрак я ем больших девочек.

Слива застыла и задумчиво сморщила нос. Слава богу, наши игривые подшучивания понять она не в состоянии.

— Поймала плохого парня? — поинтересовался Рейес, глядя на меня тяжелым взглядом.

Я крутанулась на стуле, который приволокла к окну, поджала под себя ноги и уставилась на горизонт.

— В этот раз никаких плохих парней не было. Зато был мужчина, который день за днем пытается выжить.

— Как и все мы, — отозвался Рейес.

Я резко развернулась и уставилась на него пристальным взглядом. Он тоже смотрел на меня, причем подозрительно сощурился, отчего густые ресницы чуть не перепутались. Вот интересно, имеет он хоть какое-то представление о том, как действует на женщин? Рейес, который пытается выжить день за днем? Ага, как же!

Слива снова приземлилась, теперь на журнальный столик, и закачала под ним ногами.

— Мне нравится, как вы тут все обустроили.

Рейес улыбнулся и ушел в кухню. Надеюсь, чтобы приготовить мне завтрак чемпионов, что бы это ни значило. Я воспользовалась шансом поглазеть на то неизмеримое

пространство, что когда-то было моей микроскопической квартиркой. Свою коробочку я не видела девять месяцев, восемь из которых провела в монастыре (долго рассказывать), а один — в полнейшей амнезии и в должности официантки кафе на севере штата Нью-Йорк.

За время наших последних приключений Рейес каким-то чудом успел отремонтировать дом. Весь, целиком. Снаружи здание практически не изменилось. Что-то починили, что-то хорошенько почистили. Зато внутри все поменялось кардинально. В каждой квартире провели капитальный ремонт. Студенты и долгосрочные обитатели постепенно переезжали в только что отремонтированные квартиры, а их бывшие жилища постигала все та же участь. Но только третий, самый верхний этаж удостоился особого внимания.

Теперь здесь всего две квартиры, наша и та, где живет Куки, и каждая из них представляет собой километры сплошной роскоши.

Техэтаж частично разобрали, и теперь потолки в половине квартиры поднимались на семь с лишним метров вверх. Над головой зигзагами пересекались металлические балки. Снаружи, на плоской части крыши, разбили два смежных сада с небольшим прудом, фонариками и настоящими цветами. Клянусь, весь дом выглядит волшебным.

Когда впервые за долгие месяцы Рейес привез меня домой, запертой оказалась лишь одна комната, и он наотрез отказывался мне ее показывать. Вот только закрытые двери никогда не были для меня преградой. На следующий день после моего возвращения Рейес ушел раньше меня, а я, само собой, вломилась в запертую комнату. Включила свет и остолбенела. Стены были раскрашены в мятно-зеленые полосы с изображениями цирковых животных. А еще там стояла детская кроватка. Это была комната Пип, и трещина в моем сердце стала шире и длиннее.

— Пойду узнаю, не хочет ли Незабудка в классики поиграть, — заявила Слива и испарилась, а я не успела сказать ни «До свидания», ни «Наконец-то!».

Я покосилась туда, где она только что сидела, и увидела новый роскошный диван кремового цвета. Его Рейес явно купил не на гаражной распродаже, где когда-то я покупала свой диванчик. Звали ее Софи, и я частенько думала о том, что с ней случилось. Тоскует ли она по жизни до свалки? И не важно, что мне пришлось отдать за нее несчастных двадцать баксов. Софи была рядом целую вечность. От одной только мысли, что ей пришел конец, сердце кровью обливается.

И вдруг меня осенило. На тему все тех же брошенных вещей.

— Эй! — крикнула я Рейесу, ощущая растущую тревогу. — Куда ты дел миссис Аллен и Пипи?

Пипи, он же Принц Филипп, — престарелый пудель, который ради меня как-то сражался с демоном и изо всех сил пытался спасти мне жизнь. Они с миссис Аллен жили чуть дальше по коридору от меня уже тогда, когда я сюда переехала. Если кто и заслуживал одну из новехоньких сияющих квартир, то точно эти двое.

Рейес опустил голову.

— Родственники отправили ее в дом престарелых.

От беспокойства я тут же вскочила на ноги.

— Что?! Почему?

Рейес стиснул зубы:

— С тех пор как мы уехали, много воды утекло.

— Ты должен был мне сказать.

— Это произошло месяц назад. Тогда ты даже не знала о ее существовании.

Я застыла, впитывая смысл только что услышанного. Он прав. Но от этого ни капельки не легче.

— Где она?

— В доме престарелых в Норт-Вэлли.

Я мысленно пообещала себе во что бы то ни стало навестить миссис Аллен.

— А Пипи где?

— Какой такой Пипи?

— Ее пудель. Который, между прочим, спас мне жизнь.

Рейес с трудом сдержал улыбку.

— Он с ней. Учреждение, где находится миссис Аллен, допускает постояльцев с животными.

— Слава богу!

Я упала на стул и уперлась подбородком в спинку. Рейес прав. Многое изменилось. Включая и состояние моей чашки. Я поднялась и пошла в сторону мистера Кофе.

— Сделаю еще. Так что, если хочешь после душа добавки, все будет готово.

Глядя в свою чашку, Рейес пожал широким плечом. Вторым он прижимался к проему в стене, ведущему в кухню, достойную лучшего в мире шеф-повара. Босые ноги были скрещены. Я пошла медленнее, запоминая каждую деталь этого зрелища.

— Не уверен, что хочу сегодня принимать душ, — сказал Рейес.

— Это еще почему?

На красивых губах заиграла ухмылка, от которой испарялись трусы, и которая легко могла посоперничать с воскресным грехом.

— Твоя бабушка Лиллиан... до сих пор подглядывает.

Я так и застыла на полушаге, осознав наконец весь смысл словосочетания «парализовало от стыда».

Еле слышно усмехнувшись, Рейес поставил чашку и пошел в ванную.

— Бабуля Лил! — тут же заорала я, призывая родственницу.

Бабушка Лиллиан умерла в шестидесятых и уже тогда была пожилой женщиной, но это нисколько не мешало ей наслаждаться всеми радостями поколения хиппи вкупе с цветастыми платьями и бусами братской любви. Мне всегда казалось, что в таком возрасте лучше воздержаться от дозы кислоты, но...

— Сладкая тыковка! — поздоровалась бабуля Лил, но ее голос был таким же пустым, как рот без вставной челюсти.

Бабушка Лил даже не смотрела на меня. Ее взгляд сразу же стал блуждать в поисках сына самого зла и мигом прилип к нему, как лазерная боеголовка. Проходя мимо, Рейес подмигнул ей. Клянусь, я думала, она растает в разноцветную лужу не отходя от кассы.

— Бабуля Лил! — укоризненно зашипела я. — Мне казалось, что мой муж не до такой степени тебе нравится!

— Ох, тыковка! Я ж его голым видела. Что там может не понравиться?

Бабушка Лиллиан поиграла бровями, а у меня самым обалдевшим образом отвисла челюсть. Обалдела я потому, что впервые в жизни мне нечего было сказать. На ум не пришло ни одного саркастичного ответа, ни единого остроумного комментария. Потому что она была права на все сто, а по смыслу ее слова не могли поспорить даже с проливным дождем в иссушенной пустыне.

Я опять глянула на мужа. Обласкала взглядом спину, где под кожей от каждого шага

перекатывались мышцы. Квартира стала намного больше, так что и идти до ванной надо было дольше. Больше шагов — больше перекатываний.

Что-то перекатывалось волнами и внутри меня. Какая-то смутная тревога. Столько всего изменилось! А я никак не могла приспособиться. И это подводит меня к третьей, но далеко не последней причине моего уныния.

Мой муж не прикасался ко мне уже много дней. Точнее — с самого возвращения. Обычно его от меня не оторвать, а сейчас он уже неделю избегает всяческих намеков на интим. И это была очень долгая, полная одиночества неделя, которая стала еще более одинокой, когда я совершенно случайно наткнулась на чек, выписанный на адрес Техасской службы опеки детей.

Рейес платил алименты. А значит, у него есть еще один ребенок.

Я закрыла глаза и в тысячный раз за последние дни попыталась понять, знаю ли вообще того, за кого вышла замуж.

*Контролировать все невозможно.
Чтобы постоянно об этом напоминать,
к голове присобачили волосы.*

Мем

Рейес уже собирался исчезнуть в ванной, чтобы повидаться с Джорджем (то бишь с душем), как вдруг дверь в квартиру распахнулась и стукнулась о стену. Клянусь, я подскочила до нового семиметрового потолка. По крайней мере чувствовала себя именно так.

Ни капельки не встревожившись, Рейес остановился и посмотрел на Куки, богиню тридцати с чем-то лет с короткими черными волосами и очень странной манерой подбирать аксессуары, и ее красавицу-дочь Эмбер — высокую стройную барышню тринадцати лет, которой можно дать все семьдесят. Волосы у Эмбер темные, брови вразлет, а сама она изящная, как лань. В общем, эти двое чуть не наступали друг другу на пятки, пока ломились к нам домой. Судя по сексуальной кривоватой ухмылочке, Рейесу наблюдать за этой давкой было весело.

А у меня сердце куда-то выскочило, и я никак не могла его найти. Даже глянула на потолок. Сердце там никаких не было, зато на пересечении трех металлических балок, болтая ногами, сидел блондинистый мальчишка. Торчал он там с тех самых пор, как неделю назад я вернулась, и еще ни разу со мной не заговорил. Да и вообще ни с кем. Интересно, он всегда там был, а мы его просто не видели из-за техэтажа с кладовками? А вдруг он там умер? Насколько мне известно, во время ремонта никто никаких трупов не находил, но это вовсе не значит, что мальчика не могли там убить, а тело выбросить где-нибудь в другом месте.

Наконец Куки с Эмбер оказались передо мной. Выражение лица у Эмбер источало сплошное волнение и интригу, а у Куки — один сплошной ужас, но это нормальное утреннее выражение лица подруги, пока в нее не вольется доза ракетного топлива. Перестав глазеть на мальчишку, я уставилась на гостей, которые вдруг одновременно затараторили наперебой. Понять, кто говорит в каждый конкретный момент, было просто-напросто невозможно.

Куки начала с фразы «Ты должна кое-что увидеть». Тут же подключилась Эмбер со словами «Оно везде». И началось:

- Ты не поверишь...
- По-моему, надо срочно...
- Просмотров немеряно...
- Просто дикость какая-то...
- Ты...
- Тебя...
- Станешь знаменитой!
- Разоблачат.
- Это так круто!

— Это просто ужасно!

В конце концов я не выдержала и аккуратненько ладонями прикрыла обеим рты. Обе мигом замолкли, но Куки все-таки прошамкала:

— Ладно. Пусть Эмбер расскажет.

Удовлетворившись результатом, я опустила руки. Эмбер хихикнула, украдкой покосилась на возвращающееся к нам великолепие и сунула мне под нос свой сотовый:

— Лучше тебе самой все увидеть.

Забирая телефон, я успела обнять Эмбер. Она чмокнула меня в щеку и на добрых пять секунд стиснула длинными тонкими руками. Так она делала постоянно с того самого дня, как я вернулась. Поехать в Нью-Йорк Эмбер не разрешили, а значит, не разрешили и нянчиться с моей жалкой задницей. Или пытаться вбить в мои амнезийные мозги хоть каплю здравого смысла. Это уже кому как нравится думать. В тот самый момент, когда мы сошли с эскалатора у выдачи багажа, Эмбер пронеслась мимо собственной матери и повисла у меня на шее. Само собой, мы грохнулись на пол.

С мамой она не виделась целый месяц, зато они каждый день разговаривали. А со мной у Эмбер целый месяц не было вообще никакой связи. Так что объятия у эскалатора были доказательством того, что я ей нравлюсь. А слезы на глазах — доказательством того, что я ей очень нравлюсь. И это классно. Потому что мне Эмбер тоже очень нравится.

— Ну ладно, — сказала она и отстранилась, — смотри. Ты с ума сойдешь!

От волнения Эмбер закрыла ладонями рот, а Куки стала еще чуточку бледнее.

Чтобы лучше видеть, Рейес сдвинулся, и я просто не могла не заметить, куда метнулся взгляд Эмбер. На пояс серых штанов. Тех самых, которые сидели достаточно низко, чтобы любой мог в подробностях рассмотреть впадинку между тазовой костью и мышцами живота. А это то самое место, которое превращает женщин в тающее желе.

Меня не волновало, что Эмбер всего тринадцать. Меня волновало то, что ей всего тринадцать, а у ее любимого Квентина стопроцентно есть такая же впадинка. Оставалось только надеяться, что Эмбер пока об этом не знает.

Приподняв телефон, я повернула его так, чтобы Рейесу было видно, и нажала кнопку воспроизведения. Назвалось видео «Уганда, Африка. Одержимая и экзорцист». Ну-у, слегка перегнули с драматизмом, но кто я такая, чтобы критиковать?

На экране появилась африканская девочка, которую я сразу же узнала с тех времен, когда работала в Корпусе мира. Снимали крупным планом на камеру в ночном режиме. Кожа на лице была усеяна царапинами. Трещины на губах сочились кровью. Зубы были оскалены, из уголков рта стекала слюна. Глаза побелели... Камеру отодвинули, чтобы показать, как неестественно выгнулась шея и запрокинулась голова. От яростного дыхания вздымалась грудь.

Девочка лежала на деревянном поддоне на грязном полу. Отчаявшийся и безумно любящий свою дочь отец связал ей запястья и щиколотки. Фараджи. Он помогал нам копать колодец для деревни. Когда мы впервые встретились, он казался каким-то отстраненным и к нам, новичкам, относился крайне настороженно. Впрочем, ничего необычного здесь не было. В той нашей миссии большинство жителей деревни встретили нас чуть ли не торжественно, но были и те, кого отнюдь не обрадовало, что мы фактически вторглись на их территории. И не важно, из Корпуса мира мы или еще откуда. Фараджи был одним из последних.

Я его сразу же заметила, но не из-за того, как недружелюбно он себя вел, а из-за того,

что из него густыми волнами лилось горе.

Хотя нет, не горе, а страх.

Я бы даже сказала, неподдельный ужас. Дышать рядом с Фараджи было трудно, а копать колодец, когда нет возможности наполнить легкие кислородом, не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Мы провели в деревне почти три дня, когда я наконец решила вечерком проследить за Фараджи до дома. Точнее я думала, что он пойдет домой. Позже я узнала, что оказалась у заброшенной хижины, где в то время пряталась вся семья. И причину я поняла еще до того, как вошла в ветхую лачугу. Кожу будто кололи иголками, а в рот словно влили кислоты.

Ничего подобного я в жизни не испытывала. А когда все-таки вошла в хижину, увидела нечто, чего никогда в жизни не видела. Двенадцатилетняя Эмем в яростной горячке боролась с тем, что поселилось в ее теле. Нкиру, жена Фараджи, сидела рядом с дочерью и прижимала к ее лбу холодный компресс. А еще молилась, раскачиваясь взад-вперед.

Нкиру заметила меня, когда я переступила порог не то хижины, не то обычного укрепленного навеса.

— Фараджи! — резким тоном позвала она и гневно уставилась на мужа огромными глазами. — Выведи ее отсюда. — Говорила она на родном языке и справедливо считала, что я ничего не понимаю. — Иначе старейшины заберут нашу дочь. — Нкиру крепче сжала руку Эмем. — И убьют!

Фараджи развернулся и в ужасе уставился на меня, не веря, что я осмелилась за ним проследить. Или что он не заметил меня сразу.

Тогда я задумалась, как давно эта семья живет в кошмаре. Девочка была худой до невозможности. Обезвоживание истощило организм до крайней степени. Только покрытое шрамами лицо оставалось все таким же красивым. Судя по разнообразным знакам на полу, родители определенно консультировались с каким-то целителем. Может быть, из шаманов. Что и понятно. Состояние Эмем было вызвано вовсе не болезнью. От того, что в нее вселилось, у меня горели легкие, и пекло в глазах.

Я шагнула вперед, но на пути встал Фараджи. Внутри него шла нешуточная борьба. Ему предстояло принять решение.

Поначалу я думала, что он взвешивает все «за» и «против» того, чтобы позволить мне попытаться хоть как-то помочь. Но я ошибалась. На самом деле он решал, что со мной делать. Отпустить с риском, что вся деревня узнает об Эмем, или убить. Имелось у меня подозрение, что склонялся Фараджи к последнему варианту. Скорее всего потому, что он покрепче взялся за мачете, который носил с собой повсюду.

— Можно мне на нее взглянуть? — спросила я на его языке и сглотнула сердце до того, как оно выскочило из груди.

Фараджи мог меня убить в мгновение ока. Я надеялась, что, если заговорю на его языке, он хотя бы подумает. Так и вышло.

Мне и в голову не приходило рассказывать направо и налево о том, что я говорю на всех известных Земле языках. Даже моим друзьям из Корпуса мира. Во-первых, такое далеко не просто объяснить, а во-вторых, пришлось бы жить с последствиями. Если бы кто-то узнал, меня постоянно просили бы предъявить доказательства. Так что до того вечера я ни разу не говорила в деревне на банту, хотя понимала все, о чем говорили вокруг меня.

Однако свое сокровище я продемонстрировала не зря. Все случилось именно так, как я и надеялась. Фараджи удивился ровно настолько, чтобы успеть пересмотреть свое решение

по поводу моей неминуемой кончины. И это замечательно, потому что вряд ли мне удалось бы сбежать от острого, как скальпель, мачете в руках очень опытного охотника.

Я посмотрела на Нкиру, которая явно была на грани истерики.

— Не знаю, сумею ли помочь, — так спокойно, как только могла, сказала я, учитывая, что сердце ушло в пятки, — но попробую.

Девочка была одержима. Признавать это было больно, но отрицать — бессмысленно, хотя мои выводы основывались на Риган из фильма «Изгоняющий дьявола» и Стэне Марше из «Южного парка».

Уж не знаю почему, наверное, исключительно из-за отчаяния, жена Фараджи кивнула, и я присела рядом с их дочерью.

Тут и начиналось видео. Эмем показала буквально за пару секунд до того, как я присела рядом с ней. Тогда я понятия не имела, что делаю. Потому что и не представляла, что демоны существуют, и продолжала сомневаться в этом даже после того случая. Зато впечатлений осталось хоть отбавляй.

Но кто нас снимал? В хижине никого больше не было. Неужели кто-то увязался за мной, как я увязалась за Фараджи? Откуда вообще взялась эта запись?

С тем, что сидело в девочке, я сначала заговорила на латыни, а потом на арамейском. Мне это показалось как раз в тему. И именно арамейский привлек внимание гада, потому что буквально через секунду хижина заходила ходуном.

А если верить видео, ничего подобного не было. Хижина стояла на месте, а вот меня мотало, как тряпичную куклу. Нкиру закричала и поползла к стене. Фараджи выронил мачете и в панике бросился за женой. Я же продолжала летать во всех возможных направлениях.

Честно говоря, я помню все совсем не так, ну да ладно.

Слава богу, атака длилась недолго. Как только гад внутри Эмем решил показать мне, где раки зимуют, он завопил и вылез из девочки. К тому времени я уже потеряла всякое ощущение того, где верх и где низ, поэтому так его и не увидела. Но вопли этой твари множились между ушами так быстро, что моя голова только чудом не раскололась пополам.

Однако любой, кто смотрел видео, слышал только глухие удары от того, как я врезалась то в стены, то в пол, то в потолок, и мои стоны. Больше ничего. Даже Фараджи, Нкиру и Эмем молчали, потому что валялись на полу без сознания. Зато по моим нервам текли жуткие звуки. Со всех сторон подступала слепящая темнота. Горло и легкие обжигало едким жаром.

А потом все прекратилось так же неожиданно, как и началось. Беда в том, что в этот момент я была на потолке. Само собой, я упала. Лицом в пол. Отскочила и упала снова. Когда же меня наконец размазало по полу, я несколько секунд шмыгала себе в подмышку и снова и снова спрашивала, ни к кому конкретно не обращаясь:

— За что?!

Я крепче взялась за сотовый, пока Рейес смотрел, как я изображаю корабль «Посейдон» из фильма «Приключения «Посейдона»». Но, ей-богу, смотреть на то, как моя голова рикошетит от утрамбованной земли, которая служила полом в лачуге, было весело. Я не удержалась и тихонько захихикала, а Рейес едва сдерживал гнев. Причем гнев преобладал в тугом клубке его эмоций. Временами мне трудно понять, что именно чувствует Рейес, потому что этот его клубок почти всегда плотно утрамбован.

Потом я вспомнила кое-что еще с того вечера. Еле слышный стон, причем не мой. А следом за ним разрывающий сердце плач, когда Нкиру подползла к дочери. Они с мужем

взяли ее на руки. Нкиру плакала так, что тряслись плечи, но из нее лилась только чистая радость. Вперемешку с таким облегчением, от которого не остается сил.

Видео закончилось, а я вспомнила, как с трудом поднялась на ноги и поковыляла вон из хижины, чтобы дать семье Фараджи отпраздновать случившееся без свидетелей.

Еще вспомнила, как заблудилась по пути в лагерь. Из-за усталости и травм казалось, что обратную дорогу я искала несколько часов, а на самом деле я ушла из лагеря несчастных два часа назад. Нашел меня еще один волонтер из Корпуса мира. Звали его Сэмюэл. Может быть, он и снял все на видео? У жителей деревни даже проточной воды не было, не то что камеры.

— И что будем делать? — спросила Куки, когда я врубила запись заново. Ну серьезно, последний прикол с прыгающей головой грех было не пересмотреть.

— Двести тысяч просмотров, — сказала Эмбер, когда меня на видео впечатало в потолок. — Квентин вчера сказал, что было несколько сотен, а сейчас уже за двести тыщ перевалило.

— Это просто ужасно! — повторила Куки то, что говорила чуть раньше.

Надо было видеть, как меня швырнуло в стену! Нога продавала солому, а когда меня мотнуло назад, я уже была наполовину босиком.

— Да это потрясающе! — восхищенно воскликнула Эмбер.

Тут я опять треснулась физиономией об утрамбованную землю, отпрыгнула и вцепилась обратно в пол. Не успев взять себя в руки, я рассмеялась. А вот Рейес застыл, как статуя. Ему вообще редко кажется веселым то, что я делаю.

— Прости, дядя Рейес, — пролепетала Эмбер, уверившись, что сделала что-то не так. — Я не хотела...

— Да не злитесь он, не переживай. — Я повернулась к Рейесу, но он продолжал смотреть на экран телефона.

Стиснул зубы. Опустил голову. И просто испепелял сотовый взглядом.

— Тетя Чарли, мне очень-очень жаль.

Слегка встревожившись, я смотрела, как Рейес уходит. С ним такое бывает. Он часто бесится по самым странным причинам. А сейчас, наверное, разозлился потому, что его тогда не было рядом, чтобы спасти меня от большого страшного чудовища. Но даже если бы он там был, что он мог сделать? Летать со мной от стенки к стенке?

— С ним все будет путем, солнце. Но бли-и-ин, ты видела мое лицо?!

Я проиграла видео снова, и мы с Эмбер расхохотались так, что обе сложились в три погребели. А Куки все так же молча стояла рядом. К сожалению, от ее мегасерьезного вида нам стало еще смешнее, и в конце концов от смеха у меня разболелся живот.

— Чарли, — наконец разморозилась подруга, — что делать будем?

— Погоди, — отозвалась я, подняв указательный палец и пытаюсь прийти в себя.

Эмбер взяла меня под руку и каким-то чудом перестала смеяться раньше, чем я.

— Извини, мам. Но у нее ж там... у нее ж там голова скачет!

И с этими словами мы рухнули на пол хохочущей кучей трясущегося желе.

*Если на коже пузырится святая вода,
что это значит?*

Вопрос другу

Снова обретя способность вменяемо выражать мысли, я пообещала Куки тщательно подумать о том, к каким последствиям может привести видео. Однажды я дала точно такое же обещание директору школы, когда меня попросили хорошенько подумать над моим поведением. Кто же знал, что, если всего лишь присвистнуть вслед Джону Берроузу, он собьет Хейли Марш на своем новеньком сияющем «мустанге»? Тачка была супер. Парень тоже. А нога Хейли полностью выздоровела. Всего-то и понадобилось — полгода гипса плюс полгода физиотерапии. Правда, с мечтами об Олимпийских играх ей пришлось попрощаться, так что тут мне было чуточку не по себе.

И все-таки должна признать, меня распирало от любопытства, кто же опубликовал видео.

— Мы с Квентином все выясним, — сказала Эмбер, горделиво задрав нос.

— Вы с Квентином займетесь уроками, — тут же отозвалась Куки, строго сдвинув брови.

Вот только тон ее был чуточку мягче, чем предполагало выражение лица. Так уж действует на нее Квентин — превращает в мягкую податливую зефирку.

— Конечно, займемся, мам. А потом узнаем, кто запостил видео. — Эмбер подняла вверх большие пальцы и глянула на меня: — Мы справимся.

Зная этих двоих, я ни капельки не сомневалась. Чуть позже, наверное, на всякий случай попрошу подключиться Пари — мою подругу, которая любому хакеру даст фору. Но сначала пусть попробуют во всем разобраться Эмбер с Квентином.

Тем временем мне пора было одеваться на работу, потому что идти на работу в пижаме — это натуральное определение непрофессионализма. Так говорит Куки. А я, между прочим, проверяла. В словаре Уэбстера ничего такого нет. Так что подруга не права.

Похоже, почти вся ярость Рейеса рассеялась, зато осталась неожиданная... Как же это назвать? Неуверенность в себе? Неужели именно это он ощущал с тех пор, как мы вернулись? Хотя нет. Рейес так же не уверен в себе, как ягуар в джунглях.

Перед тем как уйти в джинсах и белой рубашке с закатанными по локти рукавами, он прислонился к косяку двери в ванную, где я как раз стягивала волосы в хвост. Рейес опустил голову, и на лоб упали темные локоны.

— На завтрак придешь? — не сразу, но все-таки спросил он.

— Не знаю. У меня вроде как свидание. За завтраком.

Уголок красивого рта приподнялся.

— И с кем же?

— Ее зовут Кэролайн. Я по уши в нее влюблена.

— И, по-твоему, это правильно?

— Таких мокро латте, как у нее, я в жизни не пробовала. Она добавляет туда капельку

взбитых сливок. Неподражаемо!

— То есть по плану у тебя на завтрак мокко латте?

— Ага.

— У меня завтрак в сто раз лучше будет.

Проклятье! Он прав. Как бы я ни любила Кэролайн и ее мокко латте, с хуэвос ранчерос Рейеса мало что может сравниться. Он знает, что со мной делает чили. Знает, что со мной делает он сам, потому что никого красивее и замечательнее на свете нет. Ей-богу, ему надо было стать шеф-поваром. Или стриптизером. Или экзотическим десертом. «Рейес à la mode». С мороженком. Я бы слопала все до последнего кусочка и вылизала бы тарелку.

Не говоря больше ни слова, Рейес отлепился от косяка и ушел, но я все же успела уловить намек на владевший им чуть раньше гнев. И намек этот был с привкусом желания защитить. Интересно, что еще скрывает Рейес? Неужели я не заметила в видео чего-то важного?

А может, стоит взять и выкинуть дикий фортель. Скажем, спросить у Рейеса напрямую. Работаем мы в одном здании, так что далеко ходить не надо. У Рейеса бар на первом этаже, у меня офис на втором. А само здание метрах в пятнадцать от нашего дома.

Вообще, это весьма удобно. Но сейчас, когда я изо всех сил пытаюсь войти в привычную колею, такая близость лишь усиливает ощущение отчужденности, исходящей от Рейеса, подчеркивает пропасть между нами.

К счастью, сегодня пятнадцать метров по улице, десять с копейками ступенек и коврик с надписью «Добро пожаловать!», о который я спотыкаюсь каждый божий день, не прошли даром. По пути на меня снизошло прозрение.

Оказалось, что Куки уже в офисе, но это хорошо. Мне кровь из носа нужно было поделиться с кем-то прозрением и объявить о неминуемой победе.

— Сегодня я точно зажгу, — сказала я, подходя к столу подруги.

Она как раз стояла на коленях и копалась в ящике, так что мой спич был обращен не совсем к ней, а скорее к ее заднице.

— Рада за тебя, — пробубнила Куки из недр ящика. — Можешь начать с того, что расскажешь, куда ты спрятала скрепки для степлера.

— Я серьезно, Кук. — Сняв куртку, я бросила ее на крючок на стене, но промахнулась метра на три. Однако даже это мне не помешало. — Хватит зря убивать время. — Черная курточка без сил рухнула на пол, как и большинство моих бывших после сами знаете чего. — Пора действовать.

— Скреплять бумажки — это очень даже действие.

— По-моему, в мире есть два вида людей.

Куки перестала копаться в ящике и наконец удостоила меня вниманием.

— Что ж, это должно быть интересно.

Правда, она все еще стояла на коленях, поэтому я почувствовала себя так, будто мне поклоняются.

— Одни, когда им надо ночью пописать, включают свет, а другие — нет. — Я смирила подругу решительным взглядом, вскинула голову, расправила плечи, уперла кулаки в бока и, слегка сощурившись, торжественно уставилась вдаль. — Я из тех, кто писает в темноте, детка.

— И поэтому так часто разбиваешь мизинец на ноге.

— Я — само воплощение отваги и решительности.

— А еще образцовой невезучести.

— Я собираюсь вернуть себе дочь.

На губах Куки расцвела понимающая улыбка.

— Вперед, подруга!

За Пип, то бишь Элвин Александрой, сейчас приглядывают человеческие родители Рейеса. Те самые, у которых его похитили еще младенцем. Они чудесные люди, правда, и я им очень благодарна за помощь, но отказ от дочери никогда по-настоящему не входил в план. В мой — уж точно.

Сейчас ее окружает целая армия верных защитников из числа людей и сверхъестественных существ. Каждый из них готов отдать за нее жизнь. Повторюсь, всем им я безмерно благодарна. Но, опять же, никогда и ничего в жизни я не хотела так, как хочу защищать ее сама, заботиться о ней и смотреть, как она растет. Во мне идет бесконечная борьба между «хочу» и «надо».словно дьявол на одном плече и ангел на другом непрерывно сражаются, а поле их битвы у меня в груди.

Я глубоко вздохнула, чтобы хоть чем-то наполнить зияющую пустоту в животе.

— В общем, с этим разобрались. Когда у нас обед?

Куки опять нависла над ящиком.

— Мы только что поели. Но до обеда можем поиграть в занимательную игру «Найди скрепки».

— Как скажешь. — Я посмотрела по сторонам в поисках того, чем могла бы себя занять. — Подточу-ка я карандаши.

Почему-то казалось, что подточить карандаши — это важно. Не меньше чем пилатес и решение проблемы голода в мире. Я уже направилась в сторону своего кабинета, до которого от приемной, то бишь от Вотчины Куки, ровно полсопельки, как вдруг подруга спросила:

— А как же скрепки?

— В правом нижнем ящике.

— Я там уже искала.

— Посмотри под журналом «Мужские детали».

— Чего?

Я уже включила кофеварку и услышала глухой стук, потом звук открывающегося ящика и шелест бумажек.

— У меня нет подписки на «Мужские детали».

— Теперь есть. Забыла тебе сказать.

— Чарли! — ахнула Куки. — Ты выписываешь на мое имя порножурналы?

— Всего-то один!

И чего она разбушевалась? Любит ведь мужские детали не меньше, чем я. Не успела Куки сказать что-то еще, как дверь распахнулась, и в офис вошли двое мужчин. Зуб даю, у них тоже есть всякие мужские детальки. Совпадение?

Я решила потратить всю энергию на искусство приготовления кофе, пока Куки обхаживала гостей. С моего возвращения дел у нас было негусто, так что я сомневалась, что эти люди — потенциальные клиенты. Скорее всего они продают пылесосы, мячики для пинг-понга или зубную пасту. Минуточку! Паста мне нужна.

На всякий случай я скрестила пальцы.

Подойдя к двери, которая разделяет наши кабинеты, Куки громко объявила, что в приемной находятся двое мужчин, которые хотят увидеться со мной немедленно. Если

можно, само собой.

Все прозвучало так официально и профессионально, будто мы опять стали настоящим агентством. Во мне тут же расцвело буйное желание повеселиться. Включив Бунна, я быстренько уселась за стол и проговорила:

— Будь добра, проводи их.

— Сюда, пожалуйста.

К сожалению, первым на пороге нарисовался помощник окружного прокурора по имени Ник Паркер. Понятия не имею, кем был второй чувак, но вряд ли он приятный человек, раз водит дружбу с таким, как Ник Паркер.

Я встала поздороваться, но руку не протянула. Ник не обиделся, потому что тоже не собирався обмениваться со мной рукопожатиями. Похоже, ему не нравится, что я доказываю невинность людей, которых он хочет посадить за решетку. А такое случилось всего лишь раз. Вот ведь злопамятный гад!

— Это Чарли Дэвидсон, — представил он меня своему другу постарше, костюмчик на котором явно видал не одно десятилетие.

Вот ему я руку протянула.

— Это Джефф Адамс, — сказал мне Паркер.

Полнейшее отчаяние обдало меня с ног до головы. А как только я пожала протянутую в ответ руку и получила укол этих эмоций прямо в сердце, пришлось изо всех сил бороться за то, чтобы устоять на ногах.

Расстроены были оба, но мистер Адамс изнутри казался просто кровавым месивом. Кто-то умер. Я бы поставила на это даже свой последний никелированный «глок».

— Присаживайтесь, пожалуйста, — еле-еле выдавила я и жестом предложила гостям присесть.

Сама я тоже села и хорошенько присмотрелась к Паркеру. А вдруг он со мной играет? Пробираться сквозь эмоции пожилого мужчины было сложно, но кое-какие чувства источал и Шут-Ник. Так я прозвала Паркера при первой встрече. Он заказал у меня выпить. Мы были в баре, когда им еще владел папа, и Шут-Ник прекрасно, черт его дери, знал, что я не официантка. Однако все-таки щелкнул пальцами и надменно ухмыльнулся. С тех самых пор мне постоянно хочется эти пальцы ему сломать.

— Что я могу для вас сделать? — нарочито холодно поинтересовалась я.

Поглазев на меня несколько долгих секунд, Ник покосился на мистера Адамса и, видимо, решил, что нужно взять вожжи в свои руки.

— На прошлой неделе, — начал он, откашлявшись, — дочь мистера Адамса была убита. Главный подозреваемый — ее бойфренд, свободный художник Лайл Фиске.

— Примите мои соболезнования, мистер Адамс, — сказала я, записывая имена розовой ручкой, которую стырила у Куки.

Ей-богу, ручки меня как будто избегают. Вечно, когда нужно, под рукой ни одной нет. Жаль, что меня не избегают призраки, как, например, азиатка, которую, судя по голосу, до чертиков бесила моя настольная лампа. Понять ее можно. От этой лампы одни проблемы.

Я сосредоточилась на сидящих напротив потенциальных клиентах. На мистера Адамса накатила очередная волна горя, которая врезалась в меня, как горячий нож — в масло. Я сжала ручку в кулаке, но заблокировать поток энергии не стала. Мне нужно было почувствовать все, что чувствуют мои гости. Клиенты частенько мне лгут. Но они лгут и самим себе, так что я редко обижаюсь.

Однако вычислить ложь, в которую люди верят, гораздо сложнее. Мистер Адамс страдал по-настоящему. Его боль была душераздирающей. И все же я уловила намек на чувство вины, которое с каждым вдохом, как скрытая форма пневмонии, распространялась по стареющему телу.

Подробностей дела я не знала. В конце концов, меня даже в штате не было. Но пару дней назад кое-что слышала по новостям.

— Значит, вы хотите, чтобы моими стараниями этот бойфренд отправился за решетку до конца своей земной жизни, — сказала я без вопросительной интонации.

И все же Ник покачал головой:

— Нет, Лайл этого не делал. Не мог. Мы хотим, чтобы вы сделали прямо противоположное. Докажите, что он невиновен, и найдите преступника.

Такого я не ожидала. Откинувшись на спинку кресла, я постучала ручкой по подбородку.

— Почему вы считаете, что он этого не делал?

— Я это знаю, — хриплым и пустым голосом ответил мистер Адамс. — Он... он не мог.

Покрасневшие глаза встретились с моими, и во взгляде я прочла абсолютную убежденность. Мистер Адамс не предполагал, а точно знал, что парень невиновен.

Так неужели он сам убил собственную дочь? Чувство вины ощущалось отчетливо, но ведь и скорбь тоже. Если он и убил дочь, то теперь явно об этом жалел.

Или они с бойфрендом были слишком близки. Не зря же мистер Адамс так в нем уверен. И все-таки в голове не укладывалось, как мог такой любящий отец сотворить то, что сотворили с Эмери Адамс. Салон ее машины был буквально залит кровью. Что бы там ни произошло, смерть Эмери была ужасно жестокой.

— Мы вместе учились в колледже, — заявил Паркер. — Я очень хорошо его знал. Лайл не мог так поступить. Ни за что.

Они вместе учились в колледже? И это все? Бога ради, он же выступает обвинителем в суде! Наверняка знает, как мало значит такое заявление.

— Я думала, тело еще не нашли. Почему полиция так уверена, что девушку убили?

— Из-за количества крови в машине, — ответил Паркер. — После такого нападения она бы не смогла выжить.

— И вся кровь была ее?

— До последней капли, — надломившимся голосом проговорил мистер Адамс. — До последней драгоценной капли...

От боли, которая в нем всколыхнулась, скукожились легкие. Страдания этого человека были настолько очевидны, что даже азиатка посмотрела на него, прекратив попытки сбить лампу со стола. Мистер Адамс сморкнулся в платок, а я бы не смогла сдержать слез, даже если бы заклеила слезные каналы суперклеем.

Пришлось сделать глубокий вдох. Паркер положил руку на плечо мистера Адамса. Понятия не имела, что Шуг-Ник умеет сострадать.

— В целом мире не было никого лучше нее, — продолжал мистер Адамс. — Для меня она была всем. А я... я плохой отец. Она заслуживала лучшего.

Из его глаз полились слезы. Плечи так затряслись, что казалось, он вот-вот рассыплется на части. Мы дали ему время справиться с эмоциями, однако это оказалось далеко не просто. В конце концов мистер Адамс вскочил на ноги и бросился вон из моего кабинета на балкон снаружи здания.

Что ж, у меня появился шанс надавить на Паркера гораздо менее деликатным образом.

Я наклонилась вперед и спросила обвиняющим тоном:

— Зачем вы пришли, Паркер?

Он смиренно вздохнул:

— Затем, что вы справляетесь со своей работой, Дэвидсон. Не важно, что я думаю о вас, ваших методах или... привычках...

Какого черта?

— ... у вас получается то, что не получается ни у кого другого. Вы доказываете невиновность тех, кому, по мнению остальных, прямая дорога за решетку. Находите необходимые свидетельства там, где никто другой и не думает искать. Видите хорошее в людях, в которых другие видят только плохое. Мне нужно, чтобы вы были на стороне Лайла. Он никого не убивал, но улики убедительно доказывают обратное.

Паркер протянул мне папку. Доверия к нему я не испытывала ни капельки. Более того, с удовольствием погоняла бы его папиной клюшкой для гольфа по всему полю. И все же аргументы Паркер привел весьма неплохие. Опять же, он обвинитель, который явно имеет виды на уголовной кабинет окружного прокурора. Плюс он достаточно молод и амбициозен, чтобы когда-нибудь действительно получить упомянутый кабинет.

— Где сейчас Лайл?

Паркер чуть-чуть расслабился.

— Его задержали, чтобы допросить.

Я полистала документы в папке.

— Просто так, без тела, его бы не арестовали. У полиции должно быть что-то основательное, что напрямую указывает на убийство и причастность Лайла.

— Я в курсе. Это беспрецедентный случай. Между нами, все надеются на сделку с признанием вины. Потому что без признания дело вполне может развалиться.

— И есть шансы получить это признание?

Паркер смерил меня сердитым взглядом:

— Нет, Дэвидсон. Никаких шансов нет.

Что ж, пусть так.

— Вы знали Эмери Адамс?

— Нет, — покачал головой Ник. — Мы не были знакомы. Однако, насколько я могу судить, она была прекрасным человеком. — Он опустил голову, и выражение его лица стало суровым. — Она такого не заслуживала. — Я продолжала молчать, поэтому Паркер снова уставился на меня в упор. — Послушайте, я понимаю: мы не очень-то ладим, но все правы насчет вас.

— Все? — переспросила я, прекрасно зная, к чему он ведет.

— Вы раскрываете преступления. Благодаря вам закрывается уйма дел.

— Это да, — согласилась я, положила ручку на стол и стала внутренне готовиться к тому, что сейчас произойдет.

Азиатка наконец оставила в покое лампу и заметила меня. Взгляд у нее стал тоскливый и любящий. Ей хотелось домой. Хотелось снова увидеться с родными. Я тоже всего этого для нее хотела. Честное слово. Только не в этот конкретный момент. Но она собиралась перейти прямо сейчас, и я ничего не могла поделать.

Чтобы выиграть хоть пару секунд, я встала и обошла стол.

— Кого назначили обвинителем?

Шут-Ник откашлялся и нервно поерзал.

— Меня.

— То есть как это? Я думала, Лайл ваш друг.

— Был другом. И остается.

Что за игру он ведет?

— Тогда вам нужно взять самоотвод. Иначе вас уволят. Черт, да если все раскроется, у вас лицензию отберут! Не говоря уже о том, что начнется судебное разбирательство, которое будет стоить штату уйму денег.

— Предоставьте это мне.

— Паркер...

— Послушайте, не имеет значения ни мое личное мнение о вас, ни все те слухи, которые...

— Какие слухи?

— ... Лайл этого не делал.

— Какие, я спрашиваю, слухи?

— У вас есть необъяснимая способность оправдывать виновных, даже когда все улики свидетельствуют против них. Так докажите мне, что это не слепая удача.

— Ну-у, тут есть одна серьезная загвоздка. В моей повседневной жизни удача играет большую роль. И я не оправдываю виновных, Паркер.

Он тоже встал и подошел ко мне почти вплотную.

Напористый, зараза.

— Мне нужно, чтобы дело закрыли.

— Понимаю.

— Быстро и по-тихому.

— Видите ли, меня нельзя назвать тихоней. А вам все равно нужно взять самоотвод.

— Нет, — хитро улыбнулся Шут-Ник. — Я — запасной план.

— Вы — что?

— Запасной план. Если вы облажаетесь, я лично прослежу, чтобы все вышло так, как нужно.

Говорить такое вслух, с точки зрения закона, было, мягко говоря, неуместно, но у меня все равно от предвкушения интриги закружилась голова. Боясь, что нас подслушают, я прошептала:

— Вы собираетесь саботировать дело?

Паркер едва заметно пожал плечами:

— Я собираюсь сделать так, чтобы Лайла оправдали.

— Собственными усилиями?

Помощник прокурора молчал, ожидая моей реакции, и, судя по выражению лица, пытался что-то просчитать.

— Разве это не противоречит профессиональной этике или чему-то еще?

— Во всех смыслах.

— И с чего вы взяли, что меня подобное устроит?

Снова ответом мне был лишь намек на улыбку.

Сукин сын! У него на меня что-то есть! Слишком уж он уверен в себе. К тому же, Паркер далеко не дурак. Он не стал бы швырять мне в лицо информацию, которая может положить конец его карьере и даже отправить в тюрьму, не будь у него гарантий. Ну или

какой-нибудь страховки, которая заставит меня играть по его правилам.

Женщина прошла прямо сквозь стол, и я отступила. Само собой, Паркер решил, что я пытаюсь отойти от него, и шагнул вперед. Его явно не заботило, что он вторгается в мое личное пространство. Кроме того, он намеревался вынудить меня удариться в угрозы, что я пойду напрямиком к прокурору.

Ладно, придется играть тонко. К сожалению, у меня тонкость в дефиците, зато я знаю, у кого ее хоть отбавляй. А пока надо подыграть. Пусть Паркер думает, что я на его стороне. А тем временем я выясню, что такого он на меня накопал. Остается лишь надеяться, что ничего компрометирующего в интимном смысле. Времена, когда я компрометировала себя направо и налево, давно прошли.

— А если Лайл виновен? — спросила я. — Если я найду то, что опровергнет вашу точку зрения, как далеко вы планируете зайти?

— Об этом я несколько не беспокоюсь.

— Но если я все-таки что-то такое найду?

— Ничего такого вы не найдете, так что и обсуждать здесь нечего.

— Почему вы так уверены? Почему так убеждены в невинности Лайла, что готовы рискнуть ради него карьерой?

И опять ко мне устремился намек на чувство вины, который я уловила, едва Паркер вошел в мой кабинет. Виной несло и от него, и от мистера Адамса. А вдруг они в сговоре, который привел к неприятным последствиям?

Ответить он не успел. Я подняла вверх указательный палец, взяла из коробки на столе салфетку и покашляла, прикрыв рот. Потом уперлась рукой в столешницу, отпила кофе и покашляла еще. А в это время перед моими глазами проносилась жизнь азиатской женщины.

До самой смерти она работала на рисовых полях в городе Джамуна, в Непале, переживая наводнения и землетрясения, чтобы уберечь семью от голода. Потом Амита вышла замуж за нелюбимого человека, и подружки в полях стали ее единственной отдушиной. Вместе они смеялись, растили детей и, посмеиваясь исподтишка, обсуждали мужей.

Однако чувства Амиты постепенно менялись. Сиян стал казаться ей загадкой. Она называла его про себя раашьямайя^[1] и все чаще вглядывалась в серебристые глаза и настороженную улыбку. Он вырос в деревне на западе от города, а когда почувствовал, что Амита ему не доверяет, стал гидом для туристов, желавших посетить места, где живут шерпы^[2]. Амите казалось, что это вероломное и безрассудное решение, но оно приносило деньги. В конце концов она стала с нетерпением ждать, когда муж вернется домой.

Но возвращаясь, он никогда не рассказывал о своих приключениях, и подружки пытались угадать, как прошел очередной поход. Наверное, говорили они, это очень почетно и приятно — знакомиться с богачами с запада, но Амита знала, что они ошибаются. Каждый раз Сиян возвращался раненый и измученный. Стихия в горах не щадит никого. Он худел почти до неузнаваемости, и Амите целый месяц приходилось его откармливать. Зато с каждым годом Сиян становился все сильнее, а с каждым возвращением — все красивее.

Однажды Амита собралась с духом и спросила у него, как прошел поход. Большого и не требовалось. Сиян рассказывал жене обо всем, что ее интересовало. Вежливо ли обращаются с ним туристы с запада? Уважают ли его? Красивы ли белые женщины? Он рассказывал жене все и отдавал каждую заработанную рупию. Покупал детям подарки и дарил Амите изящные украшения, которые ей были не нужны, но она все равно бережно их хранила.

Сиян с Амитою стали чем-то вроде знаменитостей, хотя она по-прежнему работала в полях, как и их дети. Год за годом она не изменяла традициям, даже когда однажды Сиян не вернулся.

До самой смерти с разбитым сердцем Амита продолжала трудиться и ждать, что муж вернется домой. Она не могла перейти сразу, потому что была убеждена, что он где-то в горах, совсем один. Но в тот миг, когда она перешла, я почувствовала ее радость. Она снова увидела мужа и детей. Оказавшись в объятиях самых близких, самых родных людей, Амита забыла обо всех трудностях, а я с трудом сглотнула подступивший к горлу ком.

Через секунду я рухнула в кресло, а Паркер не на шутку разнервничался.

— С вами все в порядке?

— Пардон, голова закружилась.

— Ага, слышал, у вас... проблемы с равновесием.

Он снова сел напротив меня и молчал, давая мне время перевести дух. Я воспользовалась шансом окунуться в послевкусие от сумасшедшей любви, которую испытывала Амита к мужу. Я ее хорошо понимаю. С опасными таинственными типами всегда так.

Глубоко вздохнув, я открыла папку и стала просматривать документы, пока Паркер вводил меня в курс дела и всего, что есть в наличии против Лайла Фиске. Выглядело все, мягко говоря, не очень. Понятно, почему Шут-Ник так отчаялся, что даже обратился ко мне.

На бумаге парень казался виновным на все сто. Его нашли на месте преступления, покрытым с ног до головы кровью Эмери. В салоне машины обнаружили его отпечатки, а в руках у него был ее телефон. Кроме того, согласно отчету офицера, прибывшего первым на место преступления, Лайл вел себя настолько враждебно, что его пришлось усмирить. Если Фиске невиновен, то скорее всего дело было не во враждебности, а в том, что он обезумел от увиденного.

Но если он все-таки это сделал и находился на месте убийства до приезда полиции, то куда делось тело? Отпечатков Фиске на руле машины Эмери не нашли, а его пикап тут же конфисковали. Внутри нашлись только свидетельства того, что девушка бывала в тачке своего бойфренда, в чем ничего удивительного нет. И никаких следов, которые могли бы остаться, если бы он перевозил куда-то тело.

Короче говоря, дело строилось на косвенных уликах и могло похвастать серьезными дырами. Мне оставалось лишь понять, как проделать таких дыр побольше, чтобы у жюри присяжных было достаточно сомнений, которые приведут к оправдательному приговору. Если, конечно, Лайл Фиске действительно никого не убивал.

*Однажды я пыталась организовать банду,
а получился книжный клуб.*

Мем

Когда я вернулась в приемную, то бишь в кабинет Куки, она как раз закончила с кем-то говорить по телефону, и я тут же почувствовала что-то тревожное. Похоже на все ту же депрессию, которую я ощущала уже не один день.

— Как все прошло? — спросила Куки, глядя, как Паркер оглянулся напоследок и закрыл за собой дверь.

Я показала ему средний палец (мне же двенадцать лет!) и повернулась к подруге:

— Чудесненько. С тобой-то что приключилось? Что-то не так?

— В смысле?

— Ты хандришь с тех пор, как мы вернулись.

— Просто переживаю за тебя. Ты ж меня знаешь, я та еще паникерша. — Куки пошевелила пальцами вокруг головы. Знать бы еще зачем.

— Понимаю, честно. Но есть ощущение, будто ты мне чего-то недоговариваешь. А у меня на такие дела интуиция отменная.

— Не-а. Мне скрывать нечего.

— Ты же в курсе, что можешь поделиться со мной чем угодно?

— Чарли, у тебя и так забот полон рот. Мои проблемы по сравнению с твоими просто-напросто дурацкие.

— Чего?! — офонарела я. — Какие еще проблемы? В чем дело?!

Куки поникла прямо за столом. В каждом движении сквозила печаль.

— Эмбер решила, что хочет закончить семестр в ШГ.

— В ШГ? В «Школе для глухих» в Санта-Фе?

В ШГ учится Квентин, в которого Эмбер по уши влюблена. С Квентином все ясно, он действительно глухой, но Эмбер — и близко нет.

— Классная идея! — сказала я, стараясь выжать из себя весь энтузиазм. — Наверное. Только... у нее точно все для этого есть? В смысле она не забыла, что ей должно кое-чего для этого не хватать? — Куки вопросительно изогнула бровь, и я объяснила: — Она же хорошо слышит. А там, ну... учатся глухие дети.

— А-а, ты об этом! Туда принимают слышащих детей. В основном, конечно, родственников учащихся или детей местных учителей.

— А подружек учеников тоже принимают? Надо же, какая дальновидная там администрация!

— Не принимают. Но Эмбер так активно участвует в жизни своей школы, что в ШГ решили сделать для нее исключение. Видимо, она произвела там впечатление. Ее все любят. Учителя, ученики, подсобные рабочие. Мужик из столовой вообще души в ней не чает. Эмбер постоянно привозит домой сальсу его собственного приготовления.

— О да, — мечтательно протянула я, — чувак просто космос.

— Я о том же.

— Но, как бы замечательно все это ни было, ты не хочешь, чтобы она там училась, да?

— Не то чтобы не хочу. Это же такой опыт — полностью погрузиться в другую культуру! Вот только она хочет весь комплект. Выжать из возможности все соки.

— Вряд ли все так пошло, как кажется из этих слов.

— Эмбер хочет в учебные дни жить с остальными учениками. То есть, как все они, оставаться на учебную неделю в школе.

— А-а. — Понятно, почему Куки так расстроена. — То бишь она почти неделю будет жить в общежитии? С девочками в комнате, где через стенку живут мальчики?

Куки молча кивнула, а с ее лица легко можно было вылепить маску беспокойства.

— Что ж, тут я с тобой солидарна.

— Фактически они будут жить вместе, — сказала Кук. — Эмбер очень хочет там учиться, и это прекрасная возможность. Но она же еще маленькая! Да оба они еще сущие дети.

— Согласна. Я знаю, что они влюблены, — тут я показала в воздухе кавычке, — но это офигеть какое важное решение! Я бы даже сказала, это большое дело. Больше, чем грудь у Эмбер.

— Ну, грудь у нее не большая, — начала Куки, — но...

— Да я не о том! В свое время грудь у нее будет что надо. Но сейчас мы говорим об очень важном, очень большом, блин, решении. Она до сих пор не оправилась от всей этой фигни с лифчиками, а теперь еще и это? Может быть, мне стоит с ней поговорить...

— Правда? Ты с ней поговоришь? — спросила подруга, чье лицо сейчас выражало все надежды мира.

— Само собой. Она же вполне может учиться там днем, а ночевать дома. Никакой нужды оставаться в общежитии нет, правильно?

— Правильно. А если ей там понравится, мы можем вернуться к этому разговору летом.

Я похлопала подругу по спине.

— Похоже на план.

— Итак, — сказала Куки, успокоившись от моего обещания уговорить Эмбер снять ногу с педали газа и хотя бы на время притормозить, — раз уж мы обнажаем нутро, что не так с тобой?

— Чего? — фыркнула я. — Со мной все путем.

— Чарли, я знаю, что тебя что-то беспокоит. Тебе меня тоже не обмануть, помнишь?

— Ну правда, все в порядке. Солнце почти видно. Небо почти голубое, хоть и с мощным серым оттенком, но это мой любимый цвет. Что может быть не так?

— Ты можешь поделиться со мной чем угодно. И ты прекрасно это знаешь.

— Ага. Только, похоже, временами я забываю, какая ты у меня клевая. Просто слишком много навалилось в последнее время. Да и в Нью-Йорке много всего произошло.

— Я в курсе, я ж там была, помнишь?

Я тихо рассмеялась:

— Знаю-знаю! Но я много чего тебе не рассказывала.

Куки подалась вперед.

— Серьезно? Например?

— Ну, мне кажется, что после нашего возвращения Рейес стал от меня отдаляться.

— Чего? Ох, солнце, ты ошибаешься!

— Нет, серьезно. Он ко мне неделю не прикасался. Так и знала, что надо было пойти качать вагинальные мышцы, когда бездомный чувак презентовал мне купон на пятидесятипроцентную скидку!

Уронив лицо в ладонь, я драматично рухнула на стол Куки.

— Чарли, я очень сомневаюсь, что накачивание вагинальных мышц может помочь... да с чем угодно.

— Но это еще не все. — Я отодрала лицо от стола. — Помнишь тот вечер, когда Куур пытался меня убить?

Куур был эмиссаром, которого Люцифер послал меня убить. А точнее — заключить в ловушку в божественное стекло. Благодаря надменности демона и жертве моего отца я не попала в ловушку, а поймала в нее самого Куура.

— Еще бы! Об этом ты мне точно рассказывала, — махнула рукой Куки, явно не горя желанием снова слышать эту историю.

— Ага, рассказывала, зато не рассказывала, что в тот же вечер перешел мой отец. Именно так ко мне и вернулась память.

— Минуточку. То есть он перешел, надеясь, что так ты все вспомнишь?

Я кивнула.

— И получилось?

Я кивнула еще раз.

— А когда он перешел, я увидела замечательные вещи, Кук. А ведь даже не подозревала, что он все это чувствовал. Он меня любил. Несмотря на то, что папа выбрал хреновую вторую жену, он по-настоящему меня любил.

— Конечно, любил! Неужели ты в этом сомневалась?

— Не знаю. Наверное, нет. Но увидеть это было приятно.

— Значит, он перешел, — мягко проговорила подруга понимающим тоном. — Теперь его на самом деле нет.

— На самом деле, — эхом отозвалась я, борясь с подступившим к горлу комком. — Но тогда я многое узнала. Папа показал мне такие вещи! Теперь я даже не знаю, как обо всем рассказать Рейесу.

— Какие вещи? — спросила Куки, осматриваясь по сторонам в поисках только что упомянутого сверхъестественного существа. — Что такого важного мог показать тебе папа? Ты и так невероятная. Ты нечто такое, о чем никто из нас и подумать не мог. Вряд ли в наших знаниях остались существенные пробелы.

— Ты можешь очень удивиться, — печально улыбнулась я.

Куки сложила на груди руки.

— Не-а, не могу. Это просто-напросто невозможно. Больше меня ничем не удивить. Сто процентов. В текущий момент я воплощение неувидляемости.

— Уверена?

В Куки поднялась тревога. Подруга хорошо знала, что такие заявления лучше не делать. Но не подколоть ее я никак не могла.

Оглянувшись, я убедилась, что поблизости нет никаких богов, засунула руку в карман и вытащила кулон. Для Куки он выглядел, как обычное украшение на шею. Как красивый древний медальон, не более.

А для меня... Словно в опал заключили галактику, внутри которой скрывалась еще одна. При каждом взгляде кулон блестел, мерцал и манил.

— Какая красота! — ахнула Куки. — Это тебе папа как-то передал?

Я покачала головой:

— Нет. Это подарочек от Куура.

— Что ж, с его стороны это очень мило, — пробормотала подруга, не зная, как относиться к моим словам.

— Ага. Не каждый день чувак дарит девушке, которую пытается убить, красивый медальон. Тем более из пятнадцатого века.

— Из пятнадцатого? — зачарованно переспросила Куки. — А ты счастливица. Не пытайся он тебя порешить, наверняка был бы приятным парнем.

— Видишь ли, Кук, это не просто медальон.

— Конечно, нет! Он тебе достался от злобного убийцы из другого измерения. Не может этот кулончик быть обычным украшеньцем. — Замолчав, Куки глубоко вздохнула и, образно говоря, сжала внутренности в кулак. — Ладно, срази меня наповал. Что это такое? Я все выдержу.

— Внутри этого невинного на вид кулона с невинным на вид камнем и невинной на вид резьбой находится целый мир.

В этот момент Куки уже едва не прикоснулась к медальону, но вдруг остановилась и медленно убрала руку.

— И не какой-нибудь там другой мир, а ад. Адское измерение. Куура послали засадить меня туда на веки вечные, но вместо этого я вышвырнула туда самого Куура — очень похожее на демона существо из другого мира. А там, в этом адском измерении, полно невинных людей, которых я просто обязана вытащить оттуда одного за другим, и при этом не дать выбраться Кууру. Но что еще хуже...

— Еще хуже? — переспросила Куки, чье лицо уже приобрело пепельный оттенок.

— Я понятия не имею, как все это провернуть.

Ко мне вернулись воспоминания с тех времен, когда я была богом, но по какой-то непонятной причине я не могу пользоваться этими знаниями в человеческом виде. Всему приходится учиться заново.

— Что ж, у всех у нас свои маленькие проблемы. Правда, по сравнению с твоими, мои кажутся жалкими и ничтожными.

— Не смей так говорить. Эмбер растет, и смотреть на это тяжело. В наших глазах она по-прежнему маленькая девочка.

— Чарли, тебе пришлось отослать дочь еще до того, как ты ее толком узнала. По сравнению с этим, мои проблемы просто смехотворные.

— Ничего подобного. Кроме того, я тебе еще не рассказала самое интересное.

— Неужели есть что-то еще?

— Ты меня как будто первый день знаешь, Кук! Всегда есть что-то еще.

— В твоём мире — да. Ладно, я готова. Что бы ты ни выложила, я справлюсь.

— Как скажешь. Когда папа перешел, я узнала, что Рейес, мой прекрасный, умопомрачительный муж — бог.

Пришлось дать подруге время переварить информацию. Ей это точно было нужно. Сейчас Куки смотрела на меня с отвисшей челюстью. Причем челюсть отвисла настолько, что вполне могла треснуться о стол. Немного подождав (в конце концов, у нас были дела), я добавила:

— Он один из трех богов Узана.

— А разве они не плохие?

— Беспредельно.

— Ох, Чарли... Кажется, я не все понимаю.

— Добро пожаловать в клуб. Причем я понятия не имею, знает ли об этом сам Рейес. Сатана обманул одного из трех богов Узана и поймал его в ловушку с помощью этой шпучки. — Я погладила стекло, под которым сиял камень с целым миром внутри. — А называется она божественное стекло.

Куки подалась чуть ближе, но все еще сохраняла безопасную дистанцию.

— Но почему... то есть как там оказались невинные люди?

— Это долгая история об одном очень злом священнике. Скажу только, что эта шпучковина кошмарно могущественная, а когда медальон открыт — еще и огромная.

— Я... даже не знаю, что сказать.

— Пока ничего и не говори. Я еще не закончила. — Глаза Куки распахнулись, а я продолжала: — Скажем так, исключительно в порядке бреда, с помощью этого стеклышка я могу, если придется, остановить богов Узана. И Рейеса тоже.

— Остановить Рейеса?! — в панике пискнула Кук.

— Если придется, — повторила я. — А еще, скажем так, Михаил, который архангел, оставил мне жизнь. Пока что.

Куки еще сильнее побледнела, но меня уже несло. Лучше выложить все одним махом.

— А еще я могу вернуть Пип, и мы можем, скажем так, спасти мир или что там еще нам предстоит.

В знак поддержки Куки молча кивнула.

— Однако есть еще кое-что похуже.

— Хуже, чем адское измерение в кулоне?

— Да.

— Чем тот факт, что архангел пытался тебя убить?

— Всего один раз, но снова да.

— Чем то, что твоей дочери придется сразиться с Сатаной за судьбу планеты?

— Ага.

Совершенно растерявшись, Куки покачала головой, наклонилась вперед и коснулась моей руки.

— И что это за ужас?

— Рейес платит алименты.

Подруга застыла. Поморгала. Сурово сдвинула брови.

— Не поняла.

Глаза запекло от слез, но я изо всех сил старалась не разреветься.

— Рейес, мой Рейес... платит алименты. Я видела чек.

— Ну ладно, — протянула Куки, пережевывая услышанное. — Допустим, то, что Рейес платит алименты, хуже, чем все, что ты тут наговорила.

— К чему ты клонишь?

— Кому он платит? Какой-нибудь бывшей подруге?

— Думаешь, у него есть бывшие подруги? — фыркнула я.

— У тебя же есть бывшие бойфренды.

— Есть, но я не сидела десять лет в тюрьме. К тому же, перед тем как попасть за решетку, Рейес вряд ли мог наплодить детей. Сколько ему тогда было? Лет двадцать?

— Вполне достаточно, чтобы какая-нибудь девушка от него забеременела. Уж поверь мне.

— С чего ты взяла, что он вообще встречался с девушками?

— Ты его видела?

— Ну-у, в те времена он был очень застенчивым.

— А это прямо-таки отпугивает цыпочек.

Проклятье! Она права. Офигенные сексуальные и застенчивые парни — это просто-напросто пылающее инферно для мотыльков во время овуляции.

— Как думаешь, много у него таких бывших подружек?

— Постараюсь разузнать.

— Ну так, чисто навскидку. Пять? Десять?

— Я постараюсь разузнать, — повторила подруга успокаивающим тоном из оперы «не переживай, я рядом».

Что ж, сработало.

— Правда?

— Само собой. К тому же, должно быть какое-то объяснение. Если бы у него был ребенок, он бы наверняка тебе сказал.

— А может, он сам только недавно узнал. Чеки он выписывает не так уж долго. Где-то три-четыре месяца. Или так, или его второму ребенку всего три или четыре месяца от роду. А значит, кто-то забеременел от Рейеса раньше, чем я забеременела Пип.

— Нет, — покачала головой Куки. — Не может быть. Он на тебе помешан, Чарли. Ради тебя он пересек адские пустыни. Веками ждал, когда тебя пошлют на Землю. Отказался от всего, даже от собственных воспоминаний, чтобы родиться человеком и видеть твою улыбку.

— Когда ты так говоришь... Но все равно, Кук, давай посмотрим правде в глаза. Жить со мной двадцать четыре часа в сутки не так уж легко.

— А с ним разве легче? — Когда я молча опустила глаза, подруга добавила: — Чарли, ты удивительная. Сама знаешь, как сильно я тебя люблю, но сейчас нужно сосредоточиться на более важных деталях.

— Точно, — согласилась я и расправила плечи. — Не важно, когда это все случилось. Важно — с кем. Он ее любил? — Тут меня осенило, и я громко ахнула: — А вдруг он ее до сих пор любит?!

— Вообще-то, я имела в виду детали вроде того, что Рейес — злой бог, одержимый идеей разрушить нашу планету, и что архангел хочет тебя убить. Но можем начать и с твоих вопросов.

Чтобы успокоиться, я глубоко вздохнула.

— Нет-нет, ты права. Я должна напялить бабулькины рейтузы и заняться делом. Все, стрингов больше не ношу.

— Разве у нас есть дело? — поддразнила меня подруга.

— Самое настоящее! — кивнула я. — Если верить Шут-Ни... точнее Нику Паркеру, то невиновный человек отправится в тюрьму, если мы не выясним, кто убил его подружку, Эмери Адамс.

— Вот видишь? Полезно чем-нибудь себя занять. Так хоть немного отвлечешься от мыслей о полнейшем уничтожении Земли и смерти от руки сердитого небесного создания.

— Но ты ведь все равно поищешь, да? Информацию по поводу алиментов?

— Ясное дело. А ты иди и начинай заниматься частнодетективными делишками.

Посмотрим, что мне удастся выяснить.

Я кивнула. Окунуться с головой в работу — дельная мысль. Хотя на время перестану заикливаться на, как сказала Куки, полнейшем уничтожении Земли и смерти от руки сердитого небесного создания. Не говоря уже о самой важной из наших проблем: у Рейеса есть еще один ребенок.

Отвлекаться мне не хотелось лишь от мыслей о Пип. Ни на минуту. Этим я сыта по горло со времен пребывания в Сонной Лощине и не позволю такому повториться ни за какие коврижки.

Впрочем, последствия такого сценария меня мало волнуют. Я верну себе дочь во что бы то ни стало. И никакой бог ни в этом измерении, ни в другом меня не остановит.

*Моя любовь как свеча.
Бери меня везде с собой, и я буду освещать твой путь.
Забудь про меня, и я спалю к чертям твой дом.*

Надпись на футболке

С той стороны моего кабинета, где был балкон над баром Рейеса, послышались шаги. Половицы скрипели, пока шаги не остановились за дверью. Я подошла ближе и стала ждать, прекрасно зная, кто стоит за порогом. Его эмоции казались мне осязаемыми, как центральные спирали торнадо. А еще я чувствовала запах красного чили. Господи, кто бы знал, как я люблю этого мужчину!

— Ты меняпустишь, или как? — спросил Рейес с той стороны. Не с «той самой стороны», которая по ту сторону, но все-таки.

— Зависит от того, знаешь ли ты тайный пароль.

— Чили.

Я распахнула дверь.

— Священный зеленый чили, Бэтмен. Но ты молодец.

— Мне нравится так думать, — отозвался Рейес, глядя на меня мерцающими глазами. Он принес две тарелки, но, когда я посторонилась, чтобы дать ему войти, остался стоять в коридоре. — Ты должна меня пригласить.

— Твое среднее имя, часом, не Дракула?

— Почти.

И все-таки он не сдвинулся с места.

Я изобразила величавый жест:

— Ты официально приглашен в мою скромную обитель.

Со скромностью я, конечно, погорячилась. Пока нас не было, Рейес отремонтировал и весь этаж, где находился мой офис, но бар оставил таким же, каким он достался ему от папы. Словно хотел сохранить воспоминания для меня и моей сестры. Зато мой офис теперь может дать фору любой фешенебельной квартире на Манхэттене. Сплошные мягкие цвета и плавные линии. Разве что обеденного стола нет.

Рейес по-прежнему не заходил. Занервничав, я оглянулась по сторонам. Может быть, у меня тут что-то неприятное завалялось? Однако ничего такого я не заметила. Правда, мои вкусы, мягко говоря, слегка не вписываются в понятие нормы.

Я снова повернулась к Рейесу, чье выражение лица кардинально изменилось за считанные секунды. Он стал предельно серьезным.

— Уверена, что хочешь этого?

— Чего конкретно?

— Пригласить меня.

Или я чего-то не понимаю, или понятия не имею, о чем речь.

— Само собой. Здание ведь принадлежит тебе.

— Нам, — резким тоном поправил меня Рейес. — Здание принадлежит нам. И я не об

этом спрашивал.

Ничего больше не сказав, он зашел в кабинет, все еще держа по тарелке в каждой руке, наклонился и прижался ко мне губами. Мои наполовину сжатые в кулаки руки тут же легли ему на грудь, а я вся растворилась, растаяла в Рейесе. Точнее почти вся. Частично я растаяла прямо в штаны.

По-настоящему он меня не целовал целую неделю. Горячие, как огонь, губы мгновенно превратили нежный поцелуй в требовательный. Язык прошел по моим зубам, настойчиво скользнул в рот, и мне пришлось цепляться за рубашку Рейеса, чтобы не начать расстегивать на нем джинсы. Жар, который всегда его окружает, опалял мне губы, впитывался в волосы, ложился лентами на кожу и давил между ног.

Но даже сейчас зудящая на задворках сознания тревога прогрызала себе путь. Я не могла забыть о своих переживаниях. Не могла не думать о том, продиктованы ли действия моего мужа Рейзером. Станет ли он угрозой для нашей дочери? Победит ли когда-нибудь бог разрушения окончательно и бесповоротно? Или бог такая же часть Рейеса, как и бог во мне? Часть самого естества, прописанная в ДНК?

Я — вэл-итх, бог Эль-Рин-Алитхиа. Но в той же мере я и Чарли Дэвидсон. Нас нельзя разделить, мы — не две разные личности, а одна. А вдруг с Рейесом так же? Вдруг последний и самый молодой из трех богов Узана такая же часть его самого? Может ли тот, кто создан из абсолютного зла, измениться, если добавить в него хоть каплю чего-то хорошего? Я искренне надеюсь, что может.

Внезапно я вспомнила об алиментах и мигом превратилась в десятиклассницу, заиклившуюся на мыслях о том, скольких девочек раньше целовал ее бойфренд, скольких успел завалить на заднем сиденье отцовского «бьюика» и скольких успел облапать, пока его не продинамили.

Наверное, Рейес почувствовал мои сомнения. А может быть, именно поэтому он от меня отдалается?

Он напрягся, и я поняла, что он и правда все почувствовал. Я вздохнула. Холодный воздух на губах показался мне чистым льдом. Успев удивиться, я прервала поцелуй, задумавшись, откуда взялся холод.

От печальной улыбки приподнялся уголок красивого рта. Словно наслаждаясь послевкусием, Рейес медленно облизал губы, а потом сказал:

— Так я и думал.

Я недоуменно моргнула. Он говорил, что больше не чувствует моих эмоций. Не чувствует с тех пор, как я узнала свое неземное имя, дематериализовала собственное человеческое тело и обрела больше сил. Значит, он никак не мог почувствовать мои нынешние тревоги.

— Не понимаю.

Рейес опустил голову.

— Тогда я ничем не могу помочь.

— Рейес...

— Ешь. — Он отдал мне тарелки, которые оказались такими горячими, будто их только что вынули из духовки. Интересно, он готовил или кто-то еще? — Я пришло Валери забрать тарелки.

С этими словами он развернулся и пошел к двери, но я успела спросить:

— Какую еще Валери?

Однако Рейес и не думал отвечать, а продолжал идти по три ступеньки за раз. Каждое его движение было беззвучным, гибким и просто сочилось силой. Постояв еще секунды две, я побежала к Куки, чтобы отдать ей тарелку. Рейес, конечно, вырос в аду, но у меня, в отличие от него, точно нет способности выдерживать без ожогов кошмарно горячие штуки на ладонях.

— Горячо! — выдохнула я, практически бросив обе тарелки на стол подруги.

— Едой меня не отвлечь, — заявила Куки, не отрываясь от монитора.

— Готовил Рейес.

— Это же совсем другое дело! — Подскочив, она побежала за вилками и салфетками, а заодно метнулась к Бунну за добавкой.

Я села за стол напротив ее кресла. В приемной мы едим частенько, чтобы дать знать потенциальным клиентам, что мы тоже люди, которым нужно есть, пить и избавляться от лишней жидкости в туалете. То, что мы по их указке должны в безбожные часы гоняться за их же блудными супругами, не значит, что нам тоже хоть изредка не нужны передышки. В конце концов, существуют законы. А у нас есть права!

Ладно-ладно, шучу. Мы едим в приемной только потому, что оттуда лучше видно кампус Университета Нью-Мексико. Наблюдать за людьми увлекательное и одновременно познавательное занятие.

— У нас новое дело, — сказала я, когда Куки вернулась с полной чашкой.

— Ты уже говорила, ага. А со старым что?

— Прошлой ночью все выяснила. Осталось только собраться с духом и встретиться с миссис Абельсон.

Куки помрачнела:

— Ее муж все-таки изменяет?

— Хуже. Тусуется со студентами, играет в видеоигры и экспериментирует с марихуаной.

— И почему это хуже?

— Ты миссис Абельсон видела?

— А-а-а! — понимающе протянула Куки. — Поняла. Хочешь, чтобы я прямо сейчас назначила встречу?

— Нет.

— Супер, тогда сейчас и позвоню.

— Сомневаюсь, что смогу ее сейчас вытерпеть.

— Видишь ли, кто-то должен ее терпеть, и это точно не я.

— Нет.

Куки взяла трубку и, наплевав на мои протесты, стала набирать номер миссис Абельсон.

— А может, все-таки не надо?

— Сорви уже этот чертов пластырь, — отозвалась подруга, нажимая на кнопки ручкой.

— Не хочу.

— Еще как хочешь!

— Мне нравится пластырь там, где он сейчас есть.

— Тебе сразу полегчает.

— С бинтами и лейкопластырями я выгляжу благороднее.

— Оторви его, и все.

— Больно же будет.

— Как и от иска, который подаст миссис Абельсон, если узнает, что по твоей милости страдала от сомнений дольше, чем было нужно.

— Да не посмеет она подать на меня в суд! — ахнула я.

— Ты миссис Абельсон видела?

Я удрученно поникла и, так и не выпрямившись, протянула руку за трубкой. Назначив встречу на сегодня, я решила поприставать к помощнице. Точнее поприставать больше, чем обычно.

— Что почитываешь?

— Ничего.

Куки тут же отвернула от меня монитор, поэтому я, естественно, развернула его обратно.

— Я работала, клянусь, — пробормотала она с набитым ртом, где уже обосновались яйца, тортилья, картошка и красный чили. — А потом пара щелчков мышкой — и я заблудилась в логове дьявола.

— Опять заблудилась у нас дома? — Я набила собственный рот, дала себе пару секунд осознать, что только что съела крошечный кусочек рая, а потом наклонилась, чтобы рассмотреть фотографию на экране. — Фотка липовая.

Куки просматривала так называемые необъяснимые снимки из прошлого. Все черно-белые и все до единого, надо признать, одинаково жуткие. Ей-богу, я и сама пару раз падала в эту кроличью нору. Понять Куки можно. Наши последние рабочие дни проходили в основном за просмотрами видео с прикольными котами и роликов Эллен Дедженерес на «Ютьюбе».

— А почему тебя так расстроило то видео, которое мы сегодня смотрели? — спросила я.

— Потому что... минуточку! С чего ты взяла, что фотка липовая? Эти фотки нельзя объяснить, потому их и называют необъяснимыми. В этом весь смысл.

На снимке, на который сейчас смотрела Куки, была изображена маленькая девочка с крылатой феей на плече.

— Ты серьезно?

— Ну ладно, — сдалась подруга, — а как насчет этой?

На фотке мужчина в смирительной рубашке левитировал над кроватью.

— Фальшивка.

— То есть левитирующих психов не бывает, а ангелов смерти пруд пруди?

Она права.

— Типа того.

Я прожевала очередной кусок.

— Фиг с тобой. Но следующую фотку точно ничем не об...

— Липа, — выпалила я, как только Куки вывела на экран следующий снимок. — Скажи честно, чего ты ждешь?

— Не знаю. А как тебе эта фотография?

— Чушь. — На фотке мальчик со скрещенными по-турецки ногами висел над старой детской четырехколесной повозкой фирмы «Радио-Флаер». — И я думаю, ты все прекрасно знаешь.

— Тебя могут разоблачить, — наконец призналась подруга.

— Я и раньше себя с потрохами выдавала, но тебя это никогда особенно не заботило.

— Я не о тех потрохах, которые ты выдаешь под мухой. И откуда тебе знать?

— Ну, ты никогда не говорила, что тебя подобное волнует.

— Да нет же, я про снимок.

Я указала на экран вилкой:

— Ты видишь парящего мальчика?

— Ясное дело. Именно поэтому фотка попала в категорию странных и необъяснимых.

— Люди не парят. По крайней мере живые. Если бы мальчик действительно парил, он был бы в нематериальном виде. Или его бы поднимало какое-нибудь нематериальное существо. Если ты мальчика видишь, то он точно вполне себе при теле. А вот я не вижу никого бестелесного, кто бы его поднимал. И что с того, если меня разоблачат? Немножко разоблачения никому еще не вредило. И вряд ли за мной пришлют ангелосмертскую полицию.

Куки снова щелкнула мышкой.

— Наверное, ты права. Но ты не знаешь, чье внимание может привлечь то видео. Как думаешь, это из-за него на тебя в Ватикане завели дело?

— В смысле, из-за видео? — Я отправила в рот очередной кусок. — Если верить их цепному псу, у них на меня досье с того самого дня, как я на свет появилась. Так что вряд ли. — На следующей фотке был изображен мальчик, покрытый чешуей. — Фальшивка.

Без лишних вопросов Куки клацнула на новый снимок.

— А если это видео попадет в руки каких-нибудь неправильных сил?

— Каких, например? Если ты о вооруженных силах, то это будет даже весело. А все остальные силы прекрасно знают, кто я такая. Я же чертов маяк. Так что им даже известно, где я нахожусь. Понятия не имею, кто бы мог привлечь еще больше внимания, чем я. По крайней мере в сверхъестественном мире. Липа... липа... липа... обычная жуть... липа...

— А если видео попадется на глаза кому-то из этого мира? Кому-то такому, кто ничего не знает, но сильно заинтересуется? Очень, очень, очень сильно заинтересуется?

Я чувствовала, как в подруге поднимается тревога.

— Да кому какая разница, Кук? Разве это что-нибудь изменит?

— Но...

— Во-первых, — нагло перебила я, — никто этому видео не поверит. Все подумают, что там были веревки или кто-то хорошо разбирается в компьютерной графике.

Едва заметно пожав плечами, Куки уставилась на очередную фотку.

— А во-вторых, даже если кто-то и обратит на запись внимание, то повторяю свой вопрос: что этот кто-то может сделать? — Я глянула на снимок. — Фальшивка, и это ясно, как божий день.

— Ты вроде как лишаешь всю задумку волшебства.

— Знаю, солнце. Изви... — Доизвиняться мне так и не удалось, потому что следующая фотография лишила меня дара речь. Я подалась поближе. Прищурилась. И застыла. — Этс еще что такое?!

Не донеся вилку до рта, Куки тоже замерла.

— Только не говори, что девочка и правда могла так запросто снять с шеи собственную голову.

— Нет-нет, это полная фигня. А вот на заднем плане... — Я практически ткнула в экран пальцем. — Видишь мальчика? Что он делает?

На заднем плане смехотворной фотографии, где девочка держала за светлые волосы

что-то очень похожее на ее же голову, стоял мальчик и показывал пальцем на витрину какого-то магазина.

— Ты про вот этого? — уточнила Куки, потому что на снимке их было несколько.

Тот, про которого я говорила, был одет по старинке. Короткие штанишки. Носки по колено. Подтяжки. На голове — фуражка разносчика газет. Он смотрел прямо в камеру и указывал на витрину.

— Да. — Я отложила вилку, отодвинула тарелку и практически улеглась на стол, демонстрируя всю глубину декольте, но Куки не купилась. А зря. Она вполне могла бы кое с кем посоперничать за место в моей постели. — Распечатай.

— Ла-а-адненько, — настороженно протянула она. — Мне начинать паниковать?

— Не знаю. — Я побежала к принтеру и стала вытаскивать лист бумаги еще до того, как закончилась печать. То бишь мы поиграли с принтером в войнушку, пока он позорно не сдался. Вернувшись за стол, я ткнула пальцем в изображение. — Посмотри на витрину. Что ты видишь?

— Грязь. Все заляпано.

— А на узоры не похоже? Или на какой-нибудь странный шрифт? Или даже на пиктограммы?

— Да нет. Просто пятна грязи. Смахивают на тест Роршаха. А в чем дело? — Я продолжала молча пялиться на снимок, и Куки добавила: — Чарли, блин, что ты видишь?

— У мальчика в винтажных шмотках грязные руки. Как будто он писал на витрине. Но дело не в нем, а в том, что на этой витрине написано.

— И что там написано? — спросила Куки, чьи любопытство и тревога росли с каждой секундой.

— Это ангельское письмо.

— В смысле ангельский язык? То есть мальчик ангел?

Я чуть не рассмеялась:

— Это вряд ли. По крайней мере очень сомневаюсь.

— Ты можешь прочитать надпись?

— Еще как могу, — ответила я, чувствуя, как по спине ледяной змеей ползет страх.

— Ну и?

Казалось, этого не может быть. То, что я видела, просто-напросто не укладывалось в голове.

Чтобы вернуть меня в реальность, Куки коснулась моей руки:

— Так что там написано?

— Это послание, но как такое возможно?

— Послание от кого?

— Если не ошибаюсь, то этот мальчик — Рокет.

— Рокет? Наш Рокет? Который из дурдома?

— Да.

Я всмотрелась в круглое лицо, в мальчишеские черты. В то время Рокет был как раз примерно такого возраста.

— И что там написано? — Куки подалась ближе и сощурилась, изо всех сил пытаясь увидеть то, что вижу я. — Кстати, я не понимаю. Откуда ты знаешь, что это он?

— Во-первых, мальчик очень на него похож, а во-вторых, на витрине написано «Мисс Шарлотта, что больше хлебницы?».

Куки глянула на меня, до сих пор ничего не понимая.

— Рокет единственный, кто называет меня мисс Шарлотта. Но я понятия не имею, что значат эти слова, и как, бога ради, он додумался передать мне послание. Он умер лет через двадцать после того, как сделали эту фотографию. А со мной познакомился вообще лет через пятьдесят с лишним.

— Магазины, кстати, не какой-нибудь, а булочная. Причем покрашен так, чтобы было похоже на хлебницу.

— Ясно. — Тут мне придется поверить подруге на слово.

— У моей бабушки была похожая. Смотри, вот тут как будто ручка есть.

Я и правда разглядела нечто похожее на хлебницу с ручкой наверху, а над ручкой виднелась вывеска «Хлебобулочные и кондитерские изделия мисс Мэй».

— Ну и что тогда может быть больше, чем это здание? — спросила я. — Ничего не понимаю.

— Я тоже. И как такое вообще возможно?

— Ну, на самом деле есть куча вещей, которые могут быть больше, чем эта булочная.

— Да нет...

— Ну, например, здания, которые побольше и повыше.

— Я не о том...

— Небоскреб!

— Чарли. — Куки пыталась разобраться во всей этой белиберде так же усердно, как и я. — Эту фотографию сделали не позднее, чем в сороковые.

— Если точнее, то в тридцатые. — Присматриваясь повнимательнее к мальчику, я все больше и больше убеждалась, что Рокет передал мне послание из прошлого. — Найди все, что сможешь, об этом снимке.

— Заметано, босс. Ей-богу, уровень жуткости в приемной только что увеличился в десять раз.

— Это потому, что вот-вот нарисует твой муж.

Куки оглянулась и восхищенно уставилась на меня:

— Ты действительно ясновидящая.

— А то!

Мне не хватило духу сказать ей, что я видела тень, а потом и размытый силуэт дяди Боба на стекле картины прямо за столом Куки. Момент был бы испорчен. Хотя понять не могу, почему хоть что-то, связанное со мной, до сих пор ее удивляет.

Я подскочила и пошла за курткой.

— Значит, так. Первым делом, найди все, что сумеешь, на жертву убийства, Эмери Адамс.

— Лады.

— И не забудь разузнать, кому мой муж выплачивает алименты.

— Как раз этим и занимаюсь.

— А потом...

— Иди уже, — сказала Куки, опять пристально изучая фотографию с Рокетом, а когда открылась дверь, подняла голову, чтобы взглянуть на моего дряхлого дядюшку.

Я быстренько его обняла, отчего он почувствовал себя крайне неловко. Не зря, значит, старалась. Дядя Боб похлопал меня спине и почти (почти!) обнял в ответ. Высокий и слегка страдающий от лишнего веса, он просто олицетворял собой нормы мужского поведения.

Мужики же не обнимаются. Это противоречит кодексу мужественности. Разве что у них развеселая и чисто братская вечеринка. Ну или какое-нибудь еще более мужественное событие. Как, например, тачбол. Или барбекю на заднем дворе. Для американских парней обниматься — это нормально, только если у одного или обоих сразу в руках щипцы для гриля.

А еще они не мчатся со всех ног к женам, чтобы подарить им страстный слюнявый поцелуй, чем в эту самую секунду и решил заняться Дибби.

Честное слово, я бы подождала, пока они не задохнутся, но в сутках всего двадцать четыре часа, поэтому пришлось рискнуть:

— Забыла спросить, Кук. Кто такая Валери?

В ответ подруга показала мне средний палец. В буквальном смысле. Видимо, в ее планы не входило прекращать разврат с моим собственным дядей. Меня распирало от гордости. Причем сильнее, чем распирало от гордости саму Куки, когда она отравилась чем-то несвежим и за два дня похудела на три килограмма. Однако я все-таки приняла это за сигнал испариться как можно скорее. Я вообще с трудом выношу публичную демонстрацию чувств, тем более когда в демонстрации замешан мой родственник. А особенно тот, который в свободное время без зазрения совести лапает мою лучшую подругу.

Я вышла на улицу, где уже царил тоскливый туманный день. Как раз такой, как я люблю. С северо-востока тянулись тучи, собираясь над Сандией и пряча вершину, отчего вся гора казалась похожей на котел ведьмы. Кто-то мог бы решить, что такая картина сама по себе поднимет мне настроение. Или тот факт, что гора была покрыта искрящимся снегом, вызовет у меня хотя бы улыбку. Но не тут-то было. Я боялась. Ужасно боялась. Страх заключил меня в кокон и просочился в легкие, лишая способности дышать.

На полпути к Развалюхе, своему вишневому джипу, я остановилась. Почему мне страшно? Я и раньше иногда боялась, но не так сильно. А сейчас мне было до смерти страшно.

И этот страх кружился вокруг меня плотным туманом. Я решила провести инвентаризацию. Осмотрела себя так тщательно, как только могла. Похлопала по карманам, по куртке, по «девочкам». Нет, дело точно не во мне. Но если не мой страх едва не парализовал меня, то чей?

Я осмотрелась по сторонам. Людей было не так уж много. Большинство контор в этой части Сентрал могут похвастать черным ходом, плюс через дорогу имеется колледж, и все же движение в нашем переулке было очень и очень жиденьким. Я заметила только несколько студентов, которые явно шли в университетский городок.

Я пошла вперед, стараясь сосредоточиться на источнике страха и борясь с желанием принюхаться, словно ищу, откуда в кухне взялся странный запах. Что тут скажешь? И такое бывает.

Лишь обойдя мусорный контейнер, я заметила бездомную девочку, которая явно находилась в бегах. Меня приложило ее страхом, как стеной, и волосы на затылке встали дыбом.

Девочка сидела на земле, скрестив ноги. Черные кроссовки определенно видали и лучшие деньки, как и грязное одеяло на ее плечах, которое когда-то было розовым. Черные короткие волосы были взъерошены, но не от грязи, а так, словно она только что проснулась. Юное лицо казалось совсем бледным. Девочке было не больше четырнадцати лет. Пятнадцать максимум. Она пыталась открыть йогурт с мюсли. Рядом со стаканом сока

лежала одноразовая ложка. Пальцы у девочки тряслись, а пленка из фольги на йогурте никак не поддавалась.

— Можно я тебе помогу? — спросила я так мягко, как только могла.

Темноволосая голова тут же поднялась. Полный удивления и страха взгляд на секунду остановился на мне и сразу двинулся по сторонам, проверяя, одна я или нет. Одному богу известно, через что прошла эта юная и красивая девочка. И одному богу известно почему, а точнее по чьей милости она оказалась на улице, и что привело ее к такому опрометчивому решению.

Удостоверившись, что мы одни, девочка смерила меня подозрительным взглядом, а я уже смотрела на то, что она собиралась съесть.

— Где ты это взяла? — спросила я, потому что внезапно меня больше заинтересовала еда, чем обстоятельства, в которых очутилась беглянка.

Если бы она попрошайничала, то на собранные деньги не стала бы покупать здоровую пищу. Большинство детей готовы жить только ради чипсов и пиццы, а эти йогурт и сок явно появились из магазинчика «У Бойда», который находится на углу напротив нашего бара и офиса.

Девочка точно не собиралась отвечать, но ее глаза сказали мне все, что нужно. Она быстро покосилась в сторону магазина, и мне пришлось усилием воли подавить вспышку гнева.

— Значит, это дал тебе мистер Бойд?

Она нахмурилась, а я чуть не фыркнула.

— Зуб даю, он тебе еще и на складе переночевать предложил, если тебе некуда пойти. Исключительно чтобы хоть немножко согреться, да?

Ответа я не услышала, но почувствовала, как мои слова нашли в девочке отклик. Значит, что-то подобное ей все-таки говорили. Более того, она тут же стыдливо покраснела.

— Этот чувак извращенец, солнце. До мозга костей.

Я шагнула ближе, и девочка застыла. Наверное, от того, как резко прозвучал мой голос.

— Держись от него подальше, — приказала я, потому что именно это, ясное дело, и нужно бездомному ребенку в бегах. Чтобы взрослые раздавали ей приказы направо и налево. Говорили, что делать. Пытались контролировать ее жизнь. А может быть, даже использовали в своих целях.

Она медленно поднялась на ноги, и я поняла, что перегнула палку. Девочка точно не собиралась со мной разговаривать.

В знак капитуляции я подняла руки:

— Погоди...

Но она сорвалась с места и помчалась по переулку, бросив и свои вещи, и завтрак.

Молодец, Дэвидсон, так держать.

На бегу девочка сбила мусорный бак, свернула за угол и помчалась на Сентрал. Я собрала ее вещи и спрятала за контейнером. Она вернется. Наша встреча не была полным фиаско. Я уловила ее... за неимением другого слова, запах. Эмоциональный отпечаток. Частоту, если хотите. А значит, смогу ее почувствовать. Если она не вернется, я сама ее найду. О да, я та еще ищейка. До мозга костей.

*Никак не могу запомнить,
добрая я сестра или злая.*

Надпись на футболке

Я подошла к Развалюхе, у которой теперь был собственный навес. Очередное «спасибо» мистеру Рейесу Фэрроу. Даже забавно, как сильно после возвращения я обрадовалась своей машинке. Красненькая, сияющая и готовая выполнить любую мою прихоть. В колледже у меня был еще один предмет, подходящий под это описание, только он вибрировал. И в кармане помещался. И его точно звали не Развалюха, а носил он весьма подходящее имя — Хан Соло.

Вместе с Развалюхой мы поехали в участок. С машиной, в смысле, хотя и эмоциональный сдвиг никуда не делся.

Паркер успел всех предупредить, что я приеду допросить бойфренда Эмери. Детектив по делу был крайне удивлен, но все-таки проводил меня в допросную, где уже ждал обезумевший и обессиленный Лайл Фиске.

Более того (чему я не очень-то удивилась), парень оказался таким же невинным, как только что остывший снегоочиститель. Может, под капотом и есть чуточка грязи (у снегоочистителей капоты вообще предусмотрены?), но ведь и пашет он усердно. Без своевременных замен масла.

Лайла пристегнули наручниками к столу. Может быть, его опять пришлось усмирять?

Он поднял голову, и по взгляду бледных карамельных глаз было ясно, что чувак не совсем осознает происходящее. Он явно был где-то не здесь. Судя по темно-рыжим волосам, Лайл не спал, хотя Паркер говорил, что его арестовали вчера вечером. Наверняка парень всю ночь ходил из угла в угол, а это говорит о невинности. Только виновные после ареста спокойно спят.

— Мистер Фиске, — начала я, протягивая руку, — я Чарли Дэвидсон, частный детектив и консультант полиции Альбукерке. Меня наняли заняться вашим делом.

Поначалу он и не думал пожимать мне руку, а молча смотрел на нее добрых полминуты и только потом все-таки ответил рукопожатием.

— Наняли? — переспросил Лайл, тщетно силясь осознать все, что с ним произошло за последнюю неделю.

Я решила на всякий случай проверить, все ли помню. Итак, его девушка была убита в собственной машине между шестью и одиннадцатью вечера меньше недели назад. Согласно отчету, который дал мне Паркер, Лайл собирался сделать Эмери Адамс предложение в тот вечер, когда ее убили. Именно он нашел ее машину посреди черт знает где и лично позвонил в полицию. По всей машине нашли его отпечатки, а сам он с ног до головы был покрыт кровью Эмери. Ах да! Чтобы уж совсем засыпать рану солью, накануне кто-то видел, как парочка ругалась.

Что ж, придется попотеть.

— Верно. Люди, которые меня наняли, — ответила я (и которые очень хотели, чтобы об

этом не знал ни Лайл, ни кто-то еще), — убеждены, что вы не совершали того, в чем вас обвиняют.

Чувак еле слышно рассмеялся без намека на веселье:

— Можно подумать, это хоть что-нибудь изменит.

С первого взгляда он совсем не показался мне циником. С Лайлом что-то случилось. Что-то такое, что настроило против него всю вселенную.

— Можете рассказать, что произошло в тот вечер?

— Мою девушку убили, и все думают, что это сделал я. Разве не поэтому вы здесь?

— Но ведь вы этого не делали? — спросила я, только чтобы иметь возможность в полной мере оценить его реакцию.

Вместо ответа он посмотрел на меня усталыми бледными глазами и спросил:

— Разве это имеет какое-то значение?

Такой цинизм разжег во мне нешуточное любопытство. Чтобы понять подобную враждебность, надо будет хорошенько покопаться в его прошлом. Как можно глубже. Было у меня ощущение, что Лайл из хороших парней. Хотя... он все-таки дружил с Ником Паркером. Может быть, на этот раз интуиция меня подвела.

— Мистер Фиске, — проговорила я, пытаюсь убедить его хоть чуть-чуть мне довериться, — постарайтесь представить, будто я ваш лучший друг. Я пришла ради вас. Если кто и может доказать, что вы невиновны, то точно я.

— У меня уже есть адвокат. Говорят, он лучший общественный защитник, которого можно нанять на деньги налогоплательщиков.

— Значит, Кристиансон. Он молодец, — согласилась я. — Он выбьет нам отсрочку для выяснения обстоятельств.

— Отсрочку?

Я сложила руки на столе.

— Пока дело не передадут в суд.

— То есть вы хотите, чтобы я просидел тут дольше, чем нужно? Вряд ли за меня назначат залог. И вряд ли мне светит плевать в потолок в домашнем уюте. Так какая разница, сколько я здесь проторчу?

— Мне бы не хотелось, чтобы власти торопились. — Приехали. Теперь меня, видите ли, волнует карьера Паркера. Если дойдет до суда, он рискнет всем ради друга. — Я планирую хорошенько вмешаться и развалить дело. Так что давайте надеяться на лучшее.

— Все вы одинаковые! — фыркнул Лайл. — Полагаетесь на авось. Одна вера в то, что кто-то не виновен, не дает гарантий, что он не проведет всю жизнь за решеткой.

Ладно, о надежде больше ни слова. Хочет напрямую — получит.

— Власти предложат вам сделку. Вы не возражаете против обвинений — они снимают смертную казнь с повестки дня. Ну или типа того. Потом вам дадут какое-то время на ответ, и все такое. Стандартная процедура. Если придется, мы можем отсрочить даже само предложение этой сделки. Пока я во всем не разберусь.

— То есть вы собираетесь взять и во всем разобраться? — скептически уточнил Лайл.

С таким же скепсисом я отнеслась к словам мальчишек с детской площадки, когда они сказали мне, что поймали в посадке черепаху. Им только и надо было, чтобы я пошла за ними. И я прекрасно это знала. Лайл тоже думал, что его обманут, и я понятия не имела, как его переубедить. Что ж, придется сделать так, чтобы обвинения сняли. Может быть, тогда он мне поверит.

— Я лишь прошу вас ничего не подписывать, пока я с вами не свяжусь.

— Если вы верите, что я не убивал Эмери, с чего вы взяли, что я вообще соглашусь на сделку?

— Как только вам ее предложат, вряд ли предложение повторится. Вам может светить смертная казнь. Замечательный стимул согласиться на все, лишь бы избежать такого финала. Не поддавайтесь искушению.

— Постараюсь не удариться в энтузиазм.

— Вот и славненько. Итак, первый вопрос: как вы нашли машину Эмери?

— Я уже говорил. У меня в телефоне приложение. По нему и нашел.

— То есть ее телефон был на месте преступления?

— Да. Причем подключенный к зарядке. А у Эмери телефон из тех, что продолжают заряжаться, даже если двигатель заглушен. Это я узнал в тот вечер, когда она исчезла.

Я пролистала бумаги.

— Значит, в вашем телефоне установлено приложение «Найди друга», благодаря которому вы в любой момент могли узнать, где находится Эмери.

Стоило глянуть исподлобья на Лайла, как ко мне понеслась горячая волна гнева.

— Она сама предложила установить это долбаное приложение. Сказала, это весело или что-то там еще. Я, черт возьми, не спрашивал, на кой ей все это сдалось.

Надо же, какой вспылчивый!

— А у нее было в телефоне такое же?

— Наверное. Не знаю.

— Вы же понимаете, как все это выглядит со стороны?

Взгляд бледных глаз вернулся ко мне.

— Срать я хотел на то, как это выглядит. Я ее не преследовал. Она сама это предложила.

— Лайл, — примирительно проговорила я, чтобы его успокоить, — клянусь, я на вашей стороне. Я всего лишь стараюсь быть на шаг впереди детектива, который занимается этим делом. Потому что коп из него что надо. Не стоит его недооценивать.

Фиске откинулся на спинку стула. Его глаза наполнились слезами. Зажмурившись, он потер их большим и указательным пальцами.

— Лайл, — повторила я на этот раз учительским тоном и дождалась, пока он не посмотрит на меня. — Я — твой единственный и лучший шанс на то, чтобы покрошить все обвинения в винегрет. Потому что это моя работа. Те, кто меня нанял, прекрасно это знают. Так что кончай все это дерьмо и дай мне тебе помочь.

Его губы сложились в тонкую линию. Звеня цепями, он потер лицо и наконец кивнул:

— Меня вообще не должно было быть в городе.

— Знаю. Ты должен был улететь во Флориду на свадьбу отца. Почему ты решил остаться?

Несколько секунд Лайлу понадобилось, чтобы успокоиться, а потом он объяснил:

— Я не смог. Уже даже приехал в аэропорт, припарковал тачку, сел в автобус. Честное слово, я собирался лететь, но, как только вошел в самолет, понял, что не смогу. Что-то было не так.

Ну наконец-то мы разговорились!

— И в чем было дело?

— В Эмери. Она была какой-то расстроенной, что ли, отстраненной. Не знаю, как

описать. Недели за две до исчезновения она стала вести себя иначе. Словно была не в себе. Божилась, что все в порядке, но я чувствовал, как она отдаляется.

О да, я знаю, каково это.

— К тому же, свадьба у отца уже пятая. Рано или поздно наступает время, когда сыну приходится занять твердую позицию.

Я усмехнулась и закатила глаза:

— Полностью согласна. Ох уж эти предки!

Весь следующий час Фиске спокойно отвечал на мои вопросы и ни разу не вспыхнул. Хотя пообещал придушить меня исключительно из принципа, как только я сниму с него все обвинения. Что тут скажешь? Есть у меня склонность вызывать в людях агрессию и тягу к насилию.

Зато Лайл все объяснил. На все, что, по моему мнению, детектив Джоплин мог бросить в лицо Паркеру, у Фиске нашлось вменяемое объяснение. Было у меня ощущение, что Джоплин бежит впереди паровоза. Брать быка за рога не всегда уместно. В каждом деле есть свои нюансы. Пусть и крошечные, но все-таки неувязочки, которые могут склонить присяжных как на одну, так и на другую сторону. Я была уверена, что даже с учетом всех улик, каждая из которых косвенная, адвокат Фиске добьется оправдательного приговора. И все-таки Лайлу понадобится помощь не только общественного защитника. Если Паркер всерьез намерен во что бы то ни стало помочь другу, то самое время вступать в игру.

— Тебя скоро переведут в СИЗО. Я свяжусь с тобой, как только что-то выясню.

В ответ Фиске молча кивнул.

— И еще кое-что, — сказала я напоследок перед тем, как охранник проводил меня к выходу. — Давно Эмери попросила тебя установить на телефон «Найди друга»?

— Чуть больше двух недель назад. Как раз когда стала отдаляться.

Любопытненько.

— Я собирался сделать ей предложение, — добавил Лайл, остановив меня уже у двери. — Когда я уехал из аэропорта, я хотел сделать ей предложение, но никак не мог дозвониться.

— Сколько раз ты ей звонил?

— Раз десять как минимум. Потом оставил сообщение на голосовой почте. А эсэмэсок послал и того больше. Копы сказали, что это и было моим мотивом. Типа я не смог дозвониться, решил, что она мне изменяет, выследил и убил. — На последнем слове голос Лайла надломился.

А мое сердце разлетелось на куски.

Я заскочила в кабинет дяди Боба, но он ушел на какую-то встречу. Пришлось оставить на столе записку с просьбой позвонить, как только освободится. Мне хотелось спросить, что ему известно о деле Эмери Адамс. Отчеты — это одно, а инстинкты матерого детектива — совсем другое.

Закончив писать записку, я решила украсить листочек сердечками, но, почти дорисовав пятое по счету, поняла, что это ордер на чей-то арест. Аккуратно сложив документ, я

отодвинула его в сторону и написала то же самое на странице обычного блокнота. Кто же знал, что на столе у дяди Боба могут валяться такие важные бумажки?

В конце концов я пошла на поиски того самого офицера, который приехал на вызов, после того как Лайл нашел машину Эмери и позвонил в полицию. Оказалось, смена офицера еще не началась. Что ж, у меня и так было достаточно информации, чтобы начать расследование. Из участка я вышла, полная решимости во что бы то ни стало отыскать убийцу Эмери Адамс. Только так с Лайла можно снять обвинения, чем я и собиралась заняться, пока не увидела на стоянке грузовик Гаррета. С Гарретом внутри.

Гаррет Своупс — бывший солдат, ставший легальным «охотником за головами», а потом и официальным членом Команды Пип. С нами он прошел даже сущий ад, и я многим ему обязана. Приблизительно на одно «спасибо».

Я подошла к грузовику. Пришлось постучать в окно, хотя Гаррет прекрасно меня видел. Шел снег, и у меня имелось подозрение, что Своупсу нравится, во что превратилась моя шевелюра. В конце концов он улыбнулся и опустил стекло.

— Что ты тут забыл? — настороженно спросила я. — Неужто следишь за мной? Это было бы не впервые.

— Не сегодня, сахарная моя, — криво ухмыльнулся Гаррет.

Гад. Знает же, как действует на людей такая ухмылочка. В основном, конечно, на людей женского пола.

— Но ты точно ведешь наблюдение, да?

— Типа того.

Преступников Своупс больше не ловил, разве что по личной просьбе Хавьера — бывшего босса, когда у того не хватало рук, поэтому я поинтересовалась:

— И кто же задание дал?

— Твоя мама, — отозвался Своупс, чья ухмылочка никуда не делась.

— Надо же! Так ты тоже разговариваешь с мертвецами?

В ответ раздался тихий смех.

— Это вряд ли.

Из участка вышел дядя Боб с двумя офицерами в форме, которые вели какого-то преступника в наручниках. Гаррет сосредоточился на компании, а я задумалась, кто этот преступник. Его явно уже арестовали, так что тут высматривать?

На задворках сознания зазудела мысль, что что-то здесь нечисто, но я решила не заикливаться. Если бы Гаррет хотел меня просветить, уже все бы рассказал. А если бы я хотела, чтобы меня просветили, то завалила бы его вопросами, пока он не расколется. Это я умею.

— Рада была повидаться, — сказала я без всяких вопросов.

Своупс подозрительно сощурился:

— Да неужели?

— Ужели. И я... в общем... хотела тебя поблагодарить.

На этот раз взгляд серебристых глаз стал тяжелым и пронзительным.

— За что?

— Ну, знаешь, за Нью-Йорк.

— Пока не за что. Я ведь так и не уложил тебя в постель.

Пришел мой черед смеяться.

— Ты поехал туда ради меня, и я очень-очень благодарна.

Несколько долгих секунд Гаррет молчал, положив руку запястьем на руль, поэтому затянувшуюся тишину прервала я:

— В общем, я хотела сказать спасибо.

— Пожалуйста, красавица.

В его глазах сияла такая преданность, что мое сердце стало раздуваться от эмоций. Чего он только ни натерпелся с того самого момента, как познакомился со мной! И пусть Своупс временами та еще заноза в заднице, но парень он отличный.

Я поднялась на цыпочки, но все равно до цели не дотянулась. Поэтому Гаррет наклонился, чтобы я могла чмокнуть его в колючую от щетины щеку, однако в последний момент повернулся и подставил губы.

Вот ведь прохвост! А я все равно его поцеловала. Коротко и от души.

Когда я опустила пятками на землю, Своупс пару секунд удивленно на меня попялился, а потом проговорил:

— Скажи своему демону, чтобы глаз с тебя не спускал.

— Хорошо.

Само собой, ничего говорить я не стану. Рейес вовсе не в восторге от того, что отчасти является демоном. Я предпочитаю думать, что он отчасти падший ангел. Звучит как-то более... экзотически, что ли. Или экзотичнее?

Я не могла не замечать, что в последнее время Рейес много работал с Гарретом. И с Ошем. И даже, черт возьми, с Ангелом. Оставалось лишь надеяться, что Гаррету он платит столько, сколько тот заслуживает. То бишь кучу золота весом с самого Своупса.

Помахав ему на прощание, я посеменила к Развалюхе. Было еще несколько человек, которым я задолжала спасибо. Например, моей подруге из ФБР — Кит. И моей сестре Джемме. А еще дяде Бобу. Теперь, когда он жил буквально через коридор, я видела его каждый день, но до сих пор так и не поблагодарила как следует. Как и Гаррет с Ошем, Куки и Дибби поставили собственную жизнь на паузу, только чтобы быть рядом со мной в Нью-Йорке. Всем им я должна по гроб жизни.

На обратном пути в офис я решила звякнуть Кит. Как только она сняла трубку, блютуз разнес ее голос по всему нутру Развалюхи:

— Специальный агент Карсон.

Вот что значит настоящий профессионал! Я тоже могу такой быть. Вот утром мы с Куки вели себя очень профессионально. Разве это не доказательство?

— Привет, САК, — отозвалась я, послав к черту всякий профессионализм.

— Привет, Дэвидсон. Как жизнь? Давно мы с вами не связывались.

— То есть с того самого дня, когда вы не дали очень плохому парню вышибить мне мозги. — О да, чувак явно не собирался оставлять меня в живых.

— И то правда. Что ж, вы спасли целую семью, так что будем считать, мы квиты.

— Договорились.

Пока мы разговаривали, я слышала, как кричит какая-то женщина. Причем по мощности звучания — не меньше чем все динамики кинотеатра, вместе взятые. Я понять не могла, где именно кричат — в кабинете Кит или прямо в Развалюхе. Как правило, Развалюха женским голосом не вопит. Зато рычит на низких октавах. Если, конечно, я не врубаю на всю катушку «Halestorm»^[3].

— А вы где? — спросила я.

— Вы же сами мне позвонили. У себя в кабинете, разумеется. Кстати, в следующий раз

не говорите оператору, что вы из списка десяти самых разыскиваемых преступников и готовы сдать.

— Зато я сразу привлекла к себе внимание, правда?

— Еще бы. Здесь к такому относятся весьма серьезно. А вам просто повезло. У нас в списке десяти самых разыскиваемых преступников женщин нет.

— Значит, я никого и не переполошила. — Просто чтобы убедиться наверняка, я пристально вгляделась в каждый закуток Развалюхи. Крики точно шли откуда-то из кабинета Кит. — А кто это кричит?

— Кричит?

— У вас в кабинете. Вы там не одна?

— В смысле?

— Говорю же, кто-то кричит. Очень громко. Такое нельзя не услышать. Хотя... — Все стало ясно. У Кит в кабинете мертвая женщина. И эту женщину сильно взбесил некто по имени Луи. — Кто такой Луи?

Теперь голос Кит звучал тихо и неясно, словно она прикрывала трубку рукой:

— Сейчас в кабинете, кроме меня, только один человек. Спецагент Луи Гусман. Приехал из Вашингтона по одному делу. А что?

Я отчетливо расслышала нотки любопытства. Что ж, это даже забавно. Вот только я чуть не вписалась в белую «хонду», которая решила, что у нее есть право на проезд. Барышня за рулем показала мне средний палец. Какого черта? Я уже подъезжала к перекрестку, а ей надо было поворачивать налево. И у нее есть право ехать только потому, что, когда мы были на перекрестке, загорелся красный?!

— Я должна была ехать! — проорала я и тоже показала средний палец.

Однако барышня утопила педаль газа в пол и только чудом избежала столкновения с теми, кто действительно должен был первым пересечь перекресток.

— Иногда я поражаюсь, что у вас до сих пор не отобрали права, — сказала Кит.

— Вот-вот, это тайна, покрытая мраком.

— Так что там с криками? — напомнила САК опять приглушенным голосом. — Агент Гусман как раз висит на телефоне.

— Тогда, наверное, женщина, с которой он говорит, беспощадно на него орет. Впечатление такое, будто она стоит прямо в кабинете.

Естественно, я пошутила. Если никто, кроме меня, эту женщину не слышит, она точно призрак.

— Серьезно? — спросила Кит. — И что она говорит?

— В основном сыплет угрозами. Требуется, чтобы Луи вытащил голову из задницы и нашел ее тело. И все это с южным акцентом, так что даже весело. Мучо гранде мокко латте. С дополнительной порцией сливок. Самый горячий. — Последнее я сказала человеку за стойкой, куда заскочила за подкреплением.

Кит, похоже, приободрилась:

— Вы где?

— В «Кофейном спутнике».

— Заскочить к нам можете?

— Конечно.

— Тогда мне тоже чашечку привезите.

— Заметано.

*По-моему, бесчеловечно заставлять людей
с настоящей физиологической потребностью в кофеине
стоять в очереди за спинами тех,
кто видит в кофе лишь возможность
приятно провести время.*

Дэйв Барри[4]

Чтобы пробраться в кабинет Кит, пришлось пройти все мыслимые и немыслимые проверки. Металлоискатель. Простой обыск. Досмотр с раздеванием. Хотя на последнее я сама напросилась. Парень был горяч до невозможности!

Короче говоря, когда я прошла охрану, горячий взбитый мокко латте Кит горячим уже не был. В смысле не был таким горячим, как упомянутый парень. Скорее был просто тепленьким, как Люк Скайуокер.

Приятная женщина в отутюженном костюме проводила меня не в кабинет Кит, а в конференц-зал. Едва я вошла, сразу же чуть не вписалась в еще одну женщину, в руке у которой был разделочный нож. Сама она была в бешенстве. И оглушительно кричала. Трясла ножом и грозилась позвонить чьей-то матери, но только при крайней необходимости, потому что эту чью-то мать она терпеть не может.

Кит всеми способами отвлекала спецагента Гусмана, чтобы у меня было время разобраться в ситуации. Женщина наверняка бы меня заметила, но была слишком занята руганью, чтобы обращать внимание на старую добрую меня, поэтому я подошла к Кит и вручила ей ее кофе.

— Дэвидсон, — поздоровалась та, притворяясь, будто только что заметила мое присутствие, забрала кофе и крепко меня обняла.

Пока Кит занималась беспрецедентной демонстрацией бурливших в ней чувств, второй агент даже отступил назад с благодушной улыбкой.

Когда САК отстранилась, ее глаза блестели от эмоций.

— Рада, что с вами все в порядке.

И сказала она это от чистого сердца. Мне же потребовалось несколько секунд, чтобы стряхнуть шок. А еще я вроде как читала по губам, поэтому могла только догадываться, что именно она сказала. Ей-богу, у мертвой барышни легкие просто казенные. С тем же успехом Кит могла сказать «Надо, чтоб вы занялись в аду зарядкой». Вот только зачем ей говорить что-то подобное? Интуиция у нее, конечно, классная, но не настолько.

Откашлявшись, она расправила плечи.

— Знакомьтесь, это специальный агент Гусман.

А потом в буквальном смысле развернула меня, как ребенка, лицом ко второму агенту. Я чуть не расхохоталась. Рассмотреть агента было непросто, потому что перед ним стояла все та же мертвая женщина. Не просто стояла, а орала прямо ему в лицо. Нос к носу. Из ее поясицы появилась рука, которую я пожалала, надеясь, что конечность принадлежит агенту Гусману. В сложившихся обстоятельствах было сложно сказать что-то наверняка.

— Нгуен, — внезапно проговорила Кит, и я увидела, как в комнату заходит ее напарник. Мы с агентом Нгуеном никогда особенно не ладили.

Мужчины пожали друг другу руки, и пришла моя очередь. Агент Нгуен молча смерил меня взглядом. В знак приветствия я едва заметно помахала ему и вдруг поняла, что на мой счет он слегка оттаял. Улыбка, которую он изобразил, казалась менее кислотной, чем те, что он выдавал в мой адрес раньше. На большее рассчитывать не приходилось.

Я наконец выбрала себе место и уже начала садиться, как вдруг Нгуен выдернул стул прямо у меня из-под задницы и сел на него сам. О да, я точно завоевываю его сердце! Как-то на канале «Дискавери» говорили, что агенты ФБР выражают симпатию путем подкалываний и издевательств. Хотя их ритуалы проявления дружбы от этого менее странными не становятся.

Кит и Гусман тоже сели. Пришлось обойти Нгуена, чей взгляд лишь намекал на злость, сесть напротив всех и сделать вид, будто ситуация нисколько не пугает.

Все трое уставились на меня. Кит — с надеждой, прячась за чашкой. Нгуен — с нетерпением. А Гусман — с любопытством.

— Итак, — начала я, сложив руки и понимая, что, наверное, говорю громче, чем надо, — вероятно, всем вам интересно, почему я созвала это собрание.

Кит явно старалась не улыбнуться, а новичок тем временем бросил на нее вопросительный взгляд.

— Дэвидсон — частный детектив, — объяснила она. — Периодически работает на нас.

— Вы нанимаете частных детективов? — уточнил Гусман.

— Нанять означало бы и заплатить, — поправила я. — В нашем случае это скорее добровольный труд.

— Ясно, — кивнул он, прикидываясь, будто понимает, почему мы все здесь сидим.

— Недавно у миссис Дэвидсон появилась информация по поводу исчезновения вашей жены, — продолжала Кит, и улыбка чуть не сползла с моего лица.

Само собой, я догадалась, что вопящая в лицо Гусману женщина — скелет, вывалившийся из его шкафа, и практически наверняка его почившая супруга, но я не знала, как именно Кит хочет разыграть эту карту. Неужели она подозревает, что Гусман убил свою жену? И с каких, елки-палки, пор она называет меня миссис Дэвидсон?!

— Не понимаю, — сказал новенький с таким же озадаченным видом, какой наверняка был и у меня.

Миссис Дэвидсон?

— Вы просили ее изучить дело Мэнди?

Миссис, блин, Дэвидсон?!

— Нет, — покачала головой Кит. — Полагаю, эта информация просто свалилась на миссис Дэвидсон, как снег на голову.

Одно дело — знать, что кто-то где-то может меня так называть...

— Как могла информация о пропавшем в Вашингтоне человеке просто взять и свалиться на частного детектива из Альбукерке?

И совсем другое — слышать это собственными ушами.

— Вы словно обороняетесь. Для этого есть какие-то причины?

Может быть, надо было взять двойную фамилию...

— А по-вашему, они должны у меня быть?

Дэвидсон-Фэрроу.

— Вам виднее.

— Так я поэтому здесь? — Молодой агент вскочил на ноги. В каждом движении сквозил намек на готовность к жестоким действиям. — Поэтому меня сюда отправили?

На случай, если придется уговорить раздраженного коллегу, агент Нгуен тоже встал, а я заметила кое-что еще. Женщина прекратила кричать и теперь смотрела на меня с таким же любопытством, с каким раньше смотрел Гусман.

— Ну наконец-то, — сказала она, сложила на груди руки, засунув нож под локоть, и стала нетерпеливо постукивать ногой по полу.

— Итак? — глянула на меня Кит, которая, как и все, чего-то ждала.

Я выбрала из своего арсенала самую беспечную улыбку и стала надеяться, что Кит подаст мне знак. Хоть какой-нибудь.

— Боже мой! — рявкнула женщина-призрак, отчаянно тряхнув руками. — Она знает не больше, чем все остальные!

Я посмотрела прямо на нее:

— Ну так просветите меня.

— Если бы каждый раз, когда у кого-нибудь появляется новая информация по моему делу, мне давали пять центов...

Она до сих пор не осознавала, что я ее вижу, и явно плевать хотела на яркий свет, от которого могла испариться сетчатка. Большинство призраков сразу замечают, что от меня прет светом, как прет деньгами от жен олигархов. И это почти всегда внушает им желание перейти. Я — как пламя, а они — как мотыльки.

Может, у этой барышни антенна сломалась?

— Расскажите мне, что произошло, — мягким тоном попросила я.

Трудно было не заметить рану у нее на голове и кровь, пропитавшую волосы и бледно-розовый халат.

Все застыли и уставились на меня. В том числе и мертвая женщина.

— Расскажите, что случилось, — повторила я.

— Вы... — Женщина недоуменно шагнула вперед и оказалась наполовину внутри стола. — Вы меня видите?

В ответ я кивнула.

— Как... — начала она, но передумала. — Почему... Нет, минуточку! — Она задумчиво опустила голову, а потом снова посмотрела на меня: — Кто вы такая?

Я покосилась на зрителей.

— Так сразу и не объяснить.

— С кем она разговаривает? — спросил Гусман.

Агент Нгуен откинулся на спинку стула и уставился на свои ногти, а Кит улыбнулась и отпила еще кофе.

— Вы знаете, где ваше тело?

Женщина моргнула, оглянулась удостовериться, что я обращаюсь именно к ней, снова повернулась ко мне и кивнула.

— Знаете, кто вас убил?

— Она экстрасенс? — спросил Гусман, сердясь еще сильнее, чем раньше.

— Не экстрасенс, — ответила Кит таким спокойным и довольным тоном, что я с трудом сдержала смех, — а ходячее чудо.

— На нашем заднем дворе, и нет, он этого не делал, — сказала женщина раньше, чем я

успела задать вопрос. — Его сестра-психопатка чем-то меня накачала, а потом саданула по черепу наградой за первое место в «Мисс Кентукки». И ведь никто не заметил, что эта фиговина пропала!

Так и знала, что уловила акцент!

— Он худший в мире следователь, клянусь. Два чертовых года я пытаюсь ему рассказать, кто меня убил! — И тут ее понесло. — Два, мать их, года! Я пыталась защищаться. — Женщина махнула ножом, и я кивнула, подбадривая ее продолжать. — Вот только трудно драться с конченной психопаткой, а эта бабища — чокнутая дерьмовая дура!

Значит, «дерьмо» и все остальное можно, а «хрен» — нет. Наверное, она из южных баптистов.

— Причем дура с большой буквы! Она, видите ли, переехала к нам, чтобы помогать по дому. Помогать, хрен ее дери, по дому!

А может, все-таки католичка.

— Живет там, как хренова хозяйка. А я теперь удобренности служу! Знаю, о чем вы подумали. — Она наклонилась ко мне. — Но это не просто выражение. Я в буквальном смысле удобряю ромашки!

Я решила, пока есть шанс, передать полученную информацию:

— Это сделала ваша сестра.

Было бы огромным преуменьшением сказать, что Гусман засомневался в моих способностях. Его лицо приняло настолько ехидное и насмешливое выражение, что отвалилась бы и ржавчина с какой-нибудь трубы.

— Она засадила мой труп тоннами ромашек!

— И закопала вашу жену у вас на заднем дворе.

— Так она хотела посмеяться напоследок, как будто ее лишили такого шанса. Алле! Я уже покойница! Но нет же, этого ей мало! Не могла она оставить все, как есть. Ей позарез надо было выразить свое последние «пошла ты на хрен»!

— Ваша сестра, после того как переехала к вам, случайно, не посадила в саду ромашки?

Естественно, я привлекла внимание агента, однако при упоминании о ромашках его лицо приобрело вовсе не то выражение, на которое я рассчитывала. Черты не озарились пониманием. Вместо этого Гусман густо побагровел. Никогда в жизни я не видела, чтобы человек был такого цвета, и стала прикидывать, смогу ли сфоткать его, чтобы он не заметил. Исключительно из научного интереса.

— Это абсолютно неприемлемо, — процедил агент сквозь стиснутые зубы.

— Вот видите! — взвизгнула женщина и показала на него ножом. — Он. Никогда. Никого. Не слушает.

— Агент Гусман... — начала я.

— Ой, не утруждайтесь! — перебила его жена. — Не станет он вас слушать. Он самый упрямый, самый упертый трекнит на всем белом свете.

Я прошерстила весь свой обширный словарный запас и не нашла ни единого совпадения.

— А что такое трекнит?

Женщина раздраженно вздохнула:

— Это наше с ним словечко. Луи клялся, что я назвала его так на нашем первом свидании. Лично я ничего такого не помню. В тот день я порядком нализалась и, видимо, хотела обозвать его кретином. А получилось «трекнит». Вот и прижилось.

Она стала объяснять, как пользовалась этим понятным только двоим словом, когда нужно было на людях намекнуть мужу, что его упертость опять поднимает свою упертую голову. А я в это время исподтишка косилась на Гусмана.

Как только слово прозвучало вслух, он заметно побледнел. Жаль. Багровый оттенок мне нравился больше. Зато до Гусмана начинало доходить.

Я глянула на Кит:

— Можно нам на минутку остаться наедине?

— Ни за какие коврижки. — Словно готовясь заняться настоящим делом, она отодвинула кофе в сторону. — Это мой любимый этап.

— У вас есть любимый этап? — Я и не знала, что мы так часто вместе работали, чтобы у нее появился любимый этап.

— Конечно! Пару минут вы разговариваете сама с собой, ведете переговоры с воздухом, уговариваете и упрашиваете, иногда умоляете, а потом выдаете нечто такое, от чего взрывается мозг. Направляете нас туда, куда мы бы и не подумали пойти. И вдруг, как по волшебству, любое текущее дело раскрывается. Так что нет, дорогуша, я такое не пропущу даже за досрочный выход на пенсию.

— А теперь, — продолжала Мэнди, заново входя в раж, — он будет сидеть и делать вид, будто не знает, что я здесь. Как всегда. У него на первом месте что угодно и кто угодно, только не я. Требовать у него внимания — все равно что выдирать зубы из пасти льва. Я ему даже ножом по физиономии съездила!

Я тут же повернулась к Мэнди.

— Вы пытались ударить его ножом по лицу?

— Не пыталась, — помахала она указательным пальцем. А у этой барышни смелости хоть отбавляй. — Била. Много раз. — Она взглянула на свой нож. — Это штука такая же бесполезная, как и в тот день, когда я взяла ее в руки. Я пыталась засадить нож Син промеж глаз, но ничего не вышло. Зато я ранила ее в плечо.

— Оно и понятно. Вас же чем-то накачали.

— Вот-вот.

— Будь вы в здравом уме, обязательно бы прицелились получше и попали ей в лицо. Много раз.

— Думаете? — фыркнула женщина.

Я утешительно похлопала ее по спине.

— Уверена. Ее лицо превратилось бы в дуршлаг.

— Спасибоочки.

— Ну как? Продвигаетесь? — спросила Кит, но я в этот момент заметила реакцию Гусмана.

— Мэнди всегда говорила, что всадит мне нож в лоб, если я не буду обращать на нее внимания. У нас это даже стало шуткой.

Я подумывала сказать ему, что время шуток давно прошло, но Гусману не стоило знать, что жена тыкала ему в лицо ножом. Причем не раз. Слава богу, нож был таким же нематериальным, как и она сама.

— Послушайте, — сказал агент намного спокойнее, — моей сестры тогда даже в городе не было.

— Идеальное алиби, — вставила Мэнди. — Никто и не думал его проверять. Seriously Она никогда не была в списке подозреваемых.

Я устала на Гусмана:

— А вы проверяли? Ну так, на всякий случай.

— Нет, конечно. Зачем мне проверять алиби собственной сестры?

— Достал, — процедила Мэнди и нырнула прямо в мужа.

Само собой, она пролетела насквозь, но сразу же принялась кричать, пинаться и протыкать Гусмана ножом. Мне на его месте было бы очень больно.

— Миссис Гусман! — крикнула я, пытаюсь до нее достучаться. — Вы должны дать ему время. Принять такое нелегко.

Мэнди прекратила попытки проделать дырку в пищеводе мужа и сдула со лба челку.

— Я уже давала ему время. Два, мать их, чертовых года!

Ясенько, мы вернулись к ругательствам.

— Я знаю, солнце, и все-таки...

— С меня хватит, — рявкнул Гусман и встал из-за стола.

Я тоже встала.

— Проверьте алиби вашей сестры и выписки по ее кредитной карте. Она чем-то накачала вашу жену, а потом ударила наградой за «Мисс Кентукки». Кстати, — я глянула на Мэнди, — поздравляю.

— Спасибо, — просияла та от широченной, очень южной улыбки, в комплект к которой прилагались горящие глаза и шикарные зубы. — Но это было давным-давно. — Отпустив горло мужа, она пригладила волосы.

— Зато достижение на всю жизнь.

Когда Гусман побледнел опять, я, ей-богу, думала, что он грохнется в обморок. Так же подумал и Нгуен, потому что подскочил и усадил Гусмана обратно за стол.

— Я ту награду не видел с тех пор, как...

— Как пропала ваша жена?

Заново проигрывая в голове все детали расследования, агент уставился прямо перед собой. Я знала, что он вспоминает все события того дня, и готова была поставить последний доллар на то, что каждая секунда навсегда въелась ему в память. Можно ли было сделать что-то еще? Где он облажался? Похитили ее, или она уехала из города по собственной воле?

Каждый из тысячи вопросов отражался болью на лице Гусмана. На том самом лице, которое было слишком молодым для такого количества морщин.

Он снова встал, вышел из комнаты, но через секунду снова вернулся.

— Зачем? Зачем Син так поступать?

Отличный вопрос. Все это время Мэнди наблюдала за мужем полными любви глазами.

— Он не виноват. Правда. Он замечательный следователь. Никто и не думал подозревать Син. И никто, даже я, не знал, на что она способна.

— Вы знаете, почему она это сделала?

— Она нас видела, — улыбнулась Мэнди. — Видела, как мы друг к другу относимся, как друг с другом разговариваем, и решила, что я ее брату не подхожу. Он был квотербеком, звездой футбольной команды, старостой в выпускном классе. Ему суждено было вершить великие дела. А меня Син возненавидела. Считала, что я его не люблю. — Мэнди коснулась щеки мужа и помолчала, ожидая моего ответа. — Она ошибалась. Мы всегда так разговаривали, но ни у кого из нас и в мыслях не было унижать или оскорблять друг друга. Так мы по-своему выражали свою любовь.

Я решила передать этот ответ Гусману своими словами:

— Ваша сестра так поступила, потому что она чокнутая дура.

Мэнди усмехнулась.

— Она не понимала ваших отношений, — продолжала я перефразировать услышанное, — не понимала, почему вы так разговариваете друг с другом.

— В смысле?

— Ну, вы постоянно друг друга подзуживали и подкалывали. Для вас это было игрой, своего рода выражением привязанности. Ваша сестра этого не поняла.

— Мы всегда так живем. То есть жили. Я любил Мэнди больше всего на свете.

— Даже больше футбола? — спросила жена Гусмана, и я с трудом поборола печальную улыбку.

— Она... Ее больше нет?

До сих пор я не осознавала, что все это время он лелеял надежду.

— Мне очень жаль, агент Гусман.

— Ожерелье! — воскликнула Мэнди, внезапно о чем-то вспомнив.

Я выслушала ее объяснения и передала Гусману:

— Вы подарили жене ожерелье в тот день, когда уезжали на конференцию. Вы бы пропустили годовщину, поэтому преподнесли подарок раньше. Ожерелье у вашей сестры, в шкатулке с драгоценностями. Оно порвалось, когда... Во время нападения.

Я чувствовала, как в агенте растет напряжение. Он не хотел верить. Всеми силами отвергал правду, но я говорила то, что знать не могла. Отрицать это было невозможно.

— Погодите-ка, — сказала его жена. — Есть кое-что еще. Я хотела сказать ему, когда он вернется из поездки домой.

Впервые за все время ее глаза наполнились слезами. словно потеряв дар речи, Мэнди опустила голову.

Я столько раз через это проходила, что точно знала, о чем она хотела рассказать. Но легче от этого не становилось. Я коснулась ее руки.

— Мне очень, очень жаль, Мэнди.

— Я сама только-только узнала. Собиралась записаться на прием к врачу, чтобы убедиться наверняка, а потом уже все рассказать Луи. Но уже тогда я знала. Мы так долго пытались...

Я закрыла глаза и почувствовала, как застыл Гусман.

— В чем дело? — спросил он.

— Мне очень жаль, агент Гусман. Она... ваша жена... Вы должны были стать родителями.

По мнению Гусмана, я перегнула палку. Он не сумел вовремя подавить вспышку гнева, но все же медленно и болезненно осознавал правду.

— Это она вам сказала?

— Да. Вы пытались целый год. И наконец все получилось.

— Нет, — помотал он головой, не зная, стал ли жертвой жестокого розыгрыша, или прямо сейчас видит невозможное. Но, судя по всему, решил дать себе шанс поверить. — И как мне все устроить? Под каким предлогом я должен перекопать весь свой задний двор по указке какой-то чокнутой, чтобы при этом и самому в психушку не загреметь?

Кит улыбнулась:

— Анонимная наводка. Всегда прокатывает.

— Если хотите, — сказала я Мэнди, — можете перейти. Это моя работа. Я, видите ли,

билет на ту сторону без пересадок. Прямоком к вашим родным и друзьям, которые вас ждут.

— Шутите? И не увидеть физиономию Син, когда мой муж арестует эту мымру? Вот уж нет, сестричка.

Я кивнула и покосилась на Нгуена. Может быть, с оттепелью в наших отношениях я и поторопилась, но он точно начинал мне верить. Хвалить меня он не стал, зато и не пялился злобно перед тем, как выйти из конференц-зала. Что ж, можно сказать, у нас наметился прогресс.

— А знаете, — начала Кит, когда я засобиравалась уходить, — вы так и не сказали, почему позвонили.

— И то правда. В общем, спасибо.

— За что?

— За Нью-Йорк.

— Вы помогли спасти целую семью.

— Но вы мне поверили. Даже когда у меня была амнезия. Для меня это много значит.

— Правда? И как много?

— В смысле? — уточнила я, но Кит уже врубила режим переговоров. — О каком возмещении идет речь?

— О некоторой доле информации, — пожалала плечами она. — Ничего суперважного.

— И какая же информация вам нужна?

Кит уставилась на меня серьезным взглядом:

— Как у вас это получается?

Она и так знала довольно много. Уж точно больше, чем те, кто отвергает любые признаки сверхъестественного как дурацкую фикцию. Но Кит не знала всех моих, так сказать, регалий, а я собиравалась хранить ее девственность в области знаний о том, кто такая Чарли Дэвидсон, как можно дольше. Поэтому ответила:

— Древний китайский секрет.

— Уверена, что все представители китайской культуры сочтут такое заявление оскорбительным.

— Согласна. К тому же, они разбираются в боевых искусствах, и все такое...

— Вот именно. — Мы уже подходили к выходу, как вдруг Кит остановилась и положила руку мне на плечо. — Однажды, Дэвидсон, я узнаю все о вашей загадочной заднице.

Понятия не имела, что она любительница анального секса.

— Ладненько, но, может, сначала на ужин пригласите?

*Я не из тех девушек, которые довольствуются простым
«пока смерть не разлучит нас». У меня есть вопросы.
Когда это случится?
Почему обязательно должна быть смерть?
И можем ли мы по пути к смерти где-нибудь перекусить?*

Мем

На обратном пути в офис я сделала здоровенный крюк, чтобы проехать мимо дома Фостеров. Миссис Фостер — та самая женщина, которая (скажу прямо, раз уж нет способа приукрасить информацию) похитила Рейеса, когда он был еще младенцем. А когда Фостеров чуть не раскрыли, они продали его чудовищу, которое Рейеса вырастило. Эрлу Уокеру.

С самого возвращения я взяла себе за правило кататься по их району и проверять, на месте ли машина миссис Фостер. Просто чтобы убедиться, что семейство никуда не испарилось. А еще я следила за ними через интернет. Рано или поздно им светит обвинение сразу в двух похищениях. И мне понадобится все, что я сумею накопать, когда придет время представить это дело Диби. К тому же, раз уж сейчас я работаю с помощником окружного прокурора, то можно и его втянуть в веселье.

На этот раз миссис Фостер была дома. До сих пор я ее ни разу не видела, но свернула на улицу как раз в тот момент, когда она заходила в дом с охапкой продуктов в руках. Я ее ненавижу. И от того, что наконец смогла ее увидеть, ничего не изменилось.

Я решила не пользоваться наружной лестницей. Загнала Развалюху под навес и пошла к задней двери в бар. Накрапывал дождик, который в такой холодный день казался почти теплым. И все же к тому моменту, как я переступила порог и направилась в кабинет Рейеса, я слегка промокла и замерзла.

Рейес сидел за столом с какими-то документами и, когда я вошла, даже не поднял головы. У меня появилась возможность осмотреться по сторонам. Кабинет остался точно таким же, как при папе, включая семейные фотографии на полках и стенах, на которых и без того свободного места было с гулькин нос из-за всяких полицейских причиндалов. Карты, награды, старые наручники... От вида наручников мысли сразу покосились не в ту степь.

Надо было срочно брать себя в руки. Или Рейес действовал на меня сильнее, чем раньше, или мои фаллопиевы трубы готовились к вторжению.

Я оглянулась узнать, заметил ли Рейес, что я заметила наручники. Казалось, он глубоко задумался, хотя я не сомневалась, что он заметил и мое присутствие, и то, куда свернули мои мыслишки.

Я решила еще немного поразглядывать кабинет и стала просматривать фотографии. Оказавшись здесь неделю назад, впервые после долгого отсутствия, я очень удивилась. Все в нашей жизни отремонтировали и улучшили, а бар остался прежним. Однако одно дело — ничего не менять в баре, и совсем другое — не переделывать кабинет.

И вдруг я заметила небольшую перемену. Некоторые фотографии, которые остались от папы, Рейес все-таки убрал. Не тронул только те, на которых была я. Причем необязательно

даже на переднем плане, как, например, на фотке, которую мы сделали в Южной Калифорнии на отдыхе, когда я училась в младших классах.

На снимке Джемма демонстрировала свой кособокий песочный замок, а я маячила на заднем фоне. Растягивала пальцами рот и показывала язык. Ах да! Еще и глаза к носу свела. Без скошенных глаз никакая крутая фотка крутой не будет. Вид у меня был, конечно, не самый удачный, но Рейесу, похоже, нравилось.

— Пришла еще раз вылить на меня ушат ледяной воды? — спросил он.

Я повернулась. Так и не подняв головы, Рейес по-прежнему изучал какие-то документы.

— Какой еще ушат? — уточнила я, но он не ответил. — Над чем работаешь?

— Над завещанием.

Испытав прилив тревоги, я обошла стол.

— Над завещанием? Зачем тебе завещание?

В конце концов он посмотрел на меня:

— Ты, должно быть, шутишь.

Мне хотелось поспорить, но он прав. Нашу жизнь безопасной не назовешь. Отрицать это было бы просто-напросто смешно. Но ведь «смешно» — мое второе имя.

— У меня есть план, — сказала я, меняя неудобную тему на удобную.

— Моя смерть в нем предусмотрена? Если да, то придется подождать денек-другой. Нужно вернуть эти бумаги нашим адвокатам.

— У нас есть адвокаты? — Круто! Никогда не думала, что я из тех, кто нанимает адвокатов. — В общем, не важно. Я придумала, как вернуть нашу дочь.

Наконец-то мне удалось по-настоящему привлечь внимание Рейеса. Он отложил ручку и откинулся на спинку кресла. Самое обычное, ничем, казалось бы, не примечательное движение, а у меня по коже все равно от волнения побежали мурашки.

Рукава рубашки Рейеса были закатаны, открывая взгляду мощные предплечья, сильные ладони и длинные, способные на многое пальцы.

На этот раз он точно заметил, куда я смотрю, но даже не шелохнулся, не пригласил меня в свое личное пространство, а просто ждал. Чего? Что я продолжу говорить? Сделаю первый шаг?

Не зная, что и думать, я все-таки больше склонялась к первому варианту.

— В общем, чтобы план сработал, нам понадобятся дюжина шприцов, баллон веселящего газа, серийный убийца и танк.

Рейес ничего не ответил, и меня слегка пришибло от того, что он не стал насмеяться над моим списком покупок. Даже не подверг его сомнениям. Поэтому я решила уточнить последний пункт:

— Танк из тех, что в армии бывают.

— Я знаю, что такое танк, — отозвался Рейес низким мягким голосом.

— Ну, мало ли. Вдруг ты подумал про судовой танк для горючего или для хранения рыбы...

— Нет. Я тебя понял с первого раза.

Он смерил меня мерцающим взглядом, и в темных омутх я заметила искры любопытства. Страшно захотелось хоть на секундочку сместиться в другое измерение, чтобы увидеть Рейеса в сверхъестественном виде, но имелось у меня подозрение, что он знает, когда я это делаю. Пришлось держать себя в руках.

— Как думаешь, получится? — спросила я.

— Ты про план?

— Ага.

— Я его еще не слышал. Ты рассказала только о том, что понадобится для его осуществления.

— Ну да, точно.

Все это время я пыталась избавиться от желания, которое, не обращая ни малейшего внимания на голос разума, сжигало вены и разливалось у меня в животе. Само собой, я потерпела катастрофическое фиаско. Пришлось опять обойти стол и сесть напротив Рейеса, чтобы между нами оказалась хоть какая-то дистанция. И здоровенный кусок древесины. Впрочем, все было без толку. Наверное, потому, что я хорошо знала, что может сделать Рейес с этим куском древесины, если все-таки захочет до меня добраться. Хотя было очевидно, что ничего такого он не хочет.

Глубоко вздохнув, я приготовилась выложить все подробности плана, но вместо этого спросила:

— Ты можешь мне рассказать, что тебя беспокоит?

Рейес и бровью не повел. Выражение лица никак не изменилось. Он просто смотрел на меня. Из-за невозможно длинных ресниц казалось, что в приглушенном свете его глаза сияют еще ярче.

— У нас гости.

— Так вот в чем дело! Тебя беспокоит мальчик на потолке?

Однако ответа я не услышала. В кабинет вошел Ош, которого в сверхъестественном мире знают под именем Ошекиэль. Причем вошел как ни в чем не бывало, словно ему не нужно было находиться в совершенно другом месте.

— Ош, — не на шутку встревожилась я, — почему ты здесь?

Засунув руки в карманы, Ош на мгновение опустил голову. Как всегда, черные волосы до плеч прикрывал черный цилиндр. Вот только сегодня на Оше был еще и длинный плащ, такой же черный, как и все остальное. И тяжелые байкерские ботинки.

В ожидании ответа Рейес встал из-за стола.

— Мы ее перевезли.

Меня с ног до головы обдало обжигающим жаром, потому что, едва прозвучали эти слова, Рейес потерял контроль над эмоциями. А мои эмоции привели к другому результату. Сердце оказалось в горле, и нервную систему перегрузило адреналином.

— Где она? — спросила я, подступая ближе к Ошу.

Он втянул голову в плечи и еще глубже засунул руки в карманы джинсов.

— Не могу сказать, и ты прекрасно это знаешь.

Я напала на него быстрее, чем успела подумать. Плевать, что он самый смертоносный из всех, что видел ад, даэва — демон низшего уровня, натренированный для сражений и закаленный в боях. Для меня он девятнадцатилетний пацан, который о моей дочери знает больше, чем я сама. Внезапно несправедливость всей этой ситуации показалась мне невыносимой.

Держа за горло, я впечатала его в стену. Он обеими руками схватился за мое запястье, но и не думал бороться.

В ту же секунду рядом оказался Рейес.

— Датч, — тихо произнес он, коснувшись моей руки, которая сжимала горло Оша.

Вот только если Рейес не хотел мне помочь придушить пацана, то толку мне от него

прямо сейчас никакого. Свободной рукой я обхватила и его горло. Рейес поднял голову, словно был даже рад такому повороту событий.

Мне нужно было знать, где моя дочь. Почему ее нужно перевезти — это одно. И совсем другое — не знать, где она находится. Если ей понадобится моя помощь, вариантов у меня негусто.

Валери, которая, по словам Куки, была одной из официанток Рейеса, прекратила протирать стол, заглянула в кабинет и тут же ретировалась, видимо, заметив, как рассердился босс.

— Датч, — сдавленно, но твердо повторил Рейес.

А я уже соскользнула в другое измерение и смотрела, как вокруг меня паром клубится аура Оша. Он по-прежнему и не пытался сопротивляться. По-прежнему держался за мое запястье одной рукой, но вторая уже лежала у меня на плече. Я знала, что он быстрый, как молния, и такой же смертоносный, поэтому ни капельки не сомневалась, что он что-то задумал.

Вокруг Рейеса бушевала тьма. Извечное пламя перетекло с него на меня. В любой другой день мне бы показалось, что меня сжигают живьем, но сейчас я лишь раздражалась еще сильнее.

— Где моя дочь?

Ош молча покачал головой, до последнего подчиняясь полученным приказам. Что ж, я вполне могла гарантировать, что сегодня действительно будет его последний день. От моей ярости затряслись стены, и из кухни послышался визг. Видимо, визжала официантка Валери.

— Датч, — опять заговорил Рейес, — он не может нам сказать. И ты сама это знаешь.

— Тогда он умрет, жалея, что не сказал.

Дай я себе труд присмотреться к мужу, то заметила бы, как они с Ошем переглянулись. А долю секунды спустя мое лицо уже расплоснилось о деревянный пол кабинета. Эти двое так быстро все устроили, что я и не заметила. Значит, они замедлили время. А я, видите ли, стояла и тормозила, как напичканный литием псих. Оставалось лишь надеяться, что не успела пустить слюни.

— Теперь понимаешь?

Моргнув, я застонала под давлением страшного веса и попыталась вспомнить, о чем мне говорили. Что бы это ни было, «да» наверняка будет самым удачным ответом.

— Да, — выдавила я, корчась под тонной конечностей и торсов. Святой ежик! Ну и тяжелые же они!

— Что я сказал? — спросил Рейес.

Черт его дери!

— Что вы оба слезете с меня на хрен, и Ош скажет мне, где моя дочь.

— Ответ неверный.

Меня прижало еще сильнее, и я опять застонала. Груз поражения был почти непереносимый. Как и давящая на меня масса мышц и локтей. Клянусь, они весили килограммов двести пятьдесят. Каждый.

Руки мне завели за спину и для проформы прижали парой колен. Одна рука (видимо, Рейеса) обвилась вокруг шеи, а другая так сильно прижимала мою голову к полу, что я видела каждую трещинку в деревянных половицах.

К сожалению, в таких обстоятельствах я ничего добиться не могла. Будь у меня возможность нормально говорить, я бы позвала на помощь, но сейчас не могла даже

наполнить легкие достаточным количеством воздуха, чтобы издать хоть что-то похожее на крик.

— Мы отпустим тебя, если пообещаешь никого не убивать.

В ответ я невнятно проворчала и получила еще килограммов по двадцать давления на каждый квадратный сантиметр в районе живота.

— Ладно! — наполовину простонала, наполовину пропищала я.

Очень медленно с меня стали снимать вес, словно хотели убедиться, что я опять не взбешусь. При этом мое лицо оставалось прижатым к полу. Видимо, кто-то рассчитывал, что рано или поздно я прорасту. Пущу корни. Зачем еще что-то так старательно к чему-то прижимать?

Сквозь туман кислородного голодания прорвался тихий женский голос:

— У вас тут... все в порядке?

— Нет, — начала говорить я, но чья-то сильная ладонь скомкала мне лицо.

— Да, — сказал Рейес, — спасибо.

Откуда-то из-за Валери послышался громкий хохот. Должно быть, это Сэмми, главный повар и предатель в одном лице. Меня же явно расплющили на полу против моей воли, а он что? Плевать ему, вот что. Как и те, кто не давал мне подняться, Сэмми определенно входил в Лигу Выдающихся Козлов.

— Порядок, Валери, — сказал он. — Они так постоянно балуются.

И это офигеть какое преувеличение!

— Ясно, — неуверенно пролепетала Валери.

Затуманенными от слез глазами я увидела ноги — Сэмми уводил официантку прочь.

А потом меня подняли. Я вдохнула полной грудью, молча радуясь тому, что в качестве предостережения Рейес прижал меня к стене. Иначе я бы точно грохнулась.

— Замедлять время нечестно, — сказала я, запрокинув голову и пытаюсь отдышаться.

— Ты первая начала, — отозвался Ош, который, сложившись пополам, одной рукой уперся в колено, а другой растирал себе горло и тыкал в него длинными пальцами то тут, тот там, проверяя на сохранность.

Рейес прижимал меня к стене всем телом. За целую неделю у меня это был единственный интим, поэтому я решила насладиться ощущениями по полной программе. Тем более что кончики языков пламени гладили мне лицо и насыщали теплом кожу.

И вдруг до меня дошло, что я натворила. Я угрожала одному из лучших друзей. Одному из малочисленных созданий на Земле, кто может помочь нам защитить Пип. Одному из того мизерного количества существ, кто ради этого готов пожертвовать собственной жизнью.

Меня захлестнуло чувством вины. Никогда в жизни я вот так не выходила из себя. Или все-таки выходила? Может быть, именно поэтому архангел Михаил пытался меня убить в кафешке в штате Нью-Йорк? Неужели мне действительно абсолютно неподвластны собственные силы?

Покашляв, Ош выпрямился, прислонился к стене, смежной с той, где была приклеена я, и тоже запрокинул голову, прижавшись затылком к деревянной панели. Пытаясь отдышаться, он делал длинные глубокие вдохи.

— Мне очень жаль, — прошептала я Рейесу.

Длинные пальцы легли мне на шею, а секунду спустя Рейес зарылся лицом мне в волосы. Он пах молнией. Эмоции искрились, как ток. Сильное тело казалось пустыней после проливного дождя — свежей, поразительно красивой и опасной.

— Ты как? — спросил он, согревая мне дыханием шею.

— Уже нормально.

Рейес отстранился, заглянул напоследок мне в глаза и, отойдя на несколько шагов, отвернулся. Я прикоснулась к щеке и развернулась к фотографии, чтобы увидеть свое отражение в стекле, однако рассмотреть смогла лишь размытые черты, которые выглядели вполне обыкновенно. Что со мной не так? Почему мой муж от меня отворачивается?

— Глаза, — сказал Ош, будто прочитал мои мысли.

Рейес смерил его сердитым взглядом, но Ош никогда не видел в моем муже угрозы. Интересно, что он скажет, когда узнает, что Рейес — бог? А может быть, он уже в курсе. В конце концов, Ош был в аду, когда Люцифер создавал себе сына, смешивая энергию бога с адским пламенем, чтобы закалить его, сделать сильным и несокрушимым.

Уточнить по поводу глаз я не успела, потому что услышала, как по ступенькам мчится Куки. Подруга пронеслась через зал, ворвалась в кабинет и, едва взглянув на меня, поняла, что что-то не так.

— Что случилось? — выдохнула она, прижимая к груди ладонь.

— Это я и пытаюсь выяснить.

Я шагнула к Ошу, который мигом застыл. Каждую клетку во мне переполняло чувство вины, отравляло ядом, оставляя на языке привкус горечи. Что же я натворила?

— Мне очень жаль, — сказала я Ошу и легко коснулась его шеи.

В этот раз он тоже не стал со мной бороться, зато наградил меня лукавым взглядом.

— Да неужели? — спросил он, напрочь игнорируя мужчину, маячившего у меня за спиной. Того самого, за которым я замужем. На губах Оша заиграла знакомая ухмылочка. — И как сильно тебе жаль?

Он потянул меня к себе за край футболки. Я знала, что он пытается меня отвлечь, пытается не дать мне заикнуться на том, что я на него напала. Ни секунды не раздумывая, я крепко его обняла и шепнула на ухо:

— Сильно-сильно.

Обняв меня в ответ, Ош проговорил:

— Мне жаль еще сильнее.

И не солгал. Он действительно жалел, что не может сказать, где Пип. Но это было наше общее решение. Никто не должен знать, где она находится, кроме Оша и, естественно, Лоэров, поскольку именно они сейчас заботились о нашей дочери. Где она, знали и ее защитники — разношерстная армия, которая ни за что не оставит свой пост.

Армия, о которой я говорю, — то еще зрелище! Рядом с Пип постоянно находится мужчина, которого я долгое время называла мистером Вонгом. Он нечто вроде архангела, только из моего мира. Опытный воин и лидер. Еще с ней три байкера, которые поклялись в верности Рейесу и мне. И двенадцать огромных, безжалостных и абсолютно прелестных адских псов, известных под названием Дюжина.

У Пип целая армия защитников, но ее все равно почему-то нужно перевозить.

От одной только мысли в груди сдавило. Пришлось бороться со вспышкой головокружительного беспокойства.

Оторвавшись от Оша, я взяла Куки под руку.

— Ну ладно. Я не буду снова спрашивать, где она. Пока что. Но ты можешь хотя бы сказать, почему ее нужно перевезти?

Рейес подошел ближе, и я попятилась, пока мы с ним не соприкоснулись.

— Знаки повсюду, — сказал Ош, глядя на Рейеса так, будто лично облажался. — Один за другим появляются трупы. Первые были за два округа до места, но потом все ближе и ближе, как будто кто-то возвращается в родные пенаты.

— Трупы? — спросила я у Рейеса.

— Речь о Пип? — уточнила Куки.

Я кивнула:

— Ее пришлось куда-то перевезти.

Выражение лица Куки полностью отразило бушующие во мне страхи. Я усадила подругу в кресло, а сама села в другое, которое стояло в кабинете специально для меня.

— При чем тут трупы?

— Сам ей расскажешь? — спросил Ош у Рейеса.

Рейес присел передо мной. Наверное, переживал, что я опять слечу с катушек. Вот интересно, слечу или нет?

— У нас есть нечто вроде списка признаков, которые помогают ничего не упустить и дают нам знать, приближаются ли боги. Один из таких признаков — трупы людей. — Рейес повернулся к Ошу. — Как они выглядели?

— Я бы не пришел, если бы они не подходили под описание.

Стиснув зубы, Рейес выругался и снова повернулся ко мне:

— Сверхъестественное существо не может так запросто взять и оказаться в этом мире. Скажем так, у него не будет доступа. Чтобы взаимодействовать с параметрами какого-либо измерения, нужно переместиться в него целиком. В нашем случае, единственный способ попасть на землю — это, как ты уже могла заметить, вселиться в человека.

— Но, — вставил Ош, — человеческое тело слишком хрупкое. Оно не в состоянии вмещать в себе бога дольше нескольких часов и сразу же начинает разлагаться. Причем быстрее, чем в обычных условиях.

— Но ведь у демонов получается, — возразила я. — Они годами сидят в людях. Даже вроде как травмы предотвращают. А иногда и вовсе в мертвом теле разгуливают месяцами.

— Да, — отозвался Рейес, — демонам такое по зубам. Как, в принципе, и любому сверхъестественному существу из любого мира, которое найдет способ пробраться на землю. Чтобы переместиться полностью, нужно всего лишь завладеть человеческим телом.

Отлепившись от стены, Ош выглянул в высокое окно.

— Вот только демон может поддерживать в теле жизнь хоть целую вечность. А бог слишком могуществен для такого хрупкого сосуда. — Ош повернулся к Рейесу, словно передавал тому слово.

— Богу подвластно сохранять в теле жизнь в течение короткого промежутка времени, — продолжил Рейес, — после чего клетки начинают распадаться и плавиться. В конце концов тело перестает быть похожим на человеческое.

— А что происходит с человеком, когда в него вселяется бог?

— Ничего нового. Он или она погибает, как только бог завладевает телом. Все равно что засунуть в человека ядерный реактор, а потом наблюдать, как тело расплавляется.

Все это время я держала Куки за руки и почувствовала, как она сжимает кулаки. Ее заметно трясло, а красивые брови сошлись в суровую линию.

К сожалению, ничего из этого Ош не заметил.

— Если бог поблизости и пользуется человеческими телами, которые потом бросает за ненадобностью, то он точно вышел на след Пип. И, как любая хорошая ищейка, он не

сдастся, пока жертва не будет зажата между его зубами.

Куки резко вдохнула, и Ош наконец понял, в каком она состоянии. А я, наверное, не сорвалась с нарезки только потому, что переживала за подругу. Мне хотелось кричать, бушевать, ломать шеи, пока кто-нибудь не скажет, где моя дочь. Но на глазах у Куки я не могла так поступить. Не могла расстроить ее еще сильнее.

— Что с трупами? — спросил у Оша Рейес, который все еще сидел передо мной. Одна его ладонь лежала у меня на ноге, а вторая крепко сжимала подлокотник. От давления послышался треск.

Ош кивнул:

— Они... неестественно быстро разлагаются. Не говоря уже о том, что псы себе места не находят. Обыскивают каждый сантиметр земли. Принимаются. Сгорают от нетерпения открыть охоту.

— Да что такого они могут сделать с богами? — спросила я.

— Выиграть нам время.

Ситуация складывалась по-настоящему жуткая. От страха закружилась голова.

— Скажи, что вы перевезли Пип вовремя.

Ош снова кивнул:

— Она уже в новом доме. Там сейчас безопасно. С ней почти вся Стража.

Так мы называли армию Пип. Стражей.

— Что значит «почти»?

Ош опустил голову.

— Твой человек, Донован, остался на прежнем месте, чтобы дать нам знать, появятся ли новые трупы.

Я ошеломленно заморгала. От благодарности, что Донован готов на такой поступок, в горле образовался комок.

— Он все еще там?

Красивый парнишка, которому не дашь больше девятнадцати, но который на самом деле на пару веков старше Рейеса, еще раз кивнул, и его губы сложились в мрачную линию.

— Он пытается выследить бога и понять его следующий шаг.

Я окаменела.

— В одиночку?!

— Он сам настоял на том, чтобы двое других отправились со Стражей.

— Ош, он всего лишь человек. — Я шагнула к даэве. Рейес тоже встал и на всякий случай взял меня за руку, но я стряхнула с себя его ладонь. — И что, по-вашему, должен сделать Донован, если все выяснит?

— Позвонить, — ответил Рейес, снова беря меня за руку.

— Позвонить?! — ошалела я. — И когда же? До или после того, как бог украдет его тело? — Никто ни слова не сказал, поэтому я добавила: — Мне нужно к нему.

— Зачем? — спросил Рейес, чья ярость барабаном пульсировала в комнате. — Чтобы стать маяком, который приведет прямо к твоему другу?

— Видимо, он не слишком тебе нравится, — подлил масла в огонь Ош.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Они правы. Из-за меня Донована убьют еще быстрее. То же самое может случиться и из-за Рейеса. Его тьма — как мой свет. Это я поняла, когда научилась перемещаться из одного измерения в другое. Он как выжженная пустыня на горизонте. Черная пропасть. Я —

портал в рай, а Рейес — портал в ад. Любое сверхъестественное существо способно увидеть нас обоих с расстояния в тысячи километров.

— Могу я спросить, с чего вы взяли, что только один бог напал на след?

— Они так всегда действуют, — ответил Рейес. — Разделяются, пока один из них не выйдет на жертву. Потом появляются остальные.

Значит, Рейес действительно понятия не имел, что он один из трех богов Узана. Что на Пип охотятся только двое.

— Будь это любой другой мир, они бы просто-напросто его уничтожили.

— И что их останавливает? — спросила Куки.

— Бог Иегова, — отозвался Ош. — Они не трогают этот мир отчасти из уважения и отчасти из самосохранения.

— Последнее, что им нужно, — это война с другим богом.

— То есть они такие же трусы, как и все остальные массовые убийцы.

— Можно и так сказать, — проговорил Ош.

Вот только мой муж далеко не трус. А значит, он действительно совсем не похож на своих братьев.

— Что я могу сделать? — спросила я, посмотрев на Рейеса, а потом на Оша.

— Вернуться к работе, — ответил Ош.

— Занимайся своими делами, как ни в чем не бывало, — согласился Рейес. — У них могут быть шпионы.

— Шпионы? — ахнула Куки, побледнев еще сильнее.

— Нас могут попытаться выкурить, — объяснил Ош. — Если вы начнете паниковать, проверять, как дела у Пип, и пытаться выследить богов, шпионы мигом вычислят, где она находится.

— Таким образом, мы избавим их от лишней беготни.

— То бишь я должна сидеть на попе ровно, зная...

— Зная, что с Пип все в порядке, — твердым тоном перебил Ош. Он подошел ко мне и коснулся моего подбородка. — Клянусь. Мы уже перевезли ее в безопасное место.

— Пока безопасное, — сказала я.

Возразить было нечего. Ош снова кивнул и пошел к двери, но остановился.

— Чуть не забыл сказать. Я убил еще одного эмиссара.

Рейес, который до сих пор видел в Оше только даэву, демона, стоявшего в адской иерархии на самой нижней ступеньке, врага, а не друга, подошел к Ошу и сжал его предплечье. Ош ответил тем же. Словно эти двое только что скрепили молчаливой клятвой некое братство с единой целью: служить и защищать Элвин Александру Лоэр — девочку, которая будет сражаться с чумой, угрожающей миру. Девочку, которая однажды спасет человечество.

О том, что Ошу суждено полюбить нашу дочь, я Рейесу еще не говорила. Ни к чему сейчас раскачивать лодку.

Засунув руку в карман джинсов, я крепко сжала божественное стекло. Это наша единственная надежда выстоять против двух богов Узана. По крайней мере другого способа я не знаю. Что же мне делать? Рассказать о кулоне Рейесу?

Чтобы поймать бога или любое другое существо в ловушку адского измерения, нужно знать имя. Истинное имя. Я же не знаю ни имен двух богов Узана, ни настоящего, божественного имени Рейеса. Если я скажу ему о кулоне, использует ли он его против меня,

когда узнает, кто он такой на самом деле?

Прошла всего неделя. Всего неделю я знаю, что Рейес бог. Наверное, я смогу хранить этот маленький секрет еще немного, пока не получу больше информации. Пока не смогу убедиться, что можно доверять той части Рейеса, которую контролирует бог. Той самой части, которая, по сути, является сущим злом.

Да уж. Хуже не придумаешь.

*Когда я была маленькой...
Нет, погодите-ка. Я до сих пор так делаю.*

Надпись на футболке

Я стала прикидывать, сколько эмиссаров осталось из тех двенадцати, что подослал к нам Сатана. Если я правильно сосчитала, то шпук девять, но точно сказать невозможно. Разве что созвать их на перекличку. Можно, конечно, сделать финт ушами и сказать им, что они выиграли телик. Иногда так поступают с беглыми преступниками. Вот бы адресочки раздобыть! Как я пошлю эмиссарам сообщение о выигрыше, если не знаю их адресов? И смотрят ли вообще демоны телевизор?

Мы с Куки притворялись, будто все прекрасно, а я то и дело мысленно повторяла одну и ту же фразу. Пип в безопасности. Пип в безопасности. Пришлось заниматься делами, и мы стали прочесывать прошлое Эмери Адамс и Лайла Фиске.

Куки каким-то невозможным образом из оперы «меньше знаешь — крепче спишь» получила выписки по кредитной карте Эмери и записи о контактах с ее телефонного номера. Тем временем я встретила с миссис Абельсон и объяснила ей, чем занимается ее муж. Причем очень старалась представить его настоящим героем.

Миссис Абельсон не купилась, и мне стало дико жаль парня. Ему предстоит крайне хреновый день. Наверное, ее взбесила новость по поводу растений. Какой кошмар! Что скажет вся церковная группа?! Лично я понятия не имела, откуда церковная группа может что-то узнать, если сама миссис Абельсон будет держать язык за зубами, но спорить с ней было бесполезно. Да и настроения не было. Поэтому, пока женщина делала собственные выводы, я сидела молча и выслушивала целую тираду о том, как ее, бедненькую, жестоко предали, и как несправедливо поступает ее муж, отрываясь втихаря со студентами.

Справлялась я весьма неплохо. Хранила спокойствие и хладнокровие, хотя на нас уже стали коситься посетители «Рубежа» — одного из моих любимых ресторанчиков. Но когда миссис Абельсон начала чихвостить мужа, терпение лопнуло. Я заявила, что ей несказанно повезло с супругом, который в состоянии наслаждаться жизнью, несмотря на ее вечное нытье и до смешного завышенные ожидания от их брака.

Когда я закончила, миссис Абельсон добрых шестьдесят секунд сидела с отвисшей челюстью. А когда я уходила, ее лицо густо побагровело, а спина выпрямилась, словно женщина проглотила кочергу. Имелось у меня подозрение, что эту кочергу не вытащить даже через задницу. Что ж, ее мужа явно прокляли.

После встречи я вычеркнула имя миссис Абельсон из списка клиентов, которые могут обратиться к нам за помощью повторно, и помчалась обратно в офис с баночкой зеленого соуса, он же сальса-верде, на вынос. Честно говоря, нам повезет, если нам вообще заплатят за это дело.

Молодец, Дэвидсон. Так держать.

Хотя нет. Дэвидсон-Фэрроу... Хм-м-м... И почему я так на этом заиклилась?

Короче говоря, дело было закрыто, и это нужно было отпраздновать в компании сальса-

верде и текилы. Последней, конечно, придется подождать до вечера, зато сальсой-соусом и сальсой-танцем можно насладиться в любой момент. Хотя для начала я решила все-таки навестить своего старого друга Рокета.

С самого возвращения я его еще ни разу не видела, но никак не могла избавиться от зудящего любопытства, вызванного бомбой, которую сбросила на меня Слива, вторгшись в воздушное пространство моей гостиной. Имена, значит, на стенах Рокет пишет для Пип. И эти имена выбраны специально для нее.

Во-первых, как это так?

Во-вторых, почему?

И в-третьих, я точно все правильно расслышала?

Эти мысли не давали покоя, вот только вытаскивать информацию из Рокета еще сложнее, чем из Сливы. Рокет — как огромный ребенок. Умер в психлечебнице в пятидесятых. И он своего рода гений. Если его дар был с ним и при жизни, можно только догадываться, как именно его лечили. Первое, что приходит на ум, — электрошок. Наверняка медики были готовы на все, лишь бы держать его под ногтем.

Я подъехала к заброшенному дурдому, которым теперь официально владела благодаря моему «папику». Понятия не имею, сколько у моего благоверного денег, и знать не хочу. А еще не имею ни малейшего желания заглядывать в его завещание. Тем более что я наверняка помру первой. Судя по всему, мне с самого рождения приклеили на спину сияющую мишень.

Попробовав несколько комбинаций на клавиатуре, я наконец нашла ту, которая сработала. Зато на входе в дурдом код не помог. Может быть, батарейки в замке сели или еще что. Раньше все работало.

Ну и не страшно. Сделаю то же самое, что делала до того, как Рейес купил здание. Прокрадусь.

Обойдя больницу с восточной стороны, я нашла вход, которым давно привыкла пользоваться. То бишь окно в подвал. Однако не успела даже начать туда протискиваться, как меня повалила на землю норовистая ротвейлерша.

Похоже, Артемида периодически бродила по местам своей юности. Дом, где жили Донован и его банда, снесли, но это, судя по всему, не мешало ей возвращаться на знакомую территорию.

Целых несколько минут, виляя купированным хвостиком со скоростью света, Артемида вылизывала мне лицо, пока я не поняла, что у нас зрители. На то, как я пытаюсь победить пятидесятикилограммовую собаку и дышу ей в шею, смотрел маленький мальчик.

Вот только Артемида нематериальна. Она — моя личная хранилища, и это просто замечательно. Но для наблюдавшего за нами мальчика все выглядело так, будто я борюсь с воздухом.

Я откашлялась и помахала в знак приветствия:

— Это у меня новая зарядка такая. Попомни мои слова: скоро это станет модно во всем мире. Называется... — Я стала вытаскивать сухую траву из волос. — Траврядка.

А затем, как ни в чем не бывало, я встала на ноги и пошла к окну в подвал.

— Рокет! — позвала я друга, протискиваясь внутрь.

Почему-то раньше протолкнуть задницу сквозь крошечное окошко было легче. Свалившись с подоконника, я приземлилась головой на подставленный стол. Надеюсь, он уже был сломан.

— Рокет! — снова позвала я, достала из кармана куртки фонарик и осветила на

лестницу, ведущую из подвала наверх.

За месяцы моего отсутствия ничего не изменилось. Повсюду по-прежнему валялись мусор и обломки. В одном углу подвала стояла допотопная трехколесная медицинская каталка, а другой украшала ржавая ванна.

Это место я обожаю. И вообще всякие жуткости вызывают у меня ностальгию. Видимо, все дело в воспитании. И в моей мачехе. До качественной жути ей, конечно, далеко, но все-таки. В общем, в таких местах у меня согреваются желудочки сердца. Если бы я когда-нибудь стала художницей, то рисовала бы только такие вот картинки. Они словно сошли в реальность из моих самых чудесных снов. И из чьих-то кошмаров, если верить огромному количеству ужастиков, снятых в заброшенных больницах и психушках.

Так и не получив ответа от Рокета, я пошла наверх, по пути проводя пальцами по тысячам выцарапанных на стенах имен. Как там Слива говорила? Что имена предназначены для Пип? Но почему? Что она имела в виду?

Может быть, у девятилетней Сливы просто разыгралось воображение, но я в этом очень сомневалась. Зачем ей такое выдумывать?

Исключительно чтобы проверить одну теорию, я решила взглянуть на имена с другой, так сказать, стороны. Остановилась перед самой исписанной стеной и сместилась в другое измерение. Сверхъестественное зрение тут же уловило то, чего не видело человеческое. Вокруг меня, растрепав волосы и обдав жаром кожу, закружились порывы ветра из нематериального мира.

Здание оставалось на прежнем месте, но сама я уже находилась в двух мирах сразу, потому что не переместилась полностью. По крайней мере в планы полное перемещение не входило. Я все еще жутко боялась заблудиться в другой реальности, боялась не найти обратную дорогу в знакомый мир. Поэтому перемещалась частично, нерешительно и очень осторожно.

Однако этого хватило, чтобы увидеть то, чего я раньше никогда не видела. На пылающих границах потустороннего мира имена, которые выцарапывал Рокет, по-настоящему сияли. Словно горели огнем. Словно при написании Рокет их как-то поджигал. Неужели он каким-то образом дает этим именам цель? Или просто записывает тех, кому уже суждено... что? Что значат все эти имена? И какое отношение они имеют к моей дочери?

Да уж. Вечный спор о курице и яйце ответов мне точно не даст. Нужно поговорить с Рокетом. И я поговорю, как только он перестанет ломать мне кости и поставит обратно на пол. Только что я стояла, размышляя о важных делах, а через секунду уже барахталась в воздухе в руках огромного сильного бизона.

— Рокет! — еле-еле выдавила я под аккомпанемент хрустящих ребер.

Как только он меня поднял, я вернулась в материальный мир, и имена перестали сиять. А вот лысина Рокета, которая была все такой же бледной и блестящей, — нет.

Пока он проявлял гостеприимство, я обняла его за голову и чмокнула в макушку.

— Мисс Шарлотта! — сказал Рокет приглушенным голосом, потому что уткнулся носом в моих девочек, Угрозу и Уилл Робинсон. Имелось у меня подозрение, что, кроме приветствий, Рокет задумал что-то еще.

— Рокет, — начала я, дергая ногами, чтобы хоть чуть-чуть ослабить крепкие объятия, — ты меня лапаешь, что ли?

Все еще держа меня в руках, он поднял голову, и его глаза заблестели от восторга.

— Я соскучился, мисс Шарлотта.

Я опять его обняла. Слава богу, ему не нужно дышать.

— Я тоже соскучилась.

Так мы стояли долго-долго. Я обнимала лысую голову, а Рокет прижимался лицом к моей груди. Хорошо хоть похабный «бр-р-р» не сделал. Не знаю, как бы отнеслись к такому Угроза и Уилл.

Хотя кого я обманываю? Они это обожают.

Когда Рокет меня отпустил (хотя скорее бросил), я отодрала себя от грязного пола и дружелюбно толкнула гения в плечо:

— Как жизнь, красавчик?

На Рокете был все тот же наряд, в котором он умер. Потертые шлепанцы и серовато-голубая пижама, похожая на медицинскую форму.

— Где вы были, мисс Шарлотта? Все очень расстроены.

— Правда? Расстроены потому, что меня долго не было? — Блин, как это мило!

— А вас не было? — спросил он и задумчиво глянул вверх.

— Не в этом смысле, — уточнила я. — Но если дело не в этом, то почему тогда все расстроены?

Знать бы еще, кто такие эти «все», но не хотелось сбивать Рокета с толку в самом начале игры.

— Все, мисс Шарлотта. Все! — сказал он и сердито поднял руки.

Сердился он точно на меня. Что тут скажешь? Иногда я так действую на людей.

Внезапно Рокет подался ближе, и круглое лицо превратилось в маску любопытства.

— Можно мне посмотреть? — прошептал он.

— Конечно, — ответила я, надеясь, что речь не идет о чем-то исключительно для взрослых. Я с Рокетом в больничку играть точно не буду. — Что бы ты хотел увидеть?

— Их. Врата.

— Ладно. — Я оглянулась. Единственные врата, которые пришли на ум, были воротами, ведущими на территорию дурдома. — Ты о тех, что на улице?

— Они на улице?! — потрясенно переспросил Рокет. — Где каждый может их увидеть?

— Ну да. Это же ворота.

— Нет, нет, нет, нет, мисс Шарлотта! Вы должны их спрятать! Никто не должен видеть их просто так. Все очень, очень расстроены.

Похоже, мы все-таки говорили о разных воротах. И тут меня осенило. Божественное стекло! Портал в адское измерение, который спокойненько лежит в кармане моих джинсов.

— Рокет, кто такие «все», и почему они расстроены?

Он тут же прижал обе руки ко рту, как ребенок, который пытается скрыть волнение. В широко распахнутых глазах сиял восторг.

— Они очень расстроены, — едва не хихикая, проговорил гений.

А это странно. Когда сверхъестественный мир расстроен, Рокет тоже расстроен.

— Да-да, понимаю. Я нарушила правила.

— Не правила, — внезапно посерьезнев, покачал он головой, — а правило.

Вот же невидаль! Я постоянно нарушаю чьи-то неземные правила. Пусть поцелуют меня в зад. Хоть все сразу и каждый по отдельности. Я и так делаю все возможное с тем, что есть. Если эти неземные ребята хотели, чтобы я справлялась лучше, надо было сразу осчастливить меня «Справочником по ангелосмертству для девушек». А вместо этого в моем распоряжении только карта Гарри Поттера, которая готова мне хоть что-то показать, только

если я торжественно поклянусь, что замышляю только шалость. Врать ей, между прочим, нельзя, поэтому замышлять какие-то шалости приходится постоянно. А это очень изматывает.

— Ну и фиг с ним, — сказала я, не обращая внимания на то, как у ошарашенного Рокета отвисла челюсть. — Если я покажу тебе божественное стекло, то есть врата, ты расскажешь мне, что значат эти имена?

Рокет недоуменно сдвинул брови.

— Вы знаете, что они значат. Это имена тех духов, что ушли.

— Ага. Это ты мне уже говорил. Но что еще они значат? И неужели они как-то связаны с моей дочерью?

У Рокета опять отвисла челюсть.

— Это еще одно правило, которое вы нарушили, мисс Шарлотта. Вас привяжут к койке. Я и забыла, что секс с Рейесом и последовавшая за этим беременность вызвали капитальный переполох этажом выше. И по этому поводу они тоже могут поцеловать меня в зад. И даже зацеловать с ног до головы.

— Единственный, кто может привязать меня к койке, — это Рейес.

При упоминании имени Рейеса Рокет от меня отвернулся.

— Вы должны держаться от него подальше.

— Мы с ним женаты, милый. Так что вряд ли что-нибудь получится.

— Солнце и луна не могут быть женаты. Это абсурд. Небеса падут. — Рокет повернулся и уставился на меня умоляющим взглядом. — Все рухнет, мисс Шарлотта.

Я коснулась бледной серой щеки.

— Ничего не рухнет, милый. Разве что вот это здание, если ты не прекратишь царапать стены.

Рокет осмотрелся по сторонам.

— Я должен записывать имена, иначе они сожгут мне мозг. Я должен вытаскивать их из головы, когда приходит время.

— То есть ты должен записывать имена, когда кто-то умирает?

Разглядывая свои произведения искусства, Рокет кивнул.

— Но почему именно эти имена? Что они значат?

— Они ждут в приемной, и их имена нужно записать до того, как их вызовут. Иначе доктор никогда их не увидит.

— А откуда ты знаешь, кто есть кто? Ты можешь их прочитать?

Раньше Рокет приводил меня к конкретным именам, а значит, наверняка может их прочесть.

— Мне не нужно их читать, мисс Шарлотта. Они сами говорят мне, кто они, когда я спрашиваю.

До того как прийти сюда, я знала, что вряд ли многого добьюсь, но надеялась узнать хоть чуточку больше. Например, какой-нибудь намек на то, что говорила Слива. Хотя...

— Слива сказала мне, что эти имена ты выбираешь не просто так. Что ты записываешь их для моей дочери. Для Пип... то есть для Элвин. Это правда?

Рокет поморгал, словно я не на шутку его озадачила, потом шагнул к стене и провел толстым пальцем по одному из имен. И все же он мне не ответил, а мне не хотелось на него давить.

— Ладно, Рокет, — сказала я, засунув руку в штаны. Точнее в карман. — Я покажу тебе

врата.

— Всё, — внезапно сказал он отчужденным голосом. — Абсолютно всё.

Я оставила в покое кулон, подошла к Рокету и посмотрела на имя, которое он гладил пальцами. Оно было написано на арабском. Говорить на этом языке я могу, а читать — нет. Имя рядом было на испанском, а ниже — на корейском.

— Что значит «всё»? — спросила я.

— Что будет, когда он узнает, что вы натворили?

— Кто? Нет, минуточку. Что я натворила?

— Сын, — уныло ответил Рокет. — Солнце не может жениться на луне.

— Рокет. — Я развернула его к себе, и это было все равно, что разворачивать комбайн. Причем не сидя за рулем, а вручную и стоя рядом с ним на льду. — Когда ты говоришь, что солнце не может жениться на луне, ты имеешь в виду такое солнце, как у нас в небе?

Рокет покачал головой:

— Нет, мисс Шарлотта. Он — сын, брат и отец. Он — тьма и разрушение. Он — всё.

— То есть в твоей метафоре я не солнце, — слегка разочаровалась я, — а луна?

Я-то думала, что солнце как-то соотносится с моим ярким светом. Как, бога ради, я опустила до луны? И вдруг я вспомнила, что люблю луну, и снова почувствовала себя счастливой.

Рокет положил руки мне на плечи.

— Мисс Шарлотта, не говорите ему о том, что вы сделали.

К сожалению, он никогда не умел рассчитывать силу. Пальцы впились мне в кожу, и, когда Рокет меня встряхнул, у меня клацнули зубы.

— Никогда и ни за что не говорите. Сын — самый опасный из трех.

— Из трех? — переспросила я, все еще клацая зубами, и в ужасе уставилась на Рокета. — Ты имеешь в виду трех богов Узана?

— Он самый опасный, мисс Шарлотта. Он сожжет мир и все, что в мире есть. Превратит горы в пепел, а моря — в соль. Не останется ничего, кроме пыли на ветру.

Блин, обожаю эту песню^[5].

Рокет меня отпустил, и я поняла, что сейчас произойдет. Он исчез. Я бросилась вперед, чтобы схватить его, чтобы еще хоть немножко с ним поговорить, но его уже не было, а я безнадежно промахнулась и со всего разбегу впечаталась лицом в стену.

День, считай, только начался, а моему лицу уже хорошенько досталось.

Я потеряла щеку и стала вспоминать все, что наговорил Рокет. Ни одно сказанное слово не сулило ничего хорошего нашему миру. Но Рейес никогда так не поступит. В этом мире живет его дочь. Он никогда и не подумает его сжечь или уничтожить.

Разве что... Я уже шла обратно в подвал, чтобы выбраться на улицу, и напевала себе под нос «Пыль на ветру», но на середине лестницы остановилась как вкопанная. Разве что Рейес узнает, что я натворила.

А вдруг он узнает правду? В ужасе я прикрыла ладонью рот, а потом вспомнила, что понятия не имею, о какой правде речь, и почему Рейесу должно быть на эту правду не наплевать. Даже если дело в божественном стекле и в том, что я ношу в кармане целый мир, я ничего такого не сделала. Только засадила в ад приспешника зла. На что тут можно злиться?

Рокет так волновался, но даже не взглянул на кулон. Мне казалось, что я его обманула. Что каким-то образом лишила чего-то удивительного.

Что ж, в следующий раз.

Только когда я уже вылезла через окно, до меня дошло кое-что еще. Рокет говорил о луне. В моем родном, неземном языке есть слово, которое звучит очень похоже на английское «the moon»^[6]. Только произносится не совсем так, а скорее как «дха-мун». Звуки чуть тверже. Как если сравнивать имя Люк (вместо обычной луны) и слово «лук» (вместо слова из моего неземного языка). Мог ли Рокет хотя бы отчасти иметь в виду и этот нюанс? Слова похожи, но между их значениями пропасть.

«Дха-мун» в моем языке можно использовать в разных контекстах, но, так или иначе, значение сводится к одному концепту: это слово обозначает того, кто стоит выше жизни. А если конкретнее — того, кто может отнимать жизнь по собственной воле. Как убийца. Наемник. Палач. Если искать аналогию не на земле, то на ум приходит тот самый — настоящий — ангел смерти.

Но ведь ко мне все это не применимо. Боги не отбирают жизнь. Они ее дарят. И даже создают. По крайней мере в это меня научили верить с детства. Но ведь есть же боги Узана, которые, похоже, не способны ни на что, кроме как сеять смерть и разрушение. Наверняка Рокет о таком даже не думал.

Я завезла сальсу благодарной донельзя Куки и по пути в участок, где собиралась тщательно подонимать не одного, а сразу двух копов, честно старалась не заикливаться на том, что узнала от Рокета. Однако мысли гудели наперебой и не давали покоя.

Ну, хоть Пип сейчас ничего не угрожает. Уже за это можно испытывать благодарность. Правда?

*Наверное, я даже не замечу,
как впаду в старческий маразм.*

Факт

Пип в безопасности.

Снова и снова я повторяла эту мантру, надеясь, что рано или поздно сама в нее поверю.

— Здорово, — с порога заявила я самым томным и соблазнительным голосом, на какой только способна.

Офицер Тафт поднял голову, прекратив заполнять документы в компьютере. А может, он в «Пакман» играл. Кто знает? Смена Тафта только началась, потому я и приехала. Чуть позже он уже отправится охранять наши улицы, и поймать его будет очень непросто.

— Дэвидсон, — поздоровался он в ответ и оглянулся узнать, не видит ли кто-нибудь, как он со мной разговаривает. Вечно Тафт переживает за свою репутацию, которая, честно говоря, и так не самая безупречная. — Она здесь?

Сахарная Слива, она же Ребекка, его младшая сестра. Периодически я играю для них роль почтальона. Должность мне действительно нравится, но вот бонусы к ней идут паршивые.

— Я требую прибавки, — сказала я, без приглашения усаживаясь на стул у стола Тафта.

— Я тебе не плачу.

— Вот именно.

Тафт поджал губы и продолжил заниматься тем, чем занимался до моего появления. Выглядел он не так уж плохо. Правда. Даже в размерах увеличился. Или начал ходить в качалку, или чересчур увлекся пончиками. Так сразу и не скажешь. Короче говоря, выглядел он хорошо. Как будто повзрослел и заматерел. А если учесть пронзительные голубые глаза и по-военному коротко подстриженные темные волосы...

— С ней все путем, — ответила я на вопрос, который Тафту не терпелось задать.

Он снова посмотрел на меня.

— Честно? А ей, ну, не одиноко?

— Я тебя умоляю! Она даже незнакомцев никогда не встречала. В том числе и в загробной жизни. Если уж начистоту, то имеются там некоторые товарищи, которым на глаза лучше не попадаться.

— Ей грозит опасность? — тут же встревожился Тафт.

— Нет, Тафт, ничего ей не грозит. Она с Рокетом. У них та еще банда. — Я заметила уголок какой-то фотографии, торчавший под документами. — Над чем работаешь?

Присмотреться получше не удалось. Тафт увидел, куда я смотрю, и навалил на фотку целую стопку папок.

— Ни над чем.

— Ну и ладненько. В общем, я работаю над делом Адамс. Видела в отчете, что именно ты приехал на вызов.

— Над делом Адамс, говоришь? Тебя ее бойфренд нанял?

— Сам знаешь, я не могу ответить на этот вопрос. Кстати, классно выглядишь.

Тафт откинулся на спинку кресла и сложил на груди руки.

— Давай-ка кое-что проясним.

— Что именно? — Некоторые люди жуть какие подозрительные.

— Ты делаешь мне комплименты по поводу внешнего вида, только когда тебе что-нибудь нужно.

— Вопиющая ложь! — Вообще-то, это была правда, но при желании я могу поспорить и со счетчиком на стоянке. — Я всего лишь хочу узнать, что ты думаешь об этом деле.

— Сама повынюхивай.

Так-так-так. Значит, мы вернулись к подначиваниям и подзуживаниям. Дальше начнутся победные танцы втихаря. Что ж, Тафт меня почти впечатлил.

— Я на твой нос никаких видов не имею. Меня наняли. По-настоящему. Потом даже заплатят. — На это я очень и очень рассчитывала. — И мне сверху дали разрешение тебя опросить.

Тафт смирил меня насмешливым взглядом:

— И как высоко стоят те, кто сверху?

— Очень высоко. Точнее выше среднего.

— Почему бы тебе не поприсесть к дяде?

— Дело ведет Джоплин. А Джоплин меня не переваривает.

— Представить не могу, с чего бы вдруг.

— Вот-вот, и я о том же. Так что там с машиной?

— Фиг с тобой. Хочешь знать, что я думаю? — Тафт всучил мне какую-то папку, уперся локтями в подлокотники и переплел пальцы. — Я думаю, что красивая умная женщина встретила ужасную смерть от рук своего ревнивого бойфренда.

— Серьезно? — Я открыла папку, где лежал только отчет Тафта. Отчет я еще не видела, потому что среди документов, которые передал мне Паркер, его не было. — То есть, по-твоему, виноват бойфренд?

— А кто еще? Или ты не видела целую гору улик, которые свидетельствуют против него?

— Не видела. — И я не соврала. Собственными глазами никаких улик я не видела.

— По всей машине отпечатки его пальцев.

— Ну так эти двое же встречались.

— Отпечатки в крови, Дэвидсон. То есть появились там уже после произошедшего. В нескольких местах.

— Он нашел машину. Стал искать свою девушку, открыл дверь и испачкался в крови, которой, судя по всему, был залит весь салон.

— Что там было искать? Фиске открыл дверь, внутри Адамс не было. Машина залита кровью. Фиске тоже.

— На заднем сиденье был спальный мешок. Фиске решил, что Эмери может быть там. Вот и полез проверить.

— То есть он полез в литры крови к спальному мешку, вместо того чтобы обойти машину и открыть заднюю дверь?

Что ж, тут он прав, но этому есть объяснение, вот только мне не хотелось просвещать Тафта. Если дело дойдет до суда, у меня в рукаве окажется туз. Фишка в том, что двери в машине открывались только брелоком, а внутренние замки на него не срабатывали. Если

копы сами это не выяснят, то в суде покажутся некомпетентными. А это всегда на пользу подсудимому.

Я вернула папку Тафту.

— Все твои улики косвенные.

Тафт подался ближе и разыграл козырь:

— Это не первое его убийство.

Стараясь не выдать удивления, я оценила его эмоции. Он точно не лгал.

— Что ты имеешь в виду?

— А ты в его прошлом не копалась? Три года назад. Непреднамеренное убийство.

Непреднамеренное убийство? Проклятье! Паркер об этом не упоминал. Теперь выполнить мою работу будет сложнее, но все же не невозможно. Плевала я на то, что сделал парень в прошлом. В убийстве Эмери Адамс он не виновен.

— Так вот почему вы, ребята, так быстренько состряпали арест.

— Как по мне, отличная причина. Тот, кто однажды убил...

— Непреднамеренное убийство с настоящим убийством и рядом не стоит.

— По вине Фиске погиб человек. Если это, по-твоему, не настоящее убийство...

Теперь разобраться с делом Лайла Фиске у меня было еще меньше возможностей, чем раньше. Я помчалась обратно в офис узнать, как продвигается Куки, а заодно и сама хотела покопаться в кое-каких деталях из прошлого. Все это время в голове зудела мысль о том, как подобраться к богу незамеченной. Если один или два бога Узана крадут человеческие тела, а потом выбрасывают их, как какой-то мусор, этих гадов нужно срочно остановить. Сейчас речь уже не только о Пип.

То есть в основном, конечно, о ней, но где-то там умирают невинные люди, и мне казалось, что отчасти вина лежит на мне. Нас с Рейесом предупреждали, что нам нельзя сблизиться в интимном смысле. Правда, предупреждали уже после того, как дело было сделано. Несколько раз. В разных местах. И на разнообразных поверхностях.

— Хорошо, что ты пришла, — сказала Куки, второпях вручая мне папку на Лайла Фиске.

После разговора с Тафтом я всерьез уже боялась туда заглядывать и с надеждой уставилась на подругу:

— Что там у нас? Большие пальцы вверх или вниз?

— Это как посмотреть. В общем, после всего, что ты мне рассказала, читай написанное со здоровой долей скепсиса.

— Лады.

Несколько часов подряд я читала тонны информации, найденные Куки на Лайла Фиске и Эмери Адамс, а уже потом занялась собственными исследованиями по поводу третьего винтика, который никак не вписывался в картинку. Почему Паркер так убежден в невинности Фиске? Или тут есть что-то еще? И почему в деле Лайла не было ни единого упоминания о непреднамеренном убийстве? Наверняка этот нюанс Паркер утаил нарочно.

Во второй половине дня Куки уехала забрать Эмбер из школы, а я продолжала читать.

Фиске был президентом братства в Университете Нью-Мексико. Во время обряда посвящения, который Лайл одобрил, погиб парень. И случилось это именно тогда, когда обряды посвящения в разных братствах находились под пристальным вниманием СМИ, активистов и политиков. В качестве назидания для остальных судья приговорил Фиске к пяти годам лишения свободы за причинение смерти по неосторожности, но за хорошее поведение срок сократили.

Запись о судимости серьезно помешает присяжным вынести оправдательный приговор. И не важно, как старательно Ник Паркер будет саботировать дело, а заодно и свою карьеру.

Дальнейшие поиски показали, что загадочный помощник прокурора состоял в том же братстве, что и Лайл. Паркер упоминал, что они в колледже дружили, а вот о братстве упомянуть забыл. Как и об обряде посвящения.

О горюющем отце Эмери узнать удалось совсем не много. В свое время он сделал парочку неудачных инвестиций. А кто из нас не просчитывался? Я лично до сих пор поверить не могу, что Марсианскую Барби настигло сокрушительное фиаско.

Еще я узнала, что Эмери хотела стать медсестрой. Причем в травматологии. Диплом она получила, но продолжила обучение в аспирантуре, чтобы получить докторскую степень в области управления больницами.

Скорость она никогда не превышала. Вовремя оплачивала счета. Даже рабочие отчеты всегда готовила заранее.

Внезапно осознав, что происходит, я выпрямилась в кресле. И как я раньше-то не догадалась? Эмери Адамс была роботом, посланным с другой планеты, чтобы изучить жизнь на земле. Вот только сама она забыла, что для этого нужно хотя бы прикинуться человеком.

Я написала Куки сообщение, что собираюсь проверить машину Эмери. По пути вниз меня так и подмывало поглазеть на гадского сына Сатаны, но пришлось взять себя в руки. Ничего хорошего из этого не выйдет. Поэтому я сразу двинула в участок.

Расследование началось с приставаний к паре копов в отделе улик, и только потом я направилась туда, где находилась машина Эмери. Та самая, которая якобы так залита кровью, что цвет смогли определить только по техпаспорту.

На само место преступления я планировала отправиться позже. Потихоньку темнело, а машину нашли в отдаленном районе. Вот вам один факт о Нью-Мексико: у нас таких отдаленных райончиков пруд пруди.

Смело встретившись лицом к лицу с брюзгливым охранником, который не горел желанием подпускать меня к машине, я еле сдержалась, чтобы не посоветовать ему регейн^[7]. Бригада экспертов уже прочесала машину от и до своими экспертными наборчиками, так что вряд ли я могла как-нибудь испортить улики.

К счастью, Паркер организовал мне доступ ко всему, что могло понадобиться, и у охранника не было другого выбора, кроме как дать мне добро на изучение тачки.

К сожалению, кровь имеет свойство портиться крайне быстро.

Пожав круглыми плечами, офицер достал ключи и максимально медленно повел меня к машине. Запах едва не сшиб меня с ног, а я еще и близко к тачке не подошла. Пришлось остановиться, упереться руками в колени и сделать несколько глубоких вдохов.

— Точно хотите посмотреть? — спросил офицер, и мне показалось, что ему тоже не очень хочется подходить ближе.

Я кивнула и задержала дыхание, пока он открывал замки. Потом офицер отошел в сторонку, явно не желая находиться рядом, когда я открою дверь.

Прямо оттуда, где стояла, я осмотрела салон, надеясь, что Эмери все еще ждет внутри. Ждет кого-нибудь, кто видит призраков, чтобы она могла рассказать, кто ее убил. Не слишком ли много надежд?

Что ж, похоже на то.

Эмери нигде не было. Видимо, она перешла сразу после того, как душа покинула тело.

Кстати о птичках. Если уж убийца оставил столько крови, что любому факт убийства покажется очевидным, зачем он забрал тело? Лайл обнаружил машину около полуночи. Может быть, преступник собирался вернуться и где-нибудь спрятать тачку. Иначе зачем оставлять ее там, где ее могут найти? Если убийцу волновали улики, которые остались на теле, то наверняка он в курсе, что в машине этих улик должно быть еще больше.

И все же никаких свидетельств не нашли, кроме тех, что указывали на Лайла Фиске. Ни чужих отпечатков пальцев, ни подозрительных волокон, ни волос. Я до кухни дойти не могу, чтобы не оставить за собой уйму улик. А волосы и вовсе нахожу там, где никогда в жизни не бывала. Зато в машине не нашли ничего. Никаких следов отца Эмери, лучшей подруги или коллеги.

Если не считать крови, машина казалась чуть ли не стерильной.

Понятное дело, что любые следы Лайла все сочли крайне подозрительными. К тому же, Тафт сказал, что это не первое убийство парня. На его счету уже есть одно.

Прикусив губу, я поборола очередной приступ тошноты и подошла еще ближе. Однако я была права. Фиске этого не делал. А вот настоящий преступник прекрасно знал о том, как ведется расследование на месте преступления. Уж точно ему хватило знаний, чтобы повесить убийство на Лайла.

Я открыла дверь. Может быть, дело в том, что я не помню, когда ела в последний раз, или в том, что меня измучили переживания за Пип, или даже в том, что совсем недавно меня затискал ребенок-переросток, но мое лицо опять оказалось на земле. Причем на этот раз без посторонней помощи.

— Вы как? — спросил офицер, протягивая мне бумажный стаканчик.

Мы были в клетке с оружием, боеприпасами и ящиками с документами. Пахло здесь металлом, пылью и порохом, а это куда лучше, чем пахло от машины Эмери. Я боялась, что аромат смерти больше никогда не выветрится из ноздрей. От одной только мысли желудок опять свело. Изо всех сил я боролась с тошнотой, но проиграла.

Офицер пинком подвинул ко мне мусорное ведро, а я упала на колени и стала издавать самые унижительные звуки рвоты, какие когда-либо слышала от человека или животного. От металла отдавалось эхо, которое эти кошмарные звуки одновременно приглушало и усиливало.

Не обращая внимания на смех снаружи клетки (поглазеть на зрелище собралось несколько копов), я вытерла рот рукавом и села обратно на стул. Зато теперь у меня есть несколько интересных заготовок для игры «Я никогда не».

Куки написала мне, что берет некоторые документы домой, и попросила забрать их, как только я вернусь.

Мистер Адамс говорил, что Эмери была очень близка со своим дедушкой. Если ее кто-то преследовал или присылал какие-то угрозы, именно ему она могла об этом рассказать.

Время уже было позднее, но я все равно поехала в поселок для престарелых Лесной Бодрячок. Названьице такое, будто его придумал какой-то озабоченный ботаник. Кстати говоря, миссис Аллен теперь тоже жила здесь, причем со своим пудельком по кличке Принц Филипп, он же Пипи.

Я заскочила в регистратуру дать сотрудникам знать, кто я такая и зачем пожаловала, хотя у каждого здешнего жителя были собственные апартаменты. Уход здесь предлагали круглосуточный, однако сам комплекс не был похож на дом престарелых, а это уже хорошо.

В регистратуре мне нарисовали на карте целый маршрут, который приведет меня к дому мистера Джеффа Адамса — старшего. Спросила я и о миссис Аллен, но медсестра сказала что она живет в самом настоящем доме престарелых в соседнем здании, потому что любит выгуливать Пипи бог знает где и частенько оказывается на бульваре Аламеда в одних носках и ночнушке. Чтобы с ней увидеться, нужно приехать в приемные часы и записаться в журнал посещений в том самом соседнем здании.

Мысленно пообещав себе вернуться, как только смогу, я отправилась к дому мистера Адамса-старшего.

Название комплекса мне сразу показалось странным, но по пути к нужному дому подозрения лишь подтвердились. Сначала я ехала по Бодрячок-лейн, свернула налево на Пушистики-драйв, потом направо на улицу Острого Перчика, снова налево к проезду Дерзких Петушков и наконец опять направо в переулок Пенистых Пионов.

О да, весь этот комплекс явно проектировал озабоченный ботаник.

Я лелеяла надежду, что найду Эмери у дедушки. Если они были так близки, как говорил мистер Адамс, и если дедушка уже в преклонном возрасте и уже давно болен, Эмери могла остаться с ним.

Не повезло.

Мистер Адамс-старший оказался крепким мужчиной семидесяти с копейками лет. В этом центре он жил только потому, что не хотел больше заботиться о земле вокруг собственного дома.

— Тут они все сами делают, — поделился мистер Адамс, вручая мне чашку кофе.

Его так трясло, что кофе чуть не расплескался. Горе лежало на нем тяжелым покрывалом. Теперь, когда внуки больше нет, я боялась, что силы его покинут.

Мистер Адамс очень старался делать вид, будто все в порядке. Будто он не сломлен изнутри.

— Они ухаживают за газонами, готовят. Надо ходить в столовую, но кормят не так уж

плохо. А еще постоянно прибирают. В общем, тут... тут хорошо.

Он замолчал, погрузившись в печальные мысли, а я продолжала его разглядывать. Густая седая шевелюра, фермерский загар. Зимой он был в шортах и свитере с эмблемой загородного клуба. Горе мистера Адамса было таким мощным, что пришлось заблокировать его эмоции, пока я не грохнулась в обморок. Опять.

Вернувшись в реальность, он провел рукой по лицу.

— Чуть дальше по дороге есть поле для гольфа и теннисные корты.

Я кивнула:

— Мистер Адамс, в разговорах с вами Эмери не упоминала о том, что ее что-то волнует? Может быть, ее кто-то преследовал или звонил и бросал трубку? — Я помолчала, давая ему время пережить очередную волну скорби, и продолжила, только когда ему удалось подавить слезы: — О чем угодно, что могло бы навести на мысль о грозящей опасности?

Плечи мистера Адамса затряслись, и он откашлялся в платок.

— Нет, — сказал он, придя в себя, — не упоминала. По крайней мере я ничего такого не слышал.

— Вам не показалось, что в последнее время она чем-то обеспокоена?

Поначалу он покачал головой, а потом призадумался.

— Вообще-то, показалось. В последние пару недель она вела себя как-то отстраненно. Наверное, была даже расстроена.

— Не говорила почему?

— Нет, а я и не спрашивал. Не хотел давить. Сказала только, что у нее какие-то проблемы на работе.

— В больнице?

— Да. Она работала администратором. — От гордости черты лица мистера Адамса смягчились. — Была самым молодым администратором за всю их историю.

— Я об этом читала. Должно быть, вы ею очень гордились.

— Милочка, я гордился этой девочкой на каждом шагу. Чудесный был ребенок. А это уже кое-что, учитывая, какое у нее было детство.

— Детство?

— Ну, знаете, всякое бывало. Подлить?

Он явно намеренно менял тему, тем более что к кофе я даже не притронулась.

— Мистер Адамс, любая информация, даже если вам она кажется абсолютно незначительной, поможет мне выяснить, кто это сделал.

Он опустил голову.

— Я сам виноват. Надо было быть построже с пацаном.

— С каким?

— Я про тезку своего. Про сына. Нет у него той силы воли, что была у нас с Эмми. Все что у меня есть, я заработал тяжким трудом. Для сына мне всегда хотелось лучшей жизни, чем была у меня. Оказалось, я неплохо умею вести дела, и уже в юном возрасте стал весьма успешным бизнесменом. Поэтому Младший рос, ни в чем не нуждаясь. Наверное... В общем моя жена, упокой Господь ее душу, постоянно говорила мне перестать ему потакать, но я был вечно занят. Да и проще всего было опустить руки.

— То есть ваш сын не знал запретов.

— И вырос напрочь избалованным. Никогда в нем не было той решительности, какая была у нас с Эмми. Вечно он ввязывался в какие-то сомнительные авантюры и терпел одну

неудачу за другой. В конце концов я перестал вливать деньги в его схемы. Брак его развалился, а потом мать Эмми умерла.

— Как? — спросила я.

— От рака груди. Хорошая была женщина. Слегка упрямая, зато с головой на плечах. От обоих Эмми взяла самое лучшее. Была сообразительной, изобретательной, умела решать любые проблемы. Не боялась рисковать, но всегда взвешивала свои шансы, а потом придумывала жизнеспособный план. Умная была девочка. По-настоящему умная.

— Поэтому и стала замечательным администратором.

Мистер Адамс кивнул. Пока он боролся с очередным приступом печали, я встала со стула и принялась рассматривать фотографии на каминной полке. На нескольких была изображена совсем юная Эмери. Очень красивая девочка. Длинные русые волосы, большие пронзительные глаза. Все это время скорбь мистера Адамса просачивалась мне под ребра и стачивала кости.

— Как думаете, что могло ее расстроить?

— Я же уже сказал. Мой сын.

— Чем отец мог ее расстроить?

— Он ее постоянно чем-нибудь расстраивал. Видите ли, он не самый надежный на свете человек. Они с Эмми словно с самого начала поменялись ролями. Ей приходилось быть ответственной, а он скакал из одного дурацкого приключения в другое. У нее и детства-то не было. Девочке пришлось очень рано повзрослеть. И несмотря на все то, через что ей пришлось пройти, она никогда ни о чем меня не просила.

— То есть была абсолютно независимой?

— И это еще слабо сказано! Вообще не разрешала мне помогать. Даже когда вступила в отряд скаутов, продавала мне не больше трех коробок печенья. Как и всем остальным, даже заядлым любителям мятных лакомств. Ни от кого не принимала одолжений. А когда она училась в старших классах, ее отец с горем пополам умудрился купить ей машину. Помню, какое у нее было лицо. Одному богу известно, насколько незаконной была сделка о купле-продаже. — Мистер Адамс внезапно помрачнел. — Через два месяца Младший погорел на очередной пирамиде, и подарочек пришлось заложить. Даже тогда она не пришла ко мне с просьбой помочь выкупить машину. Причем за несчастных две тысячи долларов. Тачку за пятнадцать штук он заложил за две. У меня такая сумма в любом кармане на мелкие расходы валяется.

— А это не опасно — носить с собой столько наличных? — встревожилась я.

Мистер Адамс наградил меня теплым взглядом:

— Хотите знать самое худшее?

Я кивнула, хотя ничего такого слышать не хотела.

— Она даже не расстроилась. И не разочаровалась. Папаша лишает ее машины, а у Эмми никаких эмоций. Она даже не надеялась, что машина останется с ней надолго. Вот как она привыкла к тому, что ее вечно подводят. К тому, что ее постоянно разочаровывают. К тому, что она всегда и везде была для отца на втором месте.

— Но почему она так себя вела? — спросила я, беспокоясь сильнее, чем ожидала. — Почему не принимала от вас денег? Вы же родной для нее человек.

— Однажды я задал ей тот же вопрос. Она сказала, что видела, как я смотрю на ее отца, то есть на своего сына, и не хочет, чтобы я смотрел так на нее.

На последних словах голос мистера Адамса был едва слышен. Крепкий во всех смыслах

человек сломался. Плечи затряслись, и он прикрыл глаза сильной ладонью.

Я понимала, что мне пора уходить, но была еще одна вещь, которая никак не хотела вписываться в общую картину.

Когда мистеру Адамсу наконец удалось взять себя в руки, я спросила:

— Мистер Адамс, я сейчас задам ужасно грубый вопрос, но почему, имея столько денег, вы живете в крошечном домишке в центре для престарелых? Не очень-то верится в рассказы об уходе за землей. Вы могли бы нанять хоть сотню садовников.

— Года два назад, сразу после того, как Эмми нашла работу в больнице, я решил, что не хочу больше тратить ни копейки ни на себя, ни на свои дурацкие привычки. Я вышел на пенсию и ликвидировал всю свою собственность. Собрал каждый пенни и основал для Эмми трастовый фонд. После моей смерти она бы получила миллионы. Я хотел, чтобы все оказалось в ее руках. — Голос мистера Адамса снова сорвался, но через несколько секунд ему удалось продолжить: — Никогда не думал, что мне суждено ее пережить. Разве это справедливо?

Ни капельки.

Проводив мистера Адамса в столовую на ужин, я поблагодарила его и поехала домой. Было уже поздно, а вкусные запахи из столовой, похоже, помогли моему аппетиту найти обратную дорогу после длительного отпуска. По-моему, он ездил в Шотландию, не меньше.

Мистер Адамс оказался замечательным человеком. Я пообещала себе обязательно к нему заглядывать каждый раз, когда буду навещать миссис Аллен.

*Если одна дверь закрывается, а другая открывается,
то скорее всего у вас в доме призраки.*

Наклейка на бампер

Заходя в квартиру, я уже прекрасно знала, что мистер Рейес Фэрроу дома. Почувствовала его еще на лестнице, хотя теперь у нас есть лифт.

Я положила сумку и пошла на поиски мужа.

— По-моему, нам нужно поговорить о том, что происходит.

Он сидел за столом и почти (почти!) поднял голову.

— А что происходит?

— Ничего. В том-то и проблема.

К игнорированию я не привыкла. Точнее привыкла, но не со стороны Рейеса. И все же именно этим он и занимался на протяжении уже нескольких дней. Даже мысли об этом поедали меня живьем, как поедают друг друга люди, которые принимают наркотик, известный в народе под названием «соль для ванн»^[8]. Станный у него побочный эффект, но и мерзкий одновременно.

— Ты с кем-то встречаешься?

Мне удалось шокировать Рейеса, что я поняла по выражению его лица, поскольку улавливать его эмоции по отдельности напрочь разучилась. Наверное, это меня беспокоило больше, чем я думала. В смысле то, что теперь я не могу точно его «читать», как раньше. Складывалось впечатление, будто на мои сенсоры действует какое-то дурацкое электрическое поле и портит результаты считывания.

— Все-таки у меня была амнезия. За это время ты вполне мог кого-нибудь себе найти. Кого-то, с кем больше веселья, чем мороки.

На ум пришла миссис Абельсон. Я насмеялась над ней из-за того, сколько она требовала внимания от мужа. Может быть, я ничем не лучше. Может быть, Рейесу тоже нужны видеоигры и косячок-другой в неделю. Исключительно чтобы расслабиться и снять стресс от проживания под одной крышей с вашей покорной слугой. Ну конечно! Я точно такая же, как миссис Абельсон!

— Послушай, если тебе надо время от времени играть в видеоигры и курить травку, просто скажи мне, хорошо?

— Ты сидишь на каких-то лекарствах?

— Нет, я серьезно. Я... в общем... я знаю, что порой со мной нелегко. И я пойму, если тебе понадобится передышка.

— Ясно. Спасибо за предложение, но мне и так хорошо.

— Тогда что тебя беспокоит?

— Ничего.

— Ладно. Тогда почему мы не... ну, ты понимаешь. — Для ясности я пожала плечами.

— Почему мы не пожимаем плечами?

— Нет, я о сексе. Почему мы не занимаемся сексом? Неделю назад ты не мог от меня

оторваться, а сейчас... О господи! — Тут до меня дошло. Я словно получила удар под дых, да такой мощный, что из легких вышибло весь воздух. — Я нравилась тебе больше, когда ничего не помнила!

— Неужели? — насмешливо спросил Рейес.

— Тебе лучше знать. Почему мы... Почему я, то есть ты...

— Хочешь знать, доволен ли я жизнью? Вполне.

Я сдула челку с глаз.

— Дай-ка я перефразирую. Ты не собираешься говорить мне, что происходит. Вообще никогда. И ты позволишь мне думать, что я совершила нечто ужасное, до тех самых пор, пока наконец не откроешь мне правду. А мне, видимо, придется тебя связать, да? И эту чертову правду из тебя выдавить?

— Единственное, что ты из меня выдавишь с помощью веревок, — это оргазм.

Ну наконец-то!

— То есть, если я захочу получить сексуальное удовлетворение, ты дашь мне себя связать?

— С удовольствием.

— И тебе это понравится?

— А кому бы не понравилось?

— Тогда почему мы... в смысле... что нам мешает...

Нет, так я ничего не добьюсь. В конце концов, я не какая-нибудь пугливая лань. Я умею выражать свои мысли. Иногда даже слишком хорошо. Не помню, когда в последний раз я пользовалась внутренними фильтрами. Прошло так много времени, что я вообще забыла, куда эти фильтры засунула. Но когда речь заходит о Рейесе Александре Фэрроу, я перестаю быть невоспитанной грубиянкой и становлюсь обалдеть какой воспитанной барышней. А это совсем на меня не похоже.

Глубоко вздохнув, я начала с самого начала:

— Почему ты ко мне не прикасаешься?

Рейес ткнул меня пальцем в локоть.

— Забавно, конечно, но ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Я даю тебе время.

— На что? На уроки по оригами?

— И заодно не лезу в твое личное пространство.

— А зачем оно мне нужно? Для слона, которого я давно пытаюсь усыновить? — Я осмотрелась по сторонам. — Ему понадобится гораздо больше места.

— Это точно.

— Скажи мне, что тебя беспокоит.

А вдруг Рейес знает? Знает, что он бог, и что я знаю, что он бог, и что у меня есть то единственное во всей вселенной, что может заточить его в темницу на веки вечные? Господи, хоть бы он не знал!

Несколько долгих секунд Рейес размышлял, а потом вздохнул:

— Меня ничего не беспокоит, Датч.

— Ну все, — решительно заявила я и сжала все внутренности в кулак. Образно выражаясь. — Если ты мне не ответишь, я перееду к Куки.

— Опять?

Стиснув зубы, я потопала в спальню и стала набивать сумку. Туда полетели зубная

щетка, несколько не сочетающихся друг с другом шмоток и ночнушка с надписью «Мчись так, словно угнал». А потом, не говоря ни слова, я подошла к двери и открыла ее, намереваясь так шарахнуть, чтобы от ударной волны затрясся весь дом, как вдруг услышала:

— Смотри, чтобы тебя дверью по заднице не треснуло.

Обалдев, я застыла посреди размаха. Точнее попыталась застыть. В движение я вложила столько силы, что дверь продолжила свой путь вопреки моим желаниям. Вот только я уже успела повернуться к Рейесу. И в этот миг мое лицо опять нашло, куда вписаться.

— Я переезжаю к тебе, — заявила я, проходя мимо Куки, которая открыла мне дверь.

— Опять?

— На этот раз все серьезно, Кук. Этот мужик невыносим. — На случай, если подруга не поняла, о ком речь, я показала куда-то в сторону своей квартиры. И вдруг, не успев сказать больше ни слова, почувствовала аппетитный запах. — Чем это пахнет? — спросила я, принюхиваясь.

Куки нервно рассмеялась:

— В смысле? Ничем тут не пахнет.

Она медленно попятилась к кухне, словно хотела заблокировать мне путь. Пусть Куки и больше меня в размерах, но с нужной мотивацией я могу повалить и стокилограммового полузащитника.

А потом меня осенило. Правдой. И предательством заодно. Я ахнула, уронила на пол челюсть и зло уставилась на подругу. И пялилась на нее долго-долго, пока она не съежилась, как трусливая предательница, которой, кстати, она и была.

— Я проголодалась, — стыдливо поникла Куки.

— Да неужели?

— Ты занималась какими-то своими делами...

— «Ла Сатилья», значит?

— А мне не хотелось готовить.

— И ты заказала чили реллено^[9] в «Ла Сатилья»?

— Всего-то пару шгучек.

— И не посчитала нужным сказать об этом мне?

— Я собиралась, честное слово. Просто все случилось так быстро...

— Ты же знаешь, что со мной делает тамошнее чили реллено.

На губах Куки заиграла лукавая улыбка.

— Мне еще и сопапильи^[10] привезли.

Я выронила сумку и потеряла руки.

— Похоже, я переезжаю прямо сейчас.

Рассмеявшись, Куки повела меня в кухню, где принялась сервировать настоящий пир. Появилась Эмбер в компании улыбающегося Квентина. Да уж, на этих двоих не насмотреться.

— Привет, тетя Чарли, — поздоровалась Эмбер, наспех меня обняв. — Ты опять к нам переехала? Я сумку видела.

— Ага, переехала.

— Класс.

Все свои слова она дублировала жестами, чтобы Квентин понимал, что происходит. Потом повернулась к нему, чтобы объяснить все подробнее быстрыми и точными движениями. Квентин ответил, что я чокнутая. Прямо так и показал: «чокнутая». В качестве наказания за дерзость я набросилась на него и воспользовалась шансом крепко обнять парнишку. Он обнял меня в ответ длинными ручищами. Что тут скажешь? Обниматься Квентин умеет.

После обряда воссоединения они с Эмбер забрали тарелку с едой и ушли в гостиную.

— Мне с ней сегодня поговорить? — прошептала я Куки.

— Не надо. У нас еще есть время, чтобы решить, как лучше обставить этот разговор.

Я кивнула.

— Кстати! — крикнула Эмбер, оглянувшись. — Мы все еще работаем с тем видео. Как раз проверяем одну зацепку, но у ролика уже больше восьмисот тысяч просмотров.

— Это круто! — крикнула я в ответ.

Куки в ужасе закрыла глаза:

— Это ужасно.

Я хихикнула и стала ждать, когда нарисуетя дядя Боб. Он был не в духе. Я это почувствовала, как только он вышел из машины тремя этажами ниже.

— Привет, — сказала я, когда он ввалился в квартиру и повесил куртку на вешалку.

— Привет, милая. Опять переезжаешь к нам?

Второй раз за последние несколько минут я успела первая napроситься на объятия.

— Ага. Я назвала ваш диван Фабио.

— Фантастика. Он и правда похож на Фабио.

— Вот-вот. Светленький, манящий, с холмами и долинами в нужных местах.

— Ты же в курсе, что у нас теперь семь тысяч комнат для гостей? Тебе необязательно спать на диване.

Обойдя кухонный островок, Дибби обнял жену и поцеловал. Поцелуй вышел долгий-долгий. Уж не знаю, с языками или без.

С трудом подавив рвотный рефлекс, я все-таки решила прервать парочку:

— Ну так что слышно?

— Ничего особенного.

— А по-моему, ты взволнован.

Перестав газеть на Куки, дядя Боб изволил взглянуть на меня:

— Вообще нет. Эмбер уже дома?

Словами о волнении я слегка шокировала подругу, но она быстро пришла в себя:

— Да. Они с Квентином едят в гостиной. А еще работают над делом.

— Над делом, значит?

— По поводу видеоролика.

— Ясно, — протянул Дибби и стал наваливать себе целую тарелку еды.

— У Эмбер неприятности?

Дядя Боб застыл и уставился на меня:

— С чего вдруг у нее должны быть неприятности?

— Ну, не знаю. Ты кажешься взволнованным. Она подросток. Все сходится.

— Нет, Чарли, у Эмбер никаких неприятностей нет. Если у нее когда-нибудь будут

неприятности, я сдам свой значок.

Я фыркнула и уже собиралась просветить дядю на тему самых любопытных приключений Эмбер Ковальски, но Куки тихонько откашлялась и сердито уставилась на меня из-за спины Диби.

— Ладно, не буду! — одними губами проговорила я и показала ей большие пальцы. Слава богу, дядя Боб внимательно изучал то, из чего состоял наш пир. — Ты Джоплина уже расспрашивал?

— Зачем мне расспрашивать Джоплина? Пахнет бесподобно.

— Затем, что он ведет наше дело.

— Вот именно. Ваше дело. Вы его и расспрашивайте.

— Он меня не выносит.

— Он никого не выносит.

— Тоже верно.

Диби постепенно успокаивался — так уж действовала на него Куки. Однако меня все равно беспокоило, почему он волновался. Тем не менее, что бы там ни погладило его против шерсти, это может подождать. Скорее всего что-то стряслось на работе.

Дядя Боб убрал со стола журналы, и мы уселись поесть. Мы втроем — за столом, а дети — в гостиной, где они одновременно вели собственное расследование по поводу видео с одержимой девочкой. Впятером мы практически олицетворяли собой счастливую семью. Лишь слегка меня донимало чувство вины из-за того, что я ем без своей половинки. Но ведь он в одной вилке от звания всемирно признанного шеф-повара. Как-нибудь сумеет себя накормить.

Через несколько минут в кухню вернулась Эмбер и обняла дядю Боба:

— Привет, Диби.

Диби она стала называть его потому, что было бы во всех смыслах странно называть отчима дядей Бобом. Лично я с этим целиком и полностью согласна.

Чмокнув его в щеку, Эмбер пошла обратно в гостиную, прихватив с собой еще один чили реллено с чипсами и сальсой, но не прошла и десяти шагов, как вдруг резко развернулась и опять появилась в дверях:

— Чуть не забыла. Блогер по имени СпектроСэм хочет взять у тебя интервью.

— У меня? — уточнила я.

— Ага. Насчет видео. Хочет сделать целый репортаж. А еще он уверен, что статью оторвут с руками и ногами в «Хаффингтон Пост»^[11].

Если бы я не боялась, что Куки удар хватит, то точно бы согласилась.

— Ясненько. Скажи ему, что сейчас интервью я не даю. И добавь, чтобы связался с моим агентом. Набьем мне цену, так сказать.

— О'кей, — усмехнулась Эмбер и ускакала в гостиную.

— Ей надо податься в шоу-бизнес, — сказала я Куки.

— Ни за какие коврижки.

— Я же не говорю, что ей надо стать юной звездой. Кстати, бедные детки! Вот двигать рекламу «Тайда», например, — совсем другое дело.

Брови Куки сошлись в суровую линию. Я еле-еле сдержалась, чтобы не прокашлять в кулак «монобровь». Это было бы слишком по-детски. Настоящее мастерство — сделать то же самое, только во время чихания. Чих подделать гораздо труднее.

— Я подумаю, — процедила Куки. И соврала.

— Как думаете, что он сейчас делает? — спросила я.

Дядя Боб глянул на часы:

— Проклятье! — достал пять баксов и положил на стол.

Куки взяла денежку и помахала ею, словно выиграла в лотерею.

— В чем, блин, дело? — насторожилась я.

— Ты поставила новый рекорд в пять минут, — отозвался Дибби.

— Я же говорила, — с довольным видом улыбнулась Куки.

— Какого черта тут происходит? — рявкнула я, изо всех сил прикидываясь обиженной.

— В прошлый раз, перед тем как ты начала спрашивать о нем, думать, чем он занимается, и умолять нас пойти одолжить немного сахара, прошло целых тридцать пять минут, — объяснил дядя Боб.

— Ты побила свой рекорд, — вставила Куки. — Я тобой горжусь.

— О да, ребята, с вами не соскучишься. Обхохочешься просто. — Я ткнула вилкой в перец и засунула в рот огромный кусок, а потом прощамкала: — Ну серьезно, как думаете, что он сейчас делает?

Как я ни упрашивала, как ни умоляла, никто не согласился пройти несчастных три метра по коридору, чтобы узнать, как дела у моего возлюбленного. Мне тоже не хотелось опускаться до преследований, тем более что я легко могла заниматься этим в нематериальном виде. И все-таки мне казалось, что это будет нечестно. Плюс я была уверена, что, стоит мне сунуться в квартиру и зависнуть где-нибудь под потолком, Рейес тут же об этом узнает. Это ведь ни капельки не жутко, правда?

В общем, я смоталась в ванную и упала в объятия Фабио, который оказался совсем не таким ласковым, как раньше.

Когда мы спали вместе в прошлый раз, он обнимал меня за бедра и разрешил просунуть руку ему между подушками. Сегодня он был холодным и жестким. А между подушками появился какой-то металлический штырь, за который я изо всех сил пыталась удержаться, пока крутилась с одного бока на другой. Надо было соглашаться на предложение Дибби заночевать в более комфортных условиях. Впрочем, я все равно не смогла бы заснуть.

Глядя в потолок, я думала обо всем на свете. О деле, об Эмери Адамс, о богах Узана, о Пип и о своем норовистом муже, которому я совсем забыла сказать, что меня преследуют трое мужчин на минивэне.

Ну и ладно. Они же ездят на минивэне, а значит, вряд ли чересчур опасны.

*Люблю спрашивать у детей,
кем они хотят стать, когда вырастут.
До сих пор ищу для себя варианты.*

Мем

Проснулась я под запах кофе и шипение бекона. Правда, разбудило меня не это, а зов природы. Чтобы ответить на зов и заодно почистить зубы, я поплелась в комнату для девочек, а потом — в кухню, где Куки, все еще в халате, проверяла с телефона почту.

Облизнувшись, я двинулась к кофеварке.

— Не знаю, как так вышло, но, кажется, я только что позавтракала лосьоном.

— Мой бывший муж образцовый засранец.

— Почему я до сих пор с ним не знакома?

Я вытащила кофейную чашку из шкафчика для кофейных чашек. Сам шкафчик был словно волшебная шкатулка, доверху заполненная специальными сосудами для крови моего врага. Ну или для кофе. Сосуды эти способны вместить и то, и другое.

— Он сказал «нет».

— Да как он посмел?! — взвилась я, принимая на себя роль группы поддержки.

— Я, конечно, и сама еще сомневаюсь, но он взял и открыто запретил.

— Можно подать на него в суд, — перешла я к роли адвоката.

Прислонившись к барной стойке, я сделала самый большой глоток (кофе, не крови), на какой только была способна, чтобы при этом меня не пришлось тащить в больницу с ожогами пищевода третьей степени.

— Эмбер ужасно расстроится.

Я выпрямилась и ударилась в роль лучшей подруги:

— Черта с два. Где твоя бейсбольная бита? У него ведь есть коленные чашечки?

— Может быть, все к тому и идет. Такое ощущение, будто он отказывает во всем, только чтобы насолить мне. Использует совместную опеку против меня и даже не задумывается, как это может отразиться на Эмбер.

Я подошла к Куки.

— Мне очень жаль, солнце. Так в чем дело-то?

— Я рассказала бывшему о «Школе для глухих» и о том, как сильно Эмбер хочет там учиться. А он сказал «нет». И точка. Якобы он не допустит, чтобы Эмбер подвергалась опасности.

— Опасности? — оскорбленно переспросила я, а ведь я не глухая. — Какой опасности? Оказаться вовлеченной в богатую культуру и традиции? Пожить рядом с сильными и уважающими себя людьми, которым каждый день приходится разгребать столько дерьма, сколько мы не разгребаем и за год? Ты когда-нибудь пыталась заказать пиццу через динамик с микрофоном? Это же кошмар!

— Вот именно. Эмбер могла бы там многому научиться.

Я прикинулась матерым мафиози:

— Хочешь, я с ним поговорю?

— Нет, — тихо рассмеялась Куки. — Я сама. Что-нибудь придумаю. К тому же, Фредо^[12], когда ты оказывала помощь в последний раз, по всему городу всплывала мертвая рыба. Правда, в подарочной упаковке из ресторана морепродуктов. А нам это стоило целого состояния.

— Зато я донесла главную идею: не фиг с нами связываться. Плюс в ответ мы получили несколько симпатичных открыток с благодарностями.

— Вряд ли на этот раз такая схема сработает.

— Минуточку, а почему это я Фредо?

— Короче, я сама с ним поговорю.

— Разве его не застрелили по приказу его же собственного брата?

— Наверное, придется его как-то умаслить. Одному богу известно, чего ему захочется на этот раз.

— То есть как это? — Во мне внезапно разгулялось любопытство. — Хочешь сказать, твой бывший манипулирует такими ситуациями, чтобы что-то получить?

Куки посмотрела на меня и недоуменно поморгала.

— На этом и основывается брак.

— Пусть так, но разве вы не развелись?

— Дело не в этом.

— Еще как в этом. Потому что, если вы не развелись, надо было сказать об этом дяде Бобу.

— Шутишь, что ли? У меня на этого товарища большие планы. После того, что я с ним сделаю, его жизнь никогда не будет прежней.

— Вот ни капельки не сомневаюсь, — рассмеялась я.

— Кстати, он рано ушел.

— Дядя Боб? Ага, я слышала.

— Нет, мистер Фэрроу.

— Ах да... Мистер Секси-Шмекси. Печаль и отрада — в основном, конечно, отрада — сердца моего.

— А знаешь, ты могла бы совершить что-нибудь безумное. Например, поговорить с ним. Открыть ему хоть капельку правды. Рассказать сама знаешь о ком и сама знаешь о чем.

Представления не имею, о чем Куки толкует.

— Я уже пробовала. Вчера. Он самый упрямый, самый несговорчивый, самый упертый...

— Все эти слова — синонимы, которые, осмелюсь сказать, применимы и к тебе.

У меня отвисла челюсть.

— Ну, иногда, — тут же добавила Куки. — Вот, например, вчера ты заказала буррито, а тебе привезли бургер. Ты вела себя очень сговорчиво. Я бы даже сказала гибко.

Она права. Вчера я успела сделать растяжку и разогреться. После хорошей разминки я вообще гибкая, как пружина. Если ситуация того требует, могу даже на шпагат раскорячиться. Удивительно, но такие ситуации складываются у меня все чаще и чаще.

По пути в офис я затылком чувствовала чей-то взгляд.

Со мной такое частенько бывает. Кожу покалывает, будто кто-то за мной следит. И сегодня за мной действительно кто-то следил. Может быть, чувак из Ватикана. После возвращения я с ним еще не связывалась и, честно говоря, думала, что его уволили, раз уж теперь о тайной слежке речи быть не могло. Сейчас я уже сомневалась. Следил за мной кто-то незнакомый, так что точно не Гаррет. Когда он поблизости, я его чувствую, как чувствую Куки, Диби и Джемму. У них очень отчетливые вибрации, которые я научилась узнавать. Нет, это был кто-то другой. А может, и не один.

В конце концов я нашла источник. Три дружка вернулись на свой пост. В половине квартала отсюда стоял салатный минивэн. Имелось у меня подозрение, что у этих троих не было ни денег на хобби по слежке, ни опыта по выслеживанию людей.

Внезапно я ощутила какое-то знакомое присутствие и чуть дальше по улице увидела бездомную девочку, которую встретила у мусорного контейнера. Она прижималась к стене магазина «У Бойда» и была все в той же одежде. Зато вещи были с ней. Значит, она за ними все-таки вернулась. И слава богу. Я переживала, что вещи мог забрать кто-то другой.

На улицу вышел мистер Бойд. Из толпы суетящихся людей, большинство из которых были спешащими на занятия студентами, он выбрал именно девочку и направился напрямик к ней. В руках он нес йогурт и сок. А еще у него было яблоко. Даже если бы мне заплатили, я бы все равно не удержалась от сравнения, которое сейчас пришло на ум.

Не теряя времени даром, я пошла к ним. Каждый божий день мистер Бойд флиртовал со студентками. Чем младше, тем лучше. Но в этот раз все иначе. Девочке точно не больше пятнадцати, а мистери Бойду — полтинник с копейками. У него огромные черные усищи и пузо, которому позавидовал бы и Джабба Хатт^[13]. С чего, бога ради, он решил, что кто-то из молодых девушек может на него позариться? А вдруг он вконец спятил?

Я притормозила, заметив, как девочка покачала головой, подтянула лямку рюкзака на плече и отвернулась, чтобы уйти. Повернулась она как раз ко мне и сразу меня увидела, но я не успела поздороваться — была слишком занята тем, что пыталась сглазить мистера Бойда.

— Чего надо? — спросил он, шагнув в мою сторону.

Опустив голову, я продолжала идти вперед, пока не оказалась между девочкой и Бойдом. Хочет стычки — я ему это дело с радостью организую. Тем более что уже давно жду шанса устроить ему натуральную выволочку с пеной у рта. Ей-богу, заплюю с ног до головы.

Однако до этого не дошло. Бойд заметил, что за нами наблюдают несколько человек. Для извращенца, который постоянно ошивается рядом со студенческим кампусом, где живут далеко не глупые люди, все быстренько может полететь в тартарары. Бойд попятился, отчаянно взмахнул руками и вернулся в свой магазин.

Я обернулась, думая, что увижу, как девочка со всех ног улепетывает в ближайший переулок, однако она стояла прямо у меня за спиной. Из-за черной куртки и черных волос она выглядела, как натуральная готка, хотя в прошлый раз я этого не заметила. Еще бы! Она же носила с собой розовое одеяло и рюкзак.

— Это от вас? — спросила девочка, вытащив из переднего кармана десятку.

Вчера, когда я засовывала деньги в ее вещи, больше у меня с собой просто-напросто не было.

— Не-а. — Я поправила сумку на плече. — Наличку с собой не ношу.

Подозрительно сощурившись, девочка смерила меня взглядом.

— Спасибо, — сказала она, так и не купившись на ложь.

Да уж, мне точно пора основательно освоить великую науку вранья. Почему-то в последнее время никто в мою ложь не верит. Может быть, я теряю хватку. Или оставила свою хватку в Нью-Йорке. Блин! Придется за ней вернуться. Класс! Мне предстоит путешествие!

— Есть хочешь? — поинтересовалась я, ткнув пальцем в сторону «Рубежа» в паре кварталов от нас.

Оглянувшись, девочка пожала плечами:

— Разве что чуть-чуть.

Я никак не могла понять, почему она до сих пор не купила себе поесть. Ее же прямо-таки трясло от голода. А может быть, от страха. Может быть, вся эта худенькая фигурка дрожала именно от страха.

— Пойдем. Умираю от голода.

К счастью, несмотря на то, что я позавтракала кулинарным шедевром от Куки Ковальски-Дэвидсон в виде глазуньи с пережаренным беконом, я оставила местечко для домашних чипсов и сальсы Рейеса. Исключительно на случай, если у меня в руках каким-то чудом вдруг окажется тарелка, пока я через живописную кухню, которая совсем не по пути, буду брести к лестнице на второй этаж. Что тут скажешь? Заблудиться для меня раз плюнуть.

Заказав завтрак, мы пошли по лабиринту под названием «Рубеж» в поисках свободного местечка, а когда нашли свободный столик в последнем зале, на экране появился номер нашего заказа.

— Я принесу, — сказала я, надеясь, что девочка не передумает и не сбежит через заднюю дверь в трех метрах от столика.

Девочке явно было неловко, но она хотела есть. Я видела, как она косилась на тарелки, пока мы стояли в очереди.

— Что ж, на вид шикарно, — заметила я, вернувшись с заказом.

Девочке я вручила апельсиновый сок и первый завтрак из меню, а сама начала подъедать сбоку двойную порцию тушеной в красном чили свинины. Тушеной свинины, знаете ли, много не бывает.

— Это точно, — отозвалась девочка, чье настороженное выражение лица превратилось в маску голодного нетерпения.

Да уж, этот ребенок мне нравится.

— Итак, — начала я, прожевывая мелкие кусочки, потому что есть совершенно не хотелось, — имя у тебя имеется?

— Хэзер, — не сразу, но все-таки ответила девочка.

И назвала настоящее имя. Я-то переживала, что соврет.

— Приятно познакомиться. Я Чарли.

Я протянула руку через стол для официального рукопожатия. Хэзер подыграла и вернулась к еде.

— Расскажешь, что происходит?

— В каком смысле? — уточнила она, засовывая в маленький рот здоровенный кусок.

— Почему ты живешь на улице? Есть ведь места и поприятнее.

— Ага. — Проглотив еду, Хэзер запила ее половиной стакана сока в один присест.

— Ну хоть сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

Пару секунд я помолчала, а потом спросила:

— А на самом деле?

Она замерла и уставилась на меня исподлобья, пытаюсь понять, можно ли мне довериться.

— Наверное, прежде чем приглашать тебя на завтрак, я должна была кое о чем упомянуть. У меня есть суперсила.

Положив вилку на стол, Хэзер приготовилась делать ноги.

— Я чувствую эмоции других людей. — Девочка лишь сощурилась, пытаюсь меня раскусить, поэтому я продолжила: — Я знаю, когда кто-то боится. Или когда кто-то в чем-то виноват. Или злится.

— Я не злюсь.

— Но ты боишься. И я могу это почувствовать за квартал от тебя.

— Серьезно?

— Серьезно. — Я говорила так, чтобы ее не спугнуть. Легким и беззаботным тоном, не делая резких движений, словно мне наплевать на то, что Хэзер в секунде от побега. — И тебе точно не восемнадцать.

— Вам-то что? — огрызнулась она.

— Из-за тебя мне трудно дышать.

— Чего?

— Когда кто-то напуган так же сильно, как ты, и так же, как ты, постоянно испытывает страх, у меня давит в груди, и легкие сжимаются. От этого трудно дышать.

— Вроде как при астме?

— Прямо как при астме, — согласилась я, хотя уверена, что астма — нечто в тысячу раз хуже, но для сравнения сойдет. — У тебя еда вот-вот остынет.

Хэзер фыркнула:

— Холодная еда все равно еда.

— Тоже верно, — тихо рассмеялась я.

Этого хватило, чтобы Хэзер немножко расслабилась, взяла вилку и продолжила есть.

— Ну так как? Лет девять? — предположила я, намереваясь ее чуточку обидеть, чтобы разговорить.

— Двенадцать.

Черт возьми! Она моложе, чем я думала. Меня приложило шоком от одной только мысли, что двенадцатилетний ребенок в одиночестве слоняется по улицам Альбукерке.

— Так что там с суперсилой? — спросила Хэзер, накалывая на вилку яйцо. — Вы пользуетесь ею во зло или во благо?

О да, эта девочка мне очень нравится.

— Ну, это как посмотреть. Обычно все зависит от погоды. Но я тебе так скажу: зло кажется забавнее.

Хэзер рассмеялась, и ее голос показался мне хрипловатым, словно она недавно переболела.

— Вернемся к нашим баранам. Почему ты боишься?

— Ничего я не боюсь, — отозвалась она, и все защитные барьеры тут же встали на места.

— Мои легкие не врут, а ты вот-вот меня задушишь. — Обеими руками я схватилась за горло. — Seriously... времени... в обрез...

Я стала оседать на стуле, и Хэзер нахмурилась, засунула в рот очередной кусок и только потом спросила:

— Подкальываете меня, да?

— Вовсе нет. — Я села ровнее. — Разве что совсем капельку. Но я не буду тебе врать. Давай, спроси меня о чем-нибудь.

Девочка откинулась на спинку стула, смерила меня пристальным взглядом и кивнула на какого-то посетителя:

— Что чувствует тот парень?

Я глянула на чувака. Обычный студент-ботаник, правда, красивый до одури, еще и с фигурой на пять баллов. А вот девушка, сидевшая рядом с ним, была скорее королевой красоты, чем заучкой. Они занимались. Причем парень явно был репетитором для девушки.

— Он влюблен в ту девушку.

— Это очевидно, — разочаровалась Хэзер.

— Дай мне минутку. Я тут, вообще-то, работаю.

Усмехнувшись, Хэзер стала ждать.

— Он и правда в нее влюблен. Однако зуб даю, он не в курсе, что она влюблена в него еще сильнее.

— Да ладно!

— Крест на пятке.

Девушка прижалась к парню, пока он показывал ей, как вычислить площадь между двумя кривыми, хотя лично я понятия не имею, на кой черт это нужно. Странность во всей этой ситуации заключалась в том, что девушка ничему не училась. Как будто уже знала все, что он ей показывал.

— Пресвятой Губка Боб! — ахнула я и удивленно моргнула, когда картинка сложилась целиком. Наклонившись к Хэзер, я прошептала: — Ей вообще не нужна его помощь. Она наняла его только потому, что влюблена. Из нее это потоками льется.

— Не может быть! — поразились Хэзер не меньше меня.

Чем дольше я смотрела на парня, тем больше понимала девушку. Он же прямо-таки картинка!

— Однажды у них появятся красивые умные дети.

— Вы еще и будущее видите?

— Нет, просто предположила.

— Понятно.

Казалось, Хэзер разочарована еще сильнее, чем раньше. Думая о чем-то своем, она принялась играть с едой.

— Есть еще кое-что, о чем я тебе не сказала. Я частный детектив.

Хэзер взглянула на меня, и выражение ее лица превратилось в маску паники.

— Меня не нанимали тебя искать, — поспешно объяснила я. — Мой офис на этой же улице. Как я и сказала, я чувствую, как ты расстроена. И у меня есть связи. Чего бы или кого бы ты ни боялась, я могу помочь.

Девочка рассмеялась, хотя скорее фыркнула, а потом сильно закашлялась. Придя в себя, она проговорила:

— Никто не может мне помочь. Уже слишком поздно.

Во мне вспыхнуло беспокойство. Неужели она умирает? А вдруг у нее какая-то страшная болезнь? Или еще хуже — рак?

— Можно мне хотя бы попробовать? — попросила я. — Я умею помогать людям, честно.

— Вы решите, что все это глупости, и отошлете меня обратно.

— Обратно?

Прикусив губу, Хэзер поникла.

— В дом. Я десятая. А значит, я следующая и скоро умру.

*Уверена, что, будь у меня мантия и симпатичная тиара,
я могла бы спасти мир.*

Факт

Видимо, я должна была радоваться, что хоть что-то узнала, но размышления Хэзер о неминуемой смерти не на шутку тревожили. Она что, видела список жертв наемника? Или доску желаний серийного убийцы? А может быть, умудрилась заглянуть в альбом для эскизов какого-нибудь психопата? Откуда ей знать такие вещи?

— Почему ты так говоришь, солнце?

Девочка сжала вилку в кулаке, и мне оставалось лишь надеяться, что она не из агрессивных. На всякий случай я все-таки чуть-чуть отодвинулась. Меня целиком и полностью устраивает то количество отверстий на лице, которое есть сейчас.

— Все дело в проклятии, — ответила Хэзер и опять закашлялась. — Я заболела, как и другие.

— Какие другие? — уточнила я, начиная вариться в дурных предчувствиях.

— Я живу в детском доме. Девять других детей заболели и умерли. Девять! И это за последние семь лет. А теперь и у меня такие же симптомы. Поэтому я и сбежала. — Ее глаза наполнились слезами. — Мы называем это Проклятьем «Теплого пристанища». Я следующая. И никто ничего не может с этим поделать. — Хэзер взглянула на меня. — Даже вы.

Из нее лился такой мощный страх, что его можно было бы потрогать. Я накрыла ее ладонь своей и удивилась, когда Хэзер не убрала руку.

— В твоей теории есть три слабых места.

Руку она все-таки убрала.

— Так и знала, что вы мне не поверите. Взрослые никогда не верят.

— Во-первых, — начала я, наклонившись над столом, чтобы снова взять ее за руку, — помнишь про суперсилу? Я знаю, что ты не врешь.

Я не стала упоминать, что чувствую только то, когда кто-то намеренно говорит неправду. Если Хэзер верит, что она проклята, то, правда это или нет, она не врет.

— Во-вторых, — продолжала я, отпустив ее руку, но не отодвигаясь, — ты меня совсем не знаешь и понятия не имеешь, на что я способна. — Блин, да я сама понятия не имею, так что Хэзер уж точно не в курсе. — Я умею решать самые немислимые проблемы. Даже такие, которые всем кажутся не решаемыми.

Впервые с тех пор, как Хэзер села за стол, на красивом личике засияла надежда.

— А в-третьих, — я коснулась ее подбородка и заставила посмотреть мне в глаза, — те, кто считает, что может проклинать детей и это сойдет им с рук, тоже меня не знают.

Тяжело сглотнув, Хэзер спросила:

— Думаете, у вас получится это остановить?

— Сделаю все, что в моих силах. А сил у меня немеряно.

Хэзер улыбнулась и расслабилась. Будущее вдруг стало не таким ужасным, как ей

представлялось.

— Летать я, честно говоря, не умею. И пулю вряд ли остановлю. Хотя однажды я остановила нож. Ногой. Если хочешь, могу шрам показать.

И опять я услышала тихий смех. Слишком хриплый. Показать бы Хэзер врачу, но я не знала, как это сделать, не привлекая ненужного внимания. Наверняка ее разыскивают по всему штату.

Однако ни за какие коврижки я не брошу эту девочку в беде. В участок везти ее тоже нельзя. Ее отправят назад в детский дом раньше, чем высохнут чернила на ордере на мой арест, потому что в итоге мне придется ее похитить. Так что нет, не вариант.

В общем, пока я досконально не изучу историю напуганной девочки, в «Теплое пристанище» она не вернется. Ей-богу, название будто из фильма ужасов. И почему только в ужастиках все жуткие места имеют такие оптимистичные, ободряющие названия?

Все это приводило к одному очень важному вопросу: куда девать Хэзер. Учитывая текущее дело и проблемы Куки с бывшим по поводу Эмбер, обременять подругу дополнительными заботами совершенно не хотелось. Стресса у нее и без беглянки, пусть даже очень милой, хоть отбавляй.

И тут меня осенило. Я медленно растянула губы в улыбке:

— Ты мне доверишься?

— Уже доверилась. Глупо, да? Я ведь вас даже не знаю.

— И вовсе не глупо. Я хочу, чтобы ты пожила у одной моей подруги. Правда, она слегка с приветом и живет по странному расписанию.

— Мне нравятся люди с приветом, — храбро заявила Хэзер, но с радостью ухватилась за возможность больше не жить на улице.

Надо было сразу догадаться. Бездомная жизнь пугала ее и топила в одиночестве.

— Вот и славненько. — Мысленно я уже составляла список дел, чтобы ей помочь. — Но для начала... что скажешь, если мы с тобой разделим знаменитую местную булочку?

Хэзер просияла и с энтузиазмом кивнула. Да уж, у этой девочки прекрасный вкус.

Мне предстояло опросить уйму людей по делу Эмери Адамс, поэтому решение о том, куда на время поселить Хэзер, чтобы ей не пришлось оставаться на улице, казалось идеальным. Надеюсь, что мое решение не станет возражать, я нашла Пари — мою подругу, которая работает тату-мастером. Пари спала, что объясняло, почему она не отвечала ни на сообщения, ни на звонки и не открыла дверь, когда я стучала. Раз десять. К счастью, я знаю, где она прячет ключ.

Оставив Хэзер в кабинете Пари с компьютером, минералкой и наполовину съеденным пакетом шоколадного печенья, который нашелся на столе, я пошла наверх, надеюсь, что Пари спит одетой, а не в чем мать родила. Некоторые вещи мне просто-напросто видеть не нужно.

Квартира Пари находилась над ее же тату-салонем на Централ. Медленно-медленно я открыла дверь и поняла, что петли не смазывали давным-давно. У самого изголовья виднелась спутанная копна густых темных волос. Или Пари придется долго и нудно расчесываться, или она завела кошку.

Подойдя на цыпочках поближе, я включила лампу. Для Пари было еще рановато. Работает она допоздна, иногда до двух-трех часов ночи. Но мне было очень нужно, чтобы о Хэзер позаботились как можно скорее.

— Какого хрена? — взвизгнула Пари, заметив, что я стою над ней, плююсь и пытаюсь придумать, как ее разбудить. — Выключи чертов свет!

Она накрылась одеялом с головой, а я вырубила лампу, хотя прекрасно знала, что толку от этого не будет. Еще ребенком Пари чуть не умерла и с тех пор видит призраков. Не людей, как я, а туман и дымку там, где находится призрак. Зато меня она видит во всей, так сказать, красе.

— Богом клянусь, если не вырубишь...

Не договорила она потому, что поняла, кто я такая. Наверное, помогло, что я начала хихикать.

Отбросив одеяло, Пари рывком села.

— Чак! — рывкнула она, закрыла глаза рукой и упала обратно на подушку. — Боже мой... Найди мои очки. Которые как для сварки.

Можно подумать, я знаю, какие из ее очков годятся для сварки.

Пари щелкнула пальцами и показала на прикроватную тумбочку:

— В сумке. В боковом кармане. И побыстрее, пока мои сетчатки не испарились окончательно.

Опять рассмеявшись, я выудила из сумки очки и сунула их в протянутую руку.

Надев очки, Пари опять резко села.

— Чак! Где тебя черти носили?

— В смысле?

С одной стороны волосы у нее были примяты, а с другой — размером с Техас.

— Тебя не было год, не меньше.

— Серьезно? — обалдела я.

Приподнявшись, Пари крепко меня обняла и затащила к себе в постель.

— Неожиданно, — хихикнула я, — но ничего.

— Черт возьми, как же я скучала по твоему лицу!

— Ты же не видишь моего лица. Сама говорила, что вместо лица даже в очках видишь только размытое яркое пятно.

— Тогда я скучала по твоему пятну. Давно ты вернулась?

— Неделю назад.

Поерзав, Пари примостилась поближе ко мне.

— Кстати, — добавила я, — я в восторге от нашего воссоединения, честно-честно, но ты спишь без одежды.

— Это да. — Красивое, хотя и много повидавшее лицо просияло от лукавой ухмылки.

Пари с трудом слезла с кровати и нашла халат, а я угрохала целую вечность, чтобы сесть.

— У тебя водяной матрас! — опять обалдела я, но на этот раз по-настоящему.

— Оставил один из бывших. Штука чересчур тяжелая, так что пришлось смириться. К тому же, я водное создание.

— О да, ты то еще создание.

— Господи, Чак... — выдохнула Пари, сияя, и только теперь я поняла, как мне ее не хватало.

Встав с кровати, я опять обняла подругу и почувствовала бурлившие в ней эмоции. Настоящие. Эмоциональной Пари не назовешь. Она проявляет чувства только в адрес своих любовников.

— Ты чего? — спросила я, взяв ее за плечи. Пари на голову ниже меня, с умопомрачительной фигурой и убийственным нравом. — В чем дело?

— Я хотела поехать. Чтобы быть рядом.

— Ну что за глупости? — Я снова ее обняла. — Прекращай. Я была в полном раздрае. Не помнила собственного имени. И уж тем более не вспомнила бы тебя.

Когда она посмотрела на меня, я едва сдержала очередной приступ хохота. В этих огромных очках Пари смахивала на насекомое. Но расстроена она была не на шутку.

— Я думала, мы тебя потеряли, — проговорила она. — А ты слишком особенная. Таких, как ты, терять нельзя.

— То же самое я могу сказать о тебе.

— Ага, как же, — фыркнула Пари и отошла на шаг назад. — Что тебе нужно?

— С чего ты взяла, что мне что-то нужно?

Молча, но красноречиво она поджала губы.

— Ладно-ладно! В общем, мне надо, чтобы ты присмотрела за двенадцатилетней бездомной девочкой, которая пытается убежать от проклятия и скоро умрет, если я ничего не сделаю.

Ну все, осталось только скрестить на удачу пальцы.

Задумавшись на несколько секунд, Пари наконец кивнула:

— Сделаю, но при одном условии.

— Слушаю, — сказала я, испытывая прилив восторга.

— Это проклятие... Оно ведь не заразно? Я и без нависшей над головой смерти по уши в дерьме.

— Она висит над всеми нами, — напомнила я, в сотый раз обняв подругу.

— Может, и так.

— Еще мне нужно, чтобы ты хакнула комп помощника окружного прокурора, Ника Паркера. Причем и рабочий, и домашний. Хочу узнать, что у него на меня имеется.

— Еще бы ты не хотела.

— Чую, скоро окажусь под прессом шантажа. А еще мне нужно, чтобы ты связалась с тем сексапильным доктором, которого лишили лицензии за то, что он прописывал пациентам оксикодон, а потом у них же его покупал.

— Хорошо, но вряд ли он теперь может поделиться своими запасами.

— Спасибо, но оксикодон мне не нужен. Хэзер больна, и я хочу как можно скорее понять, в чем дело.

— Будет сделано, кэп. Уверена, что не хочешь завалиться со мной обратно в постель? Гарантирую, не пожалеешь.

— Даже не сомневаюсь. — Честно говоря, учитывая мое принудительное воздержание, предложение Пари казалось очень даже заманчивым, и все же в данном случае я предпочла остаться друзьями без бонусов. — А что случилось с Тре?

— Ничего, мы все еще вместе. Но он не считает изменой мои отношения с женщинами.

— Как-то по-извращенски с его стороны.

— Таков уж Тре. Кстати, кто такая Хэзер?

Я заверила Хэзер, что сейчас же начну разбираться с ее «проклятой ситуацией», а тем временем придет врач, чтобы на всякий случай ее осмотреть. На этом я оставила девочку в заботливых, если не вдаваться в подробности, руках Пари.

Они мигом нашли общий язык, когда выяснилось, что у Пари имеется не только Хбох, но еще и «Плейстейшн». Да уж, эти двое отлично проведут время.

Перед тем как поехать опрашивать друзей и коллег Эмери Адамс и где-то по пути посмотреть на место, где нашли ее машину, я заскочила в офис. Куки ввела меня в курс дела и рассказала, что ей удалось накопать за утро. Причем общались мы, поглощая обед. То бишь полдень еще не наступил, а ела я уже в третий раз. Правда, у меня была причина. Ребята на минивэне по-прежнему торчали поблизости, и мне хотелось, чтобы они пошли за мной в бар. На знакомую, так сказать, территорию.

Рейес тоже был здесь, поэтому я фактически привела ягнят на заклятие. Если, конечно, ягнята решат что-нибудь предпринять.

Пока я читала отчет Куки по Джеффу Адамсу — младшему, Валери принесла наши тарелки.

Куки с трудом осознавала все, что я поведала ей о Хэзер.

— Двенадцать? — ошеломленно перепросила подруга. — Как такое вообще возможно? Как она выжила на улицах?

— Не знаю, солнце, но мы все выясним. У этого доктора прямо-таки выдающаяся карьера.

Куки кивнула:

— То есть девочка действительно больна?

— Ага. Бедняжка. Вот почему мне нужно, чтобы ты нашла все, что сможешь, о «Теплом пристанище». Пари уже взламывает их документацию, но мне нужно знать, как они объясняют все общественности. И кто конкретно этим занимается. Если за последние семь лет там умерло девять детей, то почему не велось расследование?

— Поняла. Кстати, ты же знаешь, Хэзер могла бы пожить у нас.

Я перевернула страницу.

— Я об этом думала, но у всех нас и так дел невпроворот. Кто бы тогда за ней приглядывал? Ипподром, значит. Он что, серьезно собирался открыть ипподром?

— Ага, только ничего не вышло. Ты есть собираешься, или как?

— Ой, точно. — Я сунула в рот чипсину и продолжила читать. — Еще и первоклассная бильярдная.

— И тоже провал.

— Сеть ресторанов.

— Очередное фиаско.

— Этот парень вливает тонны денег в одно предприятие за другим, но все прискорбно проваливается, не успев начаться.

— Он точно не унаследовал от отца деловую хватку.

Через каждые несколько предложений я поглядывала на кабинет Рейеса. С тех пор как мы с Куки уселись, он висел на телефоне и ходил из угла в угол, как зверь в клетке. Время от времени он ловил мой взгляд, и я тут же опускала голову и продолжала читать.

Куки собрала тонны информации о мистере Адамсе. Честно говоря, при встрече он вовсе не показался мне таким беспечным, расточительным и безответственным. Наоборот, я подумала, что он интеллигентный здравомыслящий человек.

— Вот любопытно, зачем его грамотный и опытный в делах отец вливал деньги в схемы, которые никогда бы не окупились? Причем снова и снова.

— Почему ее в новостях не показывали? — спросила Куки, все еще думая о Хэзер.

Надо было, наверное, привести девочку с собой. Хоть познакомились бы.

Наконец закончив говорить по телефону, Рейес несколько долгих секунд смотрел на меня, а потом сел за стол и стал перебирать бумаги. Каждое его движение было пропитано беспокойством.

— Сейчас вернусь, — сказала я Куки, которая только что спросила о родителях Хэзер. — А это еще одна тема, в которой тебе предстоит хорошенько покопаться.

Все еще расстроенная, она кивнула, а я пошла петлять между столами и стульями, чтобы добраться до кабинета.

— Что-то случилось? — спросила я у Рейеса.

— Нет, — ответил он, не глядя на меня.

— А по-моему, что-то все-таки случилось. От тебя жар волнами идет, как будто лес горит. — Я сжала свой свитер в районе сердца. — Что-то с Пип?

— Нет, все в порядке. Небольшие проблемы с одним из поставщиков.

Он врал. Я не чувствовала лжи, потому что разучилась ощущать эмоции Рейеса, но точно знала, что он врет. Во мне вспыхнул гнев.

— Если дело в Пип, то я имею право...

— Дело не в ней, — перебил он меня убийственно спокойным тоном.

Моя свободная рука сжалась в кулак.

— Такое ощущение, будто я тебя больше не знаю.

Рейес замер и с любопытством взглянул на меня:

— Не знаешь? Или больше не хочешь знать?

— Это еще что значит?

— Ничего. Мне пора братья за готовку. Сэмми звал.

Обойдя стол, Рейес чуть-чуть притормозил, когда проходил мимо меня, а потом скрылся за дверями кухни. А я стояла и понимала, что ничегошеньки не понимаю. Что такого случилось по пути из Нью-Йорка домой? Снова и снова я прокручивала в уме весь тот месяц. Когда мы уезжали из Лоцины, все казалось прекрасно. Почти идеально, если не считать того, что я узнала, что Рейеса создали из энергии злого бога. И того, что я засунула демона в адское измерение, где томятся невинные люди. И того, что в Нью-Йорке я потеряла замечательного друга.

И все-таки по пути домой я чувствовала, как Рейес отдаляется. А теперь была расстроена, обеспокоена и совершенно не понимала, какое нас ждет будущее.

*Только решишь, что наконец-то собрал всех уток,
как вдруг кто-то появляется, дает тебе рецепт утки а-ля
оранж,
и ты понимаешь, что жить без пары уток очень даже можно.*

Мем

Возвращаясь обратно за стол, я поняла, что за мной следит не одна группа людей, а целых две. Вряд ли они работали вместе, но цели, кажется, имели схожие: таскаться за мной повсюду и записывать каждый мой шаг.

Одна команда справлялась весьма неплохо, чего не скажешь о команде из минивэна. Других я заметила вчера, однако понятия не имела, сколько времени они сидят у меня на хвосте. Причем они точно не из Ватикана. Приставленного ко мне оттуда парня я давненько не видела. Его вполне могли заменить, раз уж его раскрыли, но я в этом сомневалась.

Нет. У этих чуваков точно имелись собственные мотивы, вот только я, честно говоря, устала от преследований. И от того, что меня сканируют электромагнитным прибором. Проходя мимо команды из минивэна, я слышала звуки помех откуда-то с колен одного парня. Или у него серьезные проблемы с мочевым пузырем, или все-таки это был ЭМП. Меня никогда раньше не сканировали с помощью такой штуковины. По крайней мере на людях. Даже не знаю, как теперь себя чувствовать. Оскорбиться или, наоборот, порадоваться оказанной мне чести.

Я остановилась возле их столика и каждого осмотрела с ног до головы. Всех троих. Парни были приблизительно моего возраста. То есть достаточно взрослыми, чтобы понимать, что они делают, но и достаточно молодыми, чтобы наплевать на последствия. Все трое были классическими ботаниками. У одного в нагрудном кармане рубашки даже торчал карманный протектор^[14]. А я-то думала, эти штуки вышли из моды еще в восьмидесятых.

Двое парней с темными волосами были похожи, как братья. Оба тучные и донельзя милые на вид. Когда такие парни заезжают за девушками, мамы спокойно отпускают своих дочерей на свидание. Хотя на самом деле эти ребята — всего лишь прикрытые для настоящего кавалера, того самого плохого парня, который живет по соседству и ночами гоняет на мотоцикле. По крайней мере у меня все было именно так.

Третий, как я замечала, всегда сидел за рулем. Светло-каштановые волосы были длинноваты спереди, к тому же прикус у него явно был неправильный. Карманный протектор носил как раз этот парень. В честь протектора я бы даже назвала его Пипи, не будь имя уже занято одним знакомым мне пуделем.

Не меньше минуты я стояла у стола, впитывая бешеную панику, текущую по венам всех троих, и ожидая, когда кто-нибудь из них решит на меня взглянуть. На прямой контакт троица явно не рассчитывала.

В конце концов они одновременно подняли головы. Рты у всех были слегка приоткрыты, и я не могла понять, боятся они меня или испытывают нечто сродни восхищению.

— Вы меня эмпэшиником сканируете, что ли? — спросила я.

Тем временем прибор под столом совсем взбесился. Карманный Протектор отчаянно пытался его выключить. Или так, или он решил сам себя порадовать в интимном смысле. Ни тот, ни другой вариант меня не устраивали.

— Тристан, — проговорил один из братьев и покачал головой, призывая товарища прекратить тщетные попытки, — хорош уже.

Тристан (хотя Карманный Протектор мне нравилось больше) вытащил из-под стола прибор, измеряющий электромагнитные поля. Такие штуки любят охотники за привидениями, убежденные, будто призраки излучают частоты, которые можно уловить. Повозившись с прибором, Тристан все-таки вырубил его, после чего парню хватило такта напустить на себя пристыженный вид.

— Что вы здесь делаете? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Мы видели ролик, — отозвался Тристан, чей голос благодаря выражению моего лица был еле слышен.

— Ну конечно! Спецэффекты нынче творят чудеса.

— И мы знаем парня, который выложил видео, — добавил один из братьев.

— Сами-то вы кто такие?

Он тут же вскочил на ноги, и его примеру последовали остальные двое.

— Я Айзек, а это мой брат Яго и наш бесстрашный лидер — Тристан.

Протянутые руки я пожимать не стала, и трое друзей неловко переглянулись.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — предложил мне Айзек.

Я глянула на Куки, которая пожала плечами, гадая, что я задумала. Подняв указательный палец, я все-таки решила принять предложение.

— Значит, вы знаете того, кто выложил видео?

Тристан кивнул:

— Он видел все собственными глазами. Говорит, что был поблизости, когда все произошло, и с тех пор помешан на сверхъестественном.

Я начинала понимать, каково это — быть рок-звездой. Все трое смотрели на меня во все глаза с почтительным восхищением.

— Это он вам сказал, где меня искать?

— Нет, — ответил Яго, показавшийся мне более спокойным, чем его брат. — Он отказался говорить на эту тему. Сказал, что следит за вами и скоро смонтирует документальный фильм.

Вот ведь гад!

— То есть он это умеет? — спросила я, чувствуя себя оскорбленной до глубины души.

— Не знаю, — сказал Тристан, — но точно попытается.

— Если он так хотел держать мое существование в тайне, пока не сделает этот свой фильм, то зачем тогда запостил видео?

— По-моему, он не ожидал, что вас узнают.

Яго согласно кивнул:

— Он пытался заранее создать шумиху. А теперь, когда ваша личность больше не секрет, ужасно расстроился.

С каждым сказанным парнями словом во мне росла ярость.

— Вам известно имя того, кого я точно придушу?

Все трое мне поверили, и у них одновременно отвисли челюсти.

Первым в себя пришел Тристан:

— Мы знаем только ник. СпектроСэм.

И еще раз: вот ведь гад! И этот козел писал Эмбер о том, что якобы хочет взять у меня интервью? В жизни не поверю. Если он так много обо мне знает, то наверняка в курсе, где и как меня найти. А значит, писал Эмбер по электронке, только чтобы выудить из нее информацию. Может быть, даже пытался ее обмануть, заставить сказать что-то важное. Надо как можно скорее с этим разобраться. Он ведь может попытаться устроить с Эмбер встречу.

— Давайте-ка кое-что проясним. Вы тоже притащились сюда, чтобы на мне подзаработать?

Глаза парней так округлились, что стало даже смешно.

— Нет, — сказал Айзек, — мы о таком и не думали.

Тристан подался ко мне, явно желая, чтобы я все поняла правильно.

— Мы скорее городские исследователи. Мы ничего не меняем и не делаем ничего такого, что может повлиять на будущее.

— Не понимаю, — проговорила я, — тогда что вами движет?

— Жгучее любопытство, — тихо рассмеялся Тристан.

— Но на свете много охотников, — вставил Яго. — Не исследователей, как мы, а именно охотников. — Он покосился на столик, где сидела вторая группа моих преследователей. — И большинству из них нужны деньги и слава.

— В основном, конечно, они хотят прославиться, — уточнил Тристан. — В нашем деле большие деньги не крутятся. Разве что удастся найти что-то по-настоящему стоящее. — Едва сказав это, он смущенно поник, а я почувствовала, как ему стыдно за такие слова.

— Почему вы решили, что я нечто стоящее? Чувак с видео врет, точно вам говорю.

— Вы излучаете электромагнитные волны, — объяснил Тристан.

Я решила свести все к шутке и рассмеялась:

— Разве не все их излучают?

Словно по чьей-то указке, все трое одновременно покачали головой.

— Ясно.

— Мы никому ничего не скажем.

— Ну-у, спасибо, что ли. Только перестаньте за мной следить, лады?

— Мы и не сле...

Я смерила всех знаменитым скептическим взглядом. Друзья сникли, но все же разочарованно кивнули.

— Будьте осторожны, — предупредил Тристан. — Члены второй команды не такие профессионалы, как мы.

Ну разве он не прелесть? Мне не хватило духу сказать ему, что у него тоже есть хвост. Точнее тень. Призрак, который неотступно следовал за Тристаном. Все время, что мы разговаривали, мертвый парень в смиренной, между прочим, рубашке стоял за спиной у Тристана и сверлил его гневным взглядом. Однако призрак ничего не говорил, поэтому и мне не хотелось поднимать эту тему.

— Не переживайте. Я могу о себе позаботиться.

— Ага, я видел запись.

Я решила, что пора прощаться. Из кухни несколько раз выглядывал Рейес, явно пытаюсь понять, что происходит, поэтому я пожелала троице всего хорошего и собралась, пока есть

шанс, познакомиться со второй командой.

К сожалению, когда я остановилась у их столика, они и не подумали разволноваться. И вообще вели себя совершенно иначе. Все в этой команде были ухоженными, гладко выбритыми, с дорогими стрижками и еще более дорогими гаджетами, особенно если сравнивать с теми, что были у команды Тристана.

Остановившись у столика, я осмотрела каждого из сидевших и поняла, что никто из них не может похвастать ни силой духа, ни твердым характером.

Тристан и два брата горели неподдельной страстью к тому, чем занимаются.

А эти парни, все четверо, были избалованными и жадными до денег придурками. В их глазах я разглядела жажду наживы. Им так хотелось поймать меня на чем-то горяченьком, что они уже чувствовали вкус победы. Но потом-то что? Неужели они планировали продать записи местным новостям? Кто вообще готов за такое платить? То бишь кто готов платить за то, из-за чего эти парни кому угодно покажутся идиотами?

Никого из них ни капельки не удивило, что я подошла. Зато я удивилась капитально и, пока разглядывала чуваков, удивлялась все больше и больше.

— Значит, ты и есть СпектроСэм, — сказала я парню, сидевшему ко мне ближе всех.

Он прятался под бейсболкой, но снял ее, чтобы я увидела лицо. У меня отвисла челюсть. Теперь все встало на свои места.

— Ну ты и кретин.

Один из членов команды тут же достал маленькую камеру, чтобы записать наш разговор. Я угрожающе сощурилась, и чувак положил камеру на стол. Вот только я не дура. Он уже врубил запись и попытался подвинуть камеру так, чтобы я оставалась в кадре.

— Кретин? — переспросил первый с густым французским акцентом, который я помнила до сих пор. Может быть, они все французы, хотя узнала я только Сэма. Впрочем, давным-давно я знала его как Сэмюэла. — Не очень вежливо.

Во мне вспыхнул гнев, и Рейес вышел из кухни. Он вытирал руки полотенцем и с легким любопытством смотрел на происходящее, но на самом деле был в полной боевой готовности. Его мышцы напряглись и приготовились действовать, если возникнет необходимость.

Усилием воли я заставила себя успокоиться и смерила Сэмюэла сердитым взглядом.

— Значит, это ты записал видео.

За время службы в Корпусе мира мы часто сталкивались с командами из других стран и даже с одиночками, которые приезжали раз в год, чтобы помочь. Сэмюэл был в одной из таких команд. Помню, он говорил, что поехать в Уганду его заставили родители. Он вообще много чего говорил в моем присутствии, потому что знать не знал, что я его понимаю.

— Да, — подтвердил Сэмюэл, явно довольный собой.

— Зачем? И почему ты вообще за мной тогда пошел?

— Ты была... как это сказать? — Прежде чем продолжить, он промокнул уголки рта салфеткой. — Уникальная. Я с первого взгляда понять, что ты не такая, как все.

— Я обычная девушка, Сэмюэл. Я говорила тебе об этом тогда и повторяю сейчас.

— Но я знать правду, cheri^[15]. Я часто за тобой ходить. Смотреть, как ты разговариваешь с воздухом. Видеть, как падаешь на колени, когда они подходят ближе.

— Я говорила сама с собой, ясно? С психами так бывает.

— Ты говорить с привидениями. С теми, кто умереть, но остаться на земле. А когда они подходить к тебе, ты впадать в какой-то экстаз.

— Похоже, псих здесь не только я.

— У меня все записано. Однажды ты поговорить с невидимкой, а потом рассказать все... — Сэмюэл наклонился к другу и спросил, как по-английски сказать «старейшины». Друг ответил, и Сэмюэл продолжил: — Прародителям селения.

Ну, почти. Он имел в виду старейшин деревни, а я уже знала, к чему ведет этот разговор.

— Ты сказать им, где искать тело старухи. Сказать, что наткнулась на него случайно.

Ты, Шарлотта, лгунья.

— А может быть, ты просто конченный неудачник?

Сэмюэл стиснул челюсти. Пришла его очередь понимать, к чему я веду.

— Ты пытался меня поцеловать. Я отказала. Ты настаивал, и мне пришлось выбить из тебя все дерьмо. Может быть, ты просто-напросто до сих пор слегка обижен?

— Ты себя переоценивать. Все американцы так делать.

Так мы точно ни к чему не придем. Я села за стол, и четверке пришлось потесниться, чтобы освободить мне место.

— Зачем ты все это затеял, Сэм? Чего ты хочешь добиться?

Он пожал плечами:

— Я решить делать фильм. Документальный. Кажется, так это называться. О тебе многие захотят узнать.

— Думаешь?..

— Да, — перебил Сэм резким тоном. Ей-богу, если он и дальше продолжит в том же духе, то собственным голосом сам себе глотку перережет.

— Я не закончила. Я хотела спросить, думаешь ли ты, что проживешь достаточно долго, чтобы закончить свой фильм.

Остальные трое напряглись и взволнованно уставились на друга.

— Нам нужно только интервью. Потом мы оставить тебя в покое.

— Это вряд ли.

— Мы знаем, кто ты, — заявил Сэмюэл, и его голос чуть не стих на последних словах.

Из-за густого акцента временами его было трудно понять, но не в этот раз. Я поняла каждое слово. Каждый слог.

— Мы знаем, что ты такое.

Это была угроза. Или дай интервью, или будет плохо. Ну правда, что они могут сделать? Упечь меня в тюрьму для охотников за привидениями?

И все-таки угроза есть угроза. Ничего хорошего она не сулила. К тому же, речь шла уже не только обо мне. Этот козел переписывался с Эмбер. Манипулировал ею, чтобы выудить информацию.

Подгоняя кровь, по моим венам струился гнев, но я все же улыбнулась. Поставила локти на стол, уперлась подбородком в сложенные ладони и проговорила самым ласковым на свете голосом:

— Если бы ты знал, кто я, то не говорил бы со мной на ломаном английском.

Наконец-то его самодовольная улыбочка слегка потускнела.

Я придвинулась ближе, собираясь сказать нечто еще важнее:

— А если бы ты знал, что я такое, то вообще бы не стал со мной разговаривать.

А потом я прижалась к его губам. Причем сама не знала зачем, пока все не произошло. Через этот якобы поцелуй я ему все показала. Показала, кто я такая и на что способна.

Пока я вливала ему в голову одну картинку за другой, Сэмюэл превратился в статую. Я показывала ему то, что видела собственными глазами. То, что делала собственными руками.

И то, что сделаю с ним, если он даст мне повод.

Я показала Сэму столько, что в нем укоренился нечеловеческий страх. Я чувствовала, как его тело теряет энергию, жизненную силу, пока сам он смотрел на ужасы и не мог закрыть глаза, словно все эти образы внедрились ему прямо в мозг. А потом я ощутила, как Сэмюэл утратил контроль над собственными мышцами, хотя и оставался прижатым ко мне. И вдруг, будто за сотни километров отсюда, я услышала тихий шепот.

— Датч, — неспешно и мягко проговорил еле слышный голос, — ты его убиваешь.

Меня оторвали от Сэмюэла, развернули, и вместо губ Сэма ко мне прижались другие. Чувственные. Обжигающе горячие. Поцелуй этих губ делал со мной то же самое, что я делала с Сэмюэлом. Крал мою энергию. Высасывал волю. И я стала бороться. Стала показывать злодею образы того, что видела собственными глазами. Того, что делала собственными руками. И того, что сделаю с ним, если он даст мне повод. Но в этих образах не было боли и жутких зверств. В них отражались мои чувства к этому человеку. К моему мужу. К моему опасному, загадочному, непостижимому мужчине.

Поцелуй стал глубже. В моих волосах запутались длинные пальцы. Муж вдохнул в меня огонь, скользнул языком между зубами и выпил все, что мне дал. Страсть затмила всякие мысли. В животе разлилось тепло, а через миг меня с головой окутало знакомым жаром. Рейес поставил колена на диванчик за столом, взял меня за горло и вжался в меня всем телом.

Остатки контроля уплыли сквозь пальцы. Рейес вливал в меня свои мысли, давил энергией, то сжимал изнутри, то отпускал, и все это было так глубоко и чувственно, что между ног стало влажно. Требуя большего, мои колени сами по себе раздвинулись. А он током тек по моим венам, затрагивая что-то в самой глубине естества и подталкивая все ближе и ближе к оргазму.

Через мгновение мы уже были не в баре.

Не в городе.

И даже не на Земле.

Мимо проносились галактики, кружили существа из других миров, сталкивались и взрывались солнца, осыпая нас миллиардами осколков света.

Я так крепко схватилась за стол, что о дерево сломались ногти. Боль преумножила наслаждение, и меня рывком вернуло в реальность. Надо мной, тяжело дыша, навис Рейес. Он отстранился, и по его лицу было ясно, что он ошеломлен не меньше, чем я.

Внезапно я вспомнила, где мы и что я натворила. Я повернулась к Сэмюэлу. Он сидел за столом, крепко сцепив пальцы. Чтобы успокоиться. Чтобы не показывать, как дрожат руки. Но его трясло с ног до головы, так что все усилия были напрасными. По его лицу текли слезы вперемешку с потом.

Я с трудом встала из-за стола. Рейес помог, хотя и сам как будто едва держался на ногах. Не торопясь, я смерила гневным взглядом каждого, кто сидел за столом. Просто чтобы убедиться, что моя угроза дошла до всех.

Не обращая внимания на влагу между ног, я наклонилась к Сэмюэлу и отчетливо проговорила:

— Если ты еще раз напишешь или попытаешься хоть как-то выйти на связь с Эмбер Ковальски и Квентином Резерфордом, я сделаю так, что твое сердце перестанет биться. — А потом прошептала Сэму на ухо: — Я вырву твое сердце и засуну тебе в глотку.

Выпрямившись, я споткнулась, но Рейес успел меня подхватить, хотя в этот момент

смотрел куда-то на ширинку Сэмюэла. Похоже, парень обмочился. Что ж, я прекрасно знаю, каково это.

Прибежала Куки. Вместе с Рейесом они повели меня в кухню. По пути я оглянулась узнать, видели ли произошедшее Тристан с братьями. Судя по огромным глазам, скорее всего видели. Как, собственно, и все присутствующие в зале женщины. На их лицах было написано томительное восхищение. А если учесть, как здесь стало тихо, то мы, наверное, слегка перегнули палку.

В кухне Рейес подвел меня к столу, а Куки вручила мне стакан воды. Никто ничего не говорил. Лично я была в шоке. Куки не знала, что и думать. А Рейес... Да кому вообще известно, что может быть с Рейесом? Что он теперь обо мне думает? Похоже, я в прямом смысле слова могу зацеловать до смерти. Что было бы, не останови меня Рейес? Неужели я и правда могла убить Сэма? И стала бы я его убивать?

— Да уж, — послышался рядом голос, — неслабое вышло зрелище.

Повернувшись, я увидела Ангела, моего тринадцатилетнего детектива. Точнее ему было тринадцать, когда он погиб.

— Ты же вроде как на задании был. — Я покосилась на Рейеса узнать, как он относится к тому, что Ангел отлынивает от обязанностей. Однако Рейес оценивал мизерные остатки кукурузных лепешек, которые приготовила Валери.

— А я и так на задании. И мне все нравится, честное слово, но блин! Это было чертовски горячо! Я чуть не кончил, а я, между прочим, труп.

Я зло уставилась на Ангела. Не самое подходящее сейчас время для похабных шуточек.

— Что ты здесь забыл?

В знак капитуляции он поднял руки:

— Пришел отчитаться перед боссом.

— Что-то случилось? — спросила я уже намного спокойнее. — И за кем ты вообще присматриваешь?

Ангел подошел так близко, что я разглядела пушок на юном лице.

— Если скажу, придется тебя убить. Но поскольку ты бог и все такое, сама понимаешь, какие меня ждут неприятности, *belleza*^[16].

Черт. И почему всегда есть какое-то «но»?

*Скучаю по возможности гневно захлопывать телефон.
Бешено жать на кнопку «ОТБОЙ» совсем не то же самое.*

Мем

За день я пообщалась с несколькими друзьями и коллегами Эмери Адамс, и все говорили одно и то же. Эмери усердно трудилась, была настоящим профессионалом, умной и доброй девушкой. Помогала тем, кому повезло меньше, и не позволяла врачам собой помыкать. Судя по услышанному, напрашивался вывод: за всю историю человечества Эмери любили больше всех на свете. Ну и кто тогда хотел ее убить? Либо кто-то страшно ее ненавидел, либо ее кончина стала результатом случайного акта насилия. Эмери была самым чистым человеком из всех, кто мне встречался. За исключением разве что Куки Ковальски.

И все-таки нельзя нравиться абсолютно всем. Это статистически невозможно. Бога ради, Эмери же работала администратором в больнице! Наверняка ей не раз приходилось принимать нелегкие решения. И наверняка кто-нибудь точил на нее зуб. Но достаточно ли этого, чтобы убить?

Чем больше людей я опрашивала, тем больше произошедшее казалось случайностью. Неужели на Эмери и правда могли напасть без особых на то причин?

Осознав тщетность бесед, я поехала на место преступления. Жила Эмери у подножия Сандии, а машину ее нашли черт знает где на шоссе 313, между Альбукерке и Берналильо, в заброшенной местности.

Земля здесь принадлежала людям, которые в момент убийства путешествовали по побережью Южной Америки, что подтверждали регулярные обновления страниц на «Фейсбуке».

В общем, все это свидетельствовало отнюдь не в пользу Лайла Фиске, невиновность которого я изо всех сил старалась доказать. Потому что именно он нашел машину Эмери в глуши, хотя и объяснил это наличием приложения в телефоне девушки.

Пока я торчала в пробке на I-25, позвонила Куки. Машины еле-еле ползли вперед, так что мне предстояло не на шутку задержаться. Слава Богу за сырные крекеры, хотя только ему одному и известно, сколько печенки провалялись на заднем сиденье Развалюхи.

— Привет, Кук, — пробубнила я с набитым ртом.

— И тебе привет. Как самочувствие?

— Ты о том, что я чуть не замочила парня поцелуем? Офигительно.

— Мне очень жаль, солнце.

— Мне позарез надо научиться контролировать свое дерьмо. Вот только как, если я понятия не имею, на что мое дерьмо способно? Одно дело — быть богом из собственного измерения. Но такое ощущение, что здесь тамошние правила неприменимы. Здесь я всего лишь ангел смерти, то бишь мрачный жнец. Зачем кому-то в здравом уме давать мне столько сил?

Куки рассмеялась, однако имелось у меня подозрение, что она со мной целиком и полностью согласна.

— Ну так чтостряслось, курочка моя?

— Тебе не понравится, — отозвалась подруга.

— А когда мне вообще что-то нравилось?

— Репортер с канала КОАТ хочет сделать о тебе репортаж.

— А он настоящий?

— Или это был KRQE... Ненавижу аббревиатуры.

— Так настоящий репортер или нет?

— А еще третий есть... Как там он называется? Ага, КОВ. Хотя нет, тут три буквы, а там точно было четыре.

— О'кей, так как насчет...

— А еще есть KASA^[17]...

— Кук, — не выдержала я, — сейчас же вернись на землю. Чувак настоящий репортер, или как?

— Похоже на то. Оставил аж три сообщения.

— Видимо, и правда настоящий. Так он, говоришь, хочет взять у меня интервью? Это потому, что я жнец?

— Нет.

— Значит, потому, что я бог из другого измерения?

— Тоже нет.

— Тогда потому, что я раскрыла столько дел для полицейского управления, что меня хотят представить к медали и наградить годовым запасом чистящего средства для духовки?

— Нет. Все из-за видео.

В голосе подруги так и сквозило пресловутое «А я же говорила!». Или это во мне совесть проснулась из-за того, что я так беспечно наплевала на существование записи.

— Ты о том древнем ролике? Мне было года двадцать два, не больше.

— Я сказала ему, что ты не даешь комментариев.

— Вот и молодчина. С каждым разом, Кук, мы выглядим все важнее и важнее. Почти как знаменитости. А знаешь, что будет дальше? Нам забьют именные места в «Макарони Гриль».

— Думаешь? — мигом заинтересовалась Куки. — Мне нравится этот ресторанчик.

— А кому не нравится? — фыркнула я.

— Кстати, помнишь булочную с фотографии? В тридцатых годах она принадлежала некой Мэй Дайсон. Точнее Мэй Л. Дайсон. Тебе имя не знакомо?

— Ни капельки.

— Ладно, буду копать дальше.

— Спасибо. А я, между прочим, на месте жестокого преступления.

— Где? Что случилось?!

— Нет-нет, ничего. Я как раз доехала до места, где нашли машину Эмери.

— А-а, — с облегчением выдохнула Куки, — ясно.

Местность здесь потрясающе красивая. Изогнутые деревья, высокая трава... Заметив полицейскую ленту, я поехала к ней, подпрыгивая на кочках и проваливаясь в овраги. Слава богу, Развалюху для этого и создали.

— Здесь очень красиво.

— Ага, знаю. Папа возил меня туда на охоту еще до того, как Альбукерке разросся до нынешних размеров. Кстати, что ты узнала о мисс Адамс?

— Ее репутация аж скрипит, как мои тарелки, после того как их помоеет Рейес.

— Представляю. А я ничего не могу найти. Она никогда не заявляла в полицию, не писала жалоб на работе, не заполняла никаких заявлений в колледже. Не пропускала занятия и получала отличные оценки. На ум так и просятся «Степфордские жены».

— И все же, — сказала я, — ее дед говорит, что отец у нее был не лучший. Не сомневаюсь, что он ее любил, но проблем у него выше крыши, а вот деловой хватки ни грамма. Отцу своему он стоил целого состояния, еще и профукал собственный брак.

Однако при встрече мистер Адамс показался мне очень даже нормальным. Хотя, судя по всему, этот человек явно жил не по средствам. Или тут кроется что-то еще? Неудачные инвестиции — это одно, а годами, или даже десятилетиями терпеть одно фиаско за другим, но продолжать в том же духе — это уже говорит о проблемах поглубже. Хотя я и представить не могу, о каких именно.

— Безответственный отец мог послужить причиной того, что Эмери так отчаянно создавала себе идеальный образ.

— Вот и я о том же думала. Таким макаром она пыталась компенсировать все, чего ей не хватало. И перестаралась.

— Со мной такое однажды было, — сказала Куки. — Помнишь огромную вмятину в стене ресторана «Оливковый сад»?

— Не может быть! — обалдела я.

— Еще как может.

— Такое чувство, будто я тебя совсем не знаю.

— Кстати, я прочесала информацию по «Теплому пристанищу», — как ни в чем не бывало продолжила подруга. — Чарли, она права. В смысле Хэзер права. За последние семь лет умерло девять детей, но в разных местах и по разным причинам. Не похоже на чей-то злой умысел. И все-таки само количество намекает на обратное.

— Согласна. Продолжай копать. Я вернусь в город минут через двадцать.

— Заметано. Будь осторожна.

— Осторожность — мое второе имя.

Я вышла из машины на сухую землю. Вокруг меня росли причудливые голые деревья, казавшиеся здесь до странности прекрасными. Совсем недавно сюда приезжало много машин. На земле остались следы от колес, а значит, в ночь, когда нашли машину Эмери, шел дождь.

Не зная, что искать, я пошла вперед, пока не оказалась над оврагом метрах в тридцати от места преступления. Здесь тоже были следы, но не похожие на остальные. Глубокие вмятины успели высохнуть. Чья-то машина определенно застряла и какое-то время простояла под дождем. А еще долго буксовала в грязи, прежде чем водителю удалось выбраться наверх.

Может быть, какие-то ребята приехали сюда на джипе, чтобы повеселиться, но ведь для веселья есть места и получше.

А вдруг это и была та самая тачка, на которой увезли тело Эмери? Но если и так, то зачем убивать девушку, бросать ее залитую кровью машину на открытом месте, а труп куда-то увозить? Хотя убить ее могли в одном месте, машину бросить в другом, а тело выбросить в третьем.

На всякий случай я написала Паркеру сообщение и велела проверить эти следы, если их до сих пор не нашли.

По пути в город я получила звонок от очередного коллеги Эмери. Все утверждали, что он был ее лучшим другом. Они часто вместе обедали, и мне было любопытно, как на такие близкие отношения реагировал Лайл. Пока я не услышала голос по телефону.

— Так вы, значит, гей, — констатировала я очевидный факт.

— Ясно-голубой, как небо над головой.

Наверное, обычно эту фразу парень выдавал с энтузиазмом и удовольствием, однако сегодня словам не хватало энергии.

— А еще вы поэт, — печально добавила я.

Сексуальная ориентация Диаджио вполне объясняла, почему Лайл ничего не имел против их с Эмери дружбы.

— Стараюсь.

— Простите за беспокойство, но мне уже несколько человек сказали, что Эмери была чем-то расстроена в течение пары недель перед... исчезновением. — Я чуть не сказала «перед смертью», но очень сомневалась, что такой человек, как Диаджио, примет подобное заявление без доказательств.

— Все верно, только мне она не рассказывала почему. Хотя я догадываюсь, что это как-то связано с ее отцом.

— Уверены?

— В девяти случаях из десяти, а такое происходило довольно часто, виноват был отец Эмери. Однако в этот раз все было иначе. Она не злилась на него. Да и ни на кого не злилась. Ей было больно. Такой я еще никогда ее не видел.

— Больно? То есть она не была обеспокоена или напугана?

— Я бы так не сказал. Она всегда все мне рассказывала, а в этот раз отмалчивалась. Пыталась скрыть, что расстроена, но я все равно заметил.

— И у вас нет никаких предположений, почему она была расстроена?

— Ерундовых выдумок в голове полно, но правды я не знаю.

— Большое спасибо за откровенность. У вас теперь есть мой номер. Позвоните, если еще что-нибудь вспомните?

— Не вопрос. Как и все, я хочу, чтобы этого гада поймали. А может быть, хочу даже больше остальных.

— Вы имеете в виду Лайла? Парня, с которым встречалась Эмери?

Диаджио еле слышно рассмеялся:

— Уж поверьте мне, в Лайле Фиске нет ни толики жестокости. Я изучил его вдоль и поперек. Издалека, разумеется. Я знаю, что такое хорошо и что такое плохо. Этот парень на все сто процентов хороший человек.

— Рада, что вы тоже так думаете.

— А еще я думал, он тот самый. Единственный.

— Единственный? Для вас?

— Нет, золотце, для Эмери. Он ей очень нравился. Какое-то время я даже подозревал, что она беременна.

У меня ускорился пульс.

— Почему?

— Однажды за обедом она едва не потеряла сознание. Пришлось взять ее сумочку и проводить Эмери до машины, где она пообещала дожидаться Лайла. Но я успел заметить в сумочке таблетки, содержащие железо. Я могу ошибаться, но, кажется, такие пьют во время беременности.

— Бывает, — протянула я, обдумывая последние новости. Насколько я знала, беременной Эмери не была. — Еще раз большое спасибо, Диаджио.

— Не за что, дорогая. Если что-нибудь вспомню, обязательно позвоню.

Направляясь в кабинет помощника окружного прокурора, я была полна решимости выяснить две вещи: почему он скрыл информацию о судимости Лайла Фиске, и зачем самому Нику Паркеру весь этот геморрой.

Получить ответ на первый вопрос вряд ли будет сложно. Более того, я могу и сама догадаться. Ник не рассказал о судимости, чтобы у меня было больше желания заняться этим делом. Серьезно интересовал меня именно второй вопрос.

— Прошу прощения... — пробормотала секретарша, когда я промчалась мимо нее и ворвалась в кабинет Паркера.

Всегда хотела так сделать. С того самого мгновения, как впервые увидела этот маневр в каком-то фильме.

— Мне нужны ответы, — с порога заявила я.

Вот только в кабинете был вовсе не Ник, а пожилой джентльмен в новехоньком костюме. Перед мужчиной на коленях стояла женщина.

— Вот черт, простите...

Я попятилась, и женщина подняла голову. В руках у нее была сантиметровая лента, а изо рта торчали булавки. То есть женщина проводила примерку того самого новехонького костюма.

— Симпатично, — сказала я дядечке, перед тем как закрыть за собой дверь и направиться в другой кабинет.

— Вам нужно записаться! — гаркнула мне в спину бегущая следом секретарша.

Я распахнула вторую дверь, за которой оказался чулан для швабр.

— Я вызываю охрану, — процедила барышня как раз в тот момент, когда я отыскивала нужную дверь.

Сразу надо было притормозить и прочесть таблички.

Едва я распахнула третью дверь, как она с грохотом врезалась в книжный шкаф. Преодолев желание поежиться, я расправила плечи и задрала нос.

— Мне нужны ответы, — сказала я в третий и, надеюсь, последний раз.

Паркер пялился в окно, а кабинет оказался намного меньше, чем я ожидала.

Даже не обернувшись, Ник поднял указательный палец, приказывая мне подождать.

— Прошу прощения, мистер Паркер, — промямлила секретарша. Ну прямо как в фильмах!

Ее он тоже остановил указательным пальцем.

— Похоже, нам обеим показали палец, — ухмыльнулась я, и барышня злобно уставилась на меня в ответ. — Извините. Я такое в фильме видела, вот и хотела попробовать.

— Давали бы мне по пять центов каждый раз, когда я такое слышу... Клянусь, здесь что-то в воду подмешивают. — Развернувшись, секретарша ушла и закрыла за собой дверь.

— Дэвидсон, — в конце концов повернулся ко мне Паркер.

— Паркер.

— Как продвигается дело?

— Офигительно. Спасибо, что спросили.

Он жестом предложил мне присесть. Я предложение не приняла.

— Почему вы не упомянули о прошлых судимостях Фиске?

— О судимости, — Паркер изогнул бровь, — в единственном числе. Присаживайтесь, пожалуйста.

Я обошла кожаное кресло и села. Паркер тоже. Не на мое кресло, само собой, а на свое.

Наверное, он был бы симпатичным, не будь у него в заднице здорового стального штыря. Паркер всегда казался таким надменным и строгим, что другие рядом с ним чувствовали себя крайне некомфортно. Наверняка этот нюанс играл ему на руку во время любого суда.

— Почему этой информации не было в папке, которую вы мне передали?

— Вы так говорите, будто я поступил так намеренно.

Прикинувшись саркастичной версией Кристофера Уокена, я превратила свою физиономию в кирпич.

— Я думал, вы не возьметесь за дело, зная о судимости.

— Да что вы говорите!

— Я могу все объяснить.

— Что ж, валяйте.

Паркер наклонился вперед и принялся двигать по столу документы, неосознанно выстраивая между нами барьер. Из Ника водопадом текло уже знакомое мне с прошлой встречи чувство вины.

— Бывают люди, которых любят все вокруг. Таким был и Лайл. Его толпами преследовали девушки. Парни даже против воли проникались симпатией. Лайл представлял собой редкую смесь хорошего человека и эффектной внешности. К таким людям тянет. Всем хочется урвать хоть частичку их притягательности.

Это я могла понять. Фиске наверняка казался красавцем, когда его не обвиняли в убийстве. Тем более в убийстве, которого он не совершал.

— На него сыпались приглашения из кучи университетов. Он мог поступить куда угодно. У Лайла было блестящее будущее.

— Как и у погибшего парня.

Паркер виновато кивнул:

— Неделя выдалась нелегкая. Обряд посвящения покатился псу под хвост. У парня случился анафилактический шок. Что только ни делал Эл, чтобы ему помочь...

— Какой еще Эл?

— Лайл. Так мы его тогда называли. Тем не менее, парень умер. Эл взял вину на себя и отсидел три года за непреднамеренное убийство. — Ник поерзал. Чувство вины его просто-напросто съедало изнутри. — Идея была моя, но, поскольку Эл был президентом братства,

он решил взять всю вину на себя. За всех нас.

— Парень умер во время обряда посвящения в братство, где президентом был Фиске. Как бы то ни было, именно Лайл был в ответе за произошедшее.

— Ага, — кисло улыбнулся Паркер, — он сказал то же самое. Только не он был виноват, а я.

— Напрямую?

— Да. — Покашляв в кулак, Ник не стал опускать руку, а прижал кулак ко рту, словно заново переживал весь ужас того дня. — Мы должны были выкрасть новичков, надеть им на головы мешки, затолкать в фургон и высадить на Централ, в самой неблагоприятной части. Само собой, новички были в одних трусах. Лайл сказал, бросать их в таком виде опасно, поэтому мы немного попетляли и высадили новичков посреди кампуса.

— Похоже на самое обыкновенное посвящение.

— Так бы и было, если бы я, черт возьми, сделал свою работу. Мне поручили проверить медкарты новичков, но в тот день у меня был важный экзамен, и до медицинских записей руки так и не дошли.

— Хреново.

— У одного из новичков была аллергия на арахис, а в мешках как раз арахис и хранился.

— Проклятье...

— Я понятия не имел, что у кого-то может быть такая реакция. Всегда думал, что для этого нужно проглотить то, на что у тебя аллергия.

— Что ж, получать новые знания подобным образом — не самый лучший вариант.

— Позже нам сказали, что у парня так быстро отекло горло, что он даже на помощь позвать не успел. — Паркер отвернулся к окну. — Я его убил. И только потому, что Лайл был президентом, а СМИ со всех сторон обступили окружного прокурора, Лайла обвинили в непредумышленном убийстве.

А я-то думала, у Паркера совести нет.

— Ладно, вы чувствуете себя виноватым, и я понимаю почему, но при чем тут текущее расследование?

Сцепив зубы и сощурившись, Паркер впился в меня жестким и решительным взглядом.

— Он не пойдет на дно за то, чего не делал, Дэвидсон. Я этого не допущу.

— Вот только улики вполне убедительны.

Впрочем, улики всегда убедительны, именно поэтому люди приходят ко мне. Я для них — последняя надежда. Последний отчаянный рывок. Хотя Паркеру я об этом ни за что не скажу.

Он подался вперед:

— Поверьте мне, вам самой не захочется, чтобы дело дошло до суда. Или вы разнесете в пух и прах чертовы улики, или я лично сознаюсь в убийстве.

Я откинулась на спинку кресла, почти желая, чтобы Паркер так и поступил. Если он возьмет убийство на себя, то тяжесть вины за прошлое спадет с его плеч, и он сможет жить собственной жизнью, не оглядываясь назад.

— А если у меня ничего не получится?

Он хлопнул ладонью по столу.

— Лайл этого не делал, Дэвидсон, и вы прекрасно это знаете. У вас на такие вещи особое чутье.

— Я-то знаю, а вот вы почему так уверены? Улики ведь говорят об обратном.

— Знаю, и точка. Как вы помните, именно я занимаюсь изучением всех свидетельств, чтобы убедиться, что у нас есть состав преступления для передачи дела в суд.

— Ну конечно. Вы же собираетесь устроить саботаж.

— Можно и так сказать. Так что там с вашими успехами?

Я покачала головой:

— Нетушки, давайте-ка вернемся ко мне. Что у вас на меня имеется? Я, видите ли, не очень люблю, когда меня шантажируют.

— Я не шантажирую, а мотивирую.

— Да наплевать. Так что там у вас есть?

Паркер сощурился, словно пытался решить, можно ли мне доверять, а потом взял в руки пакет для улик с окровавленным ножом внутри.

— Несколько недель назад это нашли в стене на месте преступления, которое еще не раскрыто. Именно этим ножом убили женщину в Саут-Вэлли.

— Понятно, — проговорила я, начиная слегка нервничать.

— На нем ваши отпечатки.

Я прямо-таки почувствовала, как от лица отлила кровь.

— Никогда в жизни не видела этот нож.

— Да ну? — Паркер встал и навис над столом. — Даже когда убивали Селену Рамос?

— Чего? — вконец офонарела я. — Понятия не имею, о ком речь. Я вообще никогда...

— Шутка, — противно рассмеялся Шут-Ник, усаживаясь обратно за стол.

Напрочь лишившись дара речи, я глазела на него с открытым ртом. Не будь я так шокирована, сразу бы поняла, что он врёт.

— Старик из Корралеса зарезал свинью соседа. Сказал, что хотел есть. Теперь проходит по обвинению в краже и жестоком обращении с животными.

Заново обретя способность дышать, я зло уставилась на Паркера.

— Вы — редкостный козел.

— Так точно. А как, по-вашему, я всего этого добился? Поэтому не советую вставать у меня на пути.

Теперь помощник окружного прокурора Ник Паркер вызывал во мне нешуточное любопытство.

— А в колледже вы хоть пытались выгородить Лайла?

— Пытался, разумеется. Но, согласно уставу кампуса, президент братства в ответе за все, что происходит в его доме. Образно выражаясь. К тому же...

Он опустил взгляд, и я не выдержала:

— Ну?

— Я думаю, что вмешался мой отец.

— Ах да! Он же прокурор штата.

— Был прокурором в те времена. Так или иначе... — Паркер снова встал и отошел к окну. — Как продвигается дело?

— Честно говоря, я слегка удивлена тем, как быстро вы, ребята, состряпали арест. Каждой вашей треклятой улике можно найти объяснение.

— Этого мало, — сказал он в окно. — Мне нужно, чтобы вы нашли того, кто убил Эмери Адамс. Только так с Эла наверняка снимут все обвинения.

— Я над этим работаю.

— Так работайте усерднее! — рявкнул Паркер.

Я беззаботно пожала плечами:

— Мне нужен доступ к записям судмедэксперта.

На самом деле, эти записи мне были нужны, чтобы понять, от чего умирали воспитанники детского дома, но Нику об этом знать необязательно.

— Зачем? Тела ведь нет.

— Зато он изучил место преступления и исследовал образцы крови.

— Я могу прислать вам последний отчет...

— Спасибо, но лучше я сама.

— Черт с вами. Пенни все устроит.

— Желательно в течение сегодняшнего дня.

— Что-нибудь еще?

— Да. Как насчет другого дельца?

Паркер повернулся ко мне:

— Какого другого?

— Я взялась за ваше дело. Отдавайте все, что у вас на меня есть.

Он покачал головой:

— Как только с Эла снимут обвинения, вы получите всю папку.

— У вас на меня целая папка? — удивилась я и поднялась на ноги. — Странно-то как. У меня тоже папочка имеется.

Вернувшись за стол, Ник развалился в кресле и сложил руки за головой.

— И что же хранится в вашей папочке, миссис Дэвидсон?

Я изобразила ленивую довольную улыбку, больше смахивающую на наглую ухмылочку, и достала из кармана куртки сотовый.

— Для начала, весь наш разговор.

На этот раз кровь отлила от лица Паркера, а взгляд тут же приклеился к телефону.

— Запись уже в облаке, так что даже не думайте об этом. По-вашему, я идиотка? Сказала же, что не люблю, когда меня шантажируют. Или, как вы изволили выразиться, мотивируют.

Он начал было вставать, но я жестом усадила его обратно.

— Валяйте. Храните хоть до посинения все, что успели на меня сфабриковать. Но имейте в виду: играть всегда интереснее вдвоем, чем в одиночку.

Я развернулась и вышла за дверь. Судя по ошеломленному лицу Паркера, мне удалось себя хоть капельку отстоять. Нечего было со мной связываться. Или он не слышал о женщинах в гневе? Жаль, конечно, что я на самом деле не додумалась записать наш разговор, зато Ник об этом ни за что не догадается.

Пусть прячет все свои козыри сколько угодно. Не мне одной сегодня предстоит бессонная ночь.

По крайней мере я на это надеялась.

Вот-вот. Причем я даже не торчок.

Надпись на футболке

Из кабинета Паркера я направилась прямиком в офис судмедэксперта. Уэйд — мой друг, но без разрешения ни за какие коврижки не позволил бы мне копаться в документах.

— Привет, Шарлотта, — поздоровался он.

— И тебе здорово. — Поскольку в кабинет вошла одна из помощниц Уэйда, я воспользовалась шансом его подколоть: — Как поживает твой хламидиоз?

Помощница рассмеялась.

— Можешь не стараться, тебе ее не ошарашить. Как только Паркер позвонил, я всем рассказал о тебе и о твоём... креативном чувстве юмора.

— Господи... Дождаться не могла, когда выпадет шанс над тобой поиздеваться.

— Понимаю. Сам дожидаться не мог, когда надо мной поиздеваются. Так значит, тебе дали доступ ко всем бумажкам? И как ты до такого докатилась?

— А ты не слышал? Мы с Паркером теперь лучшие подружки.

— Понятия не имел, что у Паркера вообще есть друзья.

— Теперь есть. Повезло ему. А то этот его штырь становится все прямее и длиннее.

Рассмеявшись, Уэйд подвел меня к компьютеру:

— Все документы здесь. Если дело старое, записывай номер и смело шуруй в подземелье.

— Уэйд, — притворно удивилась я, — когда мы с тобой в последний раз были в подземелье, нас в интересной позе застукали копы.

Уэйд оглянулся на лаборанта, который как раз зашел за какой-то папкой.

— Зря стараешься. Его я тоже предупредил.

— Блин! С тех пор как ты женился, с тобой стало скучно.

— Милая, я женат дольше, чем ты живешь на белом свете.

— Вот это, я понимаю, срок.

— Зови, если понадобится помощь.

— Уходишь кого-то вскрывать?

— Таков был план. Присоединишься?

Я улыбнулась, вложив в улыбку смесь «И не мечтай!» с «Шутишь, что ли?»:

— Спасибочки, обойдусь.

По идее, в морге, где полно трупов, могли толпами ходить призраки в поисках собственных тел, но на самом деле ничего такого тут не было, и слава богу. Меньше всего на свете мне нужен внезапный водопад многочисленных жизненных историй. В подростковом возрасте со мной такое уже было. Никогда не забуду.

Усевшись за компьютером, который стоял на лабораторном столе, я принялась искать имена, которые вместе с датами рождения прислала в сообщении Куки. Может быть, не все умершие дети проходили через офис Уэйда, но хотя бы нескольких наверняка привезли сюда. Все-таки смерть ребенка — это не самое распространенное явление.

Первое же имя сразу появилось на экране, но, к сожалению, документы по девочке хранились в подzemелье. Пришлось записать номер и двигаться дальше. В конце списка выяснилось, что в базе данных Уэйда нет только двух имен. Зато остальные семь нашлись, вот только документы по ним хранились в подвале, известном здесь как подземелье. Всегда подозревала, что Уэйд большой фанат игры «Подземелья и драконы».

Я сказала лаборанту, что отправляюсь в бездну отчаяния. В ответ он улыбнулся и кивнул. Ей-богу, можно было бы выйти отсюда с трупом на плече, и никто бы мне ни слова не сказал. Вот только зачем мне тащить на себе труп? Может быть, именно поэтому охрана здесь так себе. Ни вооруженных копов, ни заряженных на все сто секретарш, как у Паркера.

Я спустилась в подвал, который на самом деле был хорошо освещенным помещением на подземном этаже. А я и забыла, что тут есть торговые автоматы. Надо было пошарить в мебели — авось мелочь бы нашлась.

Отыскав все документы и хорошенько в них покопавшись, я пришла к железобетонному выводу: в «Теплом пристанище» кто-то убивал детей.

— Как дела? — поинтересовался Уэйд.

— Неплохо. Можно задать тебе несколько вопросов по кое-каким делам?

— Конечно.

Он успел разжиться в автомате кофейком и пончиком с сахарной пудрой. Лично я люблю кофе из автоматов, поэтому с тоской уставилась на стакан.

— Хочешь кофе? — усмехнулся Уэйд.

— Само собой! — Отобрав у него стакан, я сделала большой глоток. — М-м-м...

— Вообще-то, я собирался взять тебе другой.

— Ничего страшного, и твой сойдет. Короче говоря, ты помнишь какое-нибудь из этих дел?

Уэйд потер руки и взял у меня папки.

— Помню, конечно. Здесь вскрытие проводил я. И здесь тоже.

— Все умерли по разным причинам.

Так оно и было. Некоторые дети месяцами лежали в больнице. Других постоянно возили по врачам. То тут, то там всплывала какая-то болезнь, но врачам не удалось определить, чем она вызвана. Все это я узнала из заметок, которые сделал Уэйд. Еще двое детей встретили жестокую смерть. Одного сбила машина, которую так и не нашли, второй погиб от удара тупым предметом.

Если всех этих детей убивал один и тот же человек, то он мастерски умеет замечать следы.

— Разумеется, — согласился Уэйд. — Черепно-мозговую травму и самоубийство крысиным ядом общей причиной смерти не назовешь.

— Ты посмотри, где все они жили.

— И то правда, — кивнул Уэйд, просматривая документы. — Помню, в этих делах пытался разобраться твой отец.

— Папа? — переспросила я, застигнутая врасплох.

— Он самый. Он считал, что между этими случаями есть связь, но, видимо, так и не смог ничего доказать, раз уж дела прикрыли. Тебя наняли покопаться в «Теплом пристанище»?

— Типа того, только начать мне практически не с чего. Все смерти наступили по разным причинам, ничего общего. А папа ничего тебе не говорил, кроме того, что

занимается расследованием?

— Нет, милая, мне очень жаль. Но раз уж ты здесь официально, могу попросить помощницу сделать тебе копии всех документов.

— Это было бы замечательно. Мне нужно время, чтобы найти общую ниточку.

— Что ж, очень надеюсь, что ты увидишь то, чего не увидел твой отец. Это дело его всерьез беспокоило.

— Неудивительно. Я тоже надеюсь хоть что-нибудь найти.

Сидя в ожидании копий, я все думала, кто поручил эти дела папе. Сам он не мог взяться за официальное расследование, а значит, кто-то еще увидел в детских смертях нечто общее. Точнее отсутствие общих черт. Так кто же это был?

Помощница Уэйда явно не горела желанием копировать столько документов сразу, но отказа я бы не приняла. Хэзер Хакаби больна, и у меня было подозрение, что ее болезнь как-то связана со всеми этими делами.

Из офиса судмедэксперта я вышла с охапкой документов и очередной чашкой кофе в руках, а Уэйд даже не обернулся. Хороший он парень, но слишком уж доверчивый.

Выходя на улицу, я неожиданно вписалась лицом в стену. Что-то не припомню, чтобы тут успели построить какое-то здание, но оно тут явно было.

Я подняла голову и увидела дядю Боба.

— Привет, дядя Боб.

— Привет, милая. Что ты здесь делаешь?

— Ну, знаешь, то да се. В общем, всего понемногу. А ты?

Он широко улыбнулся:

— То же самое. Кстати, раз уж ты здесь, мне надо знать, кто нанял тебя заниматься делом Адамс.

— Серьезно? Прямо-таки надо знать?

— Ага. Для отчета.

— Ох уж эти ваши противные отчеты... У Куки уже спрашивал?

— Спрашивал. — На челюстях Дибби заходили желваки. — Она ничего не сказала.

— Странно.

— Не то слово, — согласился он. — Ну так как?

— Ах да! Прости, не могу сказать.

— Чушь собачья. Ты всегда мне говоришь, кто тебя нанимает.

— Минуточку! Тебя что, отругали?

— Переживу.

— Неужели Джоплин?

— Он ведет это дело.

— Правда? А я и не знала.

— Мы только вчера об этом с тобой говорили.

— Да? И что ему известно?

— То есть ты мне ничего не скажешь?

— Не скажу. Но была рада с тобой повидаться.

С этими словами я припустила прочь под ледяным дождем.

— Он знает, что тебя наняли! — крикнул мне вслед Дибби. — Но не знает кто. Как не знаю и я, а я, между прочим, твой любимый дядя!

— Мой единственный дядя, — поправила я, оглянувшись через дрожащее плечо.

— Тот самый, который не раз спасал твою жизнь и ради тебя от всего отказался!

Про спасение жизни еще куда ни шло, но...

— От всего?

— От многого.

Что ж, тут он меня подловил.

— И я очень-очень тебе благодарна. — Я остановилась и повернулась к Диби. — Больше, чем ты думаешь или когда-нибудь сумеешь понять, дядя Боб. Ты — все, что осталось от моей семьи.

— А как же Джемма?

— Вы с Джеммой — все, что осталось от моей семьи. Ты даже не представляешь, сколько ты для меня сделал.

— Представляю. Очень даже представляю, — отозвался Диби под шум дождя, осыпавшего землю градом острых ледяных осколков. — В качестве благодарности можешь рассказать мне, кто...

Не успел он договорить, как я уже бросилась обратно и повисла у него на шее. Одной рукой. В другой у меня был пакет с документами и почти остывший кофе. Чтобы весь труд не пошел насмарку, помощница Уэйда положила бумаги в пакет.

Дядя Боб обнял меня в ответ огромными ручищами.

— Я очень тебя люблю. — Сказав это вслух, я поняла, что не могу вспомнить, когда еще говорила такое Диби. Но ведь наверняка говорила, потому что это правда. Я его обожаю всем сердцем.

— Ты чего это, милая? Все в порядке?

— Да. — Я отошла на шаг назад. — Просто... ты так много для меня делаешь, а я только и знаю, что чуть не подвожу тебя под монастырь или под увольнение.

— Ну, значит, хорошо, что я тоже тебя люблю.

Обняв дядю Боба еще раз и в третий раз отказавшись отвечать на вопрос, кто меня нанял, я помчалась к Развалюхе, боясь, что в любую секунду превращусь в мороженое со вкусом кофе. Такая погода для Альбукерке вовсе не дикая редкость, но ни с того, ни с сего мне стало радостно от мысли, что холод никогда не затягивается надолго.

Забравшись в салон, я посмотрела туда, где, кажется, что-то заметила даже сквозь дождь. И действительно: чуть дальше по улице был припаркован грузовик Гаррета. Я уже собралась хорошенько разозлиться, как вдруг вспомнила, что сейчас вижу его впервые за весь день. Если он следит все-таки не за мной, то за кем?

Я повернулась в другую сторону и через стеклянную дверь увидела дядю Боба, который разговаривал с Уэйдом и неизвестно над чем смеялся. Неужели Своупс следит за Диби? Не за чем, бога ради? Разве они не на одной стороне баррикад?

За все это время я ни разу не заехала в тату-салон узнать, как дела у Хэзер с Пари. Разве что Пари периодически присылала эсэмэски с вопросами вроде «А нормально 24 часа в сутки есть одну вяленую говядину?» или «Быстрее! На каком континенте меньше всего цветов? Я же должна оставаться примером!». Примером? Шутит, что ли?

В общем, я заглянула во дворец Пари через заднюю дверь и спросила, есть ли кто дома.

— Мы тут!

— Где?

Преодолев лабиринт, известный в простонародье как салон Пари, я оказалась в комнате, где подруга набивала татушки, и чуть не потеряла сознание, увидев Хэзер в кресле для клиентов. Ее руку от запястья до плеча покрывала татуировка-рукав.

— Как тебе? — спросила Пари, надевая очки.

Хэзер протянула мне руку:

— Было почти не больно.

Я обеими ладонями прикрыла рот. Ну все. Меня точно посадят за решетку.

Первой раскололась Хэзер. Расхохоталась на две секунды раньше, чем Пари.

— Я же говорила, — еле-еле выдавила подруга, — попадется как пить дать.

Я бросилась вперед и принялась рассматривать руку Хэзер. Тончайшая работа была великолепна, но под линиями не было ни покраснений, ни припухлостей, ни сукровицы. Татушка оказалась временной.

Я опять чуть не грохнулась в обморок. На этот раз от облегчения. Быстренько обняв Хэзер (в надежде, что мы с ней уже на той стадии отношений, когда объятия приемлемы, иначе ей все это могло показаться очень странным), я набросилась с тем же на Пари.

— Даже не знаю, как тебя благодарить.

— Я тебя умоляю! Этот ребенок — сущий ангел. Но серьезно, она без ума от вяленого мяса.

Хэзер показала пальцем на ряд полок:

— Мы расставили по порядку все краски и чернила. А еще Пари учит меня рисовать. — Достав альбом, она открыла его на первой странице.

— Вот это да! — обалдела я. Рисунок представлял собой начало дракона. И пусть местами чешуя слегка сползла вбок, но целиком все было фантастически круто. — Хэзер Хакаби, однажды ты станешь знаменитой. Я тоже рисовала в свое время. Однажды даже утку наваяла. Классная, кстати, вышла утка, если не считать, что должен был получиться орел.

Хэзер рассмеялась, и я до глубины души поразились тому, какие в ней произошли изменения за такое короткое время. Девочка отвернулась посмотреть, как один из мастеров Пари делает татуировку на лодыжке какому-то мужчине. В конце работы это будут часы в стиле стимпанк, которые будто бы вплавлены прямо в ногу.

— Что сказал док? — спросила я, и Пари жестом позвала меня выйти в приемную, где две девушки просматривали фотоальбомы.

— Он ничего не обнаружил, но сказал, что кожные покровы у нее желтоватые, а количество лейкоцитов превышает норму. Хэзер рассказала врачу, что у нее периодические боли в животе, тошнота и сильное слюноотделение. — Пари подалась ближе. — Чак, док считает, что ее систематически травят ядом в малых дозах.

Я закрыла глаза.

— Вот гадство... Но почему тогда другие врачи ничего такого даже не заподозрили?

— Не знаю. Док сказал, это всего лишь предположение на основе моих слов о том, что Хэзер может оказаться жертвой преступных действий. Плюс он заметил все признаки, подтверждающие мои слова. К сожалению, без тысячи анализов невозможно определить, чем именно ее травят. И травят ли вообще.

— Но теперь-то она у нас, а значит, яд больше не будет поступать в ее организм. Ей

станет лучше, или нам нужно отвезти ее в больницу?

Пари пожала плечами:

— Док вернется завтра утром. Сказал, у него есть знакомый, у которого тоже есть знакомый, который, в свою очередь, может нелегально провести общие анализы. Если, конечно, ты захочешь с этим связываться. Стоить будет около пяти сотен.

— Ладно. Я готова на все.

— А еще... мне жаль, что нет хороших новостей, но ты была права насчет Ника Паркера. У него на домашнем компе на тебя целый файл. Хотя я бы сказала, что файл скорее личный, чем официальный.

— Да ладно! Заглянуть туда удалось?

— Удалось. — Пари вручила мне желтый конверт. — Здесь копии всего, что у него на тебя есть. Чарли, он знает, что ты родила, и что ребенок куда-то пропал. Паркер подозревает что-то незаконное.

Я уже открывала конверт, но застыла и не меньше минуты ошарашенно смотрела на подругу.

— То есть дело в Пип? — спросила я, и в глазах потемнело.

— Он ходил по больницам, показывал твою фотографию и приставал ко всем подряд в каждом родильном отделении с вопросом, видели тебя или нет. А еще он нашел врача, которого нанял Рейес. Видимо, как-то догадался, что тот что-то знает. Даже угрожал.

Я опять закрыла глаза.

— Быть того не может. Поверить не могу, что все это происходит со мной именно сейчас.

— Боюсь, поверить придется. И это очень серьезно. Паркер может повесить на тебя вагон грязных обвинений. Но самое странное — судя по записям, он узнал о беременности, когда копал под Рейеса.

Мне срочно понадобилось присесть. Пари все поняла и вовремя подтащила мне под зад клиентский стул.

— При чем тут Рейес? — проямлила я.

— По-моему, Паркер просто не мог оставить все как есть. Некоторые считают, что в приказе об освобождении и снятии с Рейеса всех обвинений что-то нечисто. Мало того, Паркер проверял и ваши финансовые отчеты. А еще писал по электронке властям Сонной Лощины. Узнавал о твоём состоянии.

— Как, черт его дери, он узнал о Лощине?!

— Шел по денежному следу. Чак, — Пари взяла меня за щеки и повернула к себе, — ты должна как можно скорее поставить его на место.

— Знаю. Ты права. Да и выбора у меня нет. Он явно не планирует останавливаться.

— Это точно. — Взгляд Пари стал тверже стали. — Не позволяй ему зайти так далеко. Расскажи обо всем Рейесу. Он придумает, что делать. А еще важнее — захочет сделать все, что нужно.

— Пари, мы не можем убить Паркера.

— Знаю, — отозвалась подруга, хотя я засомневалась, что она согласна с моими словами. — Я и не говорю об убийстве. Я о том, что можно устроить Паркера в больничку на пару дней. Ну, или на пару лет.

Не будь ситуация настолько отчаянной, я бы посмеялась.

— А можно мне минералки? — послышался голос Хэзер, которая появилась в дверях

приемной.

— Естественно. Ты же знаешь, где ее найти?

— Ага, — ответила девочка, и на ее личике отчетливо проступило разочарование.

Что ж, Шут-Нику Паркеру придется подождать, пока я не разберусь с Хэзер и детским домом.

— Хэзер, — позвала я, пока она не ушла обратно наблюдать за процессом татуирования городского населения, — кто сказал тебе о проклятии? Кто-то конкретно, или это просто общее умозаключение?

Хэзер задумалась.

— Так все дети думают.

Каждый раз, когда она делала вдох, я слышала легкие хрипы. Боясь, что ее состояние может ухудшиться, я подошла ближе и коснулась ее лба и шеи. Она восприняла это как нечто обыденное и давно привычное. Слава богу, ее температура не показалась мне высокой.

— Все говорили, что я следующая. А моя подруга Амелия страшно перепугалась. Не хочет, чтобы я умерла.

— Вот ведь странно, — поддразнила я, — я тоже не хочу, чтобы ты умерла.

Пряча робкую улыбку, Хэзер опустила голову, и в этот самый момент зазвонил мой сотовый.

На экране высветилось имя Куки вместе с моей любимой фотографией. Я сфоткала Кук сразу после того, как она нечаянно намазала себе на лицо стопроцентное эфирное масло корицы вместо разведенного ладана. Представить не могу, зачем намазывать на физиономию ладан, зато теперь точно знаю, что чистое эфирное коричное масло действует на кожу, как кислота. На Куки подействовало незамедлительно. Человеческой кожи такого ярко-красного цвета я отродясь не видела.

Пока подруга не успела все смыть, я ее сфоткала на память. Чтобы никогда не забывать, как далеко она готова зайти, чтобы меня повеселить. Или чтобы занять идеальную кожу. До знакомства с Куки я понятия не имела, что на лицо можно лепить магнезию в виде эмульсии. Или на кой черт вообще это делать.

Честно говоря, ответа на последний вопрос я не знаю до сих пор.

Вместо «Алло» я ляпнула в трубку «Дом фиговой репутации Чарли». Хэзер хихикнула и отправилась на поиски воды, а в мои уши благодаря чудесам современных технологий проник до странности сексуальный голос Куки:

— Когда ты вернешься?

— Могу хоть через десять минут, если ты хочешь, чтобы мы с тобой занялись умопомрачительной любовью.

В трубке повисла долгая — очень долгая! — пауза, после чего Куки проговорила:

— Нет. Нет-нет-нет. Со мной все в порядке.

— Точно? А то ведь я беру недорого, и трудиться надо мной особенно не нужно.

— Точно. Ты сидишь?

Моя задница тут же нашла стул.

— Уже да.

Пари бросила на меня вопросительный взгляд. На самом деле из-за огромных очков глаз ее я не видела, но, судя по складкам на лбу, брови точно приподнялись. В ответ я лишь пожала плечами.

— Не знаю, хорошие это новости или плохие, — начала Куки, — тем более что я сама

еще ничего толком не понимаю, но, в общем, ребенок совсем не того возраста, что мы думали.

— А сам ребенок в курсе?

— Я о том ребенке, которому Рейес платит алименты. Из Техаса.

Я сжалась, всей душой надеясь, что новости Куки все-таки хорошие.

— Что значит не того возраста?

— Во-первых, это мальчик, а во-вторых, приготовься услышать имя.

Я напряглась с ног до головы и сжала ягодицы. Уж не знаю почему, но мне показалось, что для этого самое время.

— Дэмиен.

Я молчала, потому что была удивлена не на шутку, и Куки добавила:

— Дэмиен Леджер Клэй.

— Никогда в жизни не слышала имени красивее, — отозвалась я, чувствуя, как разбивается мое сердце.

— Клэй — девичья фамилия матери. Отец не указан.

— Если до Рейеса за алиментами добрались аж из Техаса, где-то должны быть доказательства, что он отец. Что написано об отце в свидетельстве о рождении ребенка?

— «Неизвестен».

— Стремная фамилия. — Так я пыталась отыскать хоть искорку света в конце туннеля. — И почему, спрашивается, Рейес выплачивает алименты женщине, которая даже не удосужилась указать его в качестве отца ребенка?

— В том-то и дело, Чарли. Сомневаюсь, что он может быть отцом. Дэмиену пять лет.

От облегчения я так и расплылась на стуле.

— Пять лет и девять месяцев назад Рейес сидел в тюрьме.

— Вот именно. Я не утверждаю, что подобное невозможно, но очень маловероятно, что, сидя в тюрьме, он мог обзавестись ребенком. В Санта-Фе разрешены супружеские свидания? А если и так, разве не нужно для этого состоять в официальном браке?

— Не знаю, зато знаю, кому можно позвонить, чтобы все выяснить. Но опять же, правила, которые действуют для обычных людей, неприменимы для моего мужа.

— Согласна, но мне хочется думать, что в темном царстве все-таки есть луч света, — сочувственно проговорила Куки.

— Да я всеми конечностями за лучи, — сказала я, рассеянно поглаживая божественное стекло в кармане. — Хлебом не корми, только дай обгореть и облучиться.

— Нравится мне, как ты во всем видишь что-то хорошее.

— Есть такое дело. В общем, я свистну, как только что-нибудь узнаю.

— Сразу же.

— Заметано.

*Изобретатель шоколадной водки на все сто
искупил вину ублюдка, придумавшего колготки.*

Кейти Грейковски[18]

Попрощавшись с Хэзер и Пари, я двинулась к Развалюхе, чтобы сделать один важный звонок. Наверняка рабочий день у Нила Госсета уже закончился. Небо потемнело, а низкие облака, до сих пор висевшие над головой, сменили красивый серый цвет на глубокий и зловещий черный. Вот бы каждый день был таким умиротворяющим! Впечатление портило разве что ледяной дождь, заливающий мои любимые развороты «Плейгерл». Зато на дорогах практически не было машин. Правда, я переживала, что придется ехать по гололеду.

И все равно Нью-Мексико я обожаю.

Слава богу, у меня был номер сотового Нила. И все благодаря находчивости Куки, которая притворилась журналисткой из какой-то газеты в Санта-Фе и сказала, будто хочет сделать о Ниле Госсете целый репортаж. Я слушала гудки, пока не включилась голосовая почта, потом нажала «отбой» и позвонила снова. И снова. И так несколько раз, пока в трубке наконец не раздался раздраженный до чертиков, резкий голос:

— Да!

— Привет, Госсет! — как можно радостнее заорала я. — Как жизнь?

— Как всегда.

— Значит, так себе, да? — Я понятия не имела, что происходит в жизни Нила, но не подколоть его не могла.

— С кем я говорю?

А вот это обидно. Честное слово. Ну или было бы обидно, будь мы с ним друзьями. На самом деле мы всего лишь знакомые. Со времен старших классов. У нас нет необходимости поддерживать связь, если не считать тех случаев, когда такая необходимость возникает. Вот как сейчас.

— Это Чарли... Дэвидсон... Мы вместе учились в...

— Я знаю, кто ты, Чарли. Откуда у тебя этот номер?

— Ну-у, моя помощница звякнула твоей помощнице, прикинулась журналисткой и...

— Забудь. Что стряслось?

— Когда Рейес проживал в твоём заведении, у него бывали супружеские свидания?

Нил откашлялся, и его голос зазвучал помягче:

— Как он?

— На свободе.

Нил мне нравился. Не в школе, ясное дело, но с тех пор он очень повзрослел, так что надо отдать ему должное. Он всегда хорошо относился к моему мужчине, пока тот мотал срок за преступление, которого не совершал. Даже можно сказать поддерживал, насколько может поддерживать заключенного заместитель начальника тюрьмы. Но Нил всегда знал, что Рейес не такой, как все, особенный, и что он заслуживает лучшего.

Знал бы Госсет хоть половину правды...

— Могу я поинтересоваться, почему ты спрашиваешь?

— Он выплачивает алименты пятилетнему ребенку. Если ты не отпускал его периодически в город на мальчишники, то у него должны были быть супружеские свиданки.

— Ничего такого не было, — проговорил Нил под звуки чего-то шкварчащего на гриле. — То есть не совсем.

Я беспокойно нахмурилась:

— Это еще что значит?

— Только то, что не было у него никаких супружеских свиданий.

— Но теоретически могли быть? В Нью-Мексико это разрешено?

— Уже нет. Почти тридцать лет это позволяли, но в две тысячи четырнадцатом власти прикрыли лавочку. К тому же, существовали строгие требования. Большинство заключенных должно было состоять в официальном браке, чтобы запрос вообще отправился на рассмотрение. Дальше следовал затяжной процесс одобрения. Так что уверяю тебя, у Фэрроу не было супружеских свиданий.

— Но? — ляпнула я, потому что прямо-таки чувствовала, что должно вылезти какое-то «но».

— Но... да, это не значит, что ребенок не может быть его. Была одна надзирательница...

— Чего?! — обалдела я.

— Вообще-то, их было три, но именно эта... Ах да, еще заместителем начальника тюрьмы до меня была женщина. Короче говоря, всего четыре. И это только те, о ком я знаю.

— Ушам своим не верю.

— Но, насколько я понимаю, инициатором был не Фэрроу. Если тебе это поможет, конечно.

— Боже мой! — ахнула я. — Мой муж даже в тюрьме был кобелем.

— В его защиту...

— Госсет, — процедила я сквозь зубы.

— В его защиту, — продолжал напирать Нил, как бывало с ним во время футбольных матчей, — я не могу сказать наверняка, был ли там секс. Отношения между охранниками и заключенными строго-настрого запрещены. Хотя, конечно, всякое случается. Но Фэрроу всегда держался особняком. Получал тонны внимания от обоих полов, но, насколько я могу судить, его все это совершенно не интересовало.

— Правда? — спросила я, расцветая под лучиком света, проникшего прямо в кишки.

— Опять же, следить за каждым двадцать четыре часа в сутки невозможно.

— Спасибо. — От разочарования у меня разболелось сердце.

— Пожалуйста.

— Скажи-ка мне вот что. Бывали ли такие случаи, чтобы какая-нибудь охранница беременела от заключенного?

Нил так долго молчал, что я поняла все раньше, чем он ответил:

— У нас надзирательницы постоянно беременеют и уходят в декрет. Большинство из них замужем. Но была одна, о которой ходили слухи, будто она встречается с заключенным. Когда мы ее допрашивали, она призналась, что залетела от зека, но имени не назвала.

— Как ее зовут? — спросила я под звон разбивающегося на куски сердца.

— Я не имею права разглашать такую информацию, Дэвидсон, и ты прекрасно это знаешь.

Блин! А я-то думала, что смогу его расколоть.

— У меня грибы подгорают. Мы закончили?

— Наверное. Минуточку! Можешь хотя бы сказать, когда это произошло?

— Дэвидсон, — угрожающе протянул Нил.

— Ну же, Госсет, как в старые добрые времена.

— В старые добрые времена ты меня ненавидела.

— Неправда. Ты меня всего лишь дико бесил.

— Я же над тобой издевался, разве нет?

— Кончай менять тему, Госсет, — прорычала я.

— Господи, — проныл он в трубку, — я толком и не помню. Может быть, лет пять-шесть назад. Все уже смешалось. Тогда как раз случай был...

Нил стал рассказывать о заключенном, который ложкой перерезал сам себе артерию, но я зависла на словах «лет пять-шесть назад». У моего мужа все-таки есть еще один ребенок.

Я лежала на барной стойке, положив под голову руку. Было вполне удобно, пока стойка не начала кружиться. Пришлось схватиться за край пальцами. Никогда не любила карусели.

С очередным коктейлем ко мне подошла Кэролайн, объявила посетителям о возможности сделать по последнему заказу и начала подвигать коктейль ко мне, но вдруг остановилась. Подняв голову, я попыталась сосредоточиться на ее лице, но ее лиц было слишком много.

Кэролайн — очаровательная рыжеволосая красавица с коротким каре и маленьким носиком. Точнее она была очаровательной, пока не сказала:

— По-моему, с тебя хватит на сегодня кофеина.

С этими словами она отодвинула мой коктейль от меня подальше.

— В смысле? — разбушевалась я. — Да я всего-то пять штук опрокинула!

— Угу, — прогудела Кэролайн и унесла черт знает куда чудесный большой горячий мокко латте с дополнительной порцией взбитых сливок.

До ушей донесся мужской голос. Брайан. Этот парень варит кофе так, словно его зачали и выносили в кофемашине. А еще он второй мой самый любимый человек на земле. Точнее был бы им, если бы все-таки дал мне мой коктейль.

— Скажи ей, что со мной все путем, Брайан. У меня мотор что надо. Выживу.

Брайан усмехнулся:

— Я уже позвонил ее мужу.

— Ты знаком с Рейесом? — удивилась я, осознав, что язык слегка заплетается. — Он сын Сатаны.

— Только не говори, что вы поссорились! — запрочитала Кэролайн, прибираясь перед закрытием.

— Конечно, поссорились, — вставил Брайан. — Я своего бойфренда и не такими словами обзываю.

— Всего один стаканчик! Обещаю, утром же обращусь за помощью. Запишусь к психологу, или в группу поддержки, или...

— Какая там по счету стадия, когда торгуются? — поинтересовался Брайан.

— Где-то посередине, — ответила Кэролайн и вдруг выпрямилась, просияв.

Только один человек на свете так действует и на женщин, и на мужчин. И он был здесь.

— Спасибо, что позвонил, — сказал Рейес гладким, как бурбон, голосом.

Я вернулась к валяниям на стойке. За последние пару часов голова стала просто-напросто неподъемной. Вот почему, когда сын истинного зла подошел ближе, я увидела только ширинку. Ту самую, которая обрюхатила какую-то мисс Клэй. Ту самую, к которой меня тянуло, как героинового наркомана к... героину.

— Домой идешь?

— Нет. — Я подняла указательный палец. Уж не знаю зачем. — Я приятно провожу время с друзьями. С Кэролайн и Брайаном. А тебя я не знаю. И об этом я тебе уже сегодня говорила.

Когда Рейес заговорил опять, я расслышала в глубоком голосе нотки веселья:

— Датч, мне за ремень взяться, или как?

Он стал за руку стаскивать меня с табурета, и я завопила, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Помогите! Хулиганы!

Как ни печально, но ни Брайан, ни Кэролайн вызвать копов не могли. Оба были слишком заняты тем, что бросали на Рейеса игривые взгляды. Черт бы их побрал. Нет, черт бы побрал его!

Наконец он перестал меня тащить и поднял со стойки мое лицо.

— Ты и правда пьяна?

— Может быть, подливала себе что-то в кофе, — все еще сияя, предположила Кэролайн. — У нас алкоголя нет.

Рейес пошарил по моим карманам, из-за чего у меня в животе что-то сдвинулось, нашел флягу и проговорил:

— Прошу за нее прощения.

Конечно же, я шучу. Нет и не было у меня никакой фляги. Можно подумать, я бы так нализалась с одной фляжечки. По пути пришлось заскочить в винный магазин и купить литр виски. Полбутылки я опустошила еще до того, как прийти в кафе, а остальное контрабандой пронесла внутрь в куртке.

— Ничего страшного, — отмахнулась Кэролайн. — Наверное, у нее был трудный день.

— Еще какой трудный, подруга! — поддакнула я, ткнув в ее сторону пальцем. — Сначала я нашла бездомную девочку, которую проклинали, из-за чего она скоро умрет. Потом выяснила, что меня преследует не одна, а целых две группы охотников за привидениями. И не просто преследуют, а еще и сканируют ЭМП-штуковиной.

— Она в себя-то придет? — спросил Брайан у Рейеса.

— Надо мной как будто надругались...

Рейес Брайану не ответил, зато смотрел на меня, беспокойно нахмурившись.

— А потом, — продолжала я, раз уж слово у меня не отбирали, — я узнала, что у помощника прокурора есть секретный файл на меня, моего мужа и моего ребенка. — Я замолчала и посмотрела на слушателей. Печаль накрыла меня с головой, как тень закрывает солнце во время затмения. — Я родила дочь на дне колодца.

Потому что упала. В колодец. А поскольку и так была на сносях, то от падения начались схватки.

— Между прочим, рожать на дне колодца не так просто, как может показаться. В-первых, там куча грязи. Еще воду надо закипятить, хотя понятия не имею зачем. Потом...

Не успела я закончить первый акт своей тирады, как оказалась переброшенной через плечо (надо признать, просто широченное), и меня, как мешок с картошкой, вынесли из «Кофейного спутника».

Рейес затолкал меня в Развалюху и пристегнул ремнем безопасности. Каждое его движение было резким, агрессивным и умопомрачительно сексуальным. Я уже собиралась вставить ключ в замок зажигания и утопить педаль газа в пол до того, как Рейес обойдет машину, но руль куда-то исчез. Его украли! Как, бога ради, мне ехать домой без руля?!

И тут меня осенило. А вдруг я могу творить такие чудеса с помощью своих суперсил?

Я сосредоточилась что есть мочи, и Развалюха, проснувшись, заурчала.

Так-то!

Единственное, что я помню из той поездки по улицам родного города, — это красивые огни, которые проносились мимо и отражались в окнах. Эти огни мерцали в глазах Рейеса и напоминали мне о Рождестве. В таком сценарии он был бы моим подарком.

Несколько дней спустя я проснулась на Фабио, удивляясь, как меня сюда занесло.

— Я так понимаю, ты проснулась? — Это была Куки, которая присела рядом со мной на диван. — По-моему, мы договаривались, что ты позвонишь, как только что-нибудь узнаешь.

— Было дело, — промямлила я и отвернулась, сгорая от стыда. — Просто я сама очень удивилась. А еще обиделась и вся погрязла в суицидальных мыслях.

— Ох, солнышко...

Куки меня обняла. Ну, почти. Так получилось, что я уткнулась носом в ее декольте. Ложбинка у подруги что надо, ей-богу, но мне сразу стало трудно дышать. Я похлопала Кук по плечу.

— Потерпи, солнце, скоро все наладится, — проговорила она, покачивая меня из стороны в сторону.

Я опять похлопала ее по плечу и попыталась хоть что-то сказать прямо между ее грудей, но ничего не вышло.

— Тебе надо отдохнуть. Завтра станет легче. — Она обняла меня еще крепче. — Если, конечно, ты до завтра доживешь.

Ладно, я поняла. Куки в бешенстве. Такое случается редко, но метко.

— Извини, — приглушенно пробубнила я. — Я очень расстроилась.

— И вместо того, чтобы позвонить мне, расселась в баре...

— В кофейне.

— ... за барной стойкой в кофейне и нализалась до зеленых чертей. И в таком состоянии ты планировала сесть за руль?!

— Нет, конечно! — разобиделась я и рывком выпрямилась, чтобы взглянуть на подругу. — Это как-то само собой получилось.

Куки закатила глаза:

— Ты не сама приехала домой, Чарли. Тебя привез Рейес. А Роберт пригнал Куду.

Я широко улыбнулась:

— Зуб даю, она ему понравилась.

— Не то слово, — хихикнула Куки. — Первое, что он сказал, когда вернулся домой, — это «Какая же она мощная!».

— Ой-ой-ой... Думаешь, он теперь помешается на машинке?

— Надеюсь, нет. А знаешь что? — вдруг передумала подруга. — Он заслуживает хоть чуточку веселья. Пусть купит себе мускулкар. Или какую-нибудь спортивную машину.

— А может, «харлей»? — поддразнила я.

— Нет, никаких мотоциклов.

Куки не любит мотоциклы. Как-то по юности она встречалась с байкером, свалилась с его мотоцикла и обожглась о раскаленную выхлопную трубу. Теперь у нее на щиколотке шрам в форме штата Индиана вкуче со страхом перед всеми мотоциклами в мире.

— Я бы не села за руль, — сказала я Куки, — и ты прекрасно это знаешь. — Вождение в нетрезвом виде ничем хорошим не заканчивается. — Просто... понимаешь, я думаю, что ребенок все-таки его.

Куки пялилась на меня с отвисшей челюстью так долго, что пауза затянулась не на шутку. В конце концов Кук спросила:

— Это тебе друг из тюрьмы сказал?

— Нет, но с тем же успехом мог сказать и прямым текстом.

— Минуточку, — подруга подняла указательный палец, и я ощутила, как она начинает паниковать, — разве он был женат? То есть ему разрешали супружеские свидания?

Я покачала головой:

— Нет, но было несколько инцидентов с участием надзирательниц и даже бывшей заместительницы начальника тюрьмы.

— Боже мой... Мне такое и в голову не приходило.

— В общем, Госсет не говорил напрямую, что от Рейеса кто-то забеременел, но сказал, что такое возможно. К тому же, одну из охранниц уволили, потому что она залетела от заключенного. И угадай, когда это произошло.

— Не может быть!

Я кивнула:

— Пять-шесть лет назад.

— Мне очень жаль, солнышко.

— Да не стоит. — Я встала и принялась мерить шагами пол, который пошатывался под ногами, но не очень сильно. — Я тут решила, что все путем. Меня все это больше не пугает. Мы можем забрать малыша Дэмиена к себе и вырастить как собственного ребенка.

— Вроде как приручить волчонка?

— Ага. Все будет круто. Можно поехать за ним на этих же выходных.

— А это, случайно, не похищение?

— Ему здесь понравится. Особенно если мне все-таки дадут усыновить слона.

— Вряд ли его мать оценит такой широкий жест.

— И то правда. А вдруг он боится слонов?

— Да нет же. Я о том, чтобы забрать мальчика. Вряд ли она молча его отдаст.

— Да неужели?

— А знаешь что?

— Знаю. Ты — моя чудесная курочка.

Я опять села рядом с подругой. Фабио тут же подстроился под наши попы и принялся их ласкать.

— Давай я проверю, кто такая эта мисс Клэй. Завтра в офисе займусь этим первым делом. За пять минут узнаем, работала она в исправительных учреждениях штата или нет.

— Отличная идея. Или давай займемся этим прямо сейчас.

— Я готовлю ужин, — рассмеялась Куки, — а ты никогда в жизни не дойдешь до офиса целой и невредимой. Опять с лестницы скатишься.

— Чувиха, тогда я не была пьяной.

— О том и речь.

— Сколько я в отключке-то провалялась?

— Эм-м, — Куки глянула на календарь на стене, — минут тридцать.

— Чего?! — Я тоже уставилась на календарь. — То есть я здесь всего полчаса?

— Приблизительно.

— Мы разговариваем уже минут десять.

— Ага.

— Как же я так быстро протрезвела?

Лицо Куки озарилось лукавой улыбкой, отчего на одной щеке появилась очаровательная ямочка.

— Наверное, все дело в поцелуе.

— А был какой-то поцелуй? — мигом заинтересовалась я. — Мы с тобой обжимались, что ли?

— Не мы с тобой, а вы с Рейесом. Ох, Чарли... Видела бы ты, как он тебя на диван уложил! Не бросил лишь бы как, а осторожно положил, словно ты самая хрупкая вещь на планете.

Куки ушла в кухню, добавила каких-то специй в блюдо, которое готовилось на плите, и перемешала. Судя по взгляду, мыслями она находилась где-то далеко-далеко отсюда.

Тут-то я и вспомнила, что забыла поужинать. В ответ на аппетитные запахи, плывущие в мою сторону, желудок заурчал.

— А потом он склонился над тобой, — мечтательно продолжала подруга, монотонно помешивая варево, — и все это мощное тело так и бугрилось мышцами... А потом он прижался к тебе губами. Прямо как в «Спящей красавице». Этот поцелуй тебя как будто исцелил.

— Серьезно?

— А потом он прикоснулся к твоему лицу, убрал со щеки прядь волос, провел пальцами по плечу...

— Кук, ты меня заводишь.

— Пardon, — пришла в себя Куки. — Просто он такой... такой... ну, сама знаешь.

— Знаю. — Господи, еще как знаю! — А еще я есть хочу.

— Вот черт, — выругалась она и убавила огонь, чтобы блюдо протушилось. — Вряд ли тут и на тебя хватит.

— То есть как это? — офонарела я и ткнула пальцем в сторону кастрюли, которая была лишь чуточку меньше моей ванны.

— Извини, но придется тебе поесть у себя дома.

— Ага, сейчас, — фыркнула я, возвращаясь в объятия Фабио. Он один меня понимает. — И не мечтай. Я остаюсь здесь, Кук. Завтра же вызову грузчиков. Можешь

удочерить меня хоть сейчас. Теперь это мой новый дом на веки вечные.

— Ну все, — сказала Куки и решительно подошла к шкафу, — ты не оставила мне выбора.

— Что происходит? — занервничала я, а она достала коробку.

Не простую коробку, а ту самую!

— О нет, Куки, нет-нет-нет.

— О да, Чарли, да-да-да.

— Только не это, — я замотала головой и попятилась. — Что угодно, только не это!

Куки остановилась прямо передо мной:

— Будет так, как я сказала. Смирись.

— Это жестоко и странно. И он никогда не согласится.

— Хочешь поспорить? — ухмыльнулась подруга.

Честно говоря, я не хотела. Ни капельки. Потому что имелось у меня подозрение, что я с треском проиграю пари.

*Что мы ненавидим в детстве:
спать и когда нас шлепают по заднице.
Что мы обожаем, став взрослыми:
спать и когда нас шлепают по заднице.*

Мем

С коробкой в руках Куки дотолкала меня до моей квартиры, а я по пути удивлялась, что она не тащит меня за ухо. Возникло ощущение, будто я ребенок, которого ждет капитальный нагоняй. Или бездна полнейшего унижения. Один черт.

Когда мы вошли, Рейес перестал заниматься тем, чем занимался (а он как раз что-то готовил, и от шикарного аромата я чуть не рухнула на колени), и поприветствовал нас вопросительным изгибом сексапильной брови.

— Сейчас мы с этим разберемся раз и навсегда, — решительно заявила Куки.

— Ладно, — настороженно отозвался Рейес, явно не подозревая, как Куки собралась разбираться и с чем.

Подруга ушла в гостиную и стала передвигать мебель, а я медленно поднялась на цыпочки, чтобы узнать, что готовит Рейес. Это было что-то шикарное, острое и наверняка стоило того, чтобы получить по рукам, лишь бы попробовать на вкус. Как, собственно, и сам повар.

Склонив голову набок, он наблюдал за Куки, пока я со скоростью улитки продвигалась к плите, а секунду спустя бросил на меня вопросительный взгляд. Я остановилась и пожалала плечами, словно, как и он, понятия не имела, что происходит. Зато Куки явно относилась к задуманному крайне серьезно. А значит, чтобы не взбесить подругу, нам придется подыграть. Интересовало меня только одно: успею ли я поесть до того, как все начнется.

— Ко мне, — скомандовала Куки, оглядывая результаты своих трудов. — Оба. А вы, мистер Фэрроу, прежде чем разуться, лучше выключите плиту.

Теперь все встало на свои места.

Мистером Фэрроу Куки называет Рейеса только тогда, когда ему грозят неприятности. Точнее я думала, что она называет его так только тогда, когда ему грозят неприятности. Раньше он никогда в таких ситуациях не оказывался, а Куки никогда не называла его мистером Фэрроу именно таким тоном, но я легко сложила два и два. И вообще, я в математике настоящий профи.

Рейес вышел из-за стойки уже босиком и стал осматривать комнату. Похоже, он ничуть не волновался, но только потому, что скорее всего никогда не подвергался таким наказаниям. А наказание это из тех, что вызывают массу мучений и требуют предельной сосредоточенности.

— По местам, — велела Куки голосом бывалого рефери, уселась на диван, взяла в руки дощечку и крутанула стрелку.

Я сняла ботинки и подошла к краю целлофанового коврика. Сам коврик, известный также как пыточная циновка, был покрыт рядами ярких кружочков. Я заняла стартовую

позицию и стала ждать, когда то же самое сделает мой противник.

На нас снизошел момент истины. Что сделает Рейес? Ухмыльнется и откажется? Или все-таки примет вызов?

С веселой улыбкой он подошел к коврику с противоположной стороны и занял свое место. На Рейесе была свободная серая футболка, которая, тем не менее, туго обтягивала широченные плечи, где можно было легко посадить «боинг-747», и мощные бицепсы, на каждом из которых можно было построить по торговому центру. Мышцы на предплечьях напряглись, когда Рейес приподнял край футболки и засунул большие пальцы в передние карманы.

Куки снова крутанула стрелку и объявила:

— Левая нога на красное.

Мы оба переставили левые ноги на ближайшие красные кружки. Рейес оказался ко мне спиной и стал ждать следующих инструкций. На узких бедрах низко сидели свободные джинсы, которые все же плотно облегли аппетитные полумесяцы потрясистой задницы. Даже сзади его руки выглядели сексуально, блин.

— Левая рука на зеленое.

И снова мы оба приняли вызов, хотя для обоих это было не так уж легко. Несмотря на мое недавнее опьянение, я пробурчала нечто нечленораздельное и все-таки решительно настроилась не сдаваться.

— Твистер? — спросил Рейес, будто с трудом сдерживал смех.

— Долго рассказывать.

Когда Эмбер была маленькой, именно с помощью твистера Куки мирила ее с двоюродными сестрами. В том, чтобы удерживать равновесие, изворачиваться так и эдак и при этом стараться не упасть, есть что-то такое, отчего дети хихикали, как... дети, и волшебным образом забывались все ссоры.

Однако то, что происходило у нас с Рейесом, было намного хуже любой ссоры Эмбер с кузинами. Мы давно выросли из кукол Барби и заколок для волос. То есть Рейес точно вырос, а у меня до сих пор осталась тяга и к тому, и к другому.

— Левая рука на синее.

Мы опять передвинули левые руки, и в такой позиции не на шутку напряглась моя медулла облонгата^[19], или как там называется сухожилие между пяткой и икрой.

— Похоже, мы тут надолго, если, конечно, хочешь объяснить, — сказал Рейес, у которого даже дыхание не сбилось.

— Лучше спрошу, почему ты со мной не разговариваешь.

— Правая нога на желтое.

Становилось всерьез неудобно. Я чувствовала себя орангутангом на соревнованиях по художественной гимнастике. Зато Рейес определенно чувствовал себя в своей тарелке. Как хищник, который оценивает способности своей добычи. Как пантера, готовая нанести сокрушительный удар. Из-под длинных ресниц мерцали поразительные глаза. От каждого движения перекачивались крепкие мышцы. Длинные пальцы поддерживали вес мощного тела, но лишь слегка, словно Рейес без проблем удерживал равновесие на одних только пятках.

— Я разговариваю с тобой каждый день, — возразил он.

От глубоко тембра у меня в животе всколыхнулся трепет, и между ног возникло напряжение.

— Левая нога на зеленое.

— То есть ты не собираешься мне рассказывать, что тебя беспокоит? — поинтересовалась я, борясь с естественным желанием тела подчиниться гравитации.

— Ты первая.

— Правая рука на зеленое.

— Меня ничего не беспокоит. Из нас двоих именно ты еле-еле выдавливаешь из себя слова.

— Левая рука на красное.

В этот раз я чуть не упала. Коснувшись нужного кружка, пальцы соскользнули. Равновесие определенно не мой конек.

— Датч, если ты все равно будешь врать, зачем вообще начинать разговор?

Я резко втянула носом воздух, но пришлось шумно выдохнуть, потому что у меня уже началась одышка. Да уж, эта игра намного сложнее, чем кажется со стороны.

— Я не собираюсь врать. И почему ты вообще решил, что меня что-то беспокоит?

— Левая рука на красное.

— Опять? — проскулила я, пытаюсь подвинуть руку к красному кружочку, но Рейес занял его раньше.

Пришлось просунуть ладонь прямо под Рейесом, и наши руки соприкоснулись. Я была похожа на каракатицу. Рейес выглядел так, словно готовился к соревнованиям по смешанным боевым искусствам. Джинсы плотно сидели на талии, свободная серая футболка задралась, обнажив рельефный живот. На холмах и долинах скульптурного торса играли мягкие тени.

Рейес смерил меня долгим взглядом, а потом сказал то, что было у него на уме:

— Мы не говорили о том, что произошло в Нью-Йорке.

— Верно. — Я всю притворялась, будто мне легко дышать. — Но я не говорила об этом только потому, что ты не говорил вообще.

— Правая нога на красное.

— Серьезно?!

У меня имелся только один вариант сдвинуть ногу и не упасть, но Рейес был ближе к нужному мне кругу. И все же подождал, пока я не займу кружок. Теперь у него самого не осталось выбора, кроме как практически оседлать меня, чтобы дотянуться до следующего красного круга. Когда Рейес добрался до цели, наши лица оказались так близко, что мне не пришлось бы вообще двигаться, если бы следующей командой было «Поцелуйтесь».

— Правая рука на желтое.

Твою дивизию!

— С чего ты взяла, что я не хочу разговаривать?

Я решила выложить все как на духу. Ходить вокруг да около и дальше нет смысла. Мы женаты. Если мы не можем поговорить, то у нашего брака ни единого шанса.

— Не знаю, — сказала я, пожав плечами настолько, насколько позволяла стремная поза. — Ты как-то отдалился. Уже в самолете я чувствовала, как ты отдаляешься.

— Мы же были в самолете. Далеко ли я мог уйти?

— Правая нога на зеленое.

— В эмоциональном смысле, — уточнила я, сама себе напомнив женщин из всяких реалити-шоу, которые вечно ноют, что их мужья ничем с ними не делятся и не пускают в душу.

Нетушки. Я не такая, как эти женщины. По крайней мере до сегодняшнего вечера я думала, что не такая.

— То есть пока мы летели в десяти километрах над землей, ты почувствовала, как я отдаляюсь?

— Левая рука на желтое.

Мои конечности уже заметно тряслись, вот только я не знала, из-за игры или из-за соперника.

— Вроде того.

— И какие же признаки привели тебя к такому выводу?

— Ты был мрачным с ног до головы.

Рейес нависал надо мной. Обе его руки находились с одной стороны от меня. Он склонил голову набок.

— Я сын Сатаны. Мрачность у меня в крови.

— Я не это имею в виду.

Я задумалась. Тогда я отдала ему место у окна, чтобы самой постоянно льнуть к нему, когда мне якобы хотелось посмотреть в иллюминатор. Чтобы вдыхать его запах снова и снова. Чтобы то и дело соприкасаться с ним плечами. А он весь полет пялился в окно.

— Ты как-то притих.

Рейес тоже задумался и нахмурился:

— Тебе-то откуда знать? Ты продрыхла всю дорогу.

— Я уснула, когда почувствовала, что ты отдаляешься. Потому что не могла на это смотреть.

Он застыл. Сейчас физически мы были не так близко, как несколько секунд назад, но наше дыхание все еще смешивалось.

— Спрашиваю еще раз: по каким признакам ты решила, что я отдаляюсь? — спросил Рейес.

Вот только ответить я не могла. Потому что и правда не знала. Что мне подсказало, что он отдаляется? Инстинкт? Нутро?

Я так и не ответила, и Рейес проговорил:

— Может быть, ты все свалила с больной головы на здоровую.

— Хочешь сказать, это я отдалилась, а не ты? Рейес, я только что заново тебя обрела. Больше всего на свете мне хотелось вцепиться тебе в волосы и никогда-никогда не отпускать.

В нем вспыхнули какие-то чувства. Мне показалось, нечто похожее на замешательство.

— В чем дело? — спросила я.

— Я не хотел на тебя давить.

— Как давить?

— Ты через многое прошла. Потеряла отца.

— Верно, но...

— Пережила тяжелые роды.

— Любые роды на дне колодца тяжелые.

— Лишилась мачехи.

— Не надо перегибать.

— Была вынуждена отдать собственного ребенка.

Несколько долгих секунд я смотрела на Рейеса.

— Это было невыносимо, не стану спорить. Но не мне одной в тот день пришлось отдать ребенка. И ты в этом не виноват.

— Еще как виноват. Хотя бы отчасти.

— Нет, Рейес, не виноват. И не это я чувствовала в самолете. Так в чем же дело? Почему ты решил проложить между нами пропасть?

— Черт, Датч, я не знаю, — раздраженно процедил Рейес. — Мы столько пережили, что я хотел дать тебе время обо всем подумать.

— О чем, например?

— О нас, — без обиняков ответил он. — Я хотел, чтобы ты заново все пересмотрела, и чтобы при этом я не путался у тебя под ногами. Не душил тебя своим присутствием.

Что, черт возьми, он несет? Или это одна из фраз на тему «дело не в тебе, а во мне»?

— И что конкретно я должна пересмотреть? Наши отношения?

Рейес стиснул зубы, но ничего не сказал.

— Во-первых, с чего мне вдруг пересматривать наши отношения? А во-вторых, даже если ты и душишь меня, то сам прекрасно знаешь: я всеми руками и ногами за эротическое удушение.

Он снова оказался надо мной. Как хищный могучий кот, готовый проглотить свой ужин. Жар просачивался в каждую мою молекулу, пропитывал тело, ласкал. Рейес обнял меня одной рукой. Я глянула на Куки. Точнее туда, где она сидела.

— Она ушла.

— А я и не заметила...

Упершись локтем, Рейес положил другую руку мне на бедро, и мы рухнули на пол. Я купалась во взгляде его глаз, отогревалась в его близости, любовалась им...

— Вернемся к нашим баранам, — пробормотала я, возвращая себя в реальность. — С чего мне пересматривать наш брак?

Пристальный взгляд опустился ниже. Рейес задрал подол моего свитера и положил ладонь мне на живот. От прикосновения по телу с ног до головы промчались тысячи крошечных землетрясений.

— С того, что ты меня видела.

— Не поняла.

Рейес сжал пальцы, осторожно впиваясь мне в кожу, отчего внутри пронесся ураган из чистого удовольствия.

— Ты видела настоящего меня. Я понимаю, какое это для тебя зрелище.

Чувственные губы, экзотические черты лица, прядь волос, упавшая на щеку — нарисовать такое жаждет любой художник.

— О чем ты вообще говоришь? — охрипшим голосом спросила я. — Я вижу тебя каждый день.

— Нет.

Длинные пальцы забрались под лифчик и словно невзначай прошли по соску, разжигая желание.

— В Нью-Йорке, — продолжал Рейес, — когда ты впервые увидела меня после того, как потеряла память, — его ладонь вернулась мне на живот, будто Рейес опять от меня отдалялся, — ты испугалась.

Я подняла руку и провела пальцами по красивым губам.

— Если ты действительно так думаешь, то понятия не имеешь, что значит слово

«испугаться». Ты никогда не сможешь меня по-настоящему испугать.

Он печально улыбнулся:

— И все же ты была напугана.

Я приподнялась на локтях.

— Рейес, я очнулась, понятия не имея, кто я такая и что могу делать. Первый же призрак, которого я увидела, чуть не отправил меня в кому. Вот тогда я и правда была в ужасе.

Рейеса передернуло:

— Могу себе представить.

— Но когда впервые появился ты, Рейес Фэрроу... — Я снова легла и, задумавшись, положила руку на лоб. — Господи... Ты понятия не имеешь, насколько ты поразительный, да?

Он ухмыльнулся и лег рядом, положив одну руку под голову, а другую так и не убрав с моего живота. Наоборот, пальцы медленно-медленно опускались ниже, оставляя на коже горячие следы.

— Выражение твоего лица говорило совершенно о другом.

— Ты прав. — Я повернулась к нему и тоже положила под голову руку. Коврик под нами зашуршал. — И не прав.

— В этом у меня талант, — отозвался Рейес и погладил суставами пальцев мой пупок.

— В те дни я не контролировала, в каком измерении нахожусь, поэтому существовала сразу в обоих. И, когда появился ты, я увидела опасное, непреклонное, бешено могущественное создание, которое наполовину человек, а наполовину нечто неземное. В нем словно смешали пантеру и иномирного убийцу. Из него так и сочились сила, ум, изящество и... — Я опустила глаза. — И секс. Я боялась того, что могу натворить рядом с ним. Рядом с тобой. — Пришлось прикусить губу. — Меня влекло к тебе с первой секунды, и влечение это было таким неумолимым, словно между нами все это время был какой-то невидимый канат, который натянулся, как только я тебя увидела. Сильно натянулся. Весь окружающий мир завертелся, и я испугалась, что вот-вот превращусь в лужу. — Я снова заглянула Рейесу в глаза. — Рейес, я была восхищена.

— Неужели? Вид у тебя точно был испуганный.

Я тихо рассмеялась:

— Правду говорит статистика, что женщины лучше разбираются в невербальных сигналах и в людях вообще, чем мужчины. Может быть, разумнее всего с твоей стороны было бы оставить всю эту белиберду мне.

Рейес отвел взгляд.

— Страх довольно трудно перепутать с чем-то другим.

— За это время я столько мыслей передумала! — продолжала я, не обращая внимания на его последние слова. Страх, твою налево. — Но одна из них до сих пор не дает мне покоя.

— И что это за мысль?

— Я тебя забыла. — Рейес молчал, поэтому я объяснила: — Ты давным-давно напроорочил, что я тебя забуду, как только узнаю свое неземное имя, и был прав.

— Я знал, что так и будет. Поэтому не удивился.

— Но я забыла тебя не так, как ты говорил. В твоих словах подразумевалось, что я тебя вроде как перерасту. Переверну, так сказать, законченную страницу, разлюблю и буду жить дальше без тебя.

— Было дело. Но в некотором смысле так оно и вышло. Ты чуть сама себя не переросла.

— Многовато сил вывалили на приземленную барышню из Нью-Мексико, чьи жизненные стремления заключались в возможности когда-нибудь поехать по кофейным плантациям во всем мире и научиться есть апельсиновое мороженое так, чтобы не заляпать подбородок. А когда я узнала, чья это была затея...

Рейес еле слышно рассмеялся, и тугой, жесткий сгусток его эмоций слегка смягчился.

— Но чтобы тебя разлюбить? Рейес, я дышать не могу, когда тебя нет рядом. А думать и подавно не в состоянии.

— Рад это слышать. — Он погладил пальцем мой пупок, и между ног все заныло. — И я благодарен, но в последнее время ты многое скрываешь.

— Ничего подобного.

— Все ясно, — понимающе кивнул Рейес. — Я должен выложить тебе все свои секреты, а ты свои оставишь при себе.

Я фыркнула, ну не смогла сдержаться.

— Рейес Александр Фэрроу, я чертовски хорошо знаю, что ты никогда не выкладывал и никогда-никогда не выложишь мне все свои секреты.

Он впился в меня пристальным взглядом.

— Однажды я могу тебя удивить.

— Да неужели?

— Но ты должна быть первой.

Он прав. В некотором смысле. Мы должны научиться общаться. Разве не об этом твердят всевозможные эксперты? Что общение — ключ к решению всех проблем?

Я подумала начать с того, что в текущий момент приносило больше всего боли. Закрывает глаза, как распоследняя трусишка, и проговорила в темноту:

— У тебя есть еще один ребенок.

— Серьезно? — весело спросил Рейес. — Спасибо, что просветила.

Я глянула на него со слегка отвисшей челюстью:

— Что здесь смешного?

— Понятия не имею, но поверь мне, это смешно.

— Рейес, у тебя в Техасе пятилетний сын.

На мгновение он сдвинул брови, пока не понял, о чем речь.

— Ну да, Дэмиен. Уже и забыл, что успел его зачать. Причем прямо в тюрьме.

— И это твое оправдание? Якобы ты не мог стать отцом, потому что сидел за решеткой? — Рейес лишь молча смотрел на меня, борясь с улыбкой, поэтому я добавила: — Ха! Я уже в курсе, как это произошло, мистер Мачо!

Явно заинтригованный, он приподнял брови.

— От тебя забеременела надзирательница.

— Точно, — кивнул Рейес, словно что-то вспоминая. — Слава богу, это был не надзиратель-мужчина. Вот где и правда выдались бы тяжелые роды.

Ему было смешно. Он будто насмеялся над ситуацией. Отмахивался, словно все это чушь. А я ошеломленно, потрясенно и изумленно валялась на полу. Еще и дара речи лишилась.

— Почему ты так легко к этому относишься? — Ну, видимо, не совсем лишилась.

Ладонь скользнула по моей талии и оказалась у меня на спине.

— Потому что вы, миссис Дэвидсон, уморительная особа.

Что ж, Рейес и правда воспринимал все очень хорошо. Даже как-то чересчур.

— Хочешь сказать, Дэмиен Клэй не твой сын?

— Пожалуйста, скажи, что ты не потратила уйму бесценного времени и ресурсов, чтобы все выяснить, в то время как могла просто-напросто спросить у меня.

— Конечно, нет! Все сделала Куки. Завтра с ней поговорю. А ты давай признавайся. Да или нет в твоём тесте на отцовство?

— Датч, будь у меня ещё один ребенок, ты бы узнала об этом первая. Хотя бы потому, что надрывала бы голосовые связки в родовых муках. Дэмиен Клэй — сын твоего бойфренда, который так и не женился на матери мальчика.

Я удивленно поморгала:

— Какого бойфренда? Нового? Как ты узнал о Фабио?!

Ответить Рейес не удосужился. Видимо, обсуждать диван Куки было ниже его достоинства.

Ну и ладненько. Значит, сын моего бойфренда. Супер.

— Что ж, с твоей стороны страшно мило платить за него алименты. Очень... продвинуто. Прямо-таки атомное семейство получается. В постапокалиптическом смысле.

— Это было частью сделки, — пожал плечами Рейес. — Мне были нужны лишние глаза, которым можно доверять. Чтобы присматривать за Пип. Он и был лишними глазами, которым я могу доверять.

Мое внимание достигло апогея, и я опять приподнялась на локтях.

— А Пип-то тут при чем?

— Я нанял твоего бойфренда. Точнее всех троих. — Я недоумевающе открыла рот, и Рейес объяснил: — Байкеров своих помнишь? Они приглядывают за Лоэрами. То есть и за Элвин. Мне не хотелось оставлять бумажных следов. В конце концов, эти трое в розыске.

— Ты нанял Донована? — обалдела я. — Ну конечно! Ты нанял Донована и его ребят приглядывать за Пип.

Они замечательные, ей-богу. Рейес прав: их разыскивают за ограбление. И не одно. Для властей не имеет значения, что байкеров шантажировали. Они хорошие парни. Понятно, почему Рейес обратился к ним, когда для защиты Лоэров и Пип понадобилось найти сильные руки.

— Одним из условий договора, — продолжал Рейес, — было то, что они будут пользоваться исключительно наличными и теми кредитками, которые я им вышлю. Плюс я обязался выплачивать за него алименты, чтобы никакие следы в сети не привели к его местонахождению.

Я все ещё пялилась на Рейеса с открытым ртом, но теперь уже с восхищением, намного превосходившим то восхищение, которое родилось во мне, когда он впервые вошел в гриль-бар «У костра» в Сонной Лощине.

— Это удивительно, Рейес. Я представить не могла, что ты все это сделал ради них. Ради Пип.

Красивые губы сложились в тонкую линию.

— Отсутствие у тебя веры в меня порой поражает.

— Дело не в отсутствии веры, — решительно покачала я головой. — Я всегда в тебя верю. Но иногда недооцениваю твои мозги. — Я постучала пальцем по его виску, убрала со лба локон и заправила Рейесу за ухо. По нему точно ножницы плачут. — Вечно забываю, что твой IQ выше, чем мой счет в банке.

— Хреновенькое оправдание.

— А знаешь, все-таки мне немного жаль. Я собиралась спасти Дэмиена, привезти домой и вырастить, как собственного сына.

— Вроде как приручить волчонка? — Клянусь, где-то я уже это слышала. — Вряд ли его мать оценит такой жест, — добавил Рейес, убивая меня логикой.

— Ага, Куки то же самое сказала.

— Ладно, — проговорил он, — едем дальше. Раз уж мы говорим по душам, что еще тебя беспокоит?

— Ну уж нетушки. Я уже вывалила секретик. Твоя очередь. Что беспокоит тебя? — Мои пальцы все еще трогали его лицо. Прошлись по линии подбородка, обрадовались ощущению щетины... — Какие секреты ты хранишь в глубине своих мерцающих глаз?

— У тебя мое сердце, — улыбнулся Рейес. — Все свои секреты я храню там.

— Значит, у меня нет ключа.

— Шутишь? Ты сама выковала ключ.

Он поцеловал меня в нос, снова лег на спину и потянул за петельку для ремня на моих джинсах, пока я не оказалась вплотную к мужу. Положив руку под голову, он уставился в потолок. Я посмотрела туда же, в тысячный раз задумалась о маленьком мальчике, который обитал у нас на балках, и вернулась к любованию поразительно красивым профилем Рейеса.

— Ты так ничего и не рассказала о том, что с тобой произошло на складе в Лощине.

— До того, как пришел ты? — уточнила я.

Он кивнул, и я поблагодарила Бога, что Рейес больше не может считывать мои эмоции. Именно там, на складе, у меня появилось божественное стекло. Именно там я выяснила, что мой муж — один из богов Узана. И именно там узнала способ заключить его в ловушку, если возникнет необходимость.

— Да нечего рассказывать. Куур пытался вынудить меня рассказать, где Пип. Я, естественно, не рассказала. Он взбесился. Воцарился хаос.

— Хаос всегда там, где ты, — с юмором поддразнил меня Рейес. — И больше ничего не произошло?

— Вроде нет.

— Тогда почему мне кажется, что с того самого дня ты от меня что-то скрываешь?

— Понятия не имею. А почему мне кажется, что с того самого дня ты от меня что-то скрываешь?

— Понятия не имею.

Я приподнялась на локте и уостила подбородок на широкой груди.

— Давай заключим сделку.

— Давай.

— Мы больше не будем ничего друг от друга скрывать.

— По-моему, это чересчур радикально, — пошутил Рейес, что было ясно по тому, как приподнялся уголок его губ.

— Я слышала, это нынче в моде.

— Чтобы супруги не хранили друг от друга секретов? Будешь и дальше так думать — разожжешь революцию.

Я задумчиво покосилась в сторону.

— Ну-у, я скорее о том, чтобы, если что, просто дать друг другу знать, что кто-то из нас хранит какой-то секрет. Короче говоря, полная откровенность.

— По-моему, ты не совсем правильно понимаешь значение слов «полная откровенность». Здесь предполагается... полная откровенность.

— Ага, но мне так было бы проще. — Я даже разволновалась. А вдруг это именно то, что нужно? — Я бы, например, могла тебе сказать, что у меня есть секрет, но я не могу рассказать, в чем именно дело. Тогда ты бы знал, что у меня есть какой-то секрет, и между нами не было бы никаких недомолвок. Никто бы не чувствовал за собой вину, и никто бы не обижался, что его во что-то не посвятили. И так далее, и так далее.

— А ты не думаешь, что все это разрушит саму идею разоблачения секретов?

Я покачала головой:

— Не думаю.

Рейес покашлял, и у меня возникло подозрение, что таким образом он пытается скрыть смех. Большая ладонь снова прокралась мне под свитер и скользнула по спине, пропитывая кожу теплом.

— Ладно, давай попробуем.

От волнения я поерзала и придвинулась еще ближе. Подумала обо всем, что храню за семью печатями. Первый секрет, суперпуперогромный, самый чудовищный из всех — это, конечно же, то, что Рейес бог. Не рассказывала я ему об этом только потому, что его создали из энергии злого бога, и я понятия не имела, что произойдет, когда Рейес о таком узнает. Вторым секретом было божественное стекло. Причины те же. Последствия другие. К тому же, именно на кулоне строился мой запасной план.

Зная, кто такой Рейес на самом деле, теперь я многое понимала. Чувствовала силу, которая пульсирует вокруг него могучими волнами. Сила эта мощная, турбулентная и постоянно в движении. Рейес гораздо больше, чем просто сверхъестественное создание, и теперь для меня все обрело смысл.

Он сам — вихрь из чистой силы. Ядерный реактор. Такая мощь зачастую дикая, непредсказуемая и не поддается контролю. И мне нужно было знать как можно больше. К сожалению, на ум приходило только одно существо, которое выросло в таких же условиях и знало о Рейесе больше, чем все остальные на нашей планете. Ошекиэль.

Рано или поздно я все расскажу Рейесу, но для начала узнаю все, что смогу.

— Итак, — начала я, тяжело сглотнув, — у меня два секрета, о которых я не могу тебе рассказать. — Я улеглась на спину и раскинула руки, причем одна приземлилась на лицо Рейесу. И не случайно. — Фу-у-ух! Господи, прямо гора с плеч. Хотя нет, минуточку. — Я задумалась. Еще я не рассказывала о том, что Сатана изловчился поймать Рейеса в ловушку, когда он был в режиме злого бога. Технически, это можно считать третьим секретом. — Беру свои слова назад. У меня три секрета. Извини.

Рейес укусил меня за руку, которая все еще лежала у него на лице. Я захихикала, как школьница, и придвинулась ближе. А когда наконец примостилась поудобнее, он проговорил:

— Три, значит. Многовато.

— Есть такое дело. Но теперь ты знаешь, что у меня имеются секреты, и я тебе все расскажу, как только смогу. В ту же минуту. Нет, в ту же микросекунду. Твоя очередь.

— Хм-м, — вслух задумался Рейес, — у меня только один секрет. Впрочем, нет, — тут же передумал он и так затянул паузу, что я едва не сгрызла все ногти. — Два. Технически, у меня два секрета.

Я совсем пала духом.

— Ты хранишь от меня целых два секрета?

— У тебя их вообще три, — рассмеялся Рейес.

— Но, — я приподнялась, упершись ладонями в пол, — что это за секреты? Почему ты мне о них не рассказываешь?

На лице Рейес отразилась грусть. В глазах. Едва уловимо. Однако он быстро взял себя в руки и улыбнулся:

— Так и знал, что затея не сработает.

Во мне вспыхнул страх. Рейес не грустит. Рейес злится. Становится нестигаемым. Составляет план и действует, пока не поймет, как решить проблему. Но чтобы грустить? Неужели есть что-то такое, что он не может контролировать? Что-то, с чем он ничего не может поделать? Что-то неизбежное?

Однако я все это затеяла с одной целью: укрепить между нами связь. Научиться всецело доверять друг другу, даже если есть причины хранить тайны.

— Нет-нет, ты прав. Все сработает. Спасибо, что рассказал. — Я снова легла и сосредоточилась на руке, лежавшей у меня на спине. По крайней мере Рейес не перестал ко мне прикасаться. — Я переживала, — выпалила я, наслаждаясь ощущением тепла от большой ладони.

— Из-за чего?

— Из-за того, что ты ко мне больше недели не прикасался.

— Я же все объяснил.

— Да, но...

— Датч, ты заслуживаешь намного лучшего, чем я.

Я наградила его своим самым сердитым взглядом:

— Или у тебя раздутое мнение обо мне, или искаженное — о самом себе. Лично я думаю, что дело тут и в том, и в другом. И, по-моему, есть только один способ разобраться с этим раз и навсегда. — Я залезла на Рейеса, подняла его футболку и взялась за штаны. — Устать так, чтобы у нас не осталось сил на споры.

С этими словами я провела ладонью по рельефному животу и обернула пальцы вокруг твердого члена. Все мышцы в теле Рейеса превратились в мрамор. Я сдвинула пальцы до самого основания, и рука на моей спине сжалась в кулак. Я продолжала двигать рукой вниз и вверх, пока не почувствовала знакомый прилив крови.

Взяв за волосы, Рейес притянул меня ближе, чтобы поцеловать.

Я на провокацию не поддалась и слегка отстранилась.

— Может быть, хоть намекнешь? На один секретик, а не на оба. Минуточку, а они как-то связаны?

Ни слова не говоря, Рейес взялся за край целлофанового коврика и завернул нас в него, как буррито.

— Ты уверен, что Куки ушла? Она точно не побежала, скажем, в туалет?

Накрыв мои губы своими, Рейес вжался в меня бедрами, отчего я отчетливо почувствовала животом доказательство его возбуждения.

— Если она все еще здесь, — резко выдохнула я, потому что Рейес нашел мое ухо, — то ее ждет шокирующее зрелище.

Не обращая ни малейшего внимания на мои слова, он поспешно и грубо перевернул меня на живот и прижался сзади. Длинные пальцы легли мне на горло.

— Что ты там говорила об эротическом удушении?

— Я вроде как пошутила...

Я ахнула, когда пальцы сжались крепче. Другой рукой Рейес уже стянул с меня штаны. На коже заплескала прохлада, которую почти сразу сменил обжигающий жар.

Пока Рейес расстегивал свои джинсы, к моему уху опять приблизились горячие губы.

— Раздвинь, — приказал низкий бархатный голос.

Вот только мои собственные джинсы были где-то в районе колен, и раздвинуть ноги я никак не могла.

Выходит, я не послушалась сразу. Рейес засунул руку под лифчик. Поначалу пальцы просто ласкали Угрозу, а секунду спустя сильно сжали нежную вершинку, и по коже побежали мурашки.

Рейес сел на меня и коленями сжал мои ноги.

— Раздвинь, — повторил он мне на ухо.

Рука на горле сжималась все сильнее. Зарывшись носом мне в волосы, он глубоко вдохнул. У меня на поясице лежал горячий, твердый и готовый на подвиги член.

Я завела руки назад, положила ладони на ягодицы и раздвинула.

— Умница, — прошептал Рейес, окунул пальцы в мою влагу и со стоном выдохнул мне в волосы: — Ты охрененно мокрая.

Мгновение спустя пальцы оказались во мне.

В глазах поплыло. Мне хотелось, чтобы это продолжалось. Чтобы Рейес не останавливался, пока ко мне не вернется зрение. Но он вытащил пальцы и погладил клитор. Нежно, соблазнительно, словно уговаривал. Во мне спиральями завихрилось удовольствие, освещая каждый темный уголок, пробуждая спящие частички маленькими искрящимися торнадо.

Я застонала, и Рейес возбуждился еще сильнее. Твердый как камень член скользнул по моей коже и прижался к самому входу, как лошадь к воротам на скачках перед началом забега.

Рейес помедлил, укусил меня за мочку уха так сильно, что я ахнула, и прошептал:

— Будем надеяться, я попаду, куда надо.

Куда надо? Я распахнула глаза и застыла. Анального секса я боюсь не меньше, чем жители Розуэлла боятся анализов от рук инопланетян. Однако одним быстрым и точным движением член оказался во влагалище.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сладкий спазм поразил меня до глубины души. В ту же секунду я чуть не кончила, но Рейес замер глубоко во мне и стал ждать, когда я чуть-чуть успокоюсь. Ему тоже нужно было успокоиться. Меня затрясло, и пальцы соскользнули с задницы. Рейес еще сильнее сжал мне горло. Еще чуть-чуть — и до кислородного голодания недалеко.

— Vous ne devriez pas taquiner, mon amour, — сказал он на чистейшем французском, который звучал гладко под стать каждому движению пальцев на горле, а потом повторил на английском: — Не дразни меня.

Он до сих пор не двигался, но где-то вдалеке горячими пульсирующими волнами заблестели отголоски приближающегося оргазма. Чем сильнее Рейес сжимал мне горло, чем глубже я ощущала внутри себя член, тем ближе подбирался экстаз. Я заерзала, умоляя о продолжении, но Рейес и не думал идти на уступки. Однако весил он слишком много, а рука на шее сжималась слишком сильно.

Он поцеловал меня в скулу, в шею, в уголок рта. И вдруг без предупреждения двинулся

назад, чтобы через секунду снова погрузиться на всю длину. Я задохнулась, когда он опять прижал меня к полу и еще сильнее сдавил горло. Из-за ограничений в движениях и в дыхании нахлынула волна удовольствия, которое распространилось во все уголки лесным пожаром. Я съежилась. Мне хотелось ощутить это еще раз. Еще раз пережить приток острого, чувственного, жестокого желания.

Рейес навалился на меня всем телом, полностью лишив возможности двигаться, и сотворил нечто неожиданное. Замедлил время и стал двигаться короткими мощными толчками. Резкие скачки возбуждения вызвали в животе сладчайшую боль. Пальцы на горле сжались еще сильнее, и оргазм подобрался почти вплотную.

— Не сейчас, — прошептал Рейес, тяжело дыша.

В такт ударам, дыхание вырывалось из его груди мощно и быстро, и я прекрасно знала, что он, как и я, близок к экстазу.

— Не сейчас, — на выдохе повторил Рейес и задвигался быстрее.

У него начали трястись руки, но я уже не могла сдерживаться. Горячее дыхание согревало мне щеку, и вдруг, не замедляясь ни на секунду, Рейес прижался губами к моему уху.

— Пора.

В нас врезалось время, усилив мгновенно взорвавшееся во мне наслаждение. Наши мышцы одновременно напряглись под натиском чистой пульсирующей энергии, от которой задрожал окружающий мир. Из горла Рейеса вырвалось низкое рычание. Переживая сокрушительные волны собственного оргазма, он сгреб коврик для твистера.

А несколько секунд спустя пробормотал парочку цветистых ругательств. Ей-богу, даже я бы не выразилась лучше. Когда он рухнул на меня, вокруг уже поблескивали лишь остатки наслаждения, как потрепанные осколки забытой звезды.

Рейес сполз с меня и улегся рядом. Невозможно длинные ресницы лежали на щеках. Чувственные губы слегка припухли.

— Тебе понравилось? — поинтересовалась я.

Он покачал головой:

— Я симулировал.

— Правда? Я тоже. Думаю, нам надо попробовать еще разок.

Красивых губ коснулась довольная улыбка.

— Ладно, но на этот раз без коврика.

— Договорились.

*Я в шаге от того, чтобы разбогатеть.
Осталось только раздобыть денег.*

Мем

Мы говорили всю ночь, ели приготовленную Рейесом курицу «Бурбон» и обсуждали... все на свете. Он отвечал на все мои вопросы. Понятия не имею, почему он вдруг решил открыться, но я не из тех, кто заглядывает в зубы дареному коню.

С коврика для твистера мы переместились на диван, потом на раковину в ванной (долго рассказывать) и только потом очутились в постели, которая представляла собой огромных размеров ложе из серого дерева с балдахином. Простота этого шедевра со вкусом разбавлялась гладкими, изящными линиями.

Рейес тоже задавал много вопросов. Пришлось рассказать о Хэзер — проклятой бездомной девочке, о которой я в пьяном угаре упомянула в «Спутнике». Еще о деле, связанном с детским домом. А потом и о моем текущем расследовании.

Поскольку работа Рейеса никакого отношения к полиции не имеет, я рассказала ему, кто нас нанял. Тем более мне самой хотелось объяснить, почему я под мухой взболтнула о Нике Паркере и о файле, который у него есть на нас и на Пип. Рассказала я и о том, как Ник использовал этот файл, чтобы заставить меня сотрудничать, хотя в этом не было необходимости, потому что Лайл Фиске на самом деле невиновен в том, в чем его обвиняют.

Однако Рейес заикнулся на мысли, что у Шут-Ника имеется на нас файл. Квартира чуть не взорвалась. Пришлось отвлекать мужа от Паркера путем демонстрации Угрозы и Уилл. Сработало. В трудную минуту на моих девочек всегда можно положиться.

Вот только я достаточно хорошо знаю Рейеса, чтобы понимать: он так просто это не оставит. Ни на секунду. И из-за него вся наша предельно деликатная ситуация может серьезно усугубиться. Меньше всего на свете нам нужно полномасштабное расследование, в результате которого нас обоих могут посадить за решетку. Сильно сомневаюсь, что фальсификацию свидетельства о рождении и передачу ребенка чужим людям можно считать законными действиями.

Очень осторожно я попыталась выведать, что Рейесу известно по поводу всей этой божественной кутерьмы. Я-то знаю, что он бог, но знает ли сам Рейес? В конце концов, он был Рейазиэлем в аду, потом Рейесом здесь, на земле, и в текущем состоянии его разум пребывает уже не одно столетие. Кое-что я все-таки выяснила. Либо Рейеса бесполезно раскалывать, как пуленепробиваемый жилет, либо он действительно ничего не знает.

Становилось совсем поздно, но о том, чтобы поспать, у меня даже мысли не было. Чего не скажешь о мистере Аппетитные Булочки. Он лежал на спине, закрыв глаза и накрыв рукой лоб. То бишь в своей любимой позе для сна.

Мириться с этим я никак не могла. Поэтому залезла на Рейеса и принялась делать ему непрямой массаж сердца. Мне это показалось просто-напросто необходимым.

— Что ты делаешь? — спросил Рейес, так и не убрав со лба руку.

— Реанимирую тебя.

Стараясь не сбиться со счета, я снова надавила ему на грудь. В черно-красном футбольном свитере и боксерах с надписью «ИЩЕМ ВОДИТЕЛЕЙ, ПОДРОБНОСТИ ВНУТРИ» я сидела на муже и отчаянно пыталась спасти ему жизнь. Причем моей концентрации позавидовала бы и опытная медсестра. Ну или какая-нибудь пищевая эссенция. Сама не знаю.

— Сомневаюсь, что от меня будет какой-то толк, — проговорил Рейес бархатным голосом с таким весельем, что я решила обидеться.

Он явно не ценил моей преданности делу.

— Черт побери, мистер! Я тут пытаюсь спасти тебе жизнь! Не мешай.

Его лицо озарилось чувственной улыбкой, после чего он положил руки под голову и стал наблюдать, как я тружусь. Я закончила считать, прижалась губами к губам Рейеса и подула. Он вдохнул воздух и рассмеялся, а мне показалось, что этот глубокий сексуальный смех исходит прямо из широкой груди.

Покончив с этим, я снова стала делать непрямой массаж сердца и считать.

— Не смей умирать!

И молиться.

После очередного раунда реанимационных действий Рейес поинтересовался:

— Ну и как? Я выживу?

— Трудно сказать. Придется достать дефибриллятор.

— У нас есть дефибриллятор? — изогнув одну бровь, спросил явно впечатленный муж.

Я потянулась за сотовым.

— У меня есть специальное приложение. Держись.

Нажимая на кнопки, я осознала, что у моего плана имеется одна большая недоработка. Мне нужен второй телефон. Вряд ли я смогу хорошенько шарахнуть Рейеса всего одним «электродом». В итоге я взяла и его телефон, начала клацать по кнопочкам и наконец закатила глаза:

— У тебя нет такого приложения.

— Понятия не имел, что смартфоны настолько универсальны.

— Ладно, сейчас загружу. Займет всего пару секунд.

— А я так долго протяну?

Пока я искала приложение, глаза Рейеса искрились весельем. Беда в том, что я забыла, как приложение называется. Пришлось снова брать свой телефон, потом опять телефон Рейеса, потом прогнать название по поиску, загрузить приложение, подождать, пока оно установится, а мой пациент все это время умирал. Неужели никто не понимает, что на счету каждая секунда?

— Готово! — наконец воскликнула я, прижала один телефон к груди Рейеса, второй — к ребрам, и, прямо как в фильмах, заорала: — Разряд!!!

Само собой, я не отстала, пока электричество не прошло по телу Рейеса, запустив его сердце и спалив кожу. По крайней мере я надеялась, что все было именно так. Рейес мою терапию пережил прекрасно. Лишь уголок рта приподнялся. Что ж, он у меня стойкий оловянный солдатик.

Еще дважды шарахнув его током (без этого ведь никак), я подалась вперед и прижала к шее мужа пальцы.

Спустя несколько напряженных секунд он спросил:

— Ну и?

Я с облегчением выдохнула, и мои плечи поникли от усталости.

— Жить будете, мистер Фэрроу. С вами все будет в порядке.

Ни с того ни с сего мой пациент обнял меня обеими руками, перекатил, пришпилив к постели нешуточным весом, и зарылся носом мне в волосы.

Надо же, свершилось чудо!

— Ну а с тобой все будет в порядке? — спросил он, наполовину обещая, наполовину угрожая.

Сильная рука скользнула мне в боксеры, и я захихикала, а потом еле слышно выдохнула:

— Нет. Никогда.

Рейес оказался во мне, и мое тело в ответ сжалось от удовольствия. В тот момент я поверила собственным словам. Со мной больше ничего и никогда не будет в порядке. Но почему-то меня это полностью устраивает.

— А знаешь, — проговорил Рейес приблизительно в три утра, — кое-какой секрет мы с тобой никогда не обсуждали.

Я честно старалась не поддаваться напрасным надеждам, но...

— Это один из двух твоих?

— Нет, — ответил он и рассмеялся, заметив, как я разочарованно поджала губы.

— То есть это еще один?

— Вроде того.

— У тебя три секрета?!

— Это не совсем секрет. Просто ты никогда не спрашивала.

Вся заинтригованная, я придвинулась поближе.

— Что ж, это я зря.

— Ты никогда не спрашивала о деньгах.

— О деньгах, значит. О твоих, что ли?

— Нет, — усмехнулся Рейес, — о государственных.

— Мы будем обсуждать госбюджет? Я — за.

Пристальный взгляд опустился к моим губам, под невозможно длинными ресницами мерцали темные глаза.

— Ты никогда не спрашивала, сколько у нас денег.

— У нас?

— У нас, — строгим тоном повторил Рейес.

— Я никогда не спрашивала, потому что не было нужды. Я и так знаю.

Красивая бровь слегка приподнялась.

— Да неужели?

— Ужели. Мне Ким рассказала. Так что я точно знаю, сколько у тебя денег.

— У нас.

— Или вернее сколько у тебя было денег. С Ким я разговаривала почти год назад. А мы с тобой оба знаем, что ты сорил деньгами направо и налево.

Ким — небиологическая сестра Рейеса. Они вместе росли, сражаясь плечом к плечу с

ужасом в лице человека, который их, так сказать, воспитывал, — с Эрлом Уокером. Ради Ким Рейес готов на все, как и она — ради него. Что она и доказала, когда около года назад стала сжигать здания одно за другим, лишь бы скрыть свидетельства того, что Эрл творил с Рейесом. Это был самый прекрасный, хоть и стремноватый, акт любви из всех, что я знаю, но благодаря поджогам Ким едва не стала преступницей в розыске, поэтому Рейесу пришлось куда-то ее увезти. С тех пор я ее не видела.

— Что именно она тебе сказала?

— Пятьдесят миллионов. И тогда, и сейчас у меня в голове не укладывается, кстати. Пятьдесят, елки-палки, миллионов! У кого вообще может быть столько денег?

— Значит, речь шла о деньгах Ким, а не о наших.

— Ага, она так и сказала. Но она их не трогала. Ты же в курсе, да? Брала разве что по капельке на самое необходимое. Она твердила, что никогда не возьмет твоих денег.

— Знаю, — раздраженно процедил Рейес сквозь стиснутые зубы. — Ким бывает очень упрямой. Как и еще одна моя знакомая.

— Жаль, что мы с ней не познакомились поближе. Мне бы очень хотелось хоть иногда с ней видеться, делиться разными историями о тебе, хихикать за твоей спиной, как настоящие сестры.

— Странно, наверное, но мне бы тоже этого хотелось. Надеюсь, у вас еще будет такая возможность.

В Рейесе поднялось какое-то волнение, но я не могла понять, с чем оно связано.

— Что-то случилось? С Ким ведь все в порядке?

Он перевернулся на спину и положил руку на лоб.

— Точно не знаю.

Я приподнялась на локте.

— То есть как это?

— Я не могу ее найти.

Меня обдало тревогой.

— Она пропала? Ничего не понимаю. Когда ты разговаривал с ней в последний раз?

— Пару дней назад. Она подыскивала безопасные дома для Лоэров. Изучала местность. Заключала сделки.

— Дома? — удивилась я. — И о каком количестве домов идет речь?

— В данный момент их десять. Ким подыскивала одиннадцатый.

— Десять?! — Я пыталась не дать челюсти отвиснуть, но ничего не вышло. — У нас десять домов? — Мои глаза наполнились слезами. — Ты купил десять домов? Зачем? Вроде как на всякий случай?

— Разумеется, — ответил Рейес так, будто у меня отросла вторая голова.

— Рейес...

— Я же говорил. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы уберечь нашу дочь.

Я моргнула и отвернулась. Преданность и поступки этого мужчины меня по-настоящему изумляют.

— Извини, я отвлеклась. Мы говорили о Ким.

— Да. Ей предстояло осмотреть дом на острове южнее Мексики. Ким должна была вылететь сегодня и сообщить мне, когда доберется. Но так и не написала.

От напряжения у меня заныли плечи. Ким и Рейес очень близки. Если с ней что-нибудь случилось, представить не могу, как он это воспримет.

— Уверен, все в порядке, — соврал он сквозь зубы, но мне показалось, что врет он не мне, а самому себе. — Скорее всего она потеряла зарядку от сотового. С ней такое постоянно случается.

— А ты... ну... искал? — спросила я, имея в виду, что Рейес мог искать сестру в нематериальном виде.

— Еще нет.

— Можно послать Ангела.

— Можно, но я дал ему другое задание.

— Задание? Какое еще задание?

Рейес обвил меня рукой.

— Это относится к одному из двух моих секретов. — Подождав пару секунд, он добавил: — Ну давай. Я знаю, тебе хочется.

— Ладно, спрошу. Может, все-таки расскажешь мне хоть один секретик? Для меня это будет как открыть подарок накануне Рождества. Один. Тогда я спокойно просплю всю ночь, зная, что твой секрет не связан с помешанностью на женских трусиках, что ты не похож на Говарда Стерна^[20] и ни разу в жизни не смотрел кровавые порнушки. Знал бы ты, как хочется вычеркнуть из мыслей эти варианты...

— Ладно. — Рейес повернулся ко мне лицом. — Откроешь мне один из своих секретов — я открою тебе один из своих.

Я застонала от отчаяния и зарылась лицом в подушку.

— Не могу. Пока не могу. Но скоро все расскажу.

— Аналогично.

Я начала было возражать, на что не имела ни малейшего права, но Рейес в знак предупреждения поднял указательный палец. Я наклонилась и облизала палец, не забыв его слегка пососать.

С большим интересом Рейес следил за моими действиями, и я почувствовала, как участился его пульс.

— Минуточку! — вдруг спохватилась я. — Так что там насчет денег?

Понадобилось несколько секунд, чтобы он пришел в себя.

— Как раз хотел тебе сказать. Я банкрот. Потратил все до копейки, пока ремонтировал этот дом и покупал безопасные дома для Лоэров.

— Ох, Рейес... — Вот теперь я за него переживала. — Ничего страшного. У нас есть баф и мой бизнес. Агентство, конечно, никогда особенно не процветало, но я могу сделать так, чтобы все наладилось. — Хорошенько подумав о своих словах, я съежилась. — Ну или хотя бы попытаюсь все наладить. Меня постоянно хотят нанять какие-то адвокаты. Но им в основном нужно, чтобы я помогла их подонкам-клиентам отмыться от обвинений в торговле наркотиками, супружеской измене или каннибализме. Последнее, правда, было только раз. — Преисполненная уверенности, что все будет хорошо, я глянула на Рейеса. — Мы справимся. Придется наступить себе на горло и помочь паре-тройке гадов избежать тюрьмы за торговлю людьми, но мы точно справимся.

— Тебе никогда не придется наступать себе на горло. Я тебе навешал килограмм лапши на уши. И я хочу, чтобы ты знала, где все находится, на случай, если со мной что-нибудь случится.

— В смысле? — Я подскочила и уселась по-турецки, прикрыв особо важные части тела простыней, потому что успела лишиться и свитера, и боксеров. — Что с тобой случится?

Что-то должно произойти? — И тут я ахнула. — Это один из твоих секретов?!

— Нет. Всего лишь меры предосторожности. Мы ведем не самый спокойный образ жизни. А это опасно. В целом.

— А-а, ну ладно. А что значит «где все находится»?

— Деньги, адвокаты, бухгалтеры.

— У тебя не один бухгалтер?

— У нас не один бухгалтер. Вообще-то, их семь. И один генеральный директор. Ты должна знать, как добраться до всех наших ресурсов. Само собой, у тебя полный доступ ко всему, так что ты можешь получить что угодно в любое время.

— У тебя семь бухгалтеров?!

— У нас. Ты хоть приблизительно представляешь себе, сколько у нас денег?

— Да. Я же уже говорила.

Рейес покачал головой:

— Ты говорила не о моих деньгах.

— Ну да, точно. Хочешь сказать, у тебя больше?

Большим и указательным пальцем он показал, что и правда больше, но на самую малость.

— Обалдеть! — Я опять улеглась на спину. — Чуть больше пятидесяти миллионов, значит. — Пришлось дать себе время обдумать эту мысль. Хотя бы попытаться обдумать, но она все равно не хотела укладываться в голове. Такие суммы просто-напросто за пределами моего понимания. — А если сложить все твои деньги в кучку, то какой высоты кучка получится? Мне нужна визуализация. Такая кучка наполнит, скажем, мусорный бак?

— Зависит от номинала банкнот. Но у нас не больше пятидесяти миллионов.

— Ты же сам показал.

— Знаю, а еще знаю, что тебе все равно. Но должно быть не все равно.

— Звучит зловещенько. — Для демонстрации я пошевелила пальцами.

— Короче говоря, чтобы ты знала, у нас чуть-чуть больше тридцати миллиардов долларов.

Я склонила голову набок. Поморгала. Нахмурилась. Посмотрела в потолок. Прямлила нечто нечленораздельное. Прикусила губу.

— Значит, два бака?

— Если со мной что-нибудь случится, все, что нужно, лежит в шкафу у нас в чулане.

— То есть в том самом чулане, который размером с мою старую квартиру?

— Да.

— Поняла, — кивнула я и попыталась осознать смысл всего, что наговорил Рейес. — В общем, чтобы я точно ничего не упустила: у тебя больше тридцати миллиардов долларов?

— У нас больше тридцати миллиардов долларов.

Рейес дал мне время все обдумать, но без толку. В основном потому, что цифры не мой конек. В математике я полный ноль. Счет никогда не был моим любимым занятием, но я, конечно, начну считать со всем усердием, если в качестве альтернативы какой-нибудь человек из Сальвадора по имени Чудесный Торо^[21] будет вырывать мне ногти на ногах.

Так что да, абсолютно точно нет. Мой мозг отказывается воспринимать числа выше трех миллионов.

— Так ты самый богатый человек на свете? — восхищенно пролепетала я.

— Это вряд ли. И близко нет.

— Неудачник. — Как фильм на быстрой перемотке, в мыслях мелькали открывающиеся возможности. — Я замужем за миллиардером. Прямо как в книгах, которые я читала, где суперпупербогатый парень влюбляется в практически нищую барышню, которая ни черта не смыслит в деньгах, но так и брызжет жизнерадостностью, весельем и тягой к связываниям, да?

— Почему бы и нет?

— А еще ей скорее всего срочно нужна пересадка сердца.

— Прямо с меня списано.

— Ну все, чувак, я точно куплю «веспу»^[22]. И первое подписанное издание «Гордости и предубеждения». И пару ракетбастеровских^[23] ботинок. — Я покрутила головой и осмотрела нашу со вкусом обставленную и декорированную квартиру. — И таки да, куплю слона.

— Без проблем, но убирать за ним будешь сама.

Я фыркнула:

— Не знаю, в курсе ли ты, но мой муж миллиардер. Я легко могу нанять убирателя какашек. Погоди-ка! — Я сощурилась, потому что меня осенило очередной идеей. — А нет ли, случайно, какого-нибудь клуба, членом которого ты должен стать с такими-то деньжищами? Не должны ли за тобой толпами ходить папарацци и репортеры? А «Форбс» тебя не донимает звонками с просьбами дать интервью? Может, у тебя на быстром наборе есть пара-тройка рок-звезд? Нельзя ведь иметь столько денег и не оказаться мишенью для преследований.

— Необязательно. Нужно всего лишь иметь мозги в голове.

Что ж, мозгам Рейеса позавидует любой ученый.

— К тому же, «Форбсу» до меня не добраться.

— Почему? Дело в офшорных счетах или в каком-нибудь подземном бункере?

— Вроде того. Скажем так, я в прекрасных отношениях с нашим банкиром из Швейцарии.

— У нас в Швейцарии есть банкир? — Я отклонилась назад и уставилась на Рейеса. — Чувак, да кто ты какой?! Кто может обладать таким состоянием?

— Ты, — ответил он, и я опять оказалась в его объятиях.

*Может быть, за деньги счастье и не купишь,
но плакать в «мерседесе» гораздо удобнее, чем на велосипеде.*

Мем

Мысли о деньгах не давали покоя. Я уже начала составлять в уме список всех ботинок, которые хотела купить, но пришлось притормозить. Тот факт, что у мужа денег куры не клюют, не означает, что надо спустить все на ботинки. На это можно потратить разве что малюсенький процент. Каждую неделю.

Несмотря на приятные размышления, реальность, тем не менее, упорно прогрызала себе путь на первый план. Рейес прав. А вдруг с ним, не дай бог, что-нибудь случится, и мне с Пип придется пуститься в бега? Мне позарез надо научиться контролировать свои силы. Кстати о птичках...

— Есть еще кое-что, что мне нужно знать. Для меня самой и для Пип.

— Выкладывай.

— Мне надо знать, как дематериализоваться.

— Ты уже знаешь, — усмехнулся Рейес.

— Да, но у меня это получается не намеренно, а только когда я слетаю с катушек или мне грозит опасность. А ты дематериализуешься по собственной воле. Как?

Он взял меня за руку и переплел наши пальцы.

— Если у тебя не получается, значит, что-то мешает.

— Например?

— Что мешает нам практически во всем?

Я пожала плечами.

— Чем мотивирован почти каждый человеческий поступок?

— Ну конечно! — осенило меня. — Страхом.

— Вот именно. Так чего же ты боишься?

— Не знаю. Ничего.

— Тогда сделай это. — Рейес посмотрел на наши руки. — Испарись.

— Если бы я могла, Оби-Ван, то не просила бы тебя о помощи.

— Значит, ты все-таки боишься. — Он взял меня за подбородок и повернул лицом к себе. — Что тебя пугает?

— Не знаю. Может быть... — Я покачала головой. — Нет, это глупо.

— Рассказывай.

— Может быть, я боюсь целиком переместиться в другое измерение. Так само собой вышло, когда я убежала от вас с Михаилом в Лошине. Помнишь?

Рейес кивнул и внезапно посерьезнел.

— У меня горела кожа. Там так жарко, словно меня окунули в кислоту. За считанные секунды я оказалась в нескольких километрах от кафе. Я боюсь... боюсь, что по-настоящему расплавлюсь.

Рейес сочувственно улыбнулся:

— Ты не могла сгореть в сверхъестественном измерении.

— Еще как могла, — возразила я, во всех подробностях вспоминая тот случай. — У меня кожа с костей оплывала.

— А у тебя остались ожоги, когда ты снова материализовалась?

— Нет, и это было очень странно.

— Повторяю: ты не могла там сгореть. Но там действительно жарко. И холодно тоже. Правила этого мира там не работают, как бывает в открытом космосе с человеком, который подвергается воздействию солнечного ветра. Только в другом измерении мы уже не люди, и тот мир такой же наш, как и этот. Значит, мы можем перемещаться там как нам угодно.

— Тогда в чем, блин, дело? Кожа у меня точно горела, как будто кто-то паяльником приласкал.

— Твое тело не реагировало ни на жар, ни на холод другого измерения. Ты сделала это сама. Это была физиологическая реакция на то, как твой разум воспринимал окружающую действительность. В таком состоянии мало что может причинить тебе вред.

— Ладно, давай-ка вернемся к космосу. А вдруг я случайно материализуюсь там? Придется плавать в вакууме. Тело раздуется, кровь закипит, кожа непривлекательно посинеет и заморозится. А потом, зная меня, я взорвусь. Даже если я каким-то чудом доберусь до поверхности Земли, то уже подвергнусь воздействию всяких субатомных частиц. После такого уже не оправиться.

— Датч, — начал Рейес, не давая мне поддаться панике, — ты и только ты контролируешь, куда тебе идти и с какой скоростью. В некоторой степени ты даже можешь управлять там временем. Учитывая, что ты, черт возьми, бог, то скорее всего можешь полностью подчинить время своей воле. — Мысли Рейеса явно понеслись вскачь. — Нет способа узнать, на что ты способна, пока ты не попробуешь что-то сделать.

— Ладненько, но, может, начнем с малого?

— Извини, — рассмеялся Рейес, — ты права. А теперь сосредоточься. — Он опять поднял наши ладони. — Переместись в другое измерение так далеко, как только сможешь.

Я уронила руку.

— Тебе ведь не нравится, когда я перемещаюсь.

Он не согласился, но и спорить не стал.

— Такое впечатление, что ты в этот момент не можешь на меня смотреть. Будто я какое-то чудовище.

— Чего? — обалдел Рейес. — Датч, даже когда ты перемещаешься, ты остаешься самой собой.

— Тогда почему я в процессе внушаю тебе такое отвращение?

Он уставился в потолок.

— Дело не в тебе, а во мне.

— Опять начинаешь?

Он ущипнул себя за переносицу.

— Рейес, в чем дело? Почему тебе не нравится, когда я перемещаюсь в другое измерение даже на самую капельку?

Он отвернулся от меня и следующие слова практически прошептал:

— В такие моменты ты видишь настоящего меня. Мою темную сторону. Одна мысль о том, что ты можешь это увидеть, тревожит.

— Но ведь это удивительно, Рейес! — Я повернула его лицом к себе. — Каждый раз

завораживает. Ты словно закутан в черный туман. Он струится с твоих плеч, стекает по спине к ногам... Хотела бы я себе пальтишко из черного тумана. Это же обалдеть как круто!

Вместо ответа он уставился на меня с каменным лицом.

— Минуточку! Если при перемещении я остаюсь самой собой и не превращаюсь в какое-то неведомое чудище, то откуда ты знаешь, когда я заглядываю в другое измерение? Ты же всегда сразу понимаешь, что я переместилась.

— Все из-за твоих глаз. Когда ты перемещаешься, твои золотые глаза начинают сиять. Мерцают и блестят, стоит тебе только заглянуть в другой мир. Вот что действительно завораживает.

— То есть это хорошо?

— Блеск с сиянием — да.

— Видишь ли, ты так реагируешь... Уверен, что я не выгляжу в такие моменты, как монстр? Как кукла Чаки, например?

— Кукла Чаки? — озадаченно переспросил Рейес.

— Ага. В детстве я боялась, что похожа на Чаки. Есть у нас что-то общее в форме лица, что ли... Кстати, ты тоже относишься к категории «хорошо». Итак, я готова.

Рейес повторил, что мне нужно переместиться так далеко, как только смогу. Я и переместилась. Мягкие, нейтральные цвета нашей квартиры сменились неистовыми оттенками другого мира. Вокруг ревели бури. Рядом ударила молния, и от неожиданности я подскочила.

Однако Рейес не обращал внимания на нематериальный мир. Он смотрел на меня, долго-долго. Прямо в глаза. А я будто заново впитывала его образ. Гладкая кожа, темные ресницы... В этом измерении все черты Рейеса становились ярче и отчетливее.

— А теперь представь, что ты рассеиваешься. Молекула за молекулой.

С трудом оторвав от него взгляд, я уставилась на свои пальцы.

— Начни с самых кончиков. — Он провел пальцем по моей ладони, и глубоко в животе что-то сдвинулось, словно рука и живот были связаны невидимой нитью. — Отпусти молекулы.

Рейес раскрыл мою ладонь, наклонился и подул мне на пальцы. Под кожу шепотом проникло теплое дыхание.

— Отпусти молекулы, — повторил он, и очень-очень медленно, атом за атомом, мое тело стало дематериализоваться.

Началось все с кончиков пальцев. Он снова подул, и пальцы разлетелись золотистым паром. Рука Рейеса прошла сквозь мою.

Ошеломленная и перепуганная (в основном, конечно, перепуганная), я вернулась в осязаемый мир.

— Это было потрясающе! — выдохнула я и глянула на мужа, чьи брови сошлись в суровую линию. — Что случилось?

Он моргнул.

— Ничего. Извини.

— Ну уж нет, не смей. Мы же договорились больше не хранить секреты. Что не так? Я что-то натворила?

— Ты права. Все дело в... в твоём цвете.

— Ты в расисты решил податься? — пошутила я.

— Нет. Просто...

— Что-то не так с моей кожей?! — взвилась я.

— Ничего подобного. Просто я никогда такого не видел. Так или иначе, у тебя получилось. И ты способна на большее, что доказывает недавнее путешествие.

— Рейес, а почему ты постоянно не летаешь вот так по миру?

Он прислонился затылком к изголовью кровати и рассмеялся:

— Иногда летаю, но вся моя жизнь находится в этом измерении. — Глядя на меня пристальным взглядом, он снова погладил пальцами мою ладонь. — Я люблю в тебе каждый сантиметр.

Сердце мое растаяло. Оставалось лишь надеяться, что оно не дематериализовалось и не материализуется потом где-нибудь в другом месте. Это точно к добру не приведет.

— Я тоже люблю все твои сантиметры, — проговорила я в ответ.

Рейес наклонился меня поцеловать, но на полпути остановился.

— Чуть не забыл.

Спросить, о чем он забыл, я не успела. Рейес встал с кровати и вышел из комнаты, продемонстрировав мне умопомрачительную задницу. Я с трудом подавила вздох. И желание сделать пару-тройку фоток.

Уговорив себя лечь, я слушала, как Рейес идет в кухню. Если он опять притащит ложки-поварешки... Но вернулся он с бутылкой шампанского, а вид в этот раз был еще более захватывающим.

— Чуть не забыл. У нас сегодня годовщина.

— Быть того не может! — Я резко села. — Мы женаты уже год?

— Не эта годовщина.

— Ага, ясно... Значит, в этот день сколько-то там лет назад мы... впервые поцеловались?

— Нет, — ухмыльнулся Рейес и с громким хлопком открыл бутылку.

— Тогда... мы празднуем первый рассеченный тобой ради меня позвоночник?

— Не-а.

Кровать под его весом прогнулась, когда он сел, перевернул меня на живот и плеснул шампанского на поясницу. От ледяной жидкости перехватило дыхание. Я зарылась лицом в подушку и пискнула:

— Оно же холодное!

Но секунду спустя меня уже согрел теплый язык, потому что Рейес решил слизать игристые капли. Шампанское пролилось мне между лопатками, стекло по спине и опять собралось на пояснице. Я вздрогнула и сразу же вздохнула, когда Рейес выпил очередную порцию.

— Первый раз, когда мы вместе пили шампанское? — предположила я.

— Нет, — сосредоточенно отозвался Рейес.

— Первое наше приземление на луну?

— Не-а.

В процессе он умудрялся меня покусывать, вызывая спазмы чистого удовольствия.

— Погоди-ка! У меня сегодня день рождения, что ли?

— Нет.

— Значит, у тебя?

— Тоже нет, — тихо усмехнулся Рейес.

— Слава богу! А можно и мне бокальчик?

— По-моему, ты сегодня достаточно выпила.

Я перевернулась на спину, но он и не думал прекращать пытки. На меня снова лилось шампанское, меня снова целовали, лизали и покусывали. Рейес устроился у меня между ног, и я схватила его за волосы.

— Первый наш оральный секс?

Он покачал головой, и теплый язык легко прикоснулся к клитору. Я резко втянула сквозь зубы воздух. Несколько мгновений спустя Рейес практически довел меня до оргазма и внезапно остановился. В знак протеста я всхлипнула, но он не обратил на это ни малейшего внимания. Зато набрал в рот шампанского и не глотнул.

Начал он со рта, передав мне крошечный глоток пузыристой жидкости, пролил пару капель на губы и на шею. Снова набрал в рот шампанского и взялся за сосок, который от холодного игристого вина мигом затвердел. Несколько секунд спустя такая же участь ждала и второй.

Я заерзала. По сравнению с холодным шампанским, губы Рейеса казались обжигающе горячими, и контраст был почти болезненный. Я задыхалась с каждым поцелуем. Сжималась в комок с каждым посасыванием.

Рейес «искупал» меня всю. Живот, бедра, ноги, щиколотки, ступни... Я даже не представляла, что может быть так приятно. Потом он двинулся обратно вверх и застыл над самым важным. Темные волосы упали на лоб и спутались с длинными ресницами. Скульптурные скулы двигались при каждом поцелуе. Чувственные губы были твердыми, но гладкими. Этой красотой я могла бы любоваться целую вечность. Опасной, темной красотой, о которой Рейес даже не догадывается, отчего становится еще сексуальнее.

Он опустил голову, и я чуть не подскочила до потолка. Шампанское потекло с его губ прямо на чувствительные складки, и Рейес стал пить его в каком-то гипнотическом ритме, разжигая пламя восторга и наслаждения. Между ног завихрились маленькие колючие вспышки удовольствия и разлились теплом в животе.

Пальцы на ногах сжались. Я сгребла простыню в кулаки. Рейес куда-то выбросил бутылку и одним гладким, чистым движением оказался внутри.

Он обнял меня и поднял, чтобы мы оба оказались в вертикальном положении. Я запустила пальцы в густые волосы и начала двигаться. Мне хотелось снова ощутить то жалящее сладкое желание, но Рейес удивил меня второй раз за ночь. Прижав к себе, он заглянул мне в глаза, и вокруг него за клубилась тьма.

Он переместился, и я последовала за ним.

Мы занимались любовью посреди мозаики ярких цветов, бушующих бурь и неумолимых молний. Мои волосы растрепались на горячем иномирном ветру, который огнем обжигал спину. Потом я поняла, что это не ветер, а Рейес. Его жар преумножился. Руки опаляли, жгли, вызывая внутри восхитительные спазмы.

Он обнял меня за плечи и опустил до самого основания члена. Я вскрикнула, но сама себя не услышала в ревущем урагане. И все равно мне хотелось большего. Я поднялась на цыпочках, и Рейес подхватил меня под задницу. Поднял, почти выйдя из меня, и снова опустил.

Где-то вдалеке вспыхнули и помчались ко мне первые искры экстаза. Горячее, густое, полное жажды желание распалось все ярче и ярче с каждым движением. Внушительный член растягивал изнутри, давил, и с каждым ударом копилось сладкое напряжение, пока не достигло ядерной концентрации.

Я схватилась за плечи Рейеса и уткнулась носом ему в шею, а он крепко сжал меня в объятиях, ни на секунду не прекращая двигаться.

— Рейазиэль... — прошептала я, и он зарычал, усиливая напор.

В моем теле не осталось ни капли сопротивления. Наслаждение, какого не знает ни один из миров, прорвалось на поверхность, вспыхнуло и затопило во мне каждую молекулу. Рейес напрягся, вместе со мной переживая свой собственный оргазм. Из широкой груди снова вырвалось рычание, и Рейеса затрясло. Он так крепко вцепился в меня, словно от этого зависела его жизнь, словно хотел выдавить наружу остатки жестокого желания.

Мгновение спустя мы снова оказались в постели и тяжело рухнули на матрас, пытаясь отдышаться.

Несколько долгих минут я собирала себя по кускам, а потом посмотрела на мужа:

— Так что за годовщина?

Но он словно ушел в себя. Прикрыл глаза рукой и еле слышно ответил:

— Годовщина той ночи, когда ты меня спасла.

Я застыла. Посмотрела на его профиль. Погрелась в неземной красоте.

— Я и не подозревала, что успела тебя спасти.

Красивых губ коснулась печальная улыбка.

— Зато теперь знаешь.

— И о какой ночи речь?

Мускул на челюсти Рейеса дрогнул.

— Неужели нужно уточнять?

Нет. Ответ я и так знала. Только одна ночь вызывала в нем печаль и сожаления. Та самая ночь, когда я разбила кирпичом окно и не дала одному ублюдку забить до смерти подростка.

— Что ж, это даже хорошо, — проговорила я, прекрасно зная, что Рейес не захочет говорить на эту тему. Удивительно, что он вообще ее поднял. — Я-то переживала, что мы празднуем годовщину потери моей девственности.

— Двадцать седьмое января. Тебе было пятнадцать.

Я тут же подскочила.

— Чего?! Откуда тебе знать, когда я лишилась девственности?

Я ущипнула Рейеса, и он рассмеялся, притворившись, будто ему больно, но мы-то оба знали, что это неправда.

— Почувствовал, — сказал он наконец. — Понял, что что-то не так, и пошел к тебе. Тогда я только-только начал понимать, что ты настоящая. Подумал, что у тебя неприятности.

— Неприятности? — задумчиво переспросила я. Фредди ни к чему меня не принуждал. Откровенно говоря, вся затея была моя. Но если уж говорить всю правду... — Если подумать, то Фредди, наверное, позабавился в тот день гораздо больше, чем я.

Рейес ухмыльнулся:

— Гарантирую, так оно и есть.

— Поверить не могу, что ты... ты... подглядывал!

— Попрошу! — проговорил он, выбираясь из трясины меланхолии. — Ты практически призвала меня к себе. И вообще, я всего лишь наблюдал. На случай, если я тебе понадобится. Ну или если ты захочешь позвать третьего.

Я улеглась рядом.

— Я понятия не имела, что ты и есть Злодей. А в ту ночь я в тебя влюбилась. С первого

взгляда.

— И я, — сказал он. Его лицо было невозможно красивым, а голос — невозможно искренним.

— Я серьезно, Рейес. Я тогда влюбилась.

— Я тоже.

— А по виду я бы не сказала, — усмехнулась я.

Та ночь, когда я разбила кирпичом окно кухни Эрла Уокера, была ужасна. Я боялась, что он убьет Рейеса. Красивого юношу с мерцающими карими глазами и густыми темными волосами. До сих пор воспоминания о том дне разбивают мне сердце.

Рейес напрягся, как натянутая струна.

— Ты же не собираешься меня жалеть?

— Мне жаль, что тебе пришлось пережить такой кошмар.

— Что было, то прошло.

— Рейес, — я коснулась его щеки, — что бы ни случилось, я люблю тебя.

На мгновение он нахмурился, а потом сказал:

— Я люблю тебя сильнее.

— Не-а. Хочешь побороться?

— За что?

— За выигрыш. Кто кого больше любит.

Притворяясь, будто задумался, Рейес глянул вверх, а потом проговорил так тихо, что я едва расслышала:

— Готовься с треском проиграть.

И опять я оказалась припильенной к постели. Кажется, уже в десятый раз за один день.

— Ты жульничаешь! — обвиняюще пискнула я.

— Я же сын Сатаны, — отозвался Рейес, словно это все объясняло.

Что ж, тут он прав.

Даже на следующее утро мы продолжали разговаривать и смеяться, когда вдруг услышали, как к нам врывается Куки. Слава богу, я успела сварить кофе. Подруга машинально остановилась налить себе чашечку, а я метнулась в ванную за халатом.

— Я в душ, — сказал Рейес, когда я вышла. Он стоял прямо передо мной. Стройное мощное тело поблескивало в тусклом утреннем свете. — Надеюсь, твоя бабушка нагрет с визитом. Наверняка одна Дэвидсон ничем не хуже другой.

Я ахнула якобы от обиды и обняла его за талию. Погладила по заднице. Подивилась, что это все мое.

— Тебя не напрягает, что я все еще Дэвидсон? После свадьбы у нас практически не было времени. Пришлось на всех парах мчаться в монастырь, на освященную землю. А там мы застряли на восемь месяцев. Честно говоря, я о фамилии даже толком не думала. Потом появилась Пип, а за ней — амнезия...

— У тебя было дел по горло, — отозвался Рейес, и от игривой улыбки приподнялись уголки красивых губ. — И нет, меня это не напрягает. В данный момент так даже лучше.

— Почему?

— Все записано на твое имя, так что, если со мной что-нибудь случится, не возникнет лишних проблем.

Я шагнула назад.

— Ты твердишь об этом снова и снова, Рейес. Какого, блин, черта? Мне нужно что-то знать?

— Нет. — Он потянул меня за воротник халата и прижал к себе. — Ты — бог, Датч. Значит, ты меня переживешь. Мое физическое тело — уж точно.

Я ошеломленно застыла, потому что только что получила ответ, на который так надеялась. Рейес и правда не знал, что он бог.

Что с ним станет, когда он узнает, что создан из энергии бога Узана? Что он почувствует, узнав, что принес смерть миллионам существ из сотен миров? От одной только мысли сердце в груди сжалось, и я в тысячный раз задумалась, изменится ли с этими знаниями мой муж. Вернется ли, как сорвавшийся наркоман, к старым привычкам.

И тут до меня кое-что дошло.

— Что ты сейчас сказал?

— Ты меня переживешь.

— Нет. Что-то о том, что все...

— Записано на твое имя. Да. Разве я раньше не говорил?

— Ты имеешь в виду свои деньги?

— Наши деньги. Да.

— Рейес... — Я потащила его к кровати. Позарез надо было присесть. — Зачем, бога ради, ты все записал на меня?

Он склонил голову, как будто не совсем понял вопрос.

— А почему бы и нет?

— Потому что нельзя просто взять и переписать прорву денег на чье-то чужое имя. А вдруг что-нибудь случится и тебе понадобится доступ ко всему, что есть? Ты же говорил, что записал все на нас обоих.

— Нет. Я сказал, что все деньги и активы наши, а не мои. Я не говорил, на чье имя все записано.

— Но на кону ведь тридцать миллиардов!

— Маловато? — подколот Рейес. — Я могу заработать больше. И, честно говоря, зарабатываю. Ежедневно. Исключительно интереса ради.

Куки сидела у нас в кухне за стойкой и шуршала бумажками. У нее были новости. Более того, ее просто распирало. Но даже в таком состоянии она не стала заходить к нам в спальню. И слава богу, потому что я была на грани очередного взрыва.

— Нет. — Я встала и отошла от Рейеса. — Я запрещаю. Отказываюсь. Иди к своим семерым бухгалтерам и скажи им, чтобы убрали мое имя со всех документов.

— Если ты переживаешь из-за налогов...

— Да к черту налоги! — Я поверить не могла, что все это происходит на самом деле. — Ты обязан оставить себе все, что по праву принадлежит тебе. Ты все это заработал.

— Ну, у меня есть доступ ко всем счетам. Ты всего-навсего указана как их владелец.

Нет, я всего этого не допущу. Не могу.

— Рейес, я не возьму эти деньги. Ни копейки. Они твои. Я в состоянии сама заработать себе на хлеб.

— Ты самый странный и непостижимый человек из всех, кого я знаю.

Я глубоко вздохнула:

— Прощу тебя, Рейес, перепиши документы. Все это принадлежит тебе и только тебе.

— Датч, — сказал он, стоя передо мной во всей своей обнаженной красе, — я начал зарабатывать эти деньги еще в тюрьме.

— Знаю. Ты взламывал серверы и сколотил целое состояние на фондовых биржах и инвестициях. Ты, а не я.

— Ты не поняла. Все с самого начало было записано на тебя.

Я так офонарела, что могла бы грохнутья от легчайшего дуновения ветерка.

— В смысле?

— Как только я все это затеял, как только понял, как получать инсайдерскую информацию о рынках, сразу все записывал на твое имя. За исключением того, что передал Ким и Амадору с Бьянкой. Я всегда знал, что так или иначе буду о тебе заботиться.

Я стиснула зубы. У Рейеса никогда ничего не было. Над ним издевались, его использовали, готовили убивать еще до того, как он начал жить. Ради всего, что у него сейчас есть, он усердно трудился. И заработал и заслужил каждую копейку. Я никогда в жизни ничего у него не отберу.

— Датч, никаких изменений в документы я вносить не буду. Все принадлежит тебе. И это не обсуждается.

Рейес опять направился в ванную. Я остановила его, положив ладонь ему на грудь. Он тут же накрыл мою руку своей.

— Пожалуйста, Рейес. Умоляю, перепиши все на себя.

Он наклонился и в сантиметре от моих губ прошептал:

— Ни за что.

Зайдя в ванную, он закрыл за собой дверь, а я стояла и понимала, что нахожусь на грани гипервентиляции.

Только вернув себе способность дышать и не терять при этом сознание, я поковыляла в кухню.

— Ну и? — спросила Куки, когда я достала себе чистую чашку, потому что свою забыла в спальне.

Хотя сейчас осилила бы и дюжину чашек. Да хоть тысячу, черт возьми! Нет, я бы осилила тридцать миллиардов чашек кофе.

— Как ночка прошла?

Я поставила чашку, бросилась к подруге и проревела на ее груди добрых тридцать минут. По одной за каждый миллиард на моем банковском счете.

Кофе.

Распущенность.

Безумие.

Одно готово. Едем дальше.

Статус в соцсети

Когда наконец появился Рейес, мы с Куки сидели за стойкой в кухне и пили кофе. Точнее я пила кофе и просматривала сделанные подругой распечатки, а она в полнейшем шоке пялилась в никуда. В уголке ее рта поблескивала слюна. Я не выдержала и промокнула это безобразие салфеткой, но Куки даже не шелохнулась.

— Ты ей рассказала? — спросил Рейес, наливая себе кофейку.

— А не надо было?

— Наоборот. Если со мной что-нибудь случится, именно на нее ты сможешь положиться больше всех. Ей нужно все это знать не меньше, чем тебе.

Повернувшись ко мне, Рейес навис над стойкой. На нем была темно-красная рубашка и, как обычно, джинсы. Не в облипку, но и не широкие, штаны, тем не менее, плотно облегли бедра. И задницу. И самое интересное спереди, блин.

— Может, вернемся в спальню? — предложил Рейес, не опуская чашку.

Я выпрямилась и откашлялась. А потом изобразила на лице самую искреннюю мольбу:

— Рейес, прошу тебя, убери мое имя с...

— Нет, — перебил он меня таким тоном, будто обласкал. — Дело сделано. Причем еще семь лет назад. — Он подошел и запечатлел на моих губах легкий поцелуй. — И прекрати плакать. Кстати, — добавил он, перед тем как взять куртку и уйти, — кажется, Куки нужна медицинская помощь.

Чтобы успокоить нервы, понадобилось еще три чашки кофе. Как только Куки пришла в себя, мы стали вместе просматривать распечатки, которые она принесла. В основном это были новостные статьи о каждой из смертей в детском доме.

— Чарли, — проговорила подруга, которая до сих пор была не в состоянии понять, что произошло, — это что же получается? Он записал все счета на тебя еще до того, как вы встретились? До того, как он вышел из тюрьмы?

Я кивнула и закрыла глаза, стараясь не думать обо всех несправедливостях, что выпали на долю Рейеса. Включая и ту, о которой мы сейчас говорили.

— Не понимаю, какая муха его укусила, чтобы такое отколоть? Это же его деньги, Кук.

По щекам потекли слезы, и Куки опять сгребла меня в объятия.

— Он любит тебя, солнце. Всегда любил. И искал тебя даже тогда, когда вы не были знакомы.

— Но я этого не заслуживаю.

— Чарли, — Куки взяла меня за плечи, — он верит, что заслуживаешь, и, если начистоту, я тоже в это верю. Деньги могут пригодиться. А даже если и нет, то их унаследует Пип.

Я икнула, чуть не рассмеявшись.

— Ну ладно. Может быть, с этой точки зрения оно того и стоит. Но мне все равно неудобно.

— И это вряд ли когда-нибудь изменится. Лично я даже представить себе не могу такую кучу денег.

— А я о чем? Кстати, ты не в курсе, сколько мусорных баков может наполнить такая куча?

В дверь кто-то постучал.

— Открыто! — крикнула я. — Это твой благоверный.

— Ага.

Нарисовался дядя Боб, который в коричневом костюме и при галстукe выглядел очень мужественно.

— Классно выглядишь, Дибби.

— Спасибо, милая. У меня суд, — объяснил он свой наряд.

— Опять, что ли, убийство затеял?

— Не меня судят. Я выступаю в качестве свидетеля.

— А-а, ну да. Пардон.

— В общем, чтоб вы обе знали, я спрошу в последний раз, кто вас нанял. Потом пойду за ордером. Или даже арестую обеих.

— Спасибо, что предупредил, дядя Боб.

Куки лишь приподняла брови в полной уверенности, что в итоге победа будет за ней.

Дибби расстроено вздохнул:

— Честное слово, я это сделаю.

— Конечно, сделаешь! Но если Джоплин так психует, почему сам у меня не спросит? И если он тебя донимает, то почему ты не пошлешь его на три веселых?

— Потому что я не в третьем классе, а он помешан на контроле. Ему очень любопытно, кто вас нанял и зачем.

— Странно все это. Почему ты не дашь ему от ворот поворот и не спросишь, с чего он так взбеленился?

— Потому что я не в третьем классе, а он помешан на контроле. Ты вообще меня слушаешь?

— Может, он не хочет, чтобы команда Дэвидсон оставила его с носом.

Мы с Куки дали друг другу пять. А что? Мы молодцы.

Дядя Боб пожал плечами:

— Он говорил что-то о том, что ты сорвешь дело.

— Такое впечатление, что нет у Джоплина никакого дела, вот он и пытается свалить всю вину на кого-нибудь другого.

— Возможно, ты права. Но на всякий случай советую вам обеим собрать сумки с самым необходимым.

— Можно подумать, нас со всем этим барахлом пустят в тюрьму.

Дибби наклонился поцеловать жену и двинулся к выходу.

— Увидимся позже, дорогой, — сказала та ему вслед. — Если меня посадят, не забудь забрать Эмбер из школы. — Получив в ответ только бурчание и хлопок от закрывшейся двери, Куки рассмеялась: — Его бесит, что мы не говорим, кто нас нанял.

— Ох уж эти семейные мелочи! — Я пролиставала бумаги и спросила, возвращая нас к

делу: — Так что там с медсестрой в детдоме?

— Ах да. — Куки ткнула пальцем в одну из бумажек, которая оказалась копией трудовой книжки упомянутой медсестры. — Она проработала там много лет, но посмотри вот на это. На несколько месяцев она взяла отпуск, чтобы присматривать за больной матерью. И, пока медсестры в доме не было, никто не умер. Знаю, о чем ты думаешь, — добавила Куки раньше, чем я успела что-то сказать. — Дети умирали в течение нескольких лет. А как только мать медсестры скончалась и сама барышня вернулась на работу в детдом, от приступа астмы умер еще один ребенок. — Кук показала мне одну из статей. — Медсестра и есть общая ниточка. Точнее одна из них. Там до сих пор работают тот же директор, те же воспитатели и тот же завхоз, которые работали в то время, когда начались все эти смерти. Мне показалось странным, что один мальчик умер буквально перед тем, как медсестра ушла в отпуск, а через неделю после ее возвращения умер еще один ребенок.

— В этом точно нужно покопаться поглубже.

В статье медсестру называли героиней, потому что она пыталась спасти мальчика, больше часа делая ему искусственное дыхание. Лишь потом ее нашли, и приехала скорая помощь. На фотографии, которой сопровождалась статья, измученная и рыдающая медсестра падала в руки коллеге, в то время как медики из скорой забирали девятилетнего мальчика. Заголовок гласил: «Медсестра упала в обморок после смерти ребенка, которого она всеми силами старалась спасти».

— Очень драматично, — сказала я, видя, что с фоткой все на свете не так. — Это именно то внимание, которого жаждут некоторые личности.

— Я тоже так подумала.

— Что ж, похоже, я знаю, чем сегодня займусь.

— И я. Буду выяснять, во сколько мусорных баков влезет тридцать миллиардов долларов.

Мы снова дали друг другу пять, и я направилась к Джорджу. Джордж — душ Рейеса. Нет. Я закрыла глаза и поддалась нахлынувшему счастью. Джордж — наш душ.

Приготовившись идти в офис, чтобы опять увидеться с Куки, я тщательно и нарядно приоделась. Черный свитер, джинсы и высокие ботинки. То бишь все то, что я обычно ношу зимой.

Рейес прислал мне сообщение с большим пальцем вверх, что означало «Связался с Ошем. С Пип и компанией все путем».

Идя по стоянке к офису, я заметила припаркованный чуть дальше в переулке знакомый салатовый минивэн. Это были те самые неуклюжие и суперские охотники за привидениями, которых мне хотелось усыновить.

Пришлось давить в зародыше желание подбежать к тачке и отдать ребятам кусочек моего мозга для исследований. Во-первых, это было бы больно и с кучей крови, а у меня в сумке вместо скальпеля и пилы только канцелярский нож, а во-вторых, мне было наплевать. Хотят впустую тратить свое время — бога ради. Правда, я немножко удивилась, что после нашей беседы они все еще околачиваются поблизости. Оставалось лишь надеяться, что

французскую компашку все-таки удалось отпугнуть, потому что они уж точно из опасных типов.

Пока я шагала по наружной лестнице, затрезовнил сотовый, и на экране высветилась фотка Пари в стрекозиных очках. Так рано она никогда не просыпается, поэтому я тут же разволновалась из-за Хэзер.

— Все в порядке?

— Как всегда. Ты как? — спросила Пари хриплым и приглушенным голосом.

— Лучше всех. Почему ты не спишь? И где ты? Голос какой-то приглушенный.

— Я в постели. Голос приглушен, потому что я пока не могу поднять голову. А звоню я потому, что ночью ты меня набрала задницей десять тысяч раз. Напилась, что ли?

— Ничего подобного.

— Не ври мне, Чак.

— Разве что совсем чуть-чуть. Как там Хэзер?

— Порядок. По-моему, она поправляется. Док велел ей пить много жидкости, чтобы вымыть из организма токсины. Похоже, метод действует.

— Пари, огромное спасибо, что согласилась за ней присмотреть.

— Без проблем. Только сомневаюсь, что тату-салон — подходящее место для впечатлительной двенадцатилетней девочки.

— Знаю. Сегодня же постараюсь что-нибудь придумать.

— Чего? Я не это имела в виду. Просто говорю, что она может до смерти перепугаться. Но пока с ней все путем. Да и я не против.

— Правда-правда?

— Само собой. Она сейчас спит. Точнее я надеюсь, что спит. В час ночи ее увел один из моих постоянных клиентов, но уверена, что она вернулась целой и невредимой.

Ну нет, не куплюсь я на такое ни за какие коврижки.

— Я на такое ни за какие коврижки не куплюсь.

— Попытка не пытка.

— Это точно. Звони, если что. Я еду в детский дом порасспрашивать народ.

— Вас понял. Конец связи.

— Конец связи... и пока.

Зная, что с Хэзер и Пип все в порядке, я могла полностью сосредоточиться на работе. Но, прежде чем я направилась в детдом, позвонил Паркер:

— Как продвигается дело?

— Шикарно, а вот вас могут разоблачить. Джоплин пытается убедить судью вынудить меня признаться, кто нас нанял. Похоже, ему покоя не дает этот вопрос.

— Да вы, черт возьми, издеваетесь?! — взбесившись, гаркнул в трубку Шут-Ник.

Хорошо, что я не врубила громкую связь, когда заходила в офис. Оттуда как раз отчаливал курьер.

Подождав, пока дверь не закроется, я все-таки включила громкую, и воздух вокруг, как грязные бабочки, заполонили очень витиеватые и выразительные ругательства, от которых мы с Куки чуть со смеху не покатались. К тому моменту, как Паркер нашел время объяснить, зачем позвонил, я с трудом сохраняла бесстрастное лицо. Точнее голос, раз уж говорили мы по телефону.

— Мне нужно, чтобы все это закончилось. Я полагал, что дела вы закрываете быстро. Разве не этим вы и занимаетесь?

— Вы позвонили поугрожать мне, Паркер?

— Что? Нет. Звонила одна из коллег Эмери Адамс. У нее есть какая-то информация, которая может относиться к делу. Хочу, чтобы вы с ней побеседовали.

— Как ее зовут?

Я записала все, что Паркер рассказал об упомянутой коллеге, и попросила Куки поискать еще сведений о медсестре из детдома. В частности, о каких-нибудь физических или душевных заболеваниях. И то, и другое могло бы говорить о Мюнхгаузене. Если барышня убивает детей, чтобы потом искупаться в славе от липовых попыток их спасти, то это вполне может оказаться одной из форм синдрома. Так называемый синдром Мюнхгаузена «от третьего лица». Обнаружить такую гадость трудно, а доказать еще труднее.

— Очень может быть, мы имеем дело с натуральным, блин, ангелом смерти, — подытожила я. — Сойдет все, что поможет ее остановить.

После этого я помчалась вниз, минуты три пообжималась с мужем и двинула на поиски коллеги Эмери по имени Кэти Невилл. Повезло, что было как раз по пути в детский дом.

Пресвитерианская больница находится на той же улице, что и наш офис. Найти Кэти не составило труда. Она вышла из лаборатории на перерыв и как раз с телефоном в руках сидела на стульях в комнате ожидания.

— Это она, — подсказал лаборант.

Едва заметив меня, Кэти поднялась на ноги.

— Вы от окружного прокурора?

— Вроде того. Я работаю над делом Эмери.

Кэти кивнула, засунула последнюю чипсину в рот и выбросила упаковку.

— Простите, что вам пришлось тащиться сюда. Я сразу сказала, что могу поговорить с кем-нибудь по телефону. Не подскажете, как идет дело? Преступника уже поймали?

— Арест произвели, да, но взяли не того.

Бросив на меня недоуменный взгляд, она продолжила:

— Что ж, я только хотела рассказать копам, что, по-моему, у мисс Адамс неприятности. — Она закатила глаза. — Это, конечно, очевидно. Но я о том, что у нее были неприятности перед исчезновением.

— Что вы имеете в виду?

Мы уже шагали по коридору к лаборатории, где работала Кэти.

— Я никому ничего не рассказывала. Не хотела сеять среди людей сомнения. В общем, однажды вечером уже после того, как мы закрылись, я нашла мисс Адамс в лаборатории. Она плакала.

— С ней кто-то был?

— Нет. Я забыла телефон. Вечно везде его оставляю. Пришлось просить Эстель впустить меня.

— Кто такая Эстель?

— Уборщица. Милейшая дама.

— Мисс Адамс тоже Эстель впустила?

— Нет, что вы! Она же администратор. У нее ключи от всех местных дверей.

— И то верно. А она не сказала, что случилось?

— Нет. Эстель понятия не имела, что мисс Адамс до сих пор там.

— Нет-нет. Мисс Адамс. Она не говорила, что произошло?

Кэти покачала головой:

— Нет. Только извинилась, схватила сумочку и выскочила в коридор. Но я знаю, каково ей. Порой нужно хорошенько выплакаться, а в больнице нет ни единого места, где можно побыть наедине с самим собой. Так что я понимаю, почему мисс Адамс пришла сюда в такое время.

— Согласна. Вы больше ничего не заметили? Может быть, мисс Адамс выглядела как-то потрепано, словно на нее напали?

— Даже не знаю. Честно говоря, близко мы с ней не знакомы. Но теперь, когда вы об этом сказали, я начинаю думать, что на нее и правда могли напасть.

— Почему?

— У нее на юбке была кровь. Совсем чуть-чуть. Как будто она пыталась стереть упавшую каплю.

— Понятно. — Я покрутилась в поисках камер видеонаблюдения. — Почему вы раньше не рассказали об этом полиции?

— Я же была в отпуске, только что вернулась. Понятия не имела, что произошло с мисс Адамс, пока не пришла сегодня на работу. А потом сразу поняла, что должна с кем-то поговорить.

— Большое спасибо. — Я пожала ей руку. — Можно вам позвонить, если у меня появятся вопросы?

— Конечно! — просияла Кэти. — Помогу, чем смогу.

— Вот моя визитка. Звоните, если что-нибудь вспомните.

— Вы частный детектив?

— Так точно.

— Класс! Хотела бы я быть частным сыщиком.

Доверие к Кэти таяло с каждой секундой. Она из любителей помогать. Точнее из тех, кто ради внимания навязывает свою помощь, даже если никто не просил. И все же информация, которую она мне дала, вполне могла помочь в расследовании.

Выходя из больницы, я набрала Паркера.

— Мне нужны записи с камер, сделанные вечером девятнадцатого числа.

— С какого этажа?

— Со всех. На юбке Эмери видели кровь, а сама она плакала, закрывшись в лаборатории. Найдите эту юбку. Если на Эмери напали, то все будет на записи.

*Решения я принимаю, как белка,
которая перебегает дорогу.*

Мем

Перед тем как опросить медсестру-героиню из детского дома, я заехала в «Кофейный спутник» и дозаправилась. Осталось только придумать, зачем я суюсь в детдом.

— Ты можешь якобы искать ребенка для усыновления, — предложила Куки.

— Холодно. Да и вряд ли усыновление начинается с личных визитов.

— Тогда прикинься филантропом, который ищет, куда пожертвовать денег.

— Тут совсем мороз.

— Ну пардон. Так-так, а может, будешь репортером, который хочет написать о медсестре огромную статью?

Я задумалась.

— А вот это может и прокатить. Раньше о ней писали тонны статей.

— Кстати, никаких упоминаний о болезнях я не нашла. Она никогда не была замужем, и у нее нет своих детей.

— Ясненько. Спасибо, Кук. Позвоню, если узнаю что-нибудь интересное.

— Будь осторожна.

Выйдя из Развалюхи, я первым делом направилась в кабинет администрации, чтобы отметить и узнать, работает ли сегодня медсестра, она же Флоренс Риццо. По поводу репортера пришлось передумать — сотрудникам детдома это могло не понравиться. Поэтому, когда у меня спросили, кто я такая, я ответила:

— Консультант полиции. У мисс Риццо может быть информация по делу, над которым я сейчас работаю.

Технически, я не солгала. Правда, в моих словах подразумевалось, будто к упомянутому делу меня привлекла полиция, но ведь напрямую я этого не говорила.

Похоже, женщину за столом удивить было невозможно.

— Дальше по коридору и направо.

Что ж, это было легко.

— Спасибо.

Итак, мне оставалось лишь считать медсестру, так сказать, с чистого листа до того, как я заикнусь о чередности смертей. Девочка лет шестнадцати с темной кожей и большими экзотическими глазами цвета дымчатого стекла сказала, что медсестра навещает кого-то в медпункте. В ушах так и затрещивал сигнал тревоги. Еще один заболевший ребенок на руках у мисс Риццо, блин.

Когда она наконец появилась, я встала и протянула руку:

— Здравствуйте. Меня зовут Чарли Дэвидсон. Я консультант полиции. Меня привлекли к делу, которое связано с этим детским домом.

— Господи... — отозвалась медсестра с северо-восточным акцентом. — Прошу вас, присаживайтесь.

Флоренс Риццо оказалась полноватой брюнеткой сорока с чем-то лет. Судя по тому, что находилось на ее столе, она была поклонницей «Ред Булл» и комиксов.

Я села напротив и стала ждать, пока она не приберет бардак на столе.

— У вас в медпункте кто-то лежит?

— Да. Бедные дети! — Сложив комиксы в стопку, она постучала ими по столешнице, чтобы стопка стала ровнее, и засунула в ящик. — Грипп. Вы ведь в курсе, что сейчас эпидемия?

— Да. Похоже, все хуже, чем в прошлом году.

— Мне тоже так кажется. От этой напасти никто не застрахован. Черт бы побрал эти простуды! Итак, чем я могу помочь?

Ничего необычного от мисс Риццо я не ощущала, но ведь все только началось.

— В последние годы здесь произошло несколько смертей. Меня наняли разобраться, что к чему.

— Боже правый! — ахнула медсестра, но вместо беспокойства или удивления я ощутила, что она охотно станет сотрудничать.

К сожалению, именно такую реакцию и дают люди с Мюнхгаузеном «от третьего лица». Они жаждут внимания. Жаждут, чтобы в них увидели героев или доведенных до отчаяния жертв. Все ради того, чтобы оказаться в свете софитов. Но что еще хуже — они не понимают, что причиняют вред, а значит, считать с них чувство вины практически невозможно.

— В «Теплом пристанище» действительно было несколько несчастных случаев, и всем им даны объяснения в наших отчетах.

— Да-да, я читала. Но, видите ли, с точки зрения статистики, все это выглядит несколько... необычно.

— Еще как! — кивнула мисс Риццо в знак полнейшего согласия, а потом, словно у нее в голове загорелась лампочка, спросила: — Вы ведь не думаете, что здесь имеет место злой умысел? Некоторые из детей были тяжело больны. — Она словно начала вспоминать имена и мысленно ставить рядом с ними галочки. — Некоторые погибли в результате несчастных случаев. Слава небесам, у нас есть миссис Очоа. Если бы не она, могла бы случиться очередная трагедия.

— Кто такая миссис Очоа?

— Наша завхоз. На днях упала стопка дров. Маленького Руди чуть не раздавило, но миссис Очоа вовремя успела его оттолкнуть. Он сейчас тоже в медпункте с ушибом ноги. В остальном с ним все в порядке. А еще у нас были самоубийства. Два, если точнее. Вы должны понять: все эти дети из неблагополучных семей. Порой они просто-напросто не справляются и думают, что единственный выход — это лишиться себя жизни. — Из глаз мисс Риццо брызнули слезы. — Когда произошли те случаи, меня здесь не было.

— Мне казалось, вы проработали здесь больше десяти лет.

— Все верно. Я о том, что меня не было в доме. Первое самоубийство потрясло стены нашего учреждения. Директор пребывала в таком отчаянии, что едва пережила этот кошмар. Я тогда была в Делавэре в гостях у родственников.

Так и знала, что не ошиблась с акцентом.

— Второй стала Сиси... Бедняжка. Я думала, у нее все хорошо. Она попала к нам после трудностей в приемной семье. Поначалу не доверяла ни единой живой душе, но все же прекрасно приспособилась к новой жизни. В ту ночь, когда Сиси наложила на себя руки, у

меня был выходной. Страшная трагедия...

Я ничегошеньки не понимала. Во всех этих смертях не было ничего общего. Несчастные случаи, суициды, странные болезни. Ни рифмы, ни ритма. По крайней мере я ничего такого не видела.

— Кто обнаружил детей, совершивших самоубийства?

— Первого, мальчика по имени Гивенс, нашел его сосед по комнате. Вторую, Сиси, в женском туалете на первом этаже увидела миссис Очоа и так расстроилась, что сразу позвонила мне. Но в ту ночь была страшная метель. Я едва добралась.

— А как насчет других?

— Простите?

— Кто нашел детей, погибших в результате несчастных случаев?

— Ах, вы об этом! Значит, одной из них была подруга Мэтью — Эбби. Он ее и нашел. Роберто обнаружил наш техник, Джоуи. Была еще одна девочка, настоящая красавица, когда не красила так густо глаза. Она заболела и однажды так внезапно потеряла сознание, что мы едва успели вызвать скорую. А еще...

Медсестра продолжала говорить, а я сидела и пыталась свести воедино факты. «Паучье чутье» подсказывало, что мисс Риццо не лжет. Казалось, она искренне расстроена. Неужели все это простое совпадение? Может быть, и не было здесь никакого злого умысла. Может быть, этот детдом преследуют неудачи. Может быть...

Внезапно меня осенило. Я закрыла глаза и чуть не пнула себя от досады, что бываю такой тугодумкой. Расправив плечи, я откинулась на спинку стула. Несчастные случаи. Болезни. Самоубийства, совершенные детьми, чье поведение даже не намекало на признаки депрессии.

— Миссис Дэвидсон, с вами все в порядке?

— Да. — Я открыла глаза. — Прошу прощения, мисс Риццо...

— Зовите меня просто Флоренс.

— Флоренс. Понимаю, вопрос странный, но вы, случайно, не замечали, чтобы дети перед смертью вели себя как-то необычно?

— Нет. — Медсестра задумалась. — По крайней мере так сразу и не вспомню.

— Я замечала.

Я обернулась и увидела девочку, которая проводила меня в эту комнату.

— Ты что это удумала, Малайя? — Мисс Риццо встала, явно намереваясь прогнать девочку. — Бегом обратно в медпункт. — Потом она повернулась ко мне. — У бедняжки с утра высокая температура.

— Их как будто подменили, — успела сказать Малайя перед тем, как мисс Риццо подтолкнула ее туда, где, видимо, находился медпункт.

В яблочко!

— Что ж, — подскочила я, — не буду больше отнимать у вас время.

— Как скажете. Удачи вам в расследовании.

— Спасибо. Можно Малайе проводить меня до выхода?

— Полагаю, вреда от этого не будет. Но потом мигом в постель, юная леди.

Девочка улыбнулась:

— Хорошо, мэм.

Мы прошли несколько метров, и только потом я спросила:

— Что ты замечала, солнце?

— Те, кто проклят, перестают быть собой. Они меняются.

Я села на стул под кабинетом администрации и, чтобы выиграть время, притворилась, будто завязываю шнурки. Малайя присела рядом.

— Как меняются?

— Поначалу все медленно. Они как будто сходят с ума, много болеют, а потом начинают происходить всякие ужасы.

— А после ужасов сколько проходит времени, прежде чем у кого-нибудь еще начинают проявляться симптомы?

— Ну, какое-то время все тихо. Мы все гадаем, кто же следующий. Недавно думали, что настал черед Хэзер, но она исчезла. Сбежала. Жаль, что я не такая смелая.

— Ты смелая, солнышко. Ты ведь сейчас разговариваешь со мной.

— Это не смелость.

— А по-моему, еще какая!

Малайя посмотрела на женщину, стоявшую дальше по коридору. Я предположила, что это и есть местный завхоз, миссис Очоа.

— Они не обращают на нас внимания. Притворяются, будто им не все равно, но это неправда. Мы сто раз пытались рассказать о проклятии, но никто и слушать не стал.

— Зато я готова слушать и слушать. И вообще, я одно сплошное ухо. Нет, я вся из ушей, как кукуруза из початков. Считай, ты сорвала ушной джекпот.

Малайя едва заметно улыбнулась, но эта полуулыбка была полна печали.

— Ты знаешь, кто сейчас под проклятием?

Она кивнула и поджала губы, чтобы не показывать, как дрожит подбородок.

— Хьюго, мой младший брат. Он сейчас тоже в медпункте. Потому-то я и притворилась, будто у меня температура.

Гадство. Я положила руку Малайе на спину и спросила:

— Как тебе удалось сымитировать температуру?

— Надо всего лишь перенастроить термометр и положить на лицо грелку до прихода мисс Риццо. — Я рассмеялась, а Малайя добавила: — Однажды я перестаралась, и термометр показал, что у меня температура — сорок пять градусов. Я либо должна была умереть, либо впасть в кому.

— Вот видишь? — улыбнулась я. — Ты смелая. Ты многим рисковала, чтобы быть рядом с братом.

— Да не особенно... — Ее голос сорвался, словно сбилось дыхание.

— А можно мне с ним увидеться? Так сказать, в стиле инкогнито?

— То есть чтобы я проводила вас к нему тайком?

— Ага.

Выражение ее лица превратилось в маску решительности. Малайя велела мне идти в уборную, сама меня проводила и сказала ждать.

— С места не сойду. И не влезай из-за меня в неприятности. Я сто тысяч причин могу придумать, как меня угораздило тут заблудиться.

Малайя куда-то умчалась. Я было подумала воспользоваться местными удобствами, но понятия не имела, сколько будет отсутствовать моя поделница, поэтому решила воздержаться.

Секунд тридцать спустя она вернулась:

— Готовы?

Я кивнула. Малайя второпях повела меня по одному коридору, потом по-другому, и я поняла, что сейчас мне бы не пришлось ничего выдумывать. Я действительно заблудилась. Ориентироваться на местности я умею точно так же, как и сдерживать свои желания и порывы. То бишь не умею вообще.

— Сюда, — позвала девочка и прокралась в темную комнату.

Из шести кроватей три были заняты.

— Он там, — показала Малайя, но зря побеспокоилась.

Ее брата я заметила, как только мы вошли.

Мы стали тихонько подходить ближе, но не успели дойти до кровати, как вдруг мальчик сел и посмотрел на нас. То есть на меня. И все мои страхи подтвердились.

Внутри мальчика сидел демон — тварь в три с лишним метра ростом, хотя брат Малайи был ниже раза в два. Но, как и сказал Рейес, правила этого мира не действуют на существ из других измерений. Каким-то непостижимым образом тело мальчика целиком и полностью подходило острозубому гаду в черной чешуе. Человеческие тела этим ублюдкам всегда подходят.

Я присела на край кровати, но мальчик лишь смотрел на меня пустым взглядом. Глаза у него были того же невероятного цвета, что и у сестры, только блестели лихорадочно и болезненно.

— Что случилось, Хьюго? — спросила у брата Малайя.

— Ты права, солнце, — сказала я и взяла ее за руку. — На твоём брате лежит проклятие. Но я могу его снять.

Рука девочки взметнулась ко рту.

— Ты должна мне довериться, хорошо?

Малайя кивнула.

— Я собираюсь поговорить прямо с проклятием, и мои слова могут оказаться не очень добрыми. Но они никоим образом не предназначены для твоего брата.

Я снова взглянула на Хьюго, на демона внутри него, и отпустила руку Малайи. Она села на соседнюю кровать и так сильно вцепилась в край матраса, что побелели суставы. Не удивлюсь, если Хьюго и есть вся ее семья.

— В последнее время ты плохо себя ведешь, правда? — спросила я у твари.

Рот мальчика искривился в ехидной ухмылке, и я переместилась чуточку глубже в другое измерение.

— Я могу свернуть ему шею, — сказал демон голосом Хьюго, правда, на арамейском языке.

Малайя понятия не имела, что только что проговорил брат, но напряглась с ног до головы.

Я тоже заговорила на арамейском:

— Уходи и не смей возвращаться. Тогда, может быть, я оставлю тебя в живых.

— Сама уходи, — отозвался демон, словно мы тут в игры играем. — И тогда, может быть, мы оставим тебя в живых.

Что ж, он был не такой тупой, как подавляющее большинство ему подобных. Он знал: стоит хоть на долю секунды лишиться защиты в виде тела мальчика — ему несдобровать. Честно говоря, я на это и не надеялась, а лишь отвлекала гадину, чтобы опустить руку к полу и дожидаться, когда под ладонью окажется Артемида.

В ту же секунду ротвейлерша метнулась под кровать и, оскалившись, но не издав ни

звука, приготовилась к атаке. Мальчик склонил голову, гадая, что я задумала, а я остановила время и кивнула. Артемида прыгнула прямо сквозь грудь Хьюго и вырвала из него демона.

В замороженном времени тварь беспомощно застыла, но, как только ее вырвали из укрытия и мой свет коснулся мерзкой кожи, мгновенно приспособилась к текущей реальности, завизжала и скорчилась в челюстях моей хранильницы. Обнажив смертельно острые зубы, демон рванулся ко мне, но промахнулся. Огромная голова запрокинулась, спина выгнулась назад так сильно, что я услышала хруст. А может, его успела перекусить пополам Артемида.

— Зачем? — спросила я, когда гад на глазах начал рассеиваться дымом. — Зачем вы это делаете?

Благодаря последнему отчаянному усилию демон посмотрел на меня:

— Чтобы выжить, пока мы ждем. Во тьме сокрыто множество таких, как мы.

— Чего вы ждете? — спросила я, но останки демона уже развеялись, как пепел на ветру. — Чего вы ждете?!

В меня с оглушительным ревом врезалось время, а мгновение спустя пришел в себя окружающий мир.

— Хьюго! — запаниковала Малайя. — Как ты?

Он моргнул и тряхнул головой:

— Говорил же, все в порядке. Вечно ты себя накручиваешь.

Девочка с надеждой посмотрела на меня. Я кивнула:

— Все будет хорошо. Все прошло.

На ее щеке появилась ямочка.

— Правда-правда?

— Правда-правда.

Она вскочила и бросилась обнимать брата. Тот похлопал ее по макушке, словно не знал, как реагировать. Может быть, ему даже было неловко. Похоже, они нечасто обнимаются, но, с другой стороны, какие братья и сестры не скупятся на объятия?

В знак одобрения я погладила Артемиду, после чего она воспользовалась моими ногами в качестве трамплина и нырнула прямо в стену. Опять без синяков не обойтись.

— Что вы здесь делаете?

Мы одновременно повернулись и увидели Флоренс. Вот только вид у Фло был не очень довольный.

— Я хотела познакомить ее с Хьюго, — пролепетала Малайя.

— Простите, — сказала я, поднялась и двинулась к двери. — Малайя ничего плохого не сделала.

— Ничего страшного, миссис Дэвидсон, — успокоилась мисс Риццо и посмотрела на мальчика. — Хьюго у нас знаменитость.

— Серьезно? — удивилась я.

Мальчик улыбнулся от уха до уха:

— Я изобретатель. Хочу создать карманный приборчик, который превращает соленую воду в пресную. Когда из-за глобального потепления растают ледники, мы сможем пить воду, в которой будем плавать. Ну и не умрем от жажды.

— И у него точно все получится, — добавила мисс Риццо.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась я.

Я рассказала медсестре, а потом и директору, что нашла Хэзер, и что она скоро

вернется. Но в полицию все равно пришлось бы звонить, потому что администрация детского дома уже написала заявление о пропаже девочки. Поэтому я звякнула дяде Бобу. Я могла бы объяснить, что произошло, а он мог бы сделать так, чтобы ни на кого не навешали обвинений. Однако Диби смылся на какое-то расследование, и пришлось вызывать другого офицера.

Потом я позвонила Хэзер с Пари и поделилась новостями о том, что проклятия больше нет и оно никогда не вернется. Ей-богу, думала, она расплатится. Пари, а не Хэзер.

Пари ее привезла, после чего я битый час объясняла офицеру, о каком проклятии речь, и почему Хэзер считала, что умрет, если не сбежит. Как я и думала, чувак над нами посмеялся, но заверил, что, как только оформит рапорт и уберет имя Хэзер из списка без вести пропавших, никаких проблем возникнуть не должно.

Немало времени потребовалось, чтобы убедить саму Хэзер, что ей никогда не грозило никакое проклятие, и что оно никогда больше не вернется.

— Пари сказала, что вы не из этого мира, — ошарашила меня девочка, когда мы остались одни.

— Ну, отчасти — да.

— А еще сказала, что вы из другого измерения.

— Отчасти — из другого.

— И что там вы как принцесса.

Ладно, с этим даже я могу смириться.

— Типа того, ага.

— Хотела бы я видеть ваш свет, как видит Пари.

Радуюсь, что Хэзер этого света не видит, я покачала головой и подумала о Пип. О том, через что ей придется пройти только потому, что она будет отличаться от остальных. Лично я никогда не хотела быть какой-то другой, но расти с такими способностями очень и очень непросто.

— Я рада, что ты его не видишь. А Пари, кстати, не умеет держать язык за зубами.

Недомогание Хэзер, как выяснилось, объяснялось обычным гриппом. Она поправится. А я вынуждена признать, что радость, которая хлынула из мисс Риццо при виде Хэзер, согрела мне сердце. Сотрудники «Теплого пристанища» заботились о своих подопечных. Пусть не всегда это показывали, но переживали за них по-настоящему.

Наобнимавшись со всеми подряд, мы с Пари наконец направились к своим машинам.

— У тебя такой вид, — сказала я подруге, — словно тебя переехал грузовик отчаяния.

Та пожала плечами:

— Мне вроде как нравилось, что она рядом.

— Ага, мне тоже. Слушай! А вдруг у них есть какие-нибудь социальные программы типа для старших сестер? Если да, то мы могли бы приезжать и тусоваться с детьми.

— Думаешь, такие программы есть? — просияла Пари.

— За спрос-то денег не берут.

— Точно!

Не говоря больше ни слова, она помчалась обратно в детдом поговорить с директором.

*Я была готова покорить мир,
пока не заметила что-то блестящее.*

Надпись на футболке

Оставив Пари в детдоме, я погрузилась в надежды где-нибудь на бескрайних просторах родины отыскать Ошекиэля, но не прошла и двух шагов, как позвонила Куки.

— Дом тирольских штанишек Чарли.

— Говорить можешь?

— Наверное, да. Хотя местами могу шепелявить. Недосып. А в целом, чувствую себя неплохо.

— Азартные игры.

— О да, детка! Вегас. Блек-джек. Мужики-стриптизеры.

— Мистер Адамс.

— Ну, пусть тоже едет, но в отеле жить будет отдельно.

— Из-за азартных игр все его деловые потуги завершались провалом.

Я застыла на полушаге.

— Хочешь сказать, у него проблемы с азартными играми?

— Не просто проблемы, а огро-о-о-о-омные! Он в долгах как в шелках. Причем не в хорошем смысле.

Неужели в таких случаях бывает хороший? А теперь вопрос на двадцать тысяч долларов:

— Кому он должен?

— Мне удалось выяснить только имя его букмекера. Дэнни Трехо^[24]. — Я молчала, поэтому Куки добавила: — Прошу прощения. Увидела фамилию Трехо и разволновалась. Букмекера зовут Умберто Трехо.

— Да ла-а-адно! Вряд ли, конечно, это тот самый Умберто Трехо, с которым я училась в школе. А где, кстати, ты откопала эту информацию?

Ей-богу, Кук меня сразила наповал.

— У меня свои источники.

— Которые дядя Боб?

— Ага. Они там у себя вроде как тоже занимаются делом Адамс.

— А я думала, он ничего о расследовании не знает.

— Ну, по участку слухи ходят. Так он мне сказал.

— С какой стати он поделился с тобой этими слухами, после того как угрожал нас обоих арестовать?

— Я ему пообещала невозможно особенное свидание.

— Куки, — усмехнулась я, — ты так быстро растешь!

Планы по выслеживанию Оша опять пришлось отложить. Я сделала пару звонков и отправилась в дыру на Митчел, которая так и называлась — «Дыра». Согласно моим источникам, именно там Умберто и проворачивал свои делишки. А если так оно и есть, то я вполне могу догадаться, на кого работает этот жадный до наживы адвокатишка, у которого руки по локоть в банке с заплесневелыми печеньями, как у самого продажного конгрессмена.

В «Дыре» сидело несколько мужчин. Практически каждый сразу повернулся ко мне, потому что давно укоренившаяся в их мозгах паранойя мигом подняла свою уродливую голову. Наверняка отстойно быть преступником и подозревать каждого встречного. Есть ведь и более спокойные способы зарабатывать на жизнь.

Не глянул на меня только один невысокий и коренастый чувак, который просматривал какие-то записи в блокноте. Прямо к нему я как ни в чем не бывало и направилась.

— Да это же сам Зумберто!

Так мы обзывали его в школе, потому что у парня явно зудело шило в заднице. Он и пары минут не мог просидеть на одном месте. Ей-богу, его можно было бы снимать в рекламе таблеток от СДВ.

Умберто ошарашенно оглянулся:

— Чарли Дэвидсон?

— Каждый божий день. Как жизнь?

Я села на три табурета дальше — поближе к выходу и свободе на случай, если придется срочно делать ноги. Все взгляды по-прежнему были обращены ко мне. Слишком пристальные, слишком тяжелые, будто каждый из присутствующих был готов подвергнуть меня пыткам, лишь бы выудить какую-то информацию. Ну или просто подвергнуть меня пыткам забавы ради. Паранойю тут можно было хоть топором сечь.

Умберто явно стало не по себе.

— Нормально. Сама как? Слыхал, на копов ишачишь.

— А я вот могу только догадываться, на кого ишачишь ты.

— Ни на кого. Я тут хозяин. — Где именно «тут», он показал, вздернув подбородок, как натуральный гангстер.

— Ладно, давай перефразируем. Кто тебя в букмекеры завербовал?

Рот Умберто скривился в беззаботной ухмылке, а сам он пожал плечами:

— Знать не знаю, о чем речь. И кстати, валила бы ты отсюда подобру-поздорову.

Я пересела на один табурет ближе.

— Видишь ли, я пришла с официальным визитом. Не хотелось бы наблюдать, как в это местечко нагрянут с рейдом. — Поцокав языком, я осмотрелась по сторонам. Повсюду грязные деревянные столешницы и мутные зеркала. Неровные полы и замызганные, расшатанные бильярдные столы. — Жалко будет, если тебя лишат такой роскоши.

— Роскошь не роскошь, а дело свое это место делает. Какого хрена ты мне угрожаешь? Мы же вроде в школе здорово ладили.

— Это да. — Я бы даже рискнула сказать, что мы с Умберто были друзьями. Мне всегда нравились клоуны. — Но это было до того, как ты заделался букмекером. Долги тоже сам выбиваешь?

Это бы объяснило, почему в столь ранний час в забегаловке такая концентрация раскаченных мышц.

— Дэвидсон, чего тебе от меня надо?

Я придвинулась еще на один табурет ближе. Умберто жестом остановил чувака, который шел к нам и явно собирался скрутить меня в бараний рог.

— Ну, например, чтобы ты рассказал мне, что за сделка у тебя с одним из твоих клиентов.

— А может, с одним из твоих, мисс частный детектив?

— Неужто ты интересовался моими делами?

— Делать мне больше нечего! Просто ты как-то выручила моего кузена. — Внезапно отбросив всю эту гангстерскую показуху, Умберто как будто смягчился: — Ему шили похищение, препятствие правосудию и еще кучу всякого дерьма. А ты доказала, что его подставила одна чокнутая баба. Ты, Шарлотта Дэвидсон, крутая телка.

— Быть того не может! — Я оказалась на табурете прямо рядом с Умберто. — Ты двоюродный брат Сантьяго? Я же по нему кипятком писала!

— Как и все. Черт, да за этим *pendejo*^[25] девки в школе толпами таскались! — Умберто кивнул бармену. — Будешь что-нибудь?

— Водички бы. У меня... была интересная ночь. Сушит не по-детски.

— Бывает. Так какого тебя ко мне принесло?

— Мне нужны сведения по одному из твоих клиентов.

— Вряд смогу что-то сказать, но так и быть, вываливай.

Я задумалась, как можно сформулировать вопрос, чтобы не показаться чересчур навязчивой, но ничего путного в голову не пришло.

— Сколько тебе должен Джефф Адамс?

Умберто смотрел куда-то вперед. На его губах расплзлась ленивая улыбка.

— Понятия не имею, о ком речь.

Так и знала, что не работает.

— Тогда, может, скажешь, должен ли он тебе денег?

— Я всего лишь принимаю ставки. Если он, скажем так, должен кому-то из организации, то точно не мне.

— Ага, ясно.

Честно говоря, Умберто действительно не производил впечатления того, кто стоит у руля. Я решила воззвать к семейным ценностям.

— Это очень важно. Погибла его дочь.

Умберто стиснул зубы, поставил свой стакан на стойку и повернулся ко мне. Потом придвинулся ближе, положил руку мне на бедро и наклонился, пока его губы не оказались в миллиметре от моих.

Только никакой похотью от него и не пахло. Он проверял, нет ли на мне прослушки. Под свитер пробралась рука, прошла по животу, по Угрозе и Уилл. Хорошо, что я не из застенчивых. Кого-нибудь вроде Куки подобные манипуляции могли бы выбить из колеи. А вот меня? Да пусть хоть целый день обыскивает, если на этом все и закончится. И если в итоге он скажет то, что мне нужно знать.

Проведя ладонью по моей спине, Умберто засунул пальцы за пояс джинсов чуть дальше, чем было надо, и подтянул меня к себе так близко, что наши ширинки соприкоснулись. Тут у него вспыхнула искорка похоти, но совсем крошечная. Он никогда не был в меня влюблен, и мы оба это знали.

Я подалась вперед, чтобы Умберто мог прижаться ртом к моему уху. Все вокруг умолкли и замерли, наблюдая за бесплатной эротической постановкой.

— Я говорю все это только потому, что со смертью девчонки мы никак не связаны.

— Лады.

Умберто продолжал меня обыскивать, но уже наглее, словно хотел узнать, как далеко может зайти. Засунув руку мне между ног, он погладил шов на джинсах большим пальцем.

— Чувак торчит Фернандо чертову тонну бабла. Проигрался в пух и прах, но продолжал ставить снова и снова. Закапывал себя все глубже и глубже. А оказаться на дне с Фернандо не хочет никто.

— Ты мог бы не принимать у него ставки.

— Ага, как же! Если Фернандо говорит братъ, я беру. У чувака, похоже, папаша из богатеньких, вот Фернандо и придумал план.

— Хреново все это звучит.

Умберто прихватил губами мочку моего уха. От пушка на его физиономии стало щекотно, и я чуть не рассмеялась.

— Короче, его последняя ставка была огромной. Он считал, что в игре будет какая-то подстава, благодаря чему он поднимет триста кусков.

— Ни черта себе!

— Фернандо принял ставку. Сказал Адамсу, если тот проиграет и опять не заплатит, он начнет убивать всех, кто ему дорог. И начнет с дочери.

— Умберто... — прошептала я, начиная переживать из-за того, во что он себя втянул, и схватилась за рукав его куртки.

Он прижал меня еще сильнее.

— Ты не поняла. Когда игра пошла не по плану Адамса и девушка действительно умерла, Фернандо ужасно расстроился. Практически слетел с нарезки, *querida*^[26]. Одно время думал, что без разрешения постарался кто-то из его людей. Но поверь мне, ничего такого не было. Фернандо... каждого допросил.

Я отстранилась и смерила Умберто подозрительным взглядом.

— Умберто, ты уверен, что Фернандо ни при чем? Если так, то все это офигеть какое странное совпадение.

— Сама у него спроси, *querida*. Вот увидишь, я не вру.

— Ладно. А ты не влезай в неприятности, о'кей?

Отпустив меня, Умберто развел руки в стороны.

— Как всегда. Я белый и пушистый, детка.

Когда я встала с табурета, мужики вокруг рассмеялись, а Умберто опять схватил меня за руку и шепнул на ухо:

— Все это шоу мне, вообще-то, было ни к чему.

— Мы с тобой оба знаем, что это не так.

Он провел пальцем по моей нижней губе и облизал его, как будто слизывал остатки шоколада.

Меня пришибло шоком. Никакой похоти от Умберто я не ощущала, как бывает с парнями, которые на самом деле испытывают ко мне интерес. Только потом до меня дошло почему. Он испытывал не похоть, а что-то намного глубже и серьезнее.

Умберто прижал мою ладонь к своей груди.

— Однажды ты разбила мне сердце, *querida*. Теперь приходится его защищать. Так что вали отсюда на хрен.

Игриво подмигнув, он отвернулся, а мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять:

он не шутил.

Выходя из «Дыры», я усердно копалась в мозгах, вспоминая, как и когда я успела разбить ему сердце. Назвать нас друзьями было бы, конечно, преувеличением. Мы общались. Я знала его, он — меня. Но мы никогда не обращали друг на друга больше внимания, чем было необходимо.

Развалюха, просыпаясь, замурлыкала чуть громче, чем «боинг». Я собиралась ехать обратно в офис разведать, что за персонаж этот Фернандо, как вдруг пришла эсэмэска. Видимо, от Умберто. В сообщении говорилось, что Фернандо готов встретиться со мной через два часа. Был там и адрес.

Отвечать я не стала.

Время еще оставалось, задачка по выслеживанию Фернандо отпала сама собой, поэтому я поехала домой к мистеру Адамсу. Как, бога ради, я могла так ошибиться на его счет? Я ведь приняла его за человека, твердо стоявшего на ногах. За прекрасного отца. За столпа общества. Но даже его собственный отец не сказал о нем ни единого хорошего слова.

Знал ли мистер Адамс — старший, что мистер Адамс — младший законченный игрок, каким бы клише это ни было? Сомневаюсь, иначе старший мне бы сказал. И все же как можно так глубоко увязнуть в азартных играх, проигрывать снова и снова, чтобы никто об этом не знал? По крайней мере те, с кем я говорила, точно ничего не знали.

Мы созвонились с Куки и обсудили все, что ей удалось нарыть на мистера Адамса, пока меня беспардонно лапали. Жизнь у этого человека была яркой и красочной с уймой неудач. И неудач этих было как-то чересчур много.

Когда я постучала, мистер Адамс сам открыл дверь. Вид у него был бледный и измученный, как будто он собирался просто взять и зачехнуть. Его живьем пожирало чувство вины. Должно быть, Умберто ошибался насчет своего босса. Наверняка это дело рук Фернандо.

— Миссис Дэвидсон, — поздоровался мистер Адамс, придерживая для меня дверь. — Нашли что-нибудь, чтобы оправдать Лайла?

— Пока нет, но я уже близко.

Мы сели в захлавленной гостиной, где повсюду были разбросаны журналы. Корзина для белья стояла на диване. То тут, то там валялись грязные тарелки. Чистым был только аквариум с черепахой. Пришлось побороть желание с ней познакомиться.

— Мистер Адамс, я решительно настроена выяснить, что произошло с вашей дочерью, но мне нужна ваша помощь.

— Конечно. Сделаю все, что в моих силах.

— Видите ли, я заметила, что в последние годы вам тотально не везло. С вами происходили странные и очень неприятные события. Например, вы сломали ногу, вывихнули плечо, а на какой-то стройке лишились двух пальцев.

Мистер Адамс сложил руки.

— Миссис Дэвидсон, как эти несчастные случаи связаны с моей дочерью?

— Сэр, вы обещали говорить правду. — Он ничего не сказал, и я добавила: — Я считаю,

что все это действительно связано с вашей дочерью и с одной из сделанных вами ставок.

Едва я договорилась, мистер Адамс разрыдался в полотенце, которое лежало на диване. Его плечи так тряслись, что я бы не удивилась, если бы у него внутри рассыпались все ребра.

— Я все-таки сделал ставку, — еле-еле проговорил он. — Не думал, что он на такое способен.

— Вы говорите о человеке, который сломал вам ногу и отрезал пальцы?

— Это не Фернандо. — Мистер Адамс показал мне руку с отрезанными мизинцем и безымянным пальцем. — Это был другой букмекер. В другом городе и в другое время.

— И долго это продолжается?

— С младших классов. Я постоянно играл на деньги. То и дело меня отсылали домой за игру в кости на школьном дворе. Я днями не покупал себе обеды, лишь бы потом на что-нибудь поставить.

— Неужели отец не пытался вам помочь?

Мистер Адамс горько рассмеялся, и его смех был насквозь пропитан болью.

— Я никогда не соответствовал его высоким требованиям, и он никогда не давал мне об этом забыть. Адамсы не нуждаются в помощи. Все проблемы Адамсы решают сами.

— Вы поэтому так себя вели? Вроде как в отместку отцу?

— Не знаю. Знаю только, что собственными руками сделал ту ставку. И подписал дочке смертный приговор. — По его лицу опять потекли слезы.

— Мне очень жаль, мистер Адамс, но все это только слухи. Они не помогут снять обвинения с Лайла Фиске. Улик против него слишком много. Чтобы Лайла отпустили, нужны серьезные доказательства. Нужна настоящая гарантия.

Очень может быть, такая гарантия у меня уже есть. Надеть прослушку на встречу с Фернандо я не могу, но, может быть, мне удастся найти то, что нам поможет. Может быть, я увижу подсказку, которая в итоге оправдает Лайла.

Наверняка это дело рук Фернандо. Кого же еще? Разве что одного из его людей, который считал, что таким образом заручится доверием босса. А когда Фернандо запаниковал и стал допрашивать народ, перепуганный до смерти энтузиаст заткнулся и залег на дно.

Если виновный будет на встрече, я это почувствую и на крайний случай расскажу все Фернандо. Очень может быть, мне удастся убедить убийцу сдаться полиции со всеми потрохами.

Уже собравшись уходить, я заметила в углу гостиной ружье и сразу смекнула, что к чему.

— Прошу прощения, можно мне стакан воды?

— Разумеется.

Как только хозяин ушел из комнаты, я написала Паркеру: «Я дома у Адамса. Срочно приезжайте». Паркер ответил: «У меня встреча. Буду через час».

Супер. И как мне отвлекать мистера Адамса целый час? У меня, кстати, тоже назначена встреча.

Втягивать в это Куки я не могла. Дибби занят. Тащить сюда Пари я тоже не имела права, потому что уже втянула ее по самую макушку в дело Хэзер.

Что ж, выбора не осталось.

Когда мистер Адамс вернулся, я целилась в него из ружья.

— Что происходит? — забеспокоился он, и не зря.

— Сядьте, — велела я и, прямо как в фильмах, махнула ружьем в сторону дивана.

Мистер Адамс и не думал слушаться. Вместо этого он отпил воды, которую принес мне, и развел руки в стороны, смиряясь с участью.

Вот черт! Такого я не ожидала. Для человека, который и так собирается себя убить, нацеленное на него ружье — как ранний подарок на Рождество.

Вечно хорошая мысль приходит ко мне позже, чем надо.

— Я не шучу, — процедила я сквозь зубы, надеясь, что так буду выглядеть убедительнее.

— Сделайте это. Прошу вас.

В глазах мистера Адамса снова заблестели слезы. Я ужасно на него злилась, но все равно мое сердце зашлось от боли.

Тяжело вздохнув, я начала опускать ружье, но внезапно вспомнила о черепахе в аквариуме, улыбнулась и прицелилась в нее.

— Сядьте.

Слава богу, мистер Адамс понятия не имел, что я скорее застрелю его, чем черепашку.

*Герб моего клана — халатик с завязками сзади.
Это нормально?*

Почти факт

Связав мистера Адамса, я положила перед ним на стол его же телефон.

— Когда я уйду, позвоните в полицию. Носом. Поверьте, у вас получится.

— Зачем вы это делаете?

— Затем, мистер Адамс, что вы представляете опасность для самого себя. Паркеру я тоже позвонила. И кстати, у меня встреча с Фернандо. Поэтому я буду очень признательна, если до того, как звонить копам, которые меня, несомненно, арестуют, вы повремените минут двадцать.

— Вам нельзя с ним встречаться, — запротестовал мистер Адамс. — Миссис Дэвидсон... Чарли, он плохой человек. Только посмотрите, что он сделал с моей девочкой! Прошу вас...

— Мистер Адамс, это единственный способ снять с Фиске все обвинения. Я должна найти настоящего убийцу.

Под натиском горя мистер Адамс опустил голову.

Так я его и оставила, надеясь, что в доме нет второго ружья, а Паркер приедет именно тогда, когда обещал. На всякий случай я звякнула дяде Бобу, рассказала, что связала человека ради его же блага и попросила послать к мистеру Адамсу патрульного минут, эдак, через двадцать.

Перед тем как повесить трубку, я услышала сердитое «То есть как это ты его связала?!».

Я объехала по кругу весьма симпатичный домик для района, известного среди местных как «зона военных действий». Уровень преступности здесь просто зашкаливает.

Я постучала в переднюю дверь. Дом был построен из самана, на подоконниках виднелись цветочки, а стены обвились плющом. Сам домик был небольшой, но выглядел гораздо симпатичнее большинства домов в этом райончике.

— Сюда, — позвал какой-то мужчина и жестом показал обойти дом и через ворота пройти на задний двор.

— Вы Фернандо? — спросила я и, не получив ответа, добавила: — Значит, неразговорчивая куча мышц.

На заднем дворе какой-то мужчина лет пятидесяти с чем-то помахал мне вилкой для барбекю. Оставалось лишь надеяться, что вилка не станет причиной моей смерти.

— Я Фернандо.

Минуточку. Я же вроде как бессмертная. Не может он меня убить какой-то там вилкой.

Секунду спустя у мужчины в руках оказался двадцатисантиметровый разделочный нож. А вдруг таким ножичком у него все получится?

— А я Чарли.

Фернандо явно не мешало бы побриться. Седеющие волосы он собрал в хвост на затылке, а на нем самом была цветастая гавайская рубашка поверх самой обыкновенной

майки. Солнышко, конечно, периодически показывалось, но погода явно не располагала ни к гавайским рубашкам, ни к барбекю. Короче говоря, Фернандо оказался совсем не таким, как я ожидала.

— Вы совсем не такой, как я ожидала.

Он усмехнулся и повернулся к грилю, где жарились ребрышки. Вокруг Фернандо за клубился дым, и мой рот тут же наполнился слюной, но не так критично, чтобы пускать слюни в открытую.

— Разве вы не будете обыскивать меня на предмет прослушек?

Он опять усмехнулся:

— По-моему, Умберто с этим уже справился. Слышал, вы считаете, что я убил дочь Адамса.

— Больше не считаю.

Фернандо поглазел на меня через плечо и жестом предложил присесть за стол.

— Вот и хорошо, потому что я ее не убивал. Я, конечно, угрожал, но только потому, что Адамс плохо меня знает и понятия не имеет, что я бы никогда ничего подобного не сделал.

Из дома выскочила стайка детей и пронеслась мимо нас. Девочки с визгом убегали от мальчишек, которые норовили испачкать их грязными руками.

— Abuelo^[27]! — крикнула одна из девочек. — Помогите!

— Ау, mi'jita^[28]! Ну-ка быстро прекращайте и возвращайтесь в дом.

Дети промчались обратно.

— Прошу прощения.

Я покачала головой:

— Не стоит. Они чудесные.

— Итак, — продолжил Фернандо, вытер полотенцем руки и сел рядом со мной, — если вы мне верите, то зачем пришли?

— Интересуюсь вашими людьми. Вы точно всех допросили?

— Всех до единого. Никто из моих ребят этого не делал. Да и зачем вообще кому-то убивать девушку?

— Ваши люди сейчас здесь?

— Те, кому я больше всех доверяю, да. Но у нас обширная сеть сотрудников.

Понадобится немало времени, чтобы всех собрать. Умберто говорит, вы умеете вытаскивать из людей правду.

— Можно и так сказать.

— Я тоже умею.

Ни капельки не сомневаюсь.

— Вы не против, если я допрошу ваших людей?

— Всех? Вообще-то, против. К тому же, лишь горстка моих ребят в курсе, что именно я говорил Адамсу, а они никогда не станут трепаться за пределами внутреннего круга.

Одним лишь жестом Фернандо приказал своим людям выйти на улицу. У них явно был выходной. Одет каждый был вполне обыкновенно, а в руках держал либо чипсы, либо пиво.

— Ходячие мертвецы, — сказал Фернандо.

Я осмотрела группу из семи человек, где все, кроме одного, были латиноамериканцами.

— А как по мне, выглядят они весьма неплохо. Или вы собираетесь убить их попозже?

— Я о сериале. Сейчас по телевизору как раз марафон. Мы празднуем.

— Ясненько.

Такое объяснение казалось куда логичнее, чем тот сценарий, что я успела выдумать.

— Они в вашем полном распоряжении, — слегка насмешливо улыбнулся Фернандо.

— Что ж, спасибо.

Я медленно встала на ноги и смерила всех тяжелым взглядом. Большинство из них с трудом сдерживались, чтобы не рассмеяться. Один не выдержал и все-таки хохотнул, но быстро пришел в себя и выпрямился.

— Кто-нибудь из вас убил Эмери Адамс?

Все по-прежнему спокойно стояли, а один изо всех сил замотал головой, явно насмехаясь над ситуацией.

Я пошла вдоль ряда, останавливаясь перед каждым мужчиной и задавая один и тот же вопрос. Зуб даю, они решили, что я чокнутая. Но это ничего. Меня и похуже обзывали.

Не добившись ничего, что указало бы на виновного, я проговорила:

— А вы, видимо, тут все главари. Капитаны, да?

Клоун ткнул рядом стоявшего парня кулаком в плечо и поправил:

— El Capitán^[29].

Фернандо бросил на него сердитый взгляд, а мне оставалось лишь удивляться, что чувак до сих пор дышит.

— Племянник, — объяснил Фернандо. — Не знаю, что с ним делать.

— Понятно. Скажите-ка мне, ребята, вот что. Исключительно для ясности. Кто из вас слышал, как Фернандо угрожал...

— Не по-настоящему, — вставил босс.

— ... мистеру Адамсу?

Получив добро от хозяина, двое подняли руки. Остальные пятеро понятия не имели, о чем речь. Я махнула рукой, отпуская их, и спросила у первых двоих:

— Вы точно никому ничего не говорили? Просто это очень уж странное совпадение, что Фернандо угрожал мистеру Адамсу буквально за две недели до того, как погибла Эмери Адамс.

— По-моему, вы не понимаете, как все устроено, — сказал один из оставшихся.

Это был тот самый здоровяк, который проводил меня на задний двор. Второй был моложе, скромнее и намного привлекательнее. Ну просто до невозможности красивый тип. Готова биться об заклад, что и внешность, и должность он получил благодаря родственным связям. Той дерзостью, которой несло от остальных, от него и не пахло.

— Мы не рассказываем дома подружкам, чем занимались днем на работе.

— Неужто никто из вас не женат?

— Женам тоже не рассказываем, — ухмыльнулся здоровяк.

Молодой тихо рассмеялся, а до меня дошло, что я не могу его разгадать. Его эмоции значительно отличались от эмоций всех остальных.

— Значит, в тот момент, когда вы, Фернандо, угрожали...

— Не по-настоящему.

— ... мистеру Адамсу, рядом находились только эти двое парней? А потом... — Я не договорила. На меня снизошло озарение. — Где происходил этот разговор?

— В его доме, — ответил Фернандо. — Нам пришлось нанести Адамсу визит, когда Умберто рассказал, какую серьезную тот планирует инвестицию.

Мне пришлось опять сесть. Правда, которой меня осенило, не хотела укладываться в голову. Вот только других объяснений не было.

— Простите, что побеспокоила, Фернандо. Кстати, у вас ребрышки подгорают.

— Твою налево! — Он подскочил и побежал к грилю.

Я тоже встала и направилась к выходу, но здоровяк кивнул молодому, и тот проводил меня до Развалюхи. Мне хотелось сказать ему что-то ободряющее, в чирлидерском духе, но позитивные напутствия точно не мой конек. К тому же, узнай он, что я все поняла, стресса у него только прибавилось бы.

В общем, я всего лишь поблагодарила парня, и он пошел обратно. Правда, разок оглянулся, словно переживал, что я все знаю, поэтому я быстренько усталилась в телефон.

Чувак был копом под прикрытием. И с задачей справлялся на ура. Я ни за что бы его не раскусила, если бы не знала, что такой уровень стресса, как у полицейских под прикрытием, редко встретишь в обычной жизни. Причем переживают они из-за того, что большинство людей вообще не замечают. Это как дать тест Роршаха сотне детей и получить абсолютно одинаковые ответы от всех, кроме одного. А все потому, что этот один-единственный ребенок из ста видит мир совершенно иначе.

Копы под прикрытием все видят с дюжины разных углов, чего не скажешь о среднестатистическом человеке. Потому что копы обязаны так смотреть на все, что их окружает. От этого может зависеть их жизнь. Под прикрытием не знаешь, кому доверять. Постоянно нервничаешь из-за того, что тебя могут разоблачить. Никогда не знаешь наверняка, чем закончатся дружелюбные подшучивания — пожиманием рук или пулей в голову. Да уж, не хотелось бы мне оказаться на месте этого парня.

Как только он свернул за угол, я набрала Паркера, который опять пребывал на грани взрыва. Но у меня не было времени на его истерики.

— Паркер, вы получили записи с камер в больнице?

— Вы его связали.

— Он собирался наложить на себя руки.

— А если он выдвинет обвинения?

— Пф-ф! Ничего он не выдвинет. У него имеются более серьезные причины волноваться, чем тот факт, что я целилась в него из ружья.

— То есть вы признаете, что наставили на него оружие.

— Паркер, какого хрена?! Вы получили записи или нет?

— Получил. Зачем они вообще вам понадобились? Там ничего нет.

— На Эмери никто не нападал? И она ни с кем не ссорилась?

— Нет. На записях зафиксирован весь ее рабочий день. Правда, с самого утра у нее был расстроенный вид. А еще она выходила ненадолго поужинать.

— Значит, она ушла и вернулась?

— Да.

— И что потом?

— Пошла к себе в кабинет, где нет камер. А когда вышла, направилась напрямик в лабораторию. Похоже, Эмери плакала. На записи она вытирала лицо.

Я прижалась лбом к рулю.

— Паркер, я такая дура...

Он и не думал возражать. Козел.

— Кажется, я знаю, что произошло, но нужно еще кое-что проверить.

— Что? Сейчас же выкладывайте!

— Говорю же, нужно кое-что проверить.

Если я ошиблась, то буду выглядеть не просто дурой, а законченной идиоткой, поэтому решила не озвучивать свои подозрения вслух.

— А вдруг вам на голову хренов кирпич упадет? Сейчас же все рассказывайте, черт вас дери!

— Я все расскажу, обещаю. Дайте мне время до вечера.

— Дэвидсон...

Пока он не засыпал меня угрозами по самую макушку, я нажала «отбой» и позвонила Куки.

— Ты жива! — с облегчением выдохнула в трубку подруга.

— Ага. Мы с Фернандо сходу поладили. Ты проверяла финансы мистера Адамса — старшего?

— Само собой. Как он тебе и говорил, пару лет назад он распродал практически все имущество и ликвидировал свои акции.

— Практически? — переспросила я, не зная, что делать: улететь на седьмое небо в кофине надежд или нырнуть на дно глубокого уныния.

Еще чуть-чуть, и это дело могло серьезно усложниться.

Опять отложив поиски Оша, я, не выходя из машины, перекусила чем-то смахивавшим на куриные палочки, потом так же, не выходя из машины, разжилась стаканом мокко латте и поехала исследовать красоты природы. Провести в пути мне предстояло чуть больше двух часов. Но если я права (а мне нравилось так думать), то поездка будет ненапрасной.

Я и до шоссе I-25 не доехала, как вдруг заметила на хвосте очень знакомый салатовый минивэн, тормознула на стоянке для дальнобойщиков и стала ждать. Однако ко мне минивэн не подъехал, а остановился на ближайшем перекрестке.

Выйдя из Развалюхи, я потопала напрямик к охотникам за привидениями.

Они тут же запаниковали. За выражения их лиц можно было смело отвалить полцарства и коня в придачу. Когда до минивэна осталось метра три, охотники, как по указке, уставились в лобовое стекло и попытались завести тачку, как будто меня и не заметили. А я-то думала, это из меня актриса никудышная.

Я постучала в окно с водительской стороны, и все трое растерянно переглянулись.

— Опускай! — гаркнула я через стекло.

Минивэн был из стареньких, поэтому Тристану, единственному охотнику за привидениями из этой банды без брата, пришлось крутить ручку. Опускаясь, стекло скрипело и визжало. Возникла долгая и крайне неловкая пауза, в течение которой мне оставалось лишь стоять и бороться с улыбкой. Не хотелось смущать ребят. Точнее не хотелось смущать их еще сильнее.

— Разве мы с вами все это не обсудили? — спросила я.

Тристан до сих пор не поднял головы, а когда все-таки посмотрел на меня, при виде милого и обеспокоенного лица мое сердце совсем смягчилось.

— Мы... мы за вас переживали, — запнувшись, сказал он.

Всем троим хватило вежливости напустить на себя пристыженный вид.

— С чего вдруг?

— Из-за команды из Франции.

— Без обид, — добавил один из братьев, — но одним поцелуем их не отпугнуть.

Я рассмеялась:

— Может быть, но я в состоянии сама о себе позаботиться. Честное слово.

— Мы видели, как некая сущность швыряла вас, будто тряпичную куклу. Вы ввязались в опасное дело.

— Думаешь? А можно мне задать один вопрос?

Все трое в унисон кивнули.

— Сами-то вы когда-нибудь видели собственными глазами что-то необычное?

— Постоянно, — ответил Яго. — Хотя с Тристаном такое случается гораздо чаще.

— Серьезно? И с каких пор?

— С двух лет. Я чувствую, когда мертвые рядом.

Пришлось подавить очередную улыбку.

— Да неужели?

Привязавшийся к Тристану призрак — здоровенный парень с дикой прической и в смиренной рубашке — практически сидел у него на коленях и сердито смотрел на Тристана. Молча, не мигая и не шевелясь. Просто сверлил и сверлил взглядом.

Я призраков вижу постоянно, но даже мне это показалось жутковатым.

— В последнее время ты что-нибудь чувствовал? Может быть, вы недавно заглядывали в психушку или в старую тюрьму?

Тристан просиял от моей догадки:

— Точно! У нас было задание в заброшенной лечебнице в Кентукки.

— И с тех пор, — подключился один из братьев, — с нами постоянно происходят странности.

— Например?

— В основном с Тристаном, конечно. Он периодически ощущает холодные области и невидимые касания.

Я наградила Айзека тяжелым взглядом:

— Что вы оттуда забрали?

— Мы никогда и ничего не забираем.

Яго счел нужным вмешаться в разговор:

— Мы городские исследователи. Мы всегда оставляем все в том же виде, в каком находим.

Я вопросительно изогнула бровь и посмотрела на парня, сидевшего ко мне ближе всех:

— Тристан, ничем не хочешь поделиться с классом?

— Я? Нет. Мне скрывать нечего.

— Ты взял что-то с места расследования? — спросил Яго, веря Тристану не больше, чем я. — Чувак, это фигово по всем статьям.

— Да всего лишь несчастного оловянного солдатика! — огрызнулся Тристан. — Больше ничего.

— Дай посмотрю, — потребовала я и щелкнула пальцами, потому что он не послушался сразу.

Очень неохотно Тристан достал солдатика из кармана джемпера. Джемпера, блин! Они носили джемперы. Ну все, я точно хочу их всех усыновить. Они явно слишком много раз

пересмотрели «Охотников за привидениями», но разве часто в наши дни встретишь такую преданность делу?

Яго посмотрел на друга так, словно впервые его увидел:

— Ты носишь оловянного солдатика в кармане?

— И она это знала, — сказал Айзек и расхохотался так, что согнулся пополам.

Как я и думала, пока Тристан отдавал мне игрушку, лихорадочно блестящие глаза призрака были прикованы к ней. Я положила солдатика на ладонь и поднесла ближе к мертвому парню.

— Короче говоря, — начала я, глядя на Тристана, — у тебя два варианта. Ты можешь вернуться в лечебницу и положить игрушку туда, где взял, или я могу приманить призрака, который таскается за тобой бог знает сколько, перейти.

— То есть как это — приманить перейти? — спросил Айзек.

Тристан покачал головой:

— Что вы там о призраке сказали?

— У тебя есть тень. Правда, это мой личный термин. Иными словами, к тебе привязался призрак, потому что ты забрал его солдатика.

— Умоляю, скажите, что это метафора для его девственности, — еле-еле сквозь смех выдавил Айзек.

— Значит, вы его видите? — Глаза Тристана заблестели от любопытства. — И для записи: я не девственник.

— Парень большой, смахивает на ребенка-переростка. У него светлые взъерошенные волосы. И он косит на один глаз.

— Вы можете заставить его перейти на другую сторону?

— Ага. И скорее всего так и сделаю. Он совсем потерянный.

Тристан положил обе руки на руль.

— Если так для него лучше, то вы просто обязаны это сделать. И... не могли вы ему сказать, что я прошу прощения?

— Ты только что сам сказал.

Я засунулась в минивэн и за подбородок повернула к себе лицо призрака, но его взгляд по-прежнему был прикован к солдатiku. Очень осторожно я подтянула парня к себе и выпустила наружу энергию. За секунду до того, как перейти, он посмотрел мне прямо в глаза. Причем его глаза так широко распахнулись, словно впервые за долгое время он увидел что-то по-настоящему.

Мои веки опустились, и я собралась с духом. Его жизнь наверняка была нелегкой. Но то, что я увидела, переплюнуло все ожидания.

Как и большинство детей, он был счастливым ребенком, пока однажды не проглотил краску. Ему стало очень плохо. Врачи сказали, что он не выкарабкается. Но он все-таки выжил, правда, изменился навсегда. Свинец из краски повлиял на мозг, и, как любой ребенок-инвалид, парень стал мишенью для насмешек и издевательств. Отец его был властным и постоянно сердился, а робкая и забитая мать потакала любому капризу мужа.

На долю парня выпало слишком много разочарований и обид. Его постоянно третировали. Никто его не понимал. Он пытался сказать родителям, что хочет есть, пить, или что ему больно, но у них не было ни сил, ни желания его терпеть.

В конце концов, когда он вырос в огромного и неуправляемого человека, его сдали в лечебницу и посадили на психотропы, раз и навсегда приглушив всякие порывы. Лекарства

сдерживали его намного эффективнее, чем смирительные рубашки. Из всех сил он пытался выбраться из дремучего леса, но лишь оказывался все глубже и глубже.

Он ждал, что родители за ним вернуться, но они так и не пришли.

Вынырнув в реальность, я с трудом сделала вдох и прислонилась к минивэну, чтобы не упасть под натиском тяжелого горя.

Последнее, что я увидела, — это как парня обнимали бабушка и дедушка, которых при жизни он никогда не видел. Но все это долгое время они его терпеливо ждали.

Я все еще пыталась отдышаться. По щекам потекли слезы. Стукнув по машине кулаками, я уткнулась носом в рукав свитера. Печаль не уходила, тисками стискивая грудь.

— Миссис Дэвидсон...

Это был Тристан. Он стоял рядом и, оказывается, поддерживал меня, не давая упасть.

— Пардон, — прохрипела я. — Обычно такого не случается.

Повернувшись, я увидела на всех трех лицах беспокойство, сдобренное серьезной долей любопытства.

— А что сейчас случилось? — спросил Айзек, и Яго ударил его кулаком в плечо.

Я протянула солдатику Тристану:

— Он хотел, чтобы это осталось у тебя. Сейчас он в лучшем месте, чем та адская бездна, которую устроили у него в голове. — Закрыв глаза руками, я еще на минуту поддалась переполняющему сердце горю. — Да, теперь он в лучшем месте.

Сделав несколько освежающих вдохов, я отлепилась от минивэна. Тристан опять мне помог, а с другой стороны меня уже держал за локоть подоспевший Яго.

— Надо запомнить на будущее: прежде чем впустить в мозги человека в смирительной рубашке, стоит получше подготовиться.

*Если с первого раза не получилось,
уничтожьте все свидетельства тщетных попыток.*

Стивен Райт[30]

Не сразу, но до меня все-таки дошло: только что я подлила масла в огонь, и без того горевший буйным пламенем в кружке охотников за привидениями. Пока они провожали меня до Развалюхи, я чувствовала, с каким трудом им дается не засыпать меня миллионами вопросов. Ушли они, только когда убедились, что я могу вести машину. Но что-то подсказывало, что это трио еще вернется.

Вбив в навигатор адрес, который прислала Куки, я снова направилась туда, куда так и не доехала. Оставалось лишь надеяться, что до места я доберусь засветло. Впрочем, вряд ли навигатор поможет там, куда держали путь мы с Развалюхой. Слава всем богам, она у меня полноприводная.

Солнце уже начинало садиться, когда я после четырех поворотов не туда все-таки нашла нужный съезд. Семь минут и пять ухабистых километров спустя я заметила маленький деревенский домик, уютно примостившийся у подножия горы. Это было излюбленное место охотников всех мастей, поэтому в большинстве хижин не было ни электричества, ни водопровода. Хотя, зная мистера Адамса — старшего, в этом доме наверняка было все.

Из трубы вовсю валил дым, вот только тот, кто проживал сейчас в домике, сидел во дворе в шезлонге, наслаждаясь последними лучами солнца.

Чтобы рассмотреть тачку в свете моих фар, Эмери Адамс выпрямилась и приложила руку козырьком ко лбу. Судя по всему, к ней периодически приезжал кто-то в гости, потому что мое появление ничуть ее не удивило. Пока Эмери не поняла, что я не тот, кого она ждала.

Вскочив на ноги, она потуже затянула на себе куртку. Порывом ветра с лица сдуло не очень длинные, до плеч, волосы цвета жженого сахара. Черты оказались мягкими и красивыми, но настороженными. Эмери Адамс явно умела контролировать выражение лица.

Я вылезла наружу и потопала прямо к ней. Эмери занервничала и огляделась по сторонам, будто собиралась броситься наутек. Вот только куда ей бежать? Двинет в лес — природа ее не пощадит. Когда Эмери это поймет, то мигом передумает, а потом ей придется долго и нудно искать дорогу обратно.

Оказавшись достаточно близко, чтобы говорить и при этом не орать на всю округу, я решила представиться:

— Привет, мисс Адамс. Меня зовут Чарли Дэвидсон. Я приехала сообщить вам, что ваш превосходно приведенный в действие и работающий как часы план нарвался на препятствие.

— Понятия не имею, о чем речь.

— Лайла Фиске вот-вот посадят в тюрьму за ваше убийство.

Обе руки Эмери взметнулись к лицу.

— А поскольку вы вполне себе живы-здоровы, то, может быть, мы с вами подумаем, как снять с него обвинения.

— Нет, — выдавила Эмери, не отнимая от лица рук, и села на стул. Возникло впечатление, будто руками она пытается отгородиться от привезенных мной новостей. — Нет. Его не было в городе. Почему его подозревают?

— Потому что из города он так и не уехал.

Наконец она на меня посмотрела.

— Нет-нет, он точно уехал! — Ее недоумение было таким мощным, что я могла его потрогать. — Он был в аэропорту. Я его там видела.

— Через приложение? — уточнила я, пробираясь сквозь кусты поближе. Эмери кивнула, и я добавила: — Он приехал в аэропорт, даже начал проходить контроль, но почувствовал что-то неладное, передумал лететь и вернулся в город.

Пальцы Эмери сжались в кулаки по обе стороны от губ.

— Нет.

Я присела рядом с ней.

— Если ты не вернешься со мной, он попадет за решетку до конца жизни.

Эмери крепко зажмурилась.

— Я этого не хотела. Никогда не хотела причинить ему вред.

— То есть, по-твоему, вести о твоей гибели не причинили бы ему никакого вреда? Даже совсем чуть-чуть?

— Я о том, что не хотела во все это его вовлекать. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Я пыталась с ним порвать, но не смогла.

Как по мне, странное по всем статьям заявление, но я решила на нем не заикливаться.

— Лайл не имеет к этому никакого отношения. Всему виной мой отец.

Я тоже так думала.

— Что ж, если тебе от этого полегчает, твоего отца раздирает на части от чувства вины. Он даже собирался наложить на себя руки.

Явно отказываясь сочувствовать тому, о ком мы говорили, Эмери с вызовом приподняла голову. Но я все равно уловила, как внутри нее разрастается боль. Эмери изо всех сил пыталась обмануть одну из нас, и уж точно не меня.

— Он бы никогда не покончил с собой. Кишка тонка.

— Так или иначе, он убит горем.

— Он считает, что виноват в убийстве. Мне хотелось, чтобы он почувствовал то же, что почувствовала я, когда он все-таки сделал ту ставку.

— Значит, ты подслушала разговор отца с Фернандо.

Эмери кивнула:

— Ему сказали прямым текстом: если он и на этот раз проиграет и не сможет заплатить, никто и не подумает прийти за ним. Убьют меня. И знаете, что он сделал?

Я опустила голову, потому что очень хорошо знала ответ на этот вопрос.

— Он все-таки сделал ставку. — Дыхание Эмери сбилось. — Он, черт возьми, поставил на кон мою жизнь!

— Мне очень жаль, Эмери.

Она свернулась в клубок и проплакала так долго, что от ночного холода на ее щеках стали замерзать слезы. Я проводила ее в дом, сварила по старинке кофе и, передав ей чашку, сказала:

— Честно говоря, изобретательный ты придумала план.

— Видимо, недостаточно изобретательный, раз вы его раскусили, — покачала головой

Эмери и вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Поверить не могу, что Лайла обвиняют в моем убийстве.

— Он не смог с тобой связаться и, чтобы найти тебя, использовал приложение. Но ведь таков был твой запасной план, верно?

Она кивнула и взяла чашку обеими руками.

— Я не знала, найдет ли кто-нибудь мою машину, поэтому рассчитывала, что Лайл расскажет полиции о приложении, которое поможет меня найти. Машину должны были обнаружить копы, а не он. И уж точно не в тот же день. — Она взглянула на меня. — Как вы обо всем догадались?

— Заметила несколько подсказок. Во-первых, твой телефон был подключен в машине к зарядке. Лайл упоминал, что у тебя сотовый из тех, что продолжают заряжаться, даже когда двигатель заглушен. А еще он сказал, что идея с приложениями принадлежала тебе. Не сразу, конечно, но я все-таки поняла, что приложение ты установила не просто так.

Эмери смущенно опустила голову.

— С пути меня сбила фишка с кровью, — продолжала я, — пока я не поняла, где именно тебя видели в слезах. В лаборатории. Двумя днями ранее ты сдавала анализ крови. Об этом рассказал при допросе лаборант. Так зачем же тебе снова туда возвращаться? Ты не была беременна, количество лейкоцитов превышало норму, но никаких инфекций не обнаружили. Не раз тебя видели на грани обморока, и ты принимала железосодержащие препараты.

Слушая меня, Эмери ни разу не возразила.

— Если ты пришла в лабораторию просто выплакаться, то откуда у тебя на юбке взялась кровь? Вот о таких подсказках я и говорю. И долго ты собирала свою кровь?

Я уже знала, что она копила кровь. Подсказали лейкоциты. Сдавая кровь, человек теряет красные кровяные тельца, и организм сам восполняет недостаток эритроцитов. Кровь, обмороки, железо. Вывод напрашивался сам собой.

— Две недели. Я точно знала, сколько мне понадобится, чтобы все поверили, будто я не пережила нападение. Накопилось недостаточно, но я добавила другую кровь и хорошенько пропитала смесью сиденья.

— А сам план ты придумала когда?

— В тот же день. Когда отец сделал ту ставку, что-то внутри меня умерло. Но ваши слова все равно не объясняют, как вы вышли на мой след. Что меня выдало?

— Началось все с разговора с Фернандо. Он сказал, что угрожал твоему отцу за две недели до того, как ты исчезла. А все твои друзья и близкие рассказали, что примерно с того же времени ты стала странно себя вести. Я всего лишь сложила два и два. А еще в машине, кроме крови, не было ничего. Ни фрагментов кожи, ни волос, ни серого вещества.

Эмери закрыла глаза.

— Я об этом думала. Но резать на кусочки собственную плоть или каким-то образом достать дольку своего мозга... Нет, точно не вариант. Даже если бы я взяла все это в морге, рано или поздно судмедэксперты поняли бы, что образцы не мои.

— Кстати, тебе, наверное, захочется продать машину.

— Господи! Поверить не могу, что Лайла арестовали. — Она уронила лицо в ладони. — Он меня возненавидит. Я... я все испортила. Все разрушила. Ради этого человека! Он, этот человек, опять выиграл. Не знаю как, но он всегда выигрывает. — Подбородок Эмери задрожал. — Был один случай, когда он подарил мне по-настоящему классный CD-плеер.

Мне было лет двенадцать. Я знала, конечно, что счастье долго не продлится. Отец проиграл то ли на скачках, то ли в каком-то баре и пришел забрать подарок, чтобы заложить. А мне так нравился этот плеер, так не хотелось его отдавать, что в итоге я спрятала его под полом. Знаю, глупость несусветная. Я ведь даже послушать его не могла. Но мне ужасно не хотелось с ним расставаться, вот я и сказала, что его украли. Что кто-то вломился в дом, пока отец был на работе, и забрал плеер. Через два дня я вернулась из школы, а плеера нет.

Когда Эмери снова посмотрела на меня, глубоко бурлящая в ней ярость отразилась в глазах.

— Он ничего не сказал. Даже не упомянул о плеере. Никто из нас о нем и не заикнулся. Мы просто-напросто жили дальше, словно никакого плеера у меня никогда не было. Но CD-плеер — это одно, а моя жизнь... — Ее голос сорвался. — Он поставил на кон мою жизнь, как какую-то вещь. Одноразовую вещь. Как будто я сама одноразовая. Он заслужил всю ту боль, которую сейчас в себе носит.

С этим я уж точно спорить бы не стала. Пока Эмери собирала вещи, я приготовила омлет с беконом. Она все продумала. Ничего не взяла из дома, а купила все новое — от одежды до туалетных принадлежностей.

Ели мы в печальной тишине.

— Я разрушила свою жизнь. Все разрушила из-за этого человека.

— Может быть, и нет, — возразила я, прикинувшись великим мыслителем.

— То есть? Меня точно арестуют. Я потеряю работу. Не говоря уже о будущем с Лайлом. — Эмери покачала головой. — Он был самым лучшим в моей жизни.

— Зачем тогда ты пыталась с ним порвать?

— Чтобы не втягивать в происходящее.

— Ага, так я и думала. А может быть, мы попробуем слегка отклониться от твоего плана? Ты умеешь врать? И как ты относишься к боли?

Через два часа декорации были готовы. Я кивнула Эмери, она кивнула в ответ, и я взялась за телефон.

— Паркер, — сказала я в трубку, тяжело дыша и сглатывая, будто бегу, — я была права. Срочно приезжайте. Срочно! И вызовите скорую. Она жива!

Наспех описав, куда ехать, я нажала «отбой», и мы приготовились ждать в темноте.

— Медики точно не выяснят, что не вся кровь твоя?

— У них нет ни времени, ни ресурсов проверять каждую каплю в машине на ДНК. Немало усилий понадобится только выяснить, достаточно ли крови я потеряла, чтобы умереть. — Эмери протянула руку, прошуршав веревкой на запястье по полу склада. — Не знаю, как тебя и благодарить, Чарли.

— Дай отцу второй шанс.

— Тогда ты нескоро увидишь от меня благодарность.

— Понимаю, — печально отозвалась я.

— Может быть, когда-нибудь... И я собираюсь все рассказать Лайлу. Не о тебе, разумеется. О том, что я все подстроила, а потом позвонила тебе, например. Он должен

знать, во что ввязывается.

— И как, по-твоему, он все это воспримет?

— Не знаю. Но вряд ли хорошо.

Где-то вдалеке слышались сирены.

— Ты уж как-нибудь постарайся до него донести, что сделала все, чтобы не втягивать его в это дело.

— Постараюсь.

Мы дождались, пока машины не остановились у склада.

— Минуточку! — успела сказать я до того, как ворвались копы с пистолетами наголо. — Не хочешь как-нибудь выпить кофе?

— Еще как хочу!

Мы стукнулись кулаками, после чего я подхватила Эмери под мышки и потащила к выходу, но по пути споткнулась, и мы обе грохнулись на пол как раз в тот момент, когда на нас упал луч первого фонарика.

— Сюда! — заорала я, мысленно молясь, чтобы все получилось.

Пусть говорят, будто оранжевый — это новый черный, но на цвет моего лица он оказывает эффект по-настоящему варварский.

Появился и дядя Боб. Я знала, что он сходу поймет, что что-то не так, но Джоплин ему не нравился как раз настолько, чтобы Дибби было наплевать. Эмери мигом уволок в машину скорой, а меня допрашивали несколько лет кряду.

Если все получится, я сама себе пообещала взять несколько уроков по актерскому мастерству. А еще делать добрые дела и перестать высмеивать людей за то, что они вешают на себя уйму уродских цацек. В нашу пользу могло сыграть только одно: в тот день, когда Эмери приехала в домик у горы, она упала в овраг. Поэтому на ней уже было несколько серьезных ушибов и ссадин, плюс одна длинная и глубокая рана вдоль ноги от сломанной ветки. Это могло сослужить нам хорошую службу.

И все равно мне пришлось над ней местами надругаться. Точнее я пыталась. В итоге Эмери обозвала меня слабачкой и почти все сделала сама.

— Еще раз, — не унимался Джоплин, — как это так «случайно» вышло, что ты наткнулась на мою без вести пропавшую?

Мы проходили это уже миллион раз. Но Джоплин тоже чуял что-то не то, вот и пытался сбить меня с толку. Дать ему повод меня арестовать. Ага, разбежалась.

— Я получила наводку от своего информатора, что какую-то женщину держат здесь против ее воли за карточные долги ее отца.

Это придумала сама Эмери, чтобы разбавить ложь немалой толикой правды. А поскольку долгов у мистера Адамса завалились, в том числе и карточных, то кто разберется, какой из букмекеров мог ее похитить?

— Отца хотели запугать, вот и разбрызгали по машине кровь Эмери вместе с той, которую выкрали из банка крови. Я приехала сюда, обыскала местность, а потом услышала чей-то голос из склада. Вломилась и нашла Эмери. Это ж, елки-палки, не ядерная физика.

Джоплин.

— Будешь продолжать в том же духе, Дэвидсон, я...

— Мне сейчас показалось, или ты угрожал моей племяннице? — Голос дяди Боба звучал спокойно, но внутри Дибби весь кипел от злости. — Она сделала то, что тебе оказалось не по зубам, Джоплин. Нашла твою пропавшую. А ты ей за это нервы треплешь? Спрашивается, почему? Потому что она за тебя сделала твою работу? — Дядя Боб подошел так близко к Джоплину, что носки их ботинок соприкоснулись. — Еще раз услышу, что ты разговариваешь с ней в таком тоне...

— И что будет? — огрызнулся Джоплин.

Господи, да он нас ненавидит! Интересно, чем я ему насолила?

Подошел капитан, который тоже слегка кипел.

— Джоплин! — гаркнул он, и Джоплин аж подскочил. — Сюда иди, — процедил сквозь зубы капитан, сильно напомнив мне Клинта Иствуда.

О да, это было очень мужественно.

Пока Джоплина чихвостили вдоль и поперек, я обняла Дибби одной рукой.

— Расскажешь, что было на самом деле? — спросил он.

И как он только все понял?

— Я постоянно раскрываю преступления. С чего ты взял, что на этот раз что-то не так?

— С того, что я тоже понял, что задумала Эмери.

— Проклятье! — Я устала дяде Бобу в глаза.

— Не все, конечно, понял, но подозрения имеются.

— Дядя Боб, у Эмери была очень веская причина.

— Знаю, милая, — кивнул он. — И целиком тебе доверяю.

— Правда? И ты меня не сдашь?

— Что я за дядя тогда буду? К тому же, Кук со мной мигом разведется.

Я не сдержалась и рассмеялась:

— Ты действительно мне доверяешь? Прямо во всем?

— За исключением твоих кулинарных способностей. А так да, во всем.

Я ахнула:

— Да я готовила-то тебе раза два в жизни!

— И этого хватило, милая. Уж поверь.

Когда меня наконец отпустили, подъехал Паркер, который до сих пор был на каком-то очень важном собрании. Я слегка встревожилась, потому что понятия не имела, как он будет реагировать на происходящее.

А он ничего не сказал. Только показал мне большие пальцы и вопросительно выгнул бровь. Я кивнула, и он с облегчением провел пятерней по волосам. И часа не пройдет, как Лайл Фиске окажется на свободе. Не завидую я Эмери. Разговорчик им с Лайлом предстоит непростой.

Сев в Развалюху, я двинулась петлять по лабиринту пустых складов, на которые наткнулась чуть больше года назад в связи с другим расследованием. Тогда я даже не подозревала, что эти склады когда-нибудь могут очень пригодиться.

Я свернула направо, заметила в свете фар черный грузовик и сбросила скорость. За грузовиком остановилась еще одна машина, грузовик завелся, развернулся и поехал прочь. Это был Гаррет, а в другой тачке подъехал Хавьер, один из его коллег. Что ж, пришло время выяснить, что к чему.

За Гарретом я ехала аж до его дома и всю дорогу чувствовала, как в жилах кипит кровь. Не в буквальном смысле, конечно, иначе было бы больно. Своупс остановился на своей подъездной дорожке. Я тормознула сразу за ним.

— Чарльз, — поздоровался он, изобразив фирменную ухмылочку.

— Не чарльзай мне. — Я подошла ближе и ткнула его пальцем в грудь. — Почему ты следишь за дядей Бобом?

— Чего-о-о?

Гаррет отвернулся и пошел в дом, а рассерженная донельзя барышня в моем лице не отставала ни на шаг.

— Не строй из себя дурака, Своупс. Какого черта ты сидишь у него на хвосте?

— По работе. Рассказать ничего не могу. Клиент требовал конфиденциальности.

— Чушь собачья. Если бы я следила за твоим дядей, то сказала бы, кто меня нанял.

— Ну и кто теперь несет чушь?

Он прав, черт возьми. Имена своих клиентов я открываю Гаррету только в том случае, когда привлекаю его к делу.

— Мы же говорим о дяде Бобе, в конце концов!

— Нет, о нем говоришь ты, а я собираюсь выпить пива.

И тут, откуда ни возьмись, послышался голос Оша:

— И мне бутылку прихвати!

Я рванула в гостиную и увидела, что Ош преспокойненько играет в видеоигры.

— Что ты здесь делаешь? Почему не присматриваешь за моей дочерью?

— Я проверяю, как у нее дела, каждый час.

— А ты в курсе, сколько всего может случиться за целый час?!

— Мне нужно было привести в порядок кое-какие дела и сверить планы со Своупсом и твоим мужем.

— То есть меня в этот список не включили.

— Включили. Но ты была занята. Мы не хотели тебя отвлекать.

Судя по всему, Ош убил очередного плохого парня. Точнее я надеялась, что парень был плохим. В конце концов, Ош — демон, даэва, и с тем же успехом он может убивать хороших парней.

— Нет у меня сил с тобой спорить. — Я сняла с волос резинку и почесала скальп. — Ужасно долгий выдался денек.

Гаррет принес Ошу пива и предложил сварить кофе. Эти двое через многое прошли вместе с нами. К тому же, Ош был единственным во всем этом мире, кто мог знать о том, как создали Рейеса. А еще и Гаррет, и Ош входили в число моих лучших друзей. И они оба умели хранить секреты.

От идеи выпить кофе я отмахнулась (что для меня, признаю, непривычно) и уселась между Ошем и теликом на кофейный столик (который на вкус, между прочим, ничего общего с кофе не имеет).

— Я высосу твою душу из тела, — пригрозил он.

— Да плевать. У меня к тебе серьезный разговор. Причем серьезный из оперы под названием «Как весь мир канет в небытие».

— Миру грозит полное уничтожение? Опять? — Выключив игру, Ош бросил пульт на столик рядом со мной. — Мы же только что предотвратили одно уничтожение. Может, возьмем перерыв?

Я строго поджала губы.

— Ага, так ты серьезно.

— Я никогда не шучу на тему уничтожения всего мира.

Он сделал большущий глоток пива. Гаррет последовал примеру, потом расстегнул рубашку, сел и скрестил вытянутые ноги.

Какие же они все-таки красивые мальчики!

Закрыв глаза, я собралась с духом и, опять открыв глаза, начала:

— В общем, мне нужно знать все, что тебе известно о создании Рейеса.

Ош нахмурился:

— В смысле, как его создали в аду?

— Да.

Он задумался и откинулся на спинку дивана. Из-за юного внешнего вида Ош очень сильно смахивал на натурального геймера.

— Ну, ничего особенного я не знаю. Люцифер создал его из энергии ада и пламени греха. По крайней мере так говорят.

— Как проходил сам процесс?

— Понятия не имею. А что?

Я тоже села на диван и перевела взгляд с Оша на Гаррета и обратно.

— Я собираюсь рассказать вам самый огромный секрет в моей жизни, который храню несчастных десять дней. Но... я многого не понимаю и не знаю, что делать и к кому бежать. Куки я, конечно же, рассказала, но ей я все рассказываю. Короче говоря, мне нужна помощь.

— Для такого есть специальные учреждения, — отозвался Гаррет, — и лекарства.

Ош рассмеялся, а я так нахмурилась, что заболел лоб.

— Не поняла.

— Ты нас разводишь, — объяснил Ош.

— Сто процентов, — согласился Гаррет.

— Ничего подобного.

Своупс почесал лицо свободной рукой.

— Ладно. И что там за огромный секрет, который приведет к гибели всего мира?

— Ну, он состоит из трех частей.

— Еще пива? — спросил Гаррет у Оша.

— Не-а. А чипсы еще остались?

Господи... Они не принимают меня всерьез! Может быть, наступил час расплаты за все те разы, когда я не принимала всерьез их обоих.

Ну уж нетушки. Живой не сдамся.

— Ребята! — рявкнула я и подняла руки. — Забудьте уже про пиво и чипсы!

— Сегодня по телику вроде игра, да? — спросил Ош.

И мое терпение лопнуло. Я набросилась на Оша и, согнув руку в локте, передала ему горло. Ровно настолько, чтобы перекрыть доступ кислорода, но при этом он не потерял сознание.

— По-моему, она не шутит, — прохрипел Ош.

Добившись наконец безраздельного внимания, я приготовилась рассказать самые поразительные новости с тех пор, как мы узнали, что Земля не центр вселенной. Как вдруг из-под пола выскочила Артемида и бросилась к нам с Ошем. В ее зубах был зажат демон.

От неожиданности я взвизгнула и запрыгнула на диван, как будто увидела мышь. Ош

заполз на спинку. А демон шипел и выл, потому что его живьем сжигал свет вашей покорной слуги.

Гаррет тоже вскочил на ноги, хотя и не знал, что происходит.

Зато Артемиде новая игрушка явно приносила кучу радости. Зарычав, она помотала демона туда-сюда, причиняя ему еще больше боли. И все это время купированный хвостик двигался со скоростью миллион километров в минуту.

Демон начал рассеиваться. Когда мотать и трясти стало нечего, явно довольная проделанной работой Артемида подскочила ко мне с открытой пастью.

— Умница моя, — сказала я, сползая с дивана, погладила ее по голове и обняла за шею, чтобы в шутку побороться. — Между прочим, это ее второй за день.

— Артемида принесла Чарли подарок, — объяснил Гаррету Ош. — Демона.

— И он теперь по дому шастает?! — офонарел Своупс.

— Нигде он не шастает, — огрызнулась я и вместе с ротвейлершей перекатилась через кофейный столик на пол. К сожалению, не я на нее приземлилась, а она — на меня. Из легких вышибло воздух, но говорить мне это не помешало. Да и вообще, говорить мне мало что мешает. — Нет в доме никакого демона, правда, Артемидочка? То есть один, конечно, есть, но... Ты у меня умница, девочка моя. Умница!

— Сейчас ты смахиваешь на сбежавшую из психушки, — заметил Гаррет и снова уселся. — Я вижу только то, как ты катаешься по полу и разговариваешь с ковриком.

— Ты слышала? — спросила я, пока Артемида самозабвенно жевала мою шею. — Он назвал тебя ковриком. Плохой, плохой Гаррет!

Внезапно ротвейлерша замерла и уставилась в неизвестность. Из груди вырвалось низкое рычание, а губы отодвинулись, обнажив ряды смертоносных клыков.

— В чем дело, красавица? — поинтересовалась я, но это ее лишь раззадорило.

Я замолчала и изо всех сил постаралась не рассмеяться. Ведь все это очень серьезно! Ни один чужак не посмеет переступить порог дома, который охраняет Артемида. А если посмеет, то не видать ему пощады!

Я сместилась в другое измерение, но ничего необычного не увидела. Однако моя хранильница, как и любая собака, улавливала любой намек на звук и тут же настораживалась. Пригнув голову, она поползла к окну, а секунду спустя, как выпущенная из ружья пуля, сиганула сквозь стену и исчезла.

Ей-богу, наблюдать за ней одно удовольствие.

Я рассмеялась и заметила, что на меня пялятся Гаррет и Ош.

— Сегодня и правда игра по телику будет, — сказал последний.

— То, что я собираюсь сказать, важнее любой игры. — Я подползла к дивану и опять уселась рядом с Ошем. — Это важнее, чем...

— Да поняли мы уже, — закатил глаза Гаррет. — Полный абзац. Но разве не может этот разговор подождать до конца трансляции?

— Нет. У меня есть план. Но сначала я должна рассказать вам свои секреты. Потому что, если я опишу свой план до того, как расскажу... Короче говоря, просто слушайте. — Я выдержала паузу, чтобы подумать, как именно рассказать о том, что моего мужа и их друга создали из энергии злого бога. Потом собрала волю в кулак и решилась. — Моего мужа и вашего, между прочим, друга создали из энергии злого бога.

Ош глотнул пива. Гаррет задумался. Ош глотнул еще.

— Ладно, давайте-ка я объясню. — Так просто они точно не поймут, чем все это может

для нас обернуться. — Помните, как в Лощине на складе меня пытался убить один из эмиссаров, Куур?

Оба пожали плечами, словно в жизни не слышали вопроса глупее, и отпили из своих бутылок.

Я прикусила губу, закрыла глаза, соскребла со дна бочки храбрости все остатки храбрости и проглотила. Вот-вот я озвучу вслух то, что может изменить судьбу целого мира. Не просто так в пятнадцатом веке божественное стекло спрятали. Монахи, которые похоронили кулон, явно не хотели, чтобы его кто-то отыскал.

— Он не пытался меня убить.

Я не увидела, зато почувствовала, как разрослось любопытство моей аудитории.

— Я ведь бог, и, похоже, убить меня под силу далеко не каждому. Но меня можно заключить в ловушку. Вот Куур и пытался заманить меня в западню. Именно это и случилось со злым богом, из которого Люцифер потом создал себе сына по имени Рейазиэль.

У Оша было нечитабельное выражение лица. Из тех, когда кажется, будто он вообще не обращает ни на что внимания. Но я ощутила, как в нем что-то шевельнулось. Словно кусочек пазла встал на свое место.

— История, значит, такая, — продолжила я. — В отчаянии Бог, который Иегова, сотворил нечто, что потом назвали божественным стеклом. Он создал целое измерение, причем адское, и поместил его в кусочек стекла. Стеклышко выглядит как украшение с опалом. Его невозможно уничтожить. И оттуда абсолютно невозможно сбежать. Только человек или существо, которое засунуло тебя туда, может тебя оттуда выволить. А Иегова создал это измерение, чтобы поймать в ловушку только одного бога. — Я подняла палец. — Лишь одного-единственного бога Иегова хотел заточить в аду. В сплошном небытии, что тянется вдоль вечности.

— И для какого бога был создан этот ад? — спросил Ош.

— Этого я не знаю. Куур рассказал мне далеко не все. Сомневаюсь, что он и сам все знал. Он ведь работал на Люцифера, а принц преисподней наверняка не спешит раскрывать карты кому попало.

— Если стекло создал Иегова, как Люциферу удалось его заполучить, чтобы потом использовать для создания Рейазиэля?

— В том-то и дело, что с этого момента подробности покрыты мраком. По какой-то причине того бога не отправили в божественное стекло, но я понятия не имею, как оно в итоге оказалось в руках Люцифера. А еще не знаю как, но ему удалось поймать в ловушку одного из богов Узана. И все ради одной цели. Создать себе сына. Рейеса.

Я замолчала и стала ждать, когда до слушателей дойдет смысл моих слов.

Никто ничего не сказал, поэтому я добавила:

— Создав Рейеса, Люцифера отдал божественное стекло одному из своих поклонников здесь, на Земле. А он, как вы уже наверняка догадались, использовал вещицу исключительно со злыми намерениями. Однажды группе монахов удалось пленить гада и бросить его в адское измерение. Поскольку стекло уничтожить невозможно, им пришлось пересечь океан и найти укромное местечко, где они месяцами копали стеклышку могилу. Само собой, монахи надеялись, что его никто никогда не найдет.

— И Куур его откопал? — уточнил Ош.

Я кивнула:

— Куур нашел кулон и попытался с его помощью поймать меня в западню. Выслать

меня из этого мира, чтобы Люцифер добрался до Пип. Чтобы смог убить ту, кому предначертано его уничтожить.

— Все это смахивает на какой-то сверхъестественный сериал, — раздраженно процедил Гаррет. — Как, на хрен, такое дерьмо вообще может происходить? Я-то думал, боги хорошие, доброжелательные, отвечают на молитвы и все такое. Но нет же! В этой серии боги злые, одержимые и строят заговоры по уничтожению мира.

— Боги не могут быть одержимыми, — вставил Ош.

— Ну да, простите. Видимо, есть какие правила?

Ош помрачнел:

— Боги Узана, по крайней мере те, которых я видел, и близко не укладываются в понятия Люцифера о них. А получается, что Люцифер взял и использовал одного, чтобы слепить себе сына.

Секунду спустя с Ошем случилось то, чего я никогда не видела. Он побледнел. Вести так его ошаршили, что кровь отлила от лица.

Я уставилась на коврик.

— Все это плохо, да? То есть... даже не знаю. Много ли в Рейесе от злого бога? И сколько в нем самого Рейеса?

Ош так глубоко задумался, что сжал кулаки.

— Минуточку, — вдруг сказал он, — а ты его видела? Видела божественное стекло?

Пождав губы, я полезла в карман и вытащила кулон.

— Я забрала его себе, когда швырнула туда Куура.

Ош застыл с отвисшей челюстью.

— Ты... ты швырнула туда Куура?

— Не делай вид, будто страшно удивлен.

— Прошу прощения. Значит, о Рейесе рассказал тебе Куур? В смысле о том, как его создали?

— Нет. — Я снова стала разглядывать коврик, изо всех сил противясь желанию с любовью поглазеть на кулон. Красивое, чистейшее стекло было как наркотик. Завораживало. Гипнотизировало... А внутри него находился целый ад. — Нет, рассказал не Куур, а папа.

Раздраженное выражение лица Гаррета сменилось беспокойством.

— Именно так ко мне вернулась память. Папа... прошел через меня, чтобы я вспомнила, кто я такая. И чтобы передать информацию, которую собрал, пока шпионил в аду. А узнал он немало. — Я посмотрела на Оша. — Ты и правда всего этого не знал? Не знал, как создали Рейеса?

Он покачал головой:

— Зато это многое объясняет.

— Например?

— Например, почему Рейазиэль так отличался от всех остальных. Он был намного могущественнее всего, что мог сотворить Люцифер. Сильнее даже самого Люцифера, а это вообще какая-то бессмыслица. Никто не мог понять, в чем дело. Дендоры заставили его пройти через ад. Буквально и образно выражаясь.

— Какие еще дендоры?

— Что-то вроде учителей. Тренеры, наставники, только хуже.

— И они заставили Рейеса пройти через ад? Но почему?

— Как знать? Может быть, из зависти. Но он преодолел все их препятствия. Что они

только ни придумывали, чтобы его убить! Избивали, морили голодом, рвали на куски...

— Прекрати! — Я закрыла уши руками, а через несколько секунд спросила: — А что Люцифер? Неужели он просто взял и позволил им издеваться над его сыном?

— Он хотел, чтобы его сын был сильным, поэтому да. Теперь-то я знаю, что дендоры просто-напросто не могли его убить. Что бы они ни делали, он никак не умирал, поэтому испытания с каждым разом становились все более и более жестокими, пока...

— Пока — что? — спросила я, отчаянно желая узнать, как и чем закончились эти издевательства.

— Пока Рейязиэль не положил этому конец, — как ни в чем не бывало ответил Ош. — Однажды ему все это опостылело, и он убил дендоров. Каждому собственными руками свернул шею, будто они лишь высохшие ветки. А потом пошел за остальными и уничтожил всех, кто причинил ему вред. В аду тот день называли Ауа s'Di.

— День Крови, — машинально перевела я, откинувшись на спинку дивана и попыталась представить себе ребенка, который рос в аду.

Однако ничего не вышло. На такое моего воображения явно не хватало.

— Чтобы лучше понять, что именно Рейязиэль сделал в тот день, представь себе десятилетнего мальчика, который нападает на армию вышколенных солдат и убивает их голыми руками. А потом идет на поиски очередных жертв.

— Рейесу было десять?! — ошалело пискнула я.

— Вовсе нет. По меркам человеческих лет тогда он был намного младше.

Неужели вся судьба Рейеса заключалась в страданиях? Сначала его мучили легионы демонов в аду, потом здесь, на Земле, над ним издевался Эрл Уокер... У меня разболелось за него сердце, но в то же время я почувствовала что-то неопределенное от Оша.

— В чем дело? — спросила я у него.

— Ни в чем.

— Я серьезно, Ош. О чем ты думаешь?

— А вдруг в Рейесе до сих пор живет зло?

— Это я и пытаюсь понять.

Мы покосились на божественное стекло, а потом в открытую уставились на кулон.

— Кому еще пива? — спросил Гаррет.

Что ж, тут без ста грамм не разобратся.

*Нарываться на неприятности, значит, нельзя.
А напрокат взять можно?*

Чарли Дэвидсон

— Что там у тебя за план? — напомнил Ош, после того как они с Гарретом осушили еще по паре бутылок.

Я и не думала возражать. Пиво помогло им расслабиться и смириться с новостями. Судя по всему, оба были готовы к новой порции.

— Кстати о плане. Вам придется отнестись к нему как можно более непредвзято.

— Проклятье! — выругался Гаррет. — Все настолько хреново?

— Не для тебя, — заверила я Своупса.

— Значит, для меня? — спросил Ош.

Я кивнула:

— И мне очень жаль. Но я прошу тебя хорошенько подумать. Мы приблизительно знаем, где сейчас находится один, если не два сразу, из богов Узана. И, насколько я понимаю, он все еще там?

— Да, движется на восток, оставляя за собой смерть и руины. Он пока не в курсе, что три дня назад мы перевезли Пип и Лоэров.

— В общем, раз уж я знаю, где он сейчас находится, мне кажется, я могу его найти.

— Допустим. И что будешь делать дальше?

— В смысле? Заманю его в ловушку.

Я помахала кулоном, нечаянно уронила его, быстренько подняла и опять показала Ошу. Слава богу, божественное стекло неуязвимо.

Гаррет рассмеялся прямо в бутылку. Не потому, что я уронила кулон, а из-за того, что мое предложение казалось абсолютно неосуществимым.

— Давай-ка кое-что проясним, — проговорил Ош. — Ты собираешь подкатить к богу и попросить его запрыгнуть в кулончик?

— Нет, конечно! — фыркнула я. — Нужен целый ритуал, и я знаю, что делать.

— А мы, значит, не должны ничего рассказывать Рейесу? — уточнил Гаррет.

— Ага.

— По крайней мере до тех пор, пока не узнаем его намерений, — добавил Ош.

— По-моему, мы уже все знаем. Не знаем только одного: что произойдет, когда он, как и я, услышит свое имя.

— То есть то имя, которое он носил, будучи богом?

Я кивнула Гаррету:

— Да. Плюс неизвестно, какая из составляющих в нем сильнее. Или какая из частей личности может проявиться, когда Рейес узнает свое божественное имя. Но есть и хорошие новости. Когда я узнала свое имя, я осталась самой собой. Пусть и ненадолго. Пока не взорвалась, не потеряла память и не укатила в отпуск в штат Нью-Йорк. Но я ведь вернулась и по-прежнему остаюсь самой собой.

Ош покачал головой:

— Многовато рисков, учитывая, что стоит на кону. К тому же, ты кое-что забываешь.

— Что?

— А то, что ты охренительно яркая для любого бога из тысяч миров. Глазом моргнуть не успеешь, как он заметит твое приближение.

— Может, и не заметит.

Объяснять я не торопилась, поэтому Ош вопросительно выгнул бровь.

— Вот тут и понадобится непредвзятость.

— Неужто дальше еще лучше? — съязвил Гаррет.

— У нас в руках уникальный шанс, Ош, — сказала я, убеждая скорее себя, чем его. —

Если мы его упустим, то будем жалеть.

— Если у тебя нет плана получше, чем идти к богу, сияя, как маяк, и всеми правдами и неправдами уговаривать его влезть в кулон, то я за то, чтобы этот шанс все-таки упустить.

Что ж, никто не говорил, что будет легко. Точнее я с самого начала понимала, что будет очень и очень трудно. Но ведь я знаю будущее Оша до мельчайших деталей. Могут ли мои поступки что-то изменить?

— А что, если я смогу подобраться к богу незаметно?

— Все равно план дурацкий, но как именно ты собираешься это проверить?

Я опять уставилась на коврик. Подумала о том, что делаю, и что может пойти не так. Потом подумала о Пип и о ее судьбе. Никто из нас по-настоящему не важен. Да и не играли мы никогда никакой особой роли, кроме как послужить фундаментом для того, что Пип придется совершить.

— Чарльз? — вывел меня из раздумий Гаррет.

Что бы ни произошло с этой секунды, наша дружба исчезнет навсегда. Меня возненавидят, но я переживу. Если все получится, я спасу жизнь дочери. Дам ей еще один шанс выполнить свое предназначение.

А если не получится... Что ж, все это станет не важно. Я не имею права упустить такую возможность. Оставалось лишь надеяться, что он все поймет.

Глубоко вздохнув, я замедлила время и напала раньше, чем он понял, что к чему.

Разумеется, отреагировать Ош не успел. Я сорвала его с дивана, толкнула в стену и сдавила рукой горло.

Он и не думал бороться. Просто смотрел на меня сверху вниз с выражением полнейшего замешательства на лице. Он до сих пор так глубоко мне доверял, что не сопротивлялся.

Что ж, это он зря.

— Какого хрена? — спросил Ош.

— Ты сделаешь то, что умеешь лучше всего, — ответила я. — Съешь мою душу. Проглотишь мой свет. Чтобы я смогла найти бога и заманить его в стекло, пока он расхаживает по земле в человеческом виде. У нас лишь одна попытка. Ритуал требует крови, которой нет у богов, пока они не вселятся в человеческое тело. Я не позволю такому шансу уплыть сквозь пальцы. Прости.

В конце концов Ош стал бороться. Но на свете мало более смертоносных угроз, чем мать, чей ребенок в опасности. К тому же я бог. Ошу меня не победить. И он это, видимо, понял, потому что почти сразу же прекратил борьбу. Сдался, принося себя в жертву. Сердце у меня в груди сжалось.

— Ничего не выйдет, — сказал Ош, тяжело дыша от усилий и дурных предчувствий.

— И все же я готова рискнуть.

— Ты не понимаешь. — Он коснулся пальцами моего подбородка. — Я могу жить на твоей душе, пока не сгорят звезды. Но я не смогу впитать тебя в один присест. Все происходит совсем не так.

Я сдавила ему горло чуть сильнее, но не ради предупреждения, а скорее для убедительности.

— Тогда сделай так, чтобы все получилось, как надо. Я обязана попытаться, Ош. Бог Узана и не догадается, что я рядом, если не увидит моего света.

Ош выругался себе под нос.

— Могла бы просто попросить.

— Сомневаюсь.

На несколько долгих секунд он закрыл глаза, а потом кивнул:

— Это меня убьет.

Я погладила скульптурные скулы и прижалась к Ошу так близко, что между нашими ртами остались считанные сантиметры.

— Я знаю.

Наши губы соприкоснулись, и вдруг, продемонстрировав удивительную силу, Ош поменял нас местами. Схватил меня за горло, впечатал в стену и дважды треснул меня о стену головой. Только после этого он прижался ко мне губами.

И начал пить. Он глотал меня огромными глотками, высасывая из тела энергию. Было больно, но в то же время возбуждающе. Для нас обоих. Свободной рукой Ош взял меня за лицо, склонил голову набок и сделал глубже то, что превратилось в поцелуй. Но вместо того чтобы притормозить, он увеличил скорость потока, вжался в меня всем телом и целовал уже почти жестоко, желая все больше и больше из того, что я предлагала.

Пока Ош трапезничал моей душой, его пальцы пробрались мне в волосы и сжались в кулак. Глубоко внутри меня что-то сдвинулось. Скрутилось в тугий комок. Я впиалась ногтями в стену за спиной и вжалась в Оша еще сильнее. Комок подбирался все ближе и ближе, становился все острее и острее. И вдруг взорвался внутри меня.

Я запрокинула голову и сделала огромный глоток воздуха, который оказался вкусным, как никогда раньше. Я чувствовала себя выжатой как лимон, но в то же время бодрой и веселой, словно атомы в моем теле перебрались на новую игровую площадку.

Ош застонал и припал ко мне. Зарылся лицом в мои волосы, а долю секунды спустя рухнул на колени. Схватившись за горло, он свернулся в клубок. Его мышцы так напряглись, что стали твердыми, как мрамор. Ош пытался удержать меня в себе, но не смог. Кожа растрескалась, и из трещин засочился свет. Мой свет, который я носила в себе всю жизнь, но никогда не видела.

Стараясь удержать мою сущность, Ош съежился еще сильнее. Его лицо превратилось в маску боли. Я присела рядом.

— Торопись, — прохрипел он.

Его пальцы сжались в кулаки, спина выгнулась, и по телу под натиском света пошла

новые трещины.

Времени было совсем мало. Долго ему мою сущность не удержать. Все равно что взорвать атомную бомбу внутри обычной лампочки. Рано или поздно моя энергия взорвется и разнесет Оша на куски. На него накатила очередная волна боли, и голова запрокинулась.

Ош умрет. И я знала это с самого начала. Но умрет не сразу. Время еще есть. Я найду бога, заманю в западню и вернусь до того, как мой свет убьет даэву.

— Какого черта?! — рявкнул Гаррет.

Я поднялась на ноги, понятия не имея, когда успело вернуться время.

— Если меня не будет через пятнадцать минут, звони Рейесу. Расскажи ему, что я сделала, попроси помочь Ошу, но ни при каких обстоятельствах не говори, где я.

— А что ты сделала? — спросил Своупс, в ужасе глядя на Оша.

— Нет времени объяснять. Дай мне пятнадцать минут.

Я закрыла глаза и полностью переместилась в другое измерение.

Бога я заметила сразу же и в считанные секунды оказалась у него за спиной. Он тоже был создан из света, только его свет был мутнее, темнее моего. Бог шел сквозь толпу людей, а вокруг горели огни, гремела музыка, смеялись и кричали подростки.

Чтобы собраться с мыслями, я остановилась и осмотрелась по сторонам. Слева сияли огромные красные американские горки. Справа шелестел океан. А под ногами скрипели деревянные доски.

Где мы? На какой-то набережной с деревянным настилом?

Да, точно. Если верить табличке рядом с горками, это был пляжный парк развлечений в Санта-Крузе. С чего вдруг богу из всех возможных мест выбирать именно это? Ош говорил, что бог на севере. Кажется, в Новой Англии. Не зная, куда перевезли Пип, я не могла понять, вышел на ее след бог Узана или нет. Но одно знала наверняка: охота приносит ему удовольствие.

Все еще слегка в шоке от того, что смогла переместиться, я выбрала удобное местечко в отдаленном углу, где бог меня точно не увидит, и стала медленно принимать форму. Передо мной словно раздвигались кулисы. Возникло ощущение, будто на плечи упал плащ и заструился к ногам. Материализовалась я не торопясь, не упуская из виду ни бога, ни людей.

Сосредоточившись на странном свете, я пошла вперед мимо палаток и торговых автоматов и остановилась у прилавка с сахарной ватой. Человек, в которого вселился бог, оказался женщиной. Если верить Ошу, она умерла, как только бог вошел в ее тело. На руках виднелись желтые и фиолетовые синяки. Женщина была болезненно худой, с длинными рыжими волосами, спадавшими на спину спутанными прядями. Видимо, богу было наплевать, как выглядит тело, которое и так прослужит ему очень недолго.

Почувствовав мое присутствие, бог обернулся, и время остановилось, но мир вокруг меня завертелся с бешеной скоростью. Потеряв дар речи, я помотала головой и чуть не рухнула на колени. Из горла вырвался крик, и я зажала рот обеими руками. На меня с любопытством смотрели огромные зеленые глаза. Когда-то красивые губы с одной стороны были покрыты язвами. Рот слегка приоткрылся, и женщина склонила голову набок.

Я боялась, что не выдержу. Что мое человеческое сердце остановится и забудет запуститься заново. Боялась за окружающий мир, потому что, как только Рейес узнает, что бог выдернул душу его сестры из ее тела, которое в итоге занял, мир превратится в очень опасное место.

— Кто ты? — спросила Ким.

Все тем же голосом. С теми же ласковыми интонациями. С теми же изящными жестами. Но это была не она. Это был бог. Ким должна быть в Мексике. Как она сюда попала? Как богу удалось до нее добраться?

Поборов естественный порыв превратится в рыдающую кучу мяса и костей, я притворилась, будто ничего не знаю.

— Ким? — спросила я, подходя ближе. — Это ты?

Я бросилась вперед, но бог даже не шелохнулся. Не отступил назад и не попытался увернуться. Только молча стоял, соображая, что я такое. Представить не могу, как выгляжу без света в глазах других сверхъестественных существ, но бога точно нельзя грести под одну гребенку с остальными.

— Ким! — воскликнула я и обняла ее изо всех сил.

Я знала, что обнимаю лишь оболочку, пустой сосуд, и что душа Ким наверняка уже перешла в другой мир, но не смогла удержаться. Прижимая ее к себе, я хотела извиниться. За то, что мы не познакомились поближе. Что я так мало проводила с ней времени. Что мы не ходили пить кофе, не обедали вместе и не пилились на раздевающихся мужиков.

Отодвинувшись, я заключила лицо Ким в ладони и поцеловала в губы.

Из глаз брызнули слезы и потекли по щекам, а я все целовала и целовала знакомое до боли лицо.

Наблюдая за мной, бог становился все подозрительнее и подозрительнее, поэтому я поспешно отошла подальше.

И вдруг до него дошло:

— Где твой свет, девочка?

— Почему? — спросила я срывающимся голосом. — Почему ты взял его сестру?

— А как еще его сломить? Он почти так же неуязвим, как и я.

— Ну конечно! — горько усмехнулась я, вытирая слезы. — Человеческая жизнь ничего для тебя не значит.

— Как для тебя ничего не значит жизнь комара.

Я кивнула, начиная понимать, как он мыслит. Ни с того ни с сего бог отобрал сахарную вату у пожилой женщины, которая проходила мимо. Та начала протестовать, и он повернулся к ней.

— Не смей! — процедила я и рванулась вперед.

Бог усмехнулся и отпустил женщину.

— Где он? Где Рейезикин? Я надеялся встретиться с ним прежде, чем это тело станет совершенно бесполезным.

— Его здесь нет. А кто ты сам? Который из братьев Узана?

Он запрокинул голову и расхохотался:

— Братья, говоришь? Мы ведь действительно братья, не правда ли?

Я нахмурилась. Разве существует более удобный способ получить ответы, которые мне нужны, чем спросить напрямую?

— Не понимаю.

— Что, по-твоему, такое Узан?

— Твой родной мир.

Казалось, мои слова поставили его в тупик.

— Я был впечатлен тем, что ты узнала свое божественное имя, Эль-Рин.

— Было дело.

Он засунул очередной кусок ваты в рот Ким. Язвы открылись, и по подбородку потекла кровь. С трудом, но я все-таки не позволила своей нижней губе задрожать и выдать мои чувства.

— Тогда как ты можешь не знать... Ну разумеется! Иегова! Пронырливый он тип, согласна?

— И опять не догоняю, о чем речь.

— Узан, дорогая моя, — это тюрьма. Там не рождаются. Туда ссылают.

— Ч-что? Тюрьма?

— Рейзаикин, Эйдолон и я были узниками. Все полагали, что сбежать оттуда невозможно. Мы с Эйдолоном веками гнили в тюрьме, как гниет теперь это тело. Пока...

Глаза Ким сверкнули.

— Пока — что?

— Пока к нам не прислали Рейзаикина. Юного, непокорного и абсолютно гениального.

Ну да, все это можно смело сказать о Рейесе.

— Видишь ли, Эль-Рин-Алитхиа, в этом и заключается вся ирония моей истории. Рейзаикина в Узан отправила ты.

— Чего?!

Он лгал. Не могла я так поступить.

— Ты воистину не представляешь, кто он такой. Какое беспрецедентное расточительство, что ты полюбила того, кого сама отправила гнить в зловонии и разрухе! В агонии, которую создали семь изначальных богов Эвутваны — твоего родного мира.

— Никуда я его не отправляла. Я его даже не знала.

— Но вы были... как это сказать? Не разлей вода? Да. Вы были не разлей вода с его братом. С его настоящим братом. Поверь, в тот день, когда я побратаюсь хоть с одним из них, я сам себя сошлю в Узан.

— Так что там с настоящим братом?

— Ты ведь знаешь, как это бывает. Старшему брату выпало бремя заботы о младшем. Однако с молодежью в наше время иметь дело непросто. Младший брат был слишком непокорным. Слишком упрямым и безответственным. А старшего немало тревожила судьба мира, что он создал своими руками.

— И о каком же мире речь?

— О том, дорогая моя, в котором ты находишься.

*Сердца — как звери дикие, чумные.
Не зря их в клетки бросили грудные.*

Автор неизвестен

Мир, в котором я находилась, опять завертелся. Бог врал. Наверняка врал.

— Я бы такое не забыла.

— Ну конечно. Однако Иегова хотел, чтобы ты скрыла его фиаско. И ты действительно вызвалась помочь, но не без подстрекательства от Него Самого. А когда оказалась в его мире, под действием его законов, он, должно быть, вырвал, — Ким изобразила жест, будто отщипывает что-то из воздуха, — твои воспоминания.

— Зачем ему так поступать?

— Чтобы контролировать тебя, разумеется.

— Я тебе не верю.

Бог сжевал еще один комок сахарной ваты.

— Теперь, когда память к тебе вернулась, отдельные воспоминания обязательно всплывут, когда ты сама этого захочешь. Брат Рейязикина создал целый мир только для него. Создал ад, хотя я не знаю, каким образом этот ад может оказаться хуже Узана. Иегова собирался запереть там Рейязикина и, как говорится, выбросить ключ. Но ты его отговорила. Ты умоляла Иегову отослать Рейязикина куда угодно, только не в ад. До тех пор, пока он не придет в себя и не поймет замыслы старшего брата. — Внезапно бог ахнул, словно его осенило. — Неужели уже тогда ты была в него влюблена?

— То есть божественное стекло создавалось для Рейеса?

Сказать, что меня ошарашили, было бы серьезным преуменьшением.

— Искуснейший инструмент. Несокрушимое хранилище, откуда невозможно сбежать. Но ведь мы ведем разговор не о ком-нибудь, а о единственном боге, которому удалось сбежать из Узана. Если уж такое ему по плечу, то...

— Все это неправда.

— Не унижай своих достоинств, дорогая моя. Тебе не к лицу. Кроме того, если тебе станет легче, знай: именно я помог Люциферу изловить Рейязикина. Можно сказать, мы с тобой в одной команде.

— Ты помог поймать его в ловушку?

— Ты была первой.

— Какая тебе от этого польза?

— Видишь ли, сбегая из Узана, он не предложил нам присоединиться. Мы сами последовали за ним. А он пошел к старшему брату и попросил у него стекло, чтобы на веки вечные заключить нас в ад. Чтобы избавиться от нас, словно мы хуже, чем он. Скорее всего так оно и есть, но ведь все зависит от точки зрения.

— Значит, он на тебя охотился?

— На нас обоих. Что тут скажешь? Рейязикин заносчив вне всяких границ. Поэтому мы с Эйдолоном скрылись в аду этой реальности, где и узнали, что Люцифер жаждет... Как вы

это называете? Отмщение? В результате мы разработали план и использовали божественное стекло против Рейзакина. Два с четвертью против одного: Люцифера не назвать хорошим бойцом. Так или иначе, мне по душе, когда чаша весов склоняется в мою сторону.

— Вы просто-напросто задавили его количеством.

— Конечно. Я ведь не глупец. В конце концов нам удалось заключить брата Иеговы в мире, который был создан специально для него. А когда мы с ним вернулись в обитель Люцифера, Рейзакин уже не был похож на самого себя. Даже несколько секунд в том адском измерении — все равно что годы в этом мире. Рейзакин был так дезориентирован, что не успел собраться с мыслями, как уже оказался посреди ритуала, что творил Люцифер. У брата Иеговы не было ни единого шанса избежать своей участи.

— Зачем тебе, богу, вступать в сговор с каким-то падшим ангелом?

— В основном от скуки. Забавно было наблюдать за мелочной кровной враждой между Иеговой и одним из его чад. Не говоря уже о ненависти между двумя братьями. И все же... куда делся твой свет?

— Одолжила поносить другу.

— Что ж, ему недолго жить осталось.

— Уж всяко дольше, чем тебе.

Запрокинув голову, бог рассмеялся. Волосы Ким упали за плечи. И до меня вдруг дошло, что он делает. Он тянул время. Я покрутилась вокруг своей оси. Неужели его кореш из Узана где-то поблизости?

— А зачем тебе вступать в сговор с Иеговой?

— Ни в какой сговор я не вступала, — ответила я, глядя в небо, а потом отошла от бога на несколько шагов, вглядываясь в людей и в каждый уголок.

— Он использует тебя, чтобы ты сделала за него грязную работу. Для него ты нечто вроде домработницы. И в качестве благодарности он стирает тебе память? На твоём месте я бы нашел друзей получше.

Ну точно — он тянул время. Бога может убить только другой бог, но, может быть, все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Может быть, он ждал кого-то на подмогу. Своим рассказом этот гад уже доказал, что грязно дерется.

— Когда Рейзакин вспомнит тебя, — продолжал узанский ублюдок, — не жди, что он будет счастлив. Ты сослала его в тюрьму, созданную твоими предшественниками. Думаешь, он по-прежнему будет тебя любить?

Изо всех сил я старалась все вспомнить. Если когда-то давно я знала Рейеса, то могла знать и того, кто занял тело Ким. Могла знать его имя. Вряд ли божественная компашка слишком многочисленная. И вдруг на меня снизошло прозрение. Нет, имя я не вспомнила, зато придумала план. Я же вообще спец по планам.

— Ты сказал, что сбежал с Эйдолоном, — проговорила я, глядя в небо. — Я думала, ты и есть Эйдолон.

— Оттого, что ты меня не помнишь, мое сердце обливается кровью. Не очень сильно, разумеется. Скорее на нем лишь незначительная царапина.

— Ну прости. Я вообще хреново имена запоминаю.

— Дам тебе подсказку. — Он сожрал очередной кусок ваты. — Что больше хлебницы?

Я повернулась к нему лицом и улыбнулась.

— Это.

— Неужели вспомнила?

Я подняла руку, где на раскрытой ладони лежало божественное стекло. Я так переживала, что бог увидит его сквозь джинсы, что все это время держала кулон в руке. Бережно, как собственную жизнь.

Бог тут же застыл, а его взгляд прилип к стеклу. Я открыла кулон, и в ту же секунду разразилась гроза, швыряя вокруг нас зигзаги молний.

Мой враг отреагировал немедленно. Рванулся вперед, но я замедлила время. Он приспособился и продолжал двигаться, и мне пришлось замедлить время сильнее. Настолько, что люди вокруг нас не просто застыли, а пошли в обратную сторону. Медленно, неправильно, словно в какой-то искаженной реальности. Однако бог опять сумел подстроиться и бросился ко мне. И все же заминки хватило, чтобы я прижала кулон к губам и под вспышки молний прошептала:

— За тебя, Ким.

Я глянула на бога исподлобья и за долю секунды до того, как его пальцы коснулись кулона, отчетливо проговорила:

— Мэлдисан.

На той старой фотографии Рокет дал мне подсказку, чтобы встряхнуть мою память. А крови, которую я забрала с губ Ким, оказалось достаточно. Божественному стеклу нужен лишь крошечный намек на ДНК того тела, в котором ходит существо, заслужившее отправиться в ад.

Все получилось.

Бог отшатнулся, превратив лицо Ким в маску шока. Он не верил, что его обвели вокруг пальца. Что на этот раз в западню заманили его.

Я уже видела, как работает божественное стекло, поэтому знала, чего ждать. А вот Мэлдисан не знал.

Развернувшись, он бросился наутек, но молния, которая выстрелила за ним из кулона, словно того и ждала. Обернулась вокруг бога, словно вокруг любовника, и выдернула из изувеченного тела Ким.

Признаюсь, того, что произошло дальше, я вовсе не ожидала. Полыхнул свет, и, кроме света, не осталось ничего. Дым заслонил собой материю. И это было прекрасно. Поразительно и абсолютно жестоко.

Секунду спустя бог исчез. Его утянуло в ад, где он и будет сидеть, пока я не позову его обратно. А в мои планы это точно не входит.

Я закрыла кулон и ощутила чье-то присутствие. Да уж, два раза подряд удача мне точно не улыбнется. Развернувшись на пятках, я увидела, как передо мной во всей своей мрачной красе материализуется Рейес. Медленно и угрожающе. Прямо сейчас с него можно было рисовать плакат с предупреждением для тех, кто пропускал занятия по управлению гневом.

Несколько секунд Рейес сверлил меня сердитым взглядом исподлобья, но беспокойство в конце концов затмило гнев. Подойдя ближе, он осмотрел меня с ног до головы, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

Я взяла его лицо в ладони.

— Рейес...

— Ты ранена?

— Нет, любимый. Послушай...

— Что произошло? — Ничего не понимая, он осмотрелся по сторонам.

— Пожалуйста, Рейес, выслушай меня.

— Что здесь было?

— Рейазиэль.

Наконец он обратил внимание на мои слова.

— Рейес, — начала я и тут же умолкла под натиском тяжелого горя.

— Что? — встревоженно спросил он, а потом словно собрался с духом. — В чем дело?

— Здесь был один из богов Узана.

Лицо Рейеса лишилось всякого выражения.

— Его звали Мэлдисан.

— Он... Ты его убила?

— Нет. Заключила в ловушку. Его здесь нет.

От облегчения черты красивого лица смягчились, но лишь на мгновение. Рейес по-настоящему был сбит с толку.

— Но он... Рейес, он вселился в человека.

— Именно так они и поступают.

— Нет... Милый, мне очень жаль. — У меня сорвался голос. Я знала, что будет с Рейесом, когда он все узнает. — Он выбрал Ким.

Рейес мне не поверил, и на долю секунды его губ коснулся намек на улыбку.

Я шагнула в сторону. Ким лежала на земле лицом вниз. На спине под неправильным углом застыла рука. Рыжие волосы нимбом растрепались вокруг головы.

— Мне очень, очень жаль...

Рейес вырвал руку из моих пальцев и подошел к сестре. Присел рядом с ней. Перевернул и обнял так крепко, что их лица почти соприкоснулись. Рейес убрал с лица Ким волосы и увидел язвы, впавшие черты, пожелтевшую кожу и темные синяки.

Борясь с рвущимся наружу криком, он резко выдохнул. Потом еще и еще раз.

Я рухнула на колени, прекрасно зная, что ничем не могу помочь.

Рейес сжал кулаки, а потом крепко обнял Ким, придерживая голову за затылок и уткнувшись носом в огненно-рыжие волосы. А через секунду взорвался океаном пламени.

В тот момент до меня дошло, что вокруг нас люди. Правда, видели они лишь несчастного мужчину, обнимавшего женщину.

По крайней мере так я думала.

Рейес не просто взорвался, а взорвался в обоих мирах — в нашем, осязаемом, и в нематериальном. Дети кричали. Взрослые старались их укрыть и увести подальше. Все, абсолютно все, бросились бежать.

Понимая, что нужно что-то сделать, я поднялась на ноги, но от огня было слишком жарко. Я не могла подойти к Рейесу. Мало того, я его даже не видела. Закрыв ладонью рот, я смотрела, как мой муж сжигает все дотла в радиусе пяти метров. Потом десяти, пятнадцати... Рядом загорелись горки, торговые палатки, прилавки с сахарной ватой, ларек с мороженым... Один за другим вспыхивали аттракционы. Люди кричали и мчались куда глаза глядят, в суете налетая друг на друга.

Я стояла в клубах дыма и смотрела, как разбегаются в разные стороны целые семьи, а потом вдруг услышала за спиной чей-то голос:

— У меня не осталось выбора.

Я обернулась, увидела Михаила, моего «любимого» архангела, и внутри меня вспыхнул гнев.

— Сейчас не время.

Михаил достал меч.

Сейчас не время! Из-за угрозы архангела, из-за всего, что натворил Иегова, гнев забурлил и превратился в вулкан ярости. Я стиснула зубы и подняла руки, словно собиралась сдаться.

А потом опустила левую ладонь. Из-под земли появилась Артемида, пригнула голову и, оскалившись, громко зарычала. Я перевернула правую руку ладонью вверх, и по другую сторону от меня появился мой старый друг и, можно сказать, защитник — мистер Вонг. Он наспех сжал мою ладонь и обнажил свой меч. Доспехи сияли, а от самого мистера Вонга волнами исходила удивительная сила, намного превосходящая ту, что я ощущала от Михаила.

— Неужели ты думаешь, — улыбнулся архангел, — что я пришел на битву неподготовленным?

В искаженном от жара воздухе, в расступившихся клубках дыма за спиной Михаила появилась дюжина ангелов.

Я изогнула бровь:

— Думаешь, я не подготовилась?

За нами прямо из земли выросли двенадцать адских псов. Они рычали, клацали зубами и рыли лапами землю, словно умоляли дать им вволю повеселиться.

Ангелы, как один, приготовились драться.

— Мне нужно поговорить с твоим боссом, — сказала я Михаилу.

— Не сегодня.

Он опустил голову, будто отдал молчаливый приказ, и за его спиной появились легионы ангелов. Сотни и сотни, насколько хватало глаз. Правда, вокруг стоял плотный дым. И все были готовы к бою.

— Михаил, — разочаровано протянула я, — ситуация становится по-настоящему неловкой.

И за моей спиной материализовались тысячи тысяч призраков. Армия Пип. Я призвала всех, чьи имена когда-то записал Рокет, и они встали за мной океаном воинов, готовых сражаться за Пип. Потому что, если она выживет, ей понадобится отец. Не говоря уже о том, что ее отец, как воздух, нужен мне.

— Я же сказала, сейчас не время.

— Он дал слово, — проговорил Михаил, — прогнать с земли всех трех богов Узана. На веки вечные.

— Ты его обманул.

— Рейязиэль обманул себя сам.

— Но ведь на самом деле его зовут не так, верно?

Михаил не ответил, а посмотрел куда-то мимо меня, где пламя уже разрослось на тридцать метров к небу.

— Очень скоро он сровняет с землей этот город. А может быть, и несколько соседних. Мы не имеем привычки закрывать глаза на тех, кто сеет смерть.

— Да неужели? Ты новости хоть раз смотрел?

— Люди убивают людей. Мои полномочия на них не распространяются.

— Я в курсе, что Иегове плевать на своего брата. А вот мне, черт возьми, нет. Я не позволю тебе его забрать.

От досады Михаил стиснул зубы. Его словно разрывало между двумя решениями. Он явно взвешивал свои шансы, но в конце концов вложил меч в ножны.

— Когда придет время, вэл-итх, ты не сможешь его спасти.

— Забавно. По-моему, спасти нужно не его.

Внезапно дыма стало больше. Я расслышала шелест крыльев, а когда дым рассеялся, ангелы исчезли. Все до единого.

Я повернулась к мистери Вонгу, чьи золотые доспехи сияли, как и лукавые глаза.

— Я думал, нас ждет битва.

— Ну, прости.

— Не стоит. Это был полезный опыт. — Он повернулся к нашей армии. — Им нужно прийти в форму.

Я фыркнула:

— А призраки могут прийти в форму?

— На этом я вас оставляю, вэл-итх.

Мистер Вонг склонился над моей рукой.

— Зови меня Чарли. — Называться богом для меня как-то чересчур.

Он снова поклонился и исчез. За ним испарилась армия Пип, а потом и псы.

Артемида оглянулась и заскулила. Михаил был прав. Рейес потерял над собой контроль. Я дематериализовалась и шагнула в огонь.

Ким до сих пор была в руках у Рейеса, но он ее сжег. От тела остались лишь очертания из пепла. Рейес коснулся лица сестры, и оно, как сожженная бумага, разлетелось светящимися кусочками пепла. Затем Ким рассыпалась целиком, и прах прошел сквозь пальцы Рейеса, как песок.

Пламя стало горячее. Даже в нематериальном мире мне обжигало кожу. И я поняла: Рейес не может взять себя в руки. Не может контролировать свои силы.

Плавали — знаем.

Может быть, он — моя полная противоположность. Может быть, узнав свое истинное имя, он сможет прийти в себя.

Что мне терять? Подойдя поближе, я присела рядом с Рейесом, взяла его за лицо и прошептала:

— Рейазикин.

Ничего не произошло. От его страданий плавилась мои кости. Снова и снова я произносила его имя, но не получала ответа.

Так не могло продолжаться. Потом меня осенило: необязательно ведь делать то, что пришло на ум, навсегда. Я вытащила из кармана божественное стекло. Если мне не удастся остановить Рейеса, он действительно сровняет с землей целый город. А может, и не один. В конце концов, он может утопить в океане половину Калифорнии.

Вокруг становилось все горячее. Пламя бушевало и ревело. Мне нужна была кровь Рейеса. Я оставляю его в стекле лишь на мгновение. Чтобы успокоить его, дезориентировать, а потом вернуть ко мне.

Взяв Рейеса за руку, я изо всех сил впила ногтями ему в запястье.

Наконец он посмотрел на меня, и даже в его глазах горел огонь. Я повторила его имя:

— Рейазикин, ты должен остановиться. Иначе спалишь дотла весь город.

Он посмотрел на пламя. От парка уже не осталось ничего.

Рейес нахмурился. Посмотрел на прах сестры. А потом согнулся и закрыл глаза кулаками.

И я увидела то, чего никогда в жизни не видела. Отшатнувшись, я замороженно

наблюдала за богом, сидевшим передо мной. Он горел и казался почти прозрачным. Внезапно огонь сформировал над ним дугу и разделился в иллюзорные крылья. Огромные ангельские крылья. Они сложились и обернулись вокруг Рейеса.

Напрочь забыв о нависшей угрозе, я смотрела, как мой муж запрокинул голову в отчаянной попытке сдержать свои чувства. Его мышцы напряглись. Он был поразительным, взрывоопасным и таким красивым, что было больно смотреть. И у него были крылья. Из огня, чьи языки льнули к телу хозяина и лизали кожу.

Через несколько секунд Рейес снова закрыл лицо ладонями.

Не успела я прийти в себя от увиденного, как в огонь вошел кто-то еще. Призрак. Женщина положила руку на голову Рейеса, и он открыл глаза. Посмотрел прямо на нее и чуть не рухнул на землю, когда она присела рядом и крепко его обняла.

— Он пытался тебя выманить, — проговорила Ким, которая стала еще красивее, чем прежде. — Он знал, что ты идешь по его следу.

— Чего?! — обалдела я, поднялась на ноги и подошла к ним. — Ты выслеживал противного злобного бога? Это и есть один из твоих секретов? Что-то я не припомню, чтобы это всплыло в нашем разговоре.

Ким рассмеялась, встала и обняла меня, а я в ответ вцепилась в нее обеими руками.

— Теперь я многое понимаю, — сказала она и снова посмотрела на брата. — Понимаю, какой ты особенный. Вы оба особенные. Я знала, что вы не такие, как все, но и не догадывалась насколько.

— Ким, — тихо начала я, — мне очень жаль, что мы ничего тебе не рассказывали.

Рейес тоже встал и теперь смотрел на сестру так, словно она — солнце, а он всю жизнь провел в темноте. Вокруг по-прежнему пылало пламя.

— Ты не понимаешь, — просяив, сказала Ким. — Мое имя на стене у Рокета. Меня послали к вам.

— Это удивительно, Ким, — отозвалась я, не зная, что еще сказать.

Она кивнула и с любовью посмотрела на Рейеса.

— Меня послали сюда не просто так. Теперь я это знаю. И обещаю вечно ее беречь. — Одной рукой Ким коснулась моего лица, а другой — лица Рейеса. — Я буду вашими глазами и ушами. Буду постоянно держать в курсе, как у нее дела. Чем она занимается, какими будут ее первые слова и шаги. — Ким опустила голову и улыбнулась. — Надо же! Я — тетя девочки, которой суждено спасти мир. О лучшем нельзя и мечтать.

— Неужели? — поддразнила я. — А я — ее мама. Да-да. — Я подула на ногти и потерла их о футболку. — Можешь начинать завидовать.

Ким рассмеялась, но Рейес все еще был не в себе. Пламя все еще ревело. Боль от утраты сестры все еще рвала Рейеса на части.

Я подошла к нему, притянула к себе и поцеловала. Приручила огонь. Убаюкала дыханием, биением собственного сердца и пульсаций энергии.

Рев огня сменился звенящим треском. Из-под моих ног во все стороны пополз лед. По земле, по дощатому настилу, по стенам, столбам и аттракционам. Пламя потухло, сменившись черным едким дымом.

Я отстранилась. Крыльев больше не было. Огонь угомонился, но не исчез. Что и понятно, ведь сам Рейес сделан из огня.

— Лишь она может приручить зверя, — заметила Ким.

Я с любопытством покосилась на нее:

— Когда-то что-то подобное мне говорил Рокет.

— Что ж, он умнее, чем кажется, — кивнула она, обняла нас обоих и тихонько прошептала: — Хотите ее увидеть?

— Да! — ответила я раньше, чем Рейес успел отказаться. Он бросил на меня настороженный взгляд, и я добавила: — Сейчас у меня даже света нет. Всего на минуточку!

Все еще не до конца придя в себя, Рейес кивнул, а секунду спустя мы уже стояли в супермаркете. Пара перед нами охала и ахала, помешивая кофе в чашках.

— Пусть твоего света не видят, — сказала Ким, — но ты все же не совсем человек. Обитатели сверхъестественного мира могут тебя учуять. Поэтому поторопись.

— Обещаю.

Я не могла оторвать глаз от переноски, которую поставил на стойку мистер Лоэр, пока миссис Лоэр размешивала кофе. Они пытались решить, какого цвета занавески повесить в комнате Пип. А мистеру Лоэру надо будет позвонить в газовую компанию, как только они доберутся до места. Судя по всему, они путешествовали по стране. Неужели им опять пришлось переезжать?

Я осмотрелась и заметила очертания адского пса. Узнав меня, он отошел подальше вместе с тремя другими.

Из переноски послышалось агуканье. Услышав голос дочери, я выдохнула резко и слишком громко. Лоэры тут же напряглись. Миссис Лоэр сняла со стойки переноску, а мистер Лоэр выступил вперед, закрыв собой жену и внучку, как настоящий защитник. Узнав нас, они оба выдохнули от облегчения.

Я улыбнулась, прижала к губам указательный палец и заговорщицки подмигнула. Немало удивившись, Лоэры улыбнулись в ответ и набросились на меня с объятиями.

— Все в порядке? — спросила миссис Лоэр.

Рейес кивнул и крепко-крепко обнял женщину, которая была бы ему прекрасной матерью. Наступил черед мистера Лоэра обнять сына, а я подошла к переноске, которую опять поставили на стойку.

Прежде чем увидеть дочь, я увидела ее сущность и только потом — саму Пип. Сначала крошечные пальчики, пухленький локоток, а потом — огромные медного оттенка глаза на круглом личике. Впервые за месяц с лишним я увидела свою дочь.

Она была такая красивая, что я прижала руку ко рту. Пип мне улыбнулась, и на розовых щечках появились ямочки. Полные жизни глаза сияли.

У миссис Лоэр был довольный и гордый вид. Она слегка повернула переноску, чтобы я лучше рассмотрела дочь.

— Многие говорят, это из-за газов.

— В смысле?

— Из-за них дети в этом возрасте постоянно улыбаются. — Миссис Лоэр наклонилась к Пип и прошептала: — Они явно не знакомы с мисс Элвин Александрой.

Миссис Лоэр улыбнулась мне, а потом и мужу. Несмотря на опасность, которой мы их подвергли, они казались счастливыми. И благодарными.

Ко мне подошел Рейес. Мое сердце было настолько переполнено радостью, что я не удержалась и тихо рассмеялась.

— Она опасная, сильная и неумолимая, — сказала я Рейесу. — И она не больше человек, чем мы с тобой.

Он прижал меня к себе и склонился над переноской. Пип схватила его за палец, и

Рейес, тоже переполненный радостью, рассмеялся.

С сияющим лицом Ким тоже смотрела на Пип. Причем сияла она в буквальном смысле, потому что больше не была нервной и пугливой женщиной. Пусть даже думать об этом было больно, но смерть оказалась ей к лицу.

Я оглянулась на Лоэров.

— Ее душа соткана из миллионов сияющих огней. Из звезд, галактик и туманностей.

Они обменялись удивленными взглядами, а до меня дошло кое-что еще.

— Рейес, она портал.

Он наклонился еще ближе к Пип.

— Ты права. Но куда?

— Думаю, когда-нибудь мы это выясним.

— Можно ее поддержать? — спросил Рейес у миссис Лоэр.

Я кивнула и приподняла брови, молчаливо повторяя просьбу.

Миссис Лоэр уставилась на нас так, словно мы только что сбежали из дурдома:

— Ну конечно!

С ее помощью мы вытащили Пип из переноски. Прошло так много времени, что мы оба боялись ей навредить. Я передала дочь Рейесу, обняла их обоих и спросила:

— Как ты меня нашел?

Он коснулся пальцем крошечного подбородка.

— Спросил у Оша.

С трудом оторвав взгляд от Пип, я взглянула на Рейеса и удивленно пискнула:

— Спросил?! У Оша?!

Он кивнул.

— То есть ты его видел?

— В смысле кучу конечностей в позе зародыша?

Значит, он его и правда видел.

Я знала, что нужно вернуться как можно скорее, но в голове постоянно билась мысль: еще минутку. Еще одну минуточку...

— И он просто взял и сказал тебе, где я?

— Не сразу. Пришлось надавить. Ему и так было больно, поэтому много усилий не потребовалось.

— Рейес, — ахнула я, чувствуя себя виноватой по полной программе, — с ним все в порядке?

— Смотря что ты понимаешь под словами «все в порядке».

Ким тронула меня за плечо:

— Пора.

Я запаниковала:

— Еще одну минутку...

Ким лишь улыбнулась, и этого хватило, чтобы меня не нужно было уговаривать. Она права. Находясь здесь, мы рискуем жизнью собственной дочери. Не говоря уже о жизни Лоэров.

Когда Рейес отдавал Пип миссис Лоэр, я судорожно вздохнула. И внезапно случилось нечто неожиданное. Пип посмотрела на нее и словно узнала. Потому что в ее глазах засияла любовь. Ошибки быть не могло. Наблюдая за ними, я чуть не расплакалась.

— Огромное вам спасибо, — сказала я миссис Лоэр. — Вы не представляете, как мы

вам благодарны.

— Нет, — возразила она, — это вам спасибо. Вы и представить не можете, как много это для нас значит.

Я снова ее обняла, на этот раз крепче, и почувствовала на ее одежде, коже и в волосах запах Рейеса. Как бы там ни было, в Рейесе есть частичка человеческого. И частичка эта добрая, любящая и очень-очень важная.

Миссис Лоэр взяла Пип поудобнее.

— Мы обязаны вам всем.

Глядя, как мы уходим, мистер Лоэр обнял жену и внучку, а мне оставалось лишь надеяться, что миссис Лоэр не уронит Пип, когда увидит, как мы растворяемся в воздухе.

*Тот факт, что существует целое шоссе в ад[31]
и всего лишь лестница в рай[32], говорит о многом.*

Мем

К тому моменту, как мы вернулись домой к Гаррету, прошло семнадцать минут. И все благодаря нашим манипуляциям со временем. Ош все еще лежал на полу и корчился в муках, запрокинув голову и стиснув зубы. Трещины в его теле стали шире и глубже. Свет из них уже не сочился, а бил фонтаном. Невероятная энергия плавил молекулы. На ум пришло сравнение с поломкой в ядерном реакторе.

Рейес был прав. У Оша в запасе оставались считанные секунды.

Не теряя времени даром, я уселась прямо на даэву, подтянула его вверх и прижалась к нему губами, забирая обратно свой свет, свою энергию. Это было сродни тому, как проглотить водородную бомбу. Боясь, что Ош вот-вот умрет, я вытаскивала себя из него так быстро, как только могла. Атомы во мне так ошалели, что впали в ступор.

Ош обмяк, и я обняла его крепче, поддерживая за голову и вбирая обратно как можно больше собственной сущности. Я вытягивала и вытягивала энергию, словно высасывала змеиный яд, но Ош все не приходил в себя.

— Датч, — Рейес положил руку мне на плечо, — ты его убиваешь.

— Нет, — всхлипнула я и стала осыпать ласковыми поцелуями лицо Оша. — Прости меня, Ош, прости...

Света в нем больше не было, но на то, что осталось, было страшно смотреть. С ног до головы его покрывали длинные глубокие раны, которые в попытках вырваться на свободу оставил мой свет. Лицо с когда-то идеальной кожей превратилось в собственную жуткую копию, словно какой-то художник решил изобразить его таким, каким оно было бы в фильме ужасов.

И все равно Ош был красивым, удивительным и... бесконечно сломленным.

Долго-долго я обнимала его и покачивала, как ребенка.

— Датч...

— Мы должны отвезти его в больницу, — перебила я, кляня себя на чем свет стоит, что не додумалась до этого раньше. — Быстрее!

Рейес присел рядом со мной:

— Присмотришься повнимательнее, родная.

Только теперь я заметила, что раны начали заживать. Края трещин затягивались, превращаясь в красные рубцы.

Я глянула на Рейеса:

— Он поправится?

— К сожалению, да.

Я рассмеялась, прекрасно зная, что он это не всерьез. Когда-то Рейес с Ошем считали друг друга врагами, но за прошедшее время успели сблизиться. Как профессиональные боксеры, которые дружат за пределами ринга. И пусть всему виной обстоятельства, но эти

двое все равно были друзьями.

Я опять прижала к себе Оша, радуясь теплу его тела. Для меня это означало, что он жив.

— Вынужден предупредить, — подал голос Гаррет. — Еще чуть-чуть, и это официально будет считаться домогательством.

Я покосилась на него:

— Сколько пива ты выпил?

Он ухмыльнулся и отсалютовал мне початой бутылкой «Короны»:

— Больше не смей такое творить.

— Извини, Гаррет. Я и не думала, что это может как-то отразиться на тебе.

— Ну, все хорошо, что хорошо кон...

— Тогда мне, правда, было наплевать, но, если оглядываться назад...

Прямо мне в лицо прилетела подушка. Я захихикала, чувствуя себя как будто под кайфом от того, что с Ошем все будет путем. Или что он хотя бы жив. Вряд ли он останется прежним, но точно выживет.

— Надо отвезти его к нам домой.

Рейес покачал головой:

— Кто-нибудь может заметить, как мы заносим в дом бездыханное тело.

Мы оба уставились на Гаррета.

— У меня, вообще-то, нет комнаты для гостей.

Переглянувшись, мы с Рейесом кивнули друг другу.

— Готов? — спросила я.

Собравшись, мы подняли Оша. Я удивилась тому, насколько осторожен был с ним Рейес. Но, надо признать, тащить коматозного даэву было все равно, что тащить спящего льва, сделанного из спагетти.

— Ну конечно, — раздосадованно запричитал Гаррет, — несите его в мою комнату! Куда же еще?!

— Господи, — проворчала я, — да он тяжеленный!

— Я могу и сам отнести.

— Нет-нет, я справлюсь, — выдавила я, а через секунду нечаянно приложила Оша головой о косяк. — Вот блин! Думаешь, шишка будет?

Рейес очень старался не улыбнуться, но не смог.

Мы уложили Оша в кровать Гаррета, который, между прочим, и близко не был так взбешен, как прикидывался. Своупс переживал. И явно нескоро придет в себя после случившегося. На помощь уже ехала Куки. Мы договорились дежурить по очереди, пока Ош не очнется. Гаррет уехал за едой, поэтому мы с Рейесом взяли на себя первую вахту.

Я лежала в кровати рядом с Ошем и водила пальцами по рубцам, которые становились все светлее и светлее. Мы его раздели и перевязали самые глубокие раны.

Рейес сидел на стуле в углу спальни. В расстегнутой рубашке. В руке он держал бутылку пива, которая сейчас стояла на колене. Свирепый и невероятно могущественный, он просто сидел и пил пиво. И смотрел на меня, словно пытался что-то понять.

— Как тебе удалось?

Я заправила черный локон Ошу за ухо.

— С помощью божественного стекла.

— В Лощине нашла?

— Скорее взяла в качестве сувенира с вечеринки. Куур его принес, вот только правил не знал. Не всем хватило.

— И как оно работает? Как можно поймать в ловушку бога?

— Бог должен быть в таком воплощении, чтобы можно было добыть его кровь. Мажешь каплю на божественное стекло, произносишь истинное имя бога, и бабах — он в ловушке, пока ты сам не передумаешь.

— И эта штука у тебя больше недели?

Я откашлялась:

— Ага.

— А ты больше недели в курсе, что я бог.

— Да. Мне... мне папа сказал. Что тебя переделали из одного из богов Узана.

— Почему ты ничего не сказала мне?

Я закрыла глаза, опустила голову и шепотом призналась:

— Потому что боялась, что мне придется воспользоваться стеклом против тебя.

Рейес застыл. Прошла целая вечность, прежде чем он задал вопрос:

— С чего бы тебе прибегать к таким радикальным мерам?

— Я не знала, сколько в тебе... тебя, а сколько — от злобного бога из адской тюрьмы. — От меня не укрылась ирония того, что Рейес сидел в тюрьме в обоих своих воплощениях. — Не знала, представляешь ли ты угрозу для Пип.

— Ты молодец, что об этом подумала.

Я удивленно уставилась на мужа.

— Я недостойн быть отцом. И никогда не был достоин. И чтобы я это осознал, чтобы понял, кто я, Сатане пришлось прийти в монастырь и вселиться в мое тело. Я не заслуживаю ни тебя, ни Пип. На твоём месте я бы тоже себе не доверял.

— Рейес, я вовсе не об этом говорю. — Он не ответил, поэтому я спросила: — Ты помнишь хоть что-нибудь с тех времен, когда был Рейезикином?

Поразительные глаза блеснули.

— Ты спрашиваешь, помню ли я, что ты отправила меня в тюрьму?

Я крепко зажмурилась.

— Или что мой собственный брат создал для меня ад?

Меня захлестнуло болью Рейеса. А может быть, эта боль была только моей.

— Нет, Датч, не помню. Точнее помню не все. Помню, что разочаровал своего брата, которого так сильно заботили его марионетки на Земле, что он создал целый мир, надеясь, что там я повзростею и чему-то научусь. Помню бога из другого мира — богиню настолько прекрасную, что звезды предпочли бы сгореть, чем отвернуться от нее. Помню, как она умоляла моего брата отослать меня в ее мир. Там тоже была своего рода тюрьма, да, но не такая, где я был бы совсем один. Не такая, где я бы постепенно сходил с ума.

Мои веки приоткрылись. Совсем чуть-чуть.

— Помню, как она принесла моему брату в жертву свою жизнь. Торговалась с ним. Предложила стать жнецом в его мире, чтобы он дал мне, эгоистичному куску дерьма, которому было на нее наплевать, второй шанс. — Рейес закрыл глаза, борясь с чувствами. —

Помню, что был так взбешен, что снова и снова искал знания, пока не понял, как сбежать из мира, где меня заключила прекрасная богиня. И все ради того, чтобы я снова мог сеять хаос. А в итоге позволил Мэлдисану и Эйдолону сбежать по моим следам.

Рейес так крепко сжал бутылку, что я боялась, он ее раздавит.

— Называть Узан тюрьмой — ошибка вселенских масштабов. Это рай, который создали твои предки для потерянных и дезориентированных душ. Но я видел и понимал только то, что меня заперли там против моей воли. — Рейес усмехнулся. — Нет, Датч. Я не заслуживаю ни тебя, ни Элвин.

— А может быть, ты уже тысячу раз искупил свои грехи.

— Каким образом?

— Люцифер. Дендоры. Эрл Уокер.

Глядя на бутылку, Рейес стал рассеянно царапать этикетку, а потом внезапно сменил тему:

— Мне оставить вас наедине?

— Он уже занят, — ответила я, примиряясь с тем, что так легко Рейес себя не простит. — Ош предназначен кое-кому очень и очень особенному.

— И кому же?

Да уж, вряд ли Рейес с радостью переварит такие новости. Без деликатности тут не обойтись. А можно сказать все, как есть, и смотреть, как меняется выражение лица моего мужа. От спокойствия, недоумения и ужаса до жгучей, убийственной ярости.

Я выбрала дверь номер два:

— Ему суждено быть с нашей дочерью.

Как я и думала, на лице Рейеса отразилось все: сначала спокойствие, затем недоумение, ужас и жгучая, убийственная ярость.

— Ну уж нет. — Он вскочил на ноги. — Даэва? Ты, на хрен, шутишь?!

Ну стопроцентный папа.

— Да, блин, даэва. И на твоём месте я бы не стала так бесцеремонно отметать его кандидатуру.

Рейес развернулся ко мне и нахмурился. Не на меня, а на все сразу.

— И что это значит?

Я задумчиво поджала губы.

— Ну, смотри. Я всю жизнь была ангелом смерти, а потом оказалась еще и богом из другого мира. Ты всю жизнь был сыном Сатаны, а потом раз — и ты уже бог из этого мира. Разве происходит такое на каждом шагу? У нас странная жизнь. Может быть, Ош тоже не так-то прост. — Я легонько провела пальцем по шраму на лице даэвы. — По-моему, в нем кроется гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Я вижу в нем величие, Рейес. Вижу невообразимую силу. Вижу, как он положит к ногам нашей дочери свою жизнь.

— Ладно. — Явно удовлетворенный моими словами, Рейес опять сел. — Ладно, если в итоге он распрощается с жизнью.

Я фыркнула.

— Это и есть один из твоих секретов? — спросил муж.

— Ага, прости. Я об этом вообще забыла. Кстати о птичках. Может, обсудим слона, которого мы якобы не замечаем?

— Давай, раз уж он и так без сознания.

— Я не об этом слоне.

— Мы уже поговорили о том, как ты отправила меня в тюрьму, а потом пыталась закрыть меня в адском измерении.

— Ничего такого я не делала, — огрызнулась я, а через мгновение остыла, поняв, что Рейес шутит. — Я о другом слоне. Похоже, у меня больше не осталось секретов. — Задумавшись, я сморщила нос. — Да, точно. Это был последний. По крайней мере из больших и важных. Только не спрашивай о том, как однажды в колледже я приняла одну штуку за искусственный глаз. Appetit на месяц отобьет.

— Ты справилась с богом, — проговорил Рейес, ни капельки не впечатленный упомянутым инцидентом с глазом.

Я попыталась порадоваться, что хоть одному из нас на глаз наплевать.

— Хочешь сказать, ты мной восхищен? Что ж, ладно. Такое иногда случается.

— Ты охрененно поразительная.

Моя грудь раздулась от гордости.

— Или чокнутая. Присяжные все еще совещаются.

О'кей, переживу.

— Не заговаривай мне зубы. Так просто ты не отделаешься. Какими бы ни были два твоих секрета, хуже моих они быть не могут.

— Почему мои секреты вдруг стали слонем? Я был вполне доволен жизнью, пока сидел тут, попивал пивасик...

— Ты сказал «пивасик»? — рассмеялась я.

— ... и наблюдал за тем, как моя жена пристаёт к девятнадцатилетнему парню.

— Ты как будто резко заговорил на иностранном языке.

— Нам придется восстановить парк, — ни с того ни с сего сказал Рейес крайне расстроенным тоном.

— Думаю, мы можем себе это позволить. И прекращай уже менять тему.

Он улыбнулся, и я почти попала на уловку, но все-таки заметила, что улыбка на мгновение померкла.

— Может, я тебе все расскажу завтра?

Я приподнялась на локте.

— Лучше сегодня.

Повисла долгая и гнетущая пауза, после чего Рейес снова уставился на свой «пивасик».

— Выражаясь твоими словами, у меня есть еще один дар. Я никогда на нем не заикливался, просто смирился с ним, и все. Правда, пару раз в жизни он пришелся весьма кстати.

— Серьезно?

Что ж, пока я не услышала ничего пугающего.

— Я... я знаю, отправится ли человек после смерти в ад. То есть если ему суждено туда загреметь, я вижу на нем метку. Таковую же, какую можешь поставить ты.

— Ничего себе! Это же круто! — ахнула я и добавила, накручивая на палец волосы Оша: — Наверное.

— Причем вижу с первого взгляда на человека. С первого взгляда понимаю, ждет ли его поездочка вниз. Совершил ли он тот поступок, который гарантирует ему билет в один конец, или еще нет. Более того, я вижу момент, когда это произойдет. То есть знаю практически с точностью до секунды, когда человек принял или примет решение, которое приговорит его отправиться в ад.

Я села и скрестила ноги.

— Хочешь сказать, мне суждено попасть в ад?

— Нет, любимая. Ты — судья. Тебе нельзя вынести приговор.

— А-а, ну да. Что ж, это хорошо, потому что иначе у меня могли бы быть большу-у-ущие проблемы. — Подумав несколько секунд, я спросила: — И кто же это может быть? Кого ждут вечные муки в геенне огненной?

Одной рукой Рейес потер глаза, и я не на шутку разволновалась. А когда заметила в его глазах подозрительную влагу, накрутила себя по самое не хочу.

— Рейес...

— Прежде чем я скажу, знай: мы уже над этим работаем. Разрабатываем план и... пытаемся предотвратить убийство этого человека.

Пришлось замедлить сердцебиение, чтобы нормально слышать. Потому что в ушах гудела кровь, а дышать стало тяжело и больно.

— Говори уже.

— Это твой дядя. Дядя Боб.

Я замерла, словно меня парализовало, и стала придумывать, как заново запустить сердце. Рано или поздно мне это точно понадобится.

— Когда он меня арестовал, я увидел, что ему суждено попасть в ад за поступок, который он совершит через девять лет после нашего знакомства. За поступок, который он совершил два года назад, когда я еще сидел в тюрьме.

В голове шумело. Слова не хотели укладываться по полочкам, как я ни старалась их поймать. Они просто просачивались сквозь пальцы. Точнее сквозь мозг.

— Когда я познакомился с Робертом, я его вспомнил. Вспомнил, что однажды в школе видел парня по имени Грант Герин. Он еще не совершил то, за что отправится в ад, но я все равно все увидел. Увидел, как он убьет детектива. Твоего дядю.

В этот момент в спальню вошел Гаррет и мигом почувствовал напряженную атмосферу.

— Я ей рассказал, — объяснил ему Рейесу.

Гаррет выругался себе под нос:

— Я думал, мы подождем, пока не поймаем гаденьша.

Рейес молча пожал плечами.

— Послушай, Чарльз. Мы его найдем. У Герина ни единого шанса. Мы его остановим. Мы уже сидим на хвосте у твоего дяди на случай, если Герин появится раньше. Но пока все путем.

— Разве его так сложно отыскать?

— Копы раздобыли запись, где он заключает сделку с наркотой. А когда явились его арестовать, он сбежал.

— И за одно только это он не отправится в ад?

— Попасть в ад не так просто, как можно подумать. Вся фишка в том, чтобы причинять зло другим людям. До убийства твоего дяди он не вредил никому, кроме самого себя.

— Почему вы до сих пор его не нашли? — запаниковала я.

— Найдем, — отозвался Гаррет. — Герин залег на дно, но рано или поздно всплывет.

— Когда? Сколько у нас осталось времени? Ты сказал, что знаешь точно, когда это произойдет.

Рейес стиснул зубы:

— У нас меньше недели.

— Почему именно дядя Боб? — Я слезла с кровати и принялась метаться из угла в угол. — Зачем Герину его убивать? Что вообще происходит?

— Твой дядя его найдет, чтобы арестовать.

— И?

Гаррет подошел ко мне:

— Не надо тебе знать подробности, Чарли.

— Еще как надо! Рейес?

— Когда твой дядя его найдет, Герин его подкараулит и ударит по голове.

— И дядя Боб от этого умрет?

— Да, — слишком быстро ответил Своупс.

— Что именно произойдет?

— Он не умрет, а потеряет сознание, — сказал Рейес. — Герин запаникует и... — Он закрыл глаза и отвернулся. — И прикончит Роберта с помощью кислоты и отбеливателя.

В глазах потемнело, и я покачулась. Гаррет меня подхватил, усадил обратно на кровать и ушел за водой.

Говорить я больше не могла. В воображении нарисовалась жуткая картинка, которая отпечаталась в сердце и мозгах.

И тут меня осенило:

— Где он его найдет? — Мой голос взлетел на октаву. — Где дядя Боб найдет этого парня? Срочно езжайте туда. Наверняка он уже там.

— У нас везде расставлены люди. Когда Герин объявится, мы об этом сразу узнаем.

— Значит, мы можем все это предотвратить, — кивнула я, потихоньку успокаиваясь. — Мы... Минуточку! — Я с отвисшей челюстью уставилась на Рейеса. — То есть мой дядя, Роберт Дэвидсон, замечательный детектив, прекрасный во всех смыслах человек и честный коп, должен попасть в ад за то, что сделал два года назад. Правда, что ли? И что такого он натворил?

— Датч...

— Рейес, даже не начинай. Говори как есть.

— Он кое-кого убил, — процедил Рейес сквозь стиснутые зубы.

— Намеренно? Два года назад? В смысле в той старой перестрелке? Тот случай тщательно расследовали. С дяди Боба сняли все обвинения. Его дважды подстрелили — он стрелял в ответ. Это была самозащита.

— Речь не о том случае.

В комнату вернулся Гаррет со стаканом воды, но на меня даже не взглянул. Рейес поерзал и сел поудобнее.

— То есть вы хотите сказать, что дядя Боб кого-то хладнокровно убил?

— Хладнокровнее некуда. И это было впечатляюще, честное слово. В то время я...

— Зачем ему кого-то хладнокровно убивать?

Явно не собираясь отвечать, Рейес опустил голову.

Я подошла ближе.

— Я могу тебя заставить.

Но он молчал. Ни возражений, ни объяснений.

Я шагнула еще ближе и решила дать мужу еще один шанс:

— Зачем?

— Тебе нужно знать лишь одно: у него имелась веская причина.

— Рейес, клянусь всем святым...

— Ради тебя, — еле слышно прошептал он.

— Чего? — ахнула я еще тише.

— Он сделал это ради тебя. Кое-кто выяснил, на что ты способна.

— Кто, блин?

— Наркодельцы из Колумбии, которые хотели выслужиться перед боссом. От одного из своих информаторов дядя Боб получил наводку, что тебя хотят похитить, увезти в Колумбию и преподнести наркобарону на блюдечке с голубой каемочкой.

Даже если бы Рейес двинул мне под дых, я не была бы настолько шокирована.

— Роберт узнал, где они скрываются. Повесить на них было нечего, а арестовать их означало бы чуть ли не прямым текстом рассказать о тебе другим членам группировки. Поэтому Роберт вломился в их логово, пристрелил одного за другим, а потом спалил весь дом.

— Быть того не может. Дядя Боб никогда бы так не поступил.

— Твой дядя знал этого наркобарона, Датч. Знал, на что он способен. Видел собственными глазами, когда служил в армии. Он знал: чтобы заткнуть их, придется убить каждого. Если бы слухи о тебе дошли до колумбийца, он сам открыл бы на тебя охоту. Тот наркобарон — коллекционер, помешанный на оккультизме. Он считает, что поедая плоть одаренных людей, он поглощает их души и наследует силы. В поисках дара ясновидения он уже убил несколько человек из деревень на своей территории.

— Наркобарон хотел меня съесть?

— Хотел бы, если бы знал о тебе. Держу пари, он счел бы тебя прекрасным дополнением к своей коллекции.

— Почему люди такие психи?! — разбушевалась я и принялась опять мерить шагами комнату. — У дяди Боба была офигеть какая веская причина.

— Ад, похоже, думает иначе. Не имеет значения, что он сделал это ради тебя, или что те люди были, мягко говоря, плохими. Он лишил жизни людей, в то время как были другие варианты. Это не была самозащита. Это было осознанное решение.

— Значит, даже если ты совершаешь плохой поступок из благих намерений, тебе автоматически резервируют номер в отеле «Адские муки»?

— Вообще-то, — вмешался Гаррет, — ты можешь нам помочь. Похоже, единственный, кто знает, где отсиживается Грант Герин, — это твой новый дружок Паркер. Герин был информатором Паркера и, по мнению некоторых, им и остался. Вот только Паркер держит язык за зубами.

— Он был копом?

— С этого началась его карьера.

— Да уж, Паркер точно любит играть по собственным правилам. — От мыслей голова просто раскалывалась. — Итак, сначала мы не дадим ходячему трупу убить дядю Боба. Потом я подумаю, что можно сделать с приговором на проживание в аду.

— Таков и был план, — улыбнулся Рейес.

— Ага, только я о нем не знала. — Намереваясь нанести Паркеру визит, я двинулась к выходу, но остановилась и повернулась к мужу. — Еще секреты есть, пока тема не закрыта?

— Не припомню.

— Рада это слышать.

Мне нужно было застать Паркера врасплох. А разве есть способ лучше, чем

нарисоваться на пороге его дома в три часа утра?

Я подошла к Рейесу и впиалась в него губами. На вкус он был как огонь с солью и лимоном.

— На ужин меня не жди.

Выйдя и закрыв за собой дверь, я услышала голос Гаррета:

— А на кой я гору жратвы приволок?!

Кто-нибудь, пожалуйста, продырявьте крышку моей баночки!

Надпись на футболке

Минут десять я колотила в дверь Паркера, пока он не соизволил открыть. Причем злющий, как никогда. Завязать халат он не потрудился, а синие боксеры мало что скрывали. Я-то думала, он и там блондин.

— Ник, — тихо позвала женщина из темной комнаты позади Паркера.

— Возвращайся в постель. Я приду, как только арестую миссис Дэвидсон.

— Вы спите в носках? — поинтересовалась я.

— Какого хрена, Дэвидсон?

— Хочу узнать, где носит вашего информатора. Гранта Герина.

— Мне-то почему знать?

— Ладненько. Поиграем в угадайку. Где, по-вашему, он может быть?

— У вас тридцать секунд, чтобы покинуть территорию моей частной собственности.

— Бросьте, Паркер! Я только что отмазала вашего приятеля от обвинения в убийстве и спасла вашу задницу от суда за препятствие правосудию и прочего дерьма, за которое вас мог прижать Джоплин. А он мог, и вы прекрасно это знаете.

— Я понятия не имею, где находится Герин, — заявил Шут-Ник.

Я разочарованно сдвинула губы в одну сторону:

— Стоит мне подумать, что вы благородный человек и все такое, как вы вытворяете очередную глупость. Почему, по-вашему, я так хорошо делаю свое дело?

Он раздраженно и устало пожал плечами.

— Я знаю, когда мне лгут. И мне надо знать, где сейчас Герин.

— То есть вы ходячий детектор лжи. Любопытно. Значит, вас принесло из-за ордера? Тот коп под прикрытием вляпался сильнее, чем вляпывается мой информатор за целую неделю. Даже если бы я знал, где он, вам бы точно не сказал.

— Послушайте, мы можем продолжать и дальше работать вместе, а можем закончить наши деловые отношения здесь и сейчас. Выбор за вами.

Для Паркера мои слова не значили ровным счетом ничего, и в тот момент до меня кое-что дошло. Он считал, что я убила собственного ребенка. Иначе как еще объяснить такую враждебность? В каком-то извращенном смысле Паркер действительно был благородным человеком. По-своему благородным. Он бы сел в тюрьму за друга, лишь бы сохранить хрупкий мировой баланс. И он бы ни за что не сказал копам, где Грант Герин, потому что в понимании Паркера это было несправедливо и незаконно.

Но вот в чем загвоздка: мне было наплевать на взгляды Ника Паркера. Герин собирался убить моего дядю. Хорошего во всех смыслах человека. И Паркер знал, где отсиживается этот ублюдок. Что ж, может быть, придется приложить немного усилий.

Я прошла мимо Паркера прямо в его не такой уж скромный домишко.

— Клянусь, я организую вам арест, — пригрозил Шут-Ник.

— Я уже это слышала. Продолжай в том же духе, Паркер.

Может быть, стоило бы рассказать ему правду. Вот только, узнав, что мной собирался оттрапезничать колумбийский наркобарон, я решила пересмотреть количество людей, которых можно принять в наш маленький дружный кружок.

— Короче говоря, я дам тебе выбор. Или рассказывай, где Герин, или я иду к Джоплину и выкладываю ему, как все было на самом деле.

Знаю, это удар ниже пояса, но я была готова рискнуть обзавестись еще одним пятном на своей репутации.

Как бы то ни было, Паркер взбесился. Что ж, у чувака явно проблемы с головой.

Встав со мной нос к носу, он ткнул меня в грудь указательным пальцем:

— Да как ты смеешь, сучка, угрожать мне в моем собственном доме?! Думаешь, я ничего о тебе не знаю? Думаешь, я не смогу припереть к стенке тебя и твоего дражайшего дядюшку?

— А мой дядюшка тут при чем?

— Как-то слишком складно все складывается на вашей с ним шахматной доске, Дэвидсон. Складнее просто некуда.

Надо же, да он спец по части метафор.

— Как только на сцену выходишь ты, вы с ним находите всякое дикое дерьмо, как по волшебству. Анонимные наводки? Как же! Ты — самый грязный и некомпетентный частный сыщик из всех, что я видел! У тебя ни грамма профессиональной этики!

— Это точно. И, раз уж мы завели разговор об этике, я знаю о файле, который ты на меня собрал.

Паркер побледнел.

— Я прижму твою задницу, даже если это будет последним, что я сделаю в жизни. У тебя было нечто настолько... настолько... — Его голос сорвался, и я отступила, чтобы хорошенько рассмотреть Паркера. — Мы с женой тщетно пытаемся уже пять лет, а ты просто взяла и выбросила...

— Паркер... — начала я, утопая в сочувствии.

И все-таки он называл меня сучкой.

— Я знаю, что детектив Дэвидсон с тобой заодно. Знаю, что он был с тобой, когда родился ребенок.

— Вообще-то, он был надо мной, — поправила я, вспоминая обеспокоенное лицо дяди Боба, глядящего на меня сверху колодца.

— То есть ты это признаешь. Признаешь, что родила ребенка, а потом... что? Нечаянно его убила? Продала? Отдала первому встречному? Что?!

Неужели он настолько благороден, что собирается отыметь меня (без сексуального подтекста) даже после всего того, что я сделала для Лайла Фиске? Неужели откажется от «дружбы», или точнее от надежды на прибыльное (в судебном смысле) сотрудничество только из-за убежденности в том, что я преступила закон? Неужели он из тех, кто сдаст собственного друга за наркотики, вместо того чтобы прикрыть его спину?

— Ты меня не знаешь, поэтому дай-ка я тебе кое-что объясню, — добавил Паркер. — Я не из тех, кто будет покрывать собственного лучшего друга за наркоту.

Обалдеть! Не в бровь, а в глаз. Что ж, Ник Паркер начинал мне нравиться.

— Если ты думаешь, что я откажусь от дальнейшего расследования только потому, что мы вместе раскрыли это дело...

— Вместе?

— ... то сильно ошибаешься. Я выясню, что ты сделала с ребенком, даже если это будет последним, что я сделаю в жизни.

Вот блин. Зря он это сказал.

— Не беси меня, Паркер, — процедила я.

— Я тебя бешу? Вот и хорошо. Надеюсь, что ты и твой продажный дядя...

— Продажный?

— Получите по заслугам.

— Продажный? — повторила я.

— Теперь, когда ты мне сама созналась, что родила ребенка, и не можешь предоставить ни свидетельства о рождении, ни документов об усыновлении... — Паркер не договорил и самодовольно улыбнулся.

— То есть все из-за этого? — спросила я, чуть ли не жалея его. — Поэтому ты так основательно за меня взялся?

— Вообще нет. Я слежу за тобой уже почти два года. Слишком у тебя все...

— Складненько, я поняла.

— Что теперь скажешь? Не желаешь сознаться во всех грехах прямо здесь и сейчас? Я даже официальный бланк могу принести.

Раскусить Паркера было непросто. Он оказался более сложным, чем большинство людей. Нам бы в команде не помешали такие, как он. Но, даже если я расскажу ему правду, даже если сотворю какое-нибудь сверхъестественное чудо в качестве доказательства, ему будет наплевать. И при этом он готов нарушить закон ради друга. Да уж, крепкий мне попался орешек.

— Последний шанс, Паркер. Где Грант Герин?

— Поцелуй меня в зад.

Я замедлила время и подумала о том, что собираюсь сделать. Правда, думала я недолго, потому что приняла решение в ту самую минуту, когда он сказал, что найдет Пип во что бы то ни стало. Эти слова определили его судьбу.

Приподнявшись на цыпочки, я легко коснулась его губ своими и отпустила время. Истина вливалась Паркеру в мозги огромным потоком, как галлюцинации от хренового ЛСД. Я транслировала прямо ему в голову образы и воспоминания. Все, что со мной происходило. Все, что я знала. Хорошее и плохое. Сверхъестественное и человеческое. И Паркеру пришлось принять это одной сокрушительной лавиной.

Он видел, как зарождаются звезды, выстраиваются в космосе планеты, взрываются сверхновые и умирают красные гиганты. Видел падение Люцифера и создание Ноева ковчега. Видел войны и голод, мир и изобилие. Паркер увидел сверхъестественный мир во всей его красе. А еще он увидел Пип. Увидел, как она родилась. Как ее чуть не убили. Как ради спасения дочери нам пришлось ее отдать. Увидел, что этот кошмар сделал со мной. И что я сделаю с ним, если он хотя бы помыслит о том, чтобы продолжить свое расследование.

— Боже мой! — выдохнул Паркер и рухнул на колени. Из уголка его рта стекала слюна.

Переваривать увиденное ему придется еще очень долго.

Вдруг Паркер сложил под подбородком руки и склонил передо мной голову. Мне еще никогда не поклонялись. По крайней мере с тех пор, как я стала человеком. И мне абсолютно это не понравилось.

— Я никогда не стану ее искать. Прости меня, прости... Я избавлюсь от всего, что успел узнать. — И ни с того ни с сего Паркер разрыдался прямо в ковер.

Я склонилась над ним и подняла его лицо за подбородок.

— Грант Герин.

Ника так трясло, что он едва сумел выдать:

— Он за баром Маккоя на Жирар. — Я уже отвернулась к выходу, но Ник меня остановил: — Дэвидсон, я... я и представить не мог...

— Как и все остальные.

Он закрыл глаза и спрятал лицо в ладонях.

— Я понятия не имел...

Я подошла к нему и присела рядом.

— Теперь ты сможешь зачать ребенка. Похоже, у моих прикосновений есть какой-то побочный эффект.

Когда Паркер снова посмотрел на меня, в его глазах плескалась такая благодарность, что мое сердце смягчилось, как я ни старалась превратить его в камень.

— Пожалуйста.

Я вышла на улицу, закрыла за собой дверь и повернулась к сверхъестественному созданию, которое скрывалось во тьме. Стих стрекот сверчков. В листве перестал шелестеть ветер. Я выпрямилась и стиснула зубы, с трудом веря, что Михаил решил почтить меня очередным визитом. Да еще и в такое время.

Он вышел из тени, и его присутствие казалось таким подавляющим, что у меня на затылке зашевелились волосы. За спиной архангела сложились огромные крылья, а я повернула руку ладонью к земле, готовясь, если придется, призвать Артемиду.

Когда Михаил заговорил, его голос оказался глубоким, гладким и чистым:

— Тебе не остановить того, что уже приведено в действие.

Даже в темноте его глаза блестели, как отражающееся на поверхности бассейна солнце. Они реагировали на малейшие изменения света точно так же, как глаза Рейеса, которые мерцают даже тогда, когда никакого света практически нет.

— Ты о смерти моего дяди?

На Михаиле было длинное черное пальто. Полы прошелестели по земле, когда архангел шагнул ближе.

— Помогать людям, которых создал Отец, — это одно, но ты собираешься изменить их историю. Отец дал слово. Ты, вэл-итх, уже огорчила небеса. Если ты попытаешься помешать...

Я помогаю людям каждый день. Да блин! Я так на жизнь зарабатываю! И теперь вдруг в раю недовольны?

Досада Михаила меня изумила, и я тихо рассмеялась:

— «Попытаться» — значит, необязательно достичь успеха. — Я смерила его взглядом с ног до головы и добавила: — А я облажаться не планирую.

Я уже отвернулась уходить, как вдруг Михаил оказался рядом и схватил меня за предплечье. Не для того, чтобы причинить боль, а чтобы обозначить свои намерения.

— За тобой придут.

В нем не было ни злорадства, ни презрения. Я не ощутила от него ни ярости, ни отвращения. Наоборот, если бы мне пришлось дать название эмоциям, которые бурлили под огромными крыльями, я бы сказала, что они очень похожи на восхищение.

— Пусть приходят, — ответила я, с вызовом задрав нос.

— Ты не понимаешь, вэл-итх. — Михаил опустил голову. Он был поразительно

красивым, как, наверное, и большинство ангелов. — Он сам за тобой придет. В конце концов, это Его мир.

Его мир, значит. Да он сам меня сюда привел. Практически шантажом вынудил стать жнецом в этом измерении. И, чтобы спасти Рейеса от вечности в аду, я согласилась. А теперь он смеет мне указывать, что делать в этом мире, а чего не делать?

Я подалась к Михаилу, пока между нами не остались считанные сантиметры. С трудом поборол эйфорию от того, что нахожусь так близко к ангелу, которого создал Иегова. И покачала головой, подумав о том, в чьем мире нахожусь. Михаил сказал, что это мир Иеговы?

— Больше не его, — сказала я, выдернула руку из цепких пальцев и отправилась к тому, над кем нависла смерть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

(Хинди — ■■■■■■■■, rahasyamaya) — таинственный, загадочный.

Народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии. Самоназвание — шаркхомбо.

Американская хард-рок-группа, образованная в маленьком городке округа Йорк (штат Пенсильвания).

Американский публицист, с 1983 по 2005 гг — популярный ведущий юмористической колонки во флоридской газете «Майами Геральд».

Речь о песне «Dust in the Wind» (англ. «Пыль на ветру») группы «Kansas».

(Англ.) Луна, спутник планеты.

Средство для стимуляции роста волос.

Неформальное обозначение группы дизайнерских наркотиков. Кроме прочих характерных эффектов, могут вызывать повышение агрессии, увеличивать физическую силу и чувство голода, что приводит к случаям каннибализма.

Блюдо мексиканской кухни. Фаршированный мясом и сыром (иногда с добавлением изюма и орешков) острый перец, запеченный в оригинальном кляре.

Сопапиля — пропитанный в масле и обжаренный в масле хлеб.

Американское интернет-издание (с 9 мая 2005 г.).

Фредерико «Фредо» Корлеоне — вымышленный персонаж романа Марио Пьюзо «Крестный отец» и его адаптаций. Средний сын Вито Корлеоне, главы мафиозной семьи Корлеоне. Убит выстрелом в спину по приказу младшего брата, Майкла.

Вымышленный персонаж «Звездных войн», огромный слизнеподобный инопланетянин.

Жесткий чехол для ручек и инструментов, защищающий ткань кармана от загрязнения.

(Фр.) Милая, дорогая.

(Исп.) Красавица.

Названия цифровых и кабельных каналов, которые транслируются в штате Нью-Мексико (США).

Американская писательница.

(Лат.) *Medulla oblongata* — продолговатый мозг.

Американский теле- и радиоведущий, юморист, автор книг. Обрел популярность благодаря скандальному поведению.

(Исп.) Того — бык.

Культовый итальянский мотороллер.

«Рокетбастер» (англ. Rocketbuster) — производитель ботинок/сапог ручной работы в этническом стиле (Эль-Пасо, Техас). Концепция фирмы — индивидуальность и неповторяемость моделей.

Американский актер.

(Исп.) Придурок, дурак; чувак.

(Исп.) Милая, дорогая.

(Исп.) Дедушка.

(Исп.) Ох, девочка моя!

(Исп.) Капитан; главарь; босс.

Американский эстрадный комик, писатель и киноактер, лауреат премии «Оскар».

(Англ. Highway to Hell) — песня и одноименный студийный альбом (1979) австралийской рок-группы AC/DC.

(Англ. Stairway to Heaven) — песня (1970–1971) британской рок-группы Led Zeppelin.